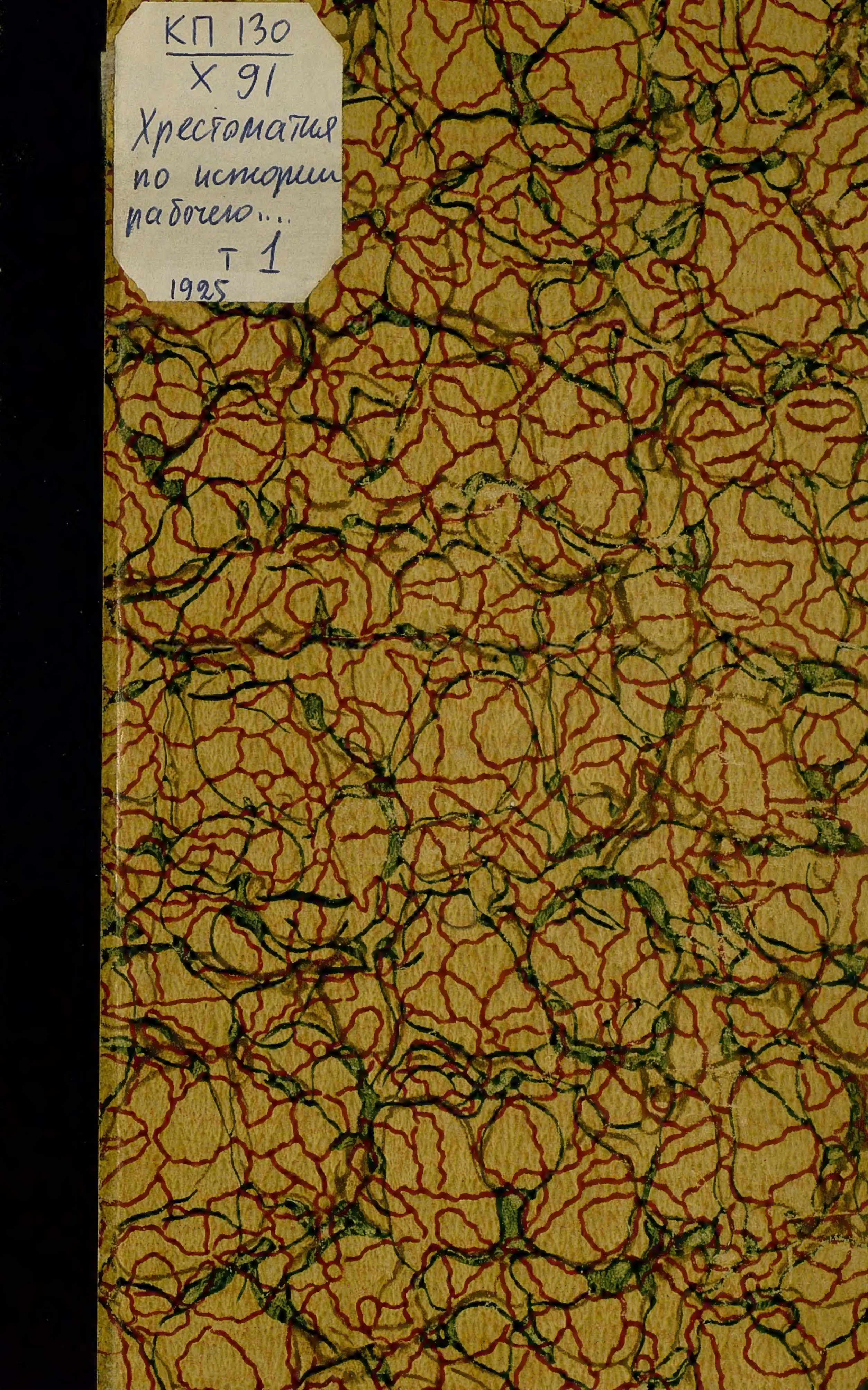
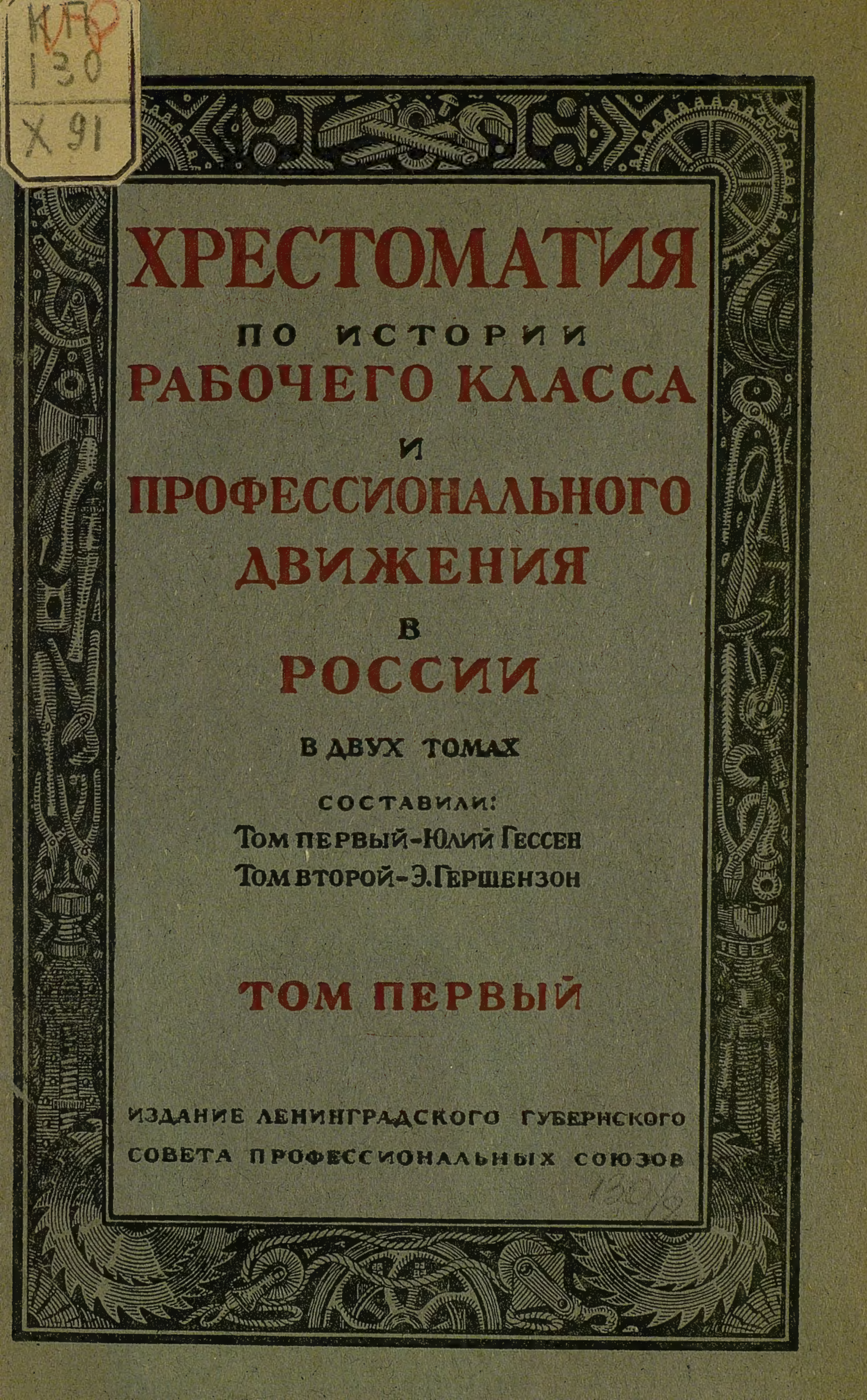

КП 130
Х 91
Хрестоматия
по истории
рабочего...
т 1
1925



ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ИСТОРИИ
РАБОЧЕГО КЛАССА
И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ
В
РОССИИ

В ДВУХ ТОМАХ

СОСТАВИЛИ:
Том первый — Юлий Гессен
Том второй — Э. Гершензон

ТОМ ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГУБЕРНСКОГО
СОВЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

ХРЕСТОМАТИЯ

ПО ИСТОРИИ

РАБОЧЕГО КЛАССА

И

ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО

ДВИЖЕНИЯ

В

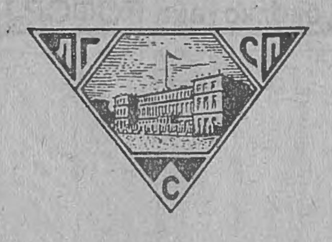
РОССИИ

в 2-х томах

СОСТАВИЛИ:

Том первый Юлий Гессен

Том второй Э. Гершензон

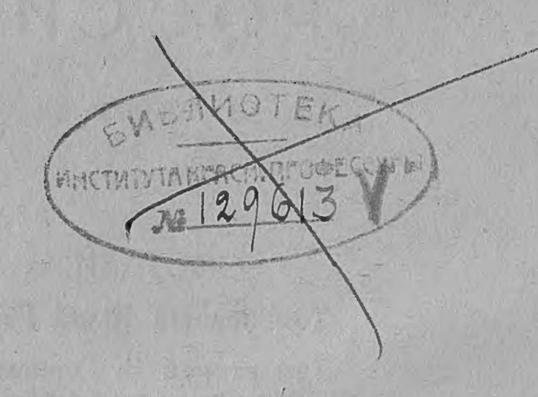


ИЗДАНИЕ

Ленинградского Губернского Совета

Профессиональных Союзов

1925


БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 129613

ТОМ ПЕРВЫЙ.

Промышленное развитие России и рабочий класс.

От зарождения крупной промышленности до 80-х годов 19 века.

Зарождение крупной промышленности.

1. Начатки фабрично-заводского производства.

Царская мануфактура и иностранные предприниматели.

...В начале 17 века промышленное производство в Московском государстве носило, как и торговля, ремесленный характер. Впервые характер крупного коммерческого предприятия приняла царская торговля. Царские же, дворцовые промышленные заведения были в числе первых образчиков крупной индустрии в России. За царем, в деле создания торгового капитализма в Московском государстве, шли иностранцы: они же являются и первыми у нас, кроме царя, заводчиками и фабрикантами. При чем, как и иностранные купцы, иноземные промышленные предприниматели действовали постоянно под покровительством царской власти и в тесном союзе с нею. На двух образчиках мы можем очень хорошо видеть, как развивались царские мануфактуры из отраслей дворцового хозяйства.

В подмосковном дворцовом селе Измайлове с давних пор существовало стеклянное производство для домашних дворцовых нужд. По мере разрастания царского двора и стеклянной посуды нужно было больше—в 1668 году в Измайлове мы находим уже стеклянный завод с русскими мастерами. Но и придворные вкусы делались тоньше, грубое стеклянное литье своих мастеров уже не удовлетворяло: всего два года спустя на завод были выписаны венецианцы, один из которых, некто Mignot (в русских документах Миот или Мает), оказался особенно заслуживающим своей репутации, и работа измайловского завода даже иностранцами признавалась «довольно изящной». По прежнему завод обслуживал и дворцовые надобности: в расходных книгах измайловского дворца за 1677 г. значится, например, что царице Наталье Кирилловне 14 июня было подано 25 стаканов высоких, да 25 плоских и разная другая стеклянная посуда. Но в то же самое время мы находим в Москве на Большом Гостином дворе «шалаш», а «в нем государских продажных сосудов» столько-то. Иностранцы же рассказывают об измайловском стеклянном заводе просто, как о мануфактуре, принадлежащей царю, рядом с другой такой же мануфактурой, принадлежащей некоему Коэту или Коже (Kojet), получившему в 1634 г. от царя привилегию на 15 лет. Разница была лишь в том, что завод Коэта производил только грубое

стекло, оконное и бутылочное.... Сбыт коэтовского завода был довольно крупный, бутылок продавалось ежегодно от 80 до 90 тысяч штук. Что царская мануфактура тоже шла успешно, доказывается появлением филиального отделения измайловского завода, в селе Воскресенском, Черноголовской волости.

Совершенно аналогичную картину дает нам развитие железоделательного, в частности, оружейного производства. Царские оружейники, при Оружейной палате в Москве, существовали издавна. Они продолжали работать и при царе Алексее — в 1673 году ими был изготовлен целый ряд образчиков так называемого «роскошного» оружия (Prunkwaffen), от пушек до луков и колчанов включительно. По словам Кильбургера [1]), московские оружейники того времени только этим и славились, и образчики их мастерства в этом роде попадали даже за границу. Настоящее же, деловое, так сказать, оружие, наоборот, выписывалось из-за границы, так как наши мастера больше заботились о тонкостях внешней отделки, об изяществе золотой насечки и т. д., нежели о том, чтобы из ружей и пистолетов можно было стрелять. Возможно, что так это было и на самом деле, хотя нельзя не отметить любопытную подробность: в числе изготовленных для царя в 1673 году образчиков было довольно много оружия *нарезного,* т. е. того типа, которому в XIX веке суждено было сделаться универсальным и который всегда предпочитался по меткости и силе боя и не входил в общее употребление только из-за трудности заряжания. Как бы то ни было, оружия и вообще железного товара не хватало уже давно — и так как спрос на него рос быстро, то параллельно с расширением размеров дворцового производства были выдвинуты привилегированные частные предприниматели, из иностранцев. В 1632 году голландец Виниус получил царскую привилегию на устройство железоделательного завода с обеспечением ему казенных заказов на пушки, ядра и другие железные изделия — и с правом вывозить остаток за границу; это было, таким образом, форменное соглашение заграничного предпринимателя с русским правительством. Виниус разорился, но это не было крушением самого предприятия: оно перешло только в другие руки. Новый хозяин, датчанин Марселис, еще владел заводом «как полной наследственной собственностью» (erblich und eigen), когда писал Кильбургер; он только что стал тогда единоличным собственником, выкупив ¾ предприятия у своего зятя Томаса Келлермана; за эти ¾ Марселис заплатил 20.000 рублей (300.000 золотом),— значит все предприятие ценилось в 400.000 наших рублей. Движущей силой была водяная (Виниус и хлопотал о разрешении построить «мельничные заводы»), и вокруг завода, помещавшегося между Серпуховым и Тулою, были, как до днесь около Уральских заводов, огромные пруды. Руда была очень хорошая и добывалась настолько легко, что не давали себе труда выкачивать воду из шахт, а просто, когда много набиралось воды, начинали копать в другом месте.

---

[1]) Иоганн Кильбургер, состоя в числе членов шведского посольства (1674 г.), написал на немецком языке „Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России“.

С нашим обычным представлением о первых русских заводах, как обслуживавших исключительно «государственные» потребности, нам кажется, что там должны были делать исключительно пушки, ружья, ядра, сабли, панцыри и т. д. Но современник, специально интересовавшийся русской промышленностью, уверяет, что марселивские пушки были очень плохи, хотя их пытались вывозить даже за границу, в Голландию (мы помним, что это было предусмотрено контрактом); на опытах они все полопались. Это сообщение подтверждается и жалобами московского правительства на своего контрагента: по словам московских дипломатов, обличавших иностранных предпринимателей перед голландскими штатами в разных недочетах, тульский завод ставил в казну пушки «многим немецкого дела хуже». Что касается ручного оружия, то и у Марселиса, как в царской оружейной палате, делали только «роскошное», а деловое по прежнему выписывалось из Голландии, где московское правительство заказывало по 20—30 тысяч мушкетных стволов. Еще петровская пехота была вооружена в 1700 году льежскими и мастрихтскими ружьями. Сабельных клинков «делали (в 1673 году) немного и они совсем плохи». А относительно панцырей мы узнаем пикантную подробность из тяжбы между заводчиками: Виниусом, с одной стороны, Марселисом и Акемой — с другой: первый обвинял, между прочим, последних, что у них на заводах лат вовсе не делают (вопреки контракту о поставке оружия), а те на это отвечали, что они держали латного мастера несколько лет, «но так как от царского величества ему работы никакой не было, то его и отпустили назад за границу». Надо прибавить, что на заводе второго из ответчиков, Акемы, оружия и вовсе не делали—это был совсем «штатский» завод.

Чем же занимались эти заводы, основанные, как нас уверяли, исключительно для удовлетворения «государственных» потребностей? А тем же, чем и современные нам фабрики: обслуживали внутренний рынок.

Завод Марселиса изготовлял полосовое и кровельное железо, железные двери и ставни, литые чугунные плиты для порогов и тому подобные вещи, находившие себе все больший и больший сбыт, благодаря все большему и большему распространению каменной стройки. Завод Акемы изготовлял, кроме того, судовые якоря — косвенное указание на то, как широко распространено было речное судоходство, особенно же славился своим полосовым железом, «прекрасным, гибким и упругим, так что каждую полосу легко было согнуть в круг».

Царский железный завод, стоявший около Клина, изготовлял совершенно такого же рода товары. В 1677 г. царского железа записано на приход, с остатком от предыдущего года, 1.664 пуда связного (т. е. железных связей для каменных построек), 633 пуда полосового, 3 бочки «белого» железа, 2.480 гвоздей прибойных, 40.100 гвоздей двоетесных и т. д. Восемь лет спустя связного железа в запасе было 1.901 пуд., полосового 1.447 пуд. 35 фунтов.

У нас нет данных, по которым можно было бы определить, предназначались ли эти «запасы», как стеклянные, и на продажу или исключительно

для дворцовых надобностей. Можно только заметить, что если царский завод производил, между прочим, и гвозди, то это явно указывает на не вполне коммерческий характер предприятия, так как фабричные гвозди в то время не могли конкурировать с кустарными, которые хотя и были очень плохи, но зато дешевы вне всякого сравнения. О том же плохом коммерческом расчете свидетельствует и местоположение царского завода, поблизости которого имелась только плохая болотная руда. Но, плохой предприниматель, дворцовое ведомство не преследовало в этой области иных целей, чем другие, — мотивы, руководившие ими, были чисто экономические и отнюдь не политические.

Отчасти его предприятия развивались, как мы видели, на почве огромного вотчинного хозяйства: его отдельные отрасли были так громадны, что не трудно было придать им характер крупной индустрии. Но бывали случаи, где царь выступал предпринимателем в чистом виде — без всякого отношения к дворцовому хозяйству. Коллинс [1]) рассказывает об огромной канатной мануфактуре, устроенной царем Алексеем для того, чтобы дать заработок нищим, которые были туда собраны, будто бы «со всей империи»,—при чем, работая в царском предприятии, нищие окупали все свое содержание, так что царю оно ничего не стоило. Ободренный этим опытом, который так живо напоминает заботы Михаила Федоровича о народной трезвости, царь Алексей стал «каждый день устраивать все новые и новые мануфактуры» с работниками такого же типа, которым их скудная плата выдавалась, притом, натурой—тогда как деньги, «которые доставляют ему (царю) кабаки, таким путем сберегались».

Рабочие руки. К числу обычных предрассудков относительно допетровской и петровской промышленности принадлежит и мнение, что такой способ обеспечивать предприятие рабочими руками был господствующим. На этом основании историк русской фабрики отказал этой промышленности в названии «капиталистической» [2]): для капиталистического производства «не хватало в России самого главного—класса свободных рабочих». Были ли у нас свободные рабочие в XVII—XVIII в.в. вообще и на тогдашних фабриках в частности? На винокуренном заводе Посошкова, недалеко от Боровичей, Новгородской губернии, работали «наемники», без которых, по словам племянника Посошкова, управлявшего заводом, никак нельзя было управить заводской работы. Из письма того же племянника видно, кроме того, что и крестьяне самого Посошкова ходили на работу в отход: двое из них «денег рублев с полдесятка принесли». На железных заводах не только мастера немцы, но и подмастерья, и носильщики, уже без всякого сомнения, русские, получали денежную плату. В контракте с Марселисом прямо было оговорено: нанимать всяких людей по доброте, а не в неволю. Крепостные крестьяне, приписанные к заводам,

[1]) Англичанин Самуэль Коллинс в 1659—67 г.г. состоял врачем при Алексее Михайловиче.

[2]) См. ниже, стр. 34.

исполняли больше подсобную работу, но и то не даром, не совсем, как барщину: крестьяне, доставлявшие золу на стеклянные заводы, получали по 12 коп. с тонны.

М. Покровский, Русская история, т. 2 (Москва, 1922 г.), стр. 239—243.

2. На заре горного производства.

I.

Старейшие заводы.

Некоторые из писателей полагают, что рудокопство в Российском государстве сперва началось в Сибири, да не прежде как только около 1628 г., когда железные руды были открыты в нынешней Пермской губернии в Туринском уезде... Первое о сем об'явление учинил татарин в городе Туринске; после того туда послали из Тобольска сына боярского Ивана Шульгина, который, осмотрев местоположение, привез с собою пробы руд. Немедленно сделали приуготовление для построения завода под именем Ныцинского, и в 1631 году началась действительная плавка. В 1637 г. завод сгорел; однако ж снова был построен. Но вскоре после сего чаятельно опять пришел в упадок...

Около того же почти времени нашли железную руду в окружности реки Яйвы и на земле господ Строгановых, где был заложен рудник по имени Кушгурской. Он был долго в действии еще при царе Алексее Михайловиче и обрабатывался коштом боярина Дейя Андреева Свитейщикова, с которым в сообществе был иностранец, об имени коего, однако, не упоминается. Руды тогда плавились на Пыскорском заводе, лежащем при реке Каме, ниже Соликамска. Но для чего сказанной железный рудник остановлен, тому я не нашел никаких причин.

Напоследок открыт был Григорьевский медный рудник, при горе того же имени, близ нынешнего Пыскорского завода, в 28 верстах от Соликамска; однакож неизвестно, в котором году, каким образом и от кого; только то знают, что для разработывания оного боярин Свитейщиков был отправлен, который с 15 иностранцами завел при Пыскорском монастыре, на речке Камгорке, завод и производил плавку меди. Пеший работник (каковые люди тогда были вольнонаемные) получал ежедневно 6, а конный 12 копеек. Сколь велико было производство, неизвестно. Упоминается, что завод некоторое время содержался на казенном иждивении; но когда надсматривание имеющего иностранца (коего имя также неизвестно) отозвали в Москву, то отдан он был некоему Тумашеву. Но сей после уже двух лет оставил завод без действия, и хотя впоследствии другой иностранец принял оной под свое смотрение, но завод опять пришел в упадок, поелику он скоро умер; а прочие горные и заводские люди отозваны были в 1656 году для осаждения города Риги [1])...

[1]) Действие завода было возобновлено лишь в 1724 г.

Около сего времени, именно в 1639 и 1656 годах, положено в Подмосковных губерниях первое основание отчасти и ныне еще существующим железным заводам иностранными купцами и заводосодержателями Петром Марселиусом и Филимоном Акемом, по силе данных им жалованных грамот от царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Они заводили в Тульской губернии, в уездах Тульском, Каширском и Малоярославецком, заводы Тульской, Каширской, Паратовской и Уготской. О построении сих заводов пишет Гавен следующее: не с большим за сто лет, говорит он, при царе Алексее Михайловиче, первый порядочный рудник учрежден в России в 90 верстах от Москвы, где он еще и по ныне в действии находится; ибо тогда двое иностранцев ради торговли прибыли в Москву, один Датчанин по имени Марселиус, а другой Голланец, назвавшийся Акемой (в российских сочинениях именуется он Филимоном Акемом). Когда же они на том месте, где ныне лежат заводы, сыскали руду, то старались испросить у царя позволения построить завод, что они немедленно и получили.

Во время пребывания в 1698 году у короля польского в Саксонии, император Петр I внимательно осматривал горные заводы... и просил короля снабдить его искусными людьми, кои бы, отправясь в его государство, отыскивали там руды и заводили рудники и заводы. Король согласился на прошение царя и повелел главному Горному начальству приискать некоторое число горных служителей, которые бы добровольно желание имели ехать в Россию, куда в 1690 году отправились Бергмейстер Ейдермен и рудопробирщик Блиэр или Блигер, с 12 горными работниками...

В России, говорит Кильбургер, а именно около Москвы, находятся ныне (в 1674 г.) три железных завода: 1) В Туле, Петру Марселиусу принадлежащий. Сей имеет три плавильные печи и десять молотов с двойными горнами. Здесь делают полосовое железо, пушки (самые большие в 18 шиф-фунтов), листы, клинки для саблей, железные котлы, якори. 2) Продева, 20 верст от Москвы, Тильману (Филимону?) Акеме принадлежащий, с двумя полдоменными печами и четырьмя молотами, где приготовляется лучшее железо, нежели на первом. 3) Павловска, принадлежит казне и отстоит на 52 версты от Москвы, с одною полдоменною печью и двумя молотами. Они получают в одной плавке (одним выпуском) 100 пуд. чугуна и на каждом горне ежедневно по 25 пуд. полосового железа. Тяжесть молота простирается от 18 до 21 пуда. Мастер получает задельную плату с пуда по 3, подмастерье по 2, а работник или носящий уголь ½ копейки... Но и крестьяне в разных местах делают здесь железо и сталь, помощью небольших ручных мехов.

Из книги Германа—Историческое начертание горного производства в Российской империи, ч. I (Екатеринбург, 1810 г.), стр. 1—7.

II.

Условия труда.

Отдача крестьян к горным заводам, сколько по делам видно, началась, как вышесказано, с построением первых в Московской губернии, в Тульском, Каширском и Малоярславецком уездах, Истинского, Угоцкого и Поратовского иноземцами Марселиусом и Филимоном Акемою заводов около 1656 г., к которым отданы для работ Соломенская и Вышегородская волости, но, как видно, что от тех крестьян произошло непослушание, а от заводчиков на них жалобы, то в 1663 году по указу государя царя Алексея Михайловича велено тем крестьянам на заводах работать по наряду стольника Афанасия фон Визина, который состоял в следующем: дров сечь на угольное сжение всем вообще по 1000 сажень, мерою сажень 3 аршина и 6 вершков, на заводах работать, дрова, руду и уголье и к заводскому делу всякий лес возить и всякое изделье делать зимою всем с лошадьми, а весною, летом и осенью половине с лошадьми, а другой пешим противу прежнего по 48 человек переменяяся по одной или по две недели.

В 1683 году подтверждены те же самые работы, а более налагать на них запрещено, а за тех крестьян заводчикам велено платить в казну за все то, что с них сбиралося по окладу стрелецких, ямских и полоняничных денег и всяких дворцовых доходов железом, считая пуд по 45 коп....

Из записки В. Крамаренкова (составленной около 1776 года) по истории горного дела в России („Архив истории труда в России", кн. I, ч. II, стр. 96).

3. Из истории насаждения суконных фабрик в 17 веке.

В Московской Руси, несмотря на ввоз иностранного сукна для более богатых слоев населения, местные ремесленники-суконоделы работали на круг местного потребителя из среды менее зажиточных слоев городского и сельского населения... В течение всей второй половины 16 в. и в первой половине 17 в. сукно привозится из-за границы сначала ганзейцами, потом англичанами, наконец, голландцами. Последние, вытесняя своих коммерческих конкурентов с московского рынка, пробуют во второй половине 17 в. организовать местное суконное производство.

...Уже в царствование Алексея Михайловича одним из крупных голландских купцов Иоганном Фан-Сведеном была сделана попытка основать суконную фабрику... В 1668 году от него поступает в Посольский Приказ челобитье о разрешении взять на оброк Иванковскую волость для заведения на ней суконных заводов, мотивируемое тем, что он «вывез де из-за моря многих суконных мастеров и живут они на Москве без работы». И «дворцовая Иванковская волость отдана иноземцу Ивану Фонсведину для суконных заводов, а доходы всякие вместо той Иванковской волости крестьян и бобылей велено ему, Ивану, платить погодно по окладу сполна на те ж сроки,

как платили крестьяне и бобыли». Но вся эта поспешная предпринимательская затея рано оборвалась: в 1669 году Фан-Сведен умер, и хотя жена его продолжала владеть всеми угодьями до 1675 г., промышленные предприятия в Иванковской волости так и не развили никакой интенсивной производственной деятельности, угаснув в самом начале...

Вдова Сведена, не внося в казну никаких платежей по окладу, пользовалась даровым трудом крестьян. В конце концов крестьяне били челом, прося их волость снова отдать в приказ Большого Дворца, чтобы им врознь не разбрестись: «Иван Фан-Сведен и жена его вдова Марья по вся годы имали на них сполна да сверх тех доходов они ж крестьяне на нее иноземку пашут пашню и сено косят и леса расчищают и дрова к Москве возят и всякие изделия делают. Да она же иноземка сверх прежних доходов емлет с них себе рожь и овес и вина. На нее курят и пива варят и от тех всех налог оне крестьяне в конец разорились». И царским указом 30 ноября 1674 г. Иванковская волость с крестьянами и со всеми угодьями была снова возвращена в Приказ Большого Дворца...

В 1683 г. голландский купец Илья Тауберт бил челом разрешить ему устроить суконный завод, «чтобы вел. государь меня пожаловали суконные заводы в Московском государстве заводити и для того суконного дела по мастеров, снастей, которые надобны к тому суконному делу, послать за море брата своего родного Матвея». При исходатайствовании проезжей грамоты своему брату Илья Тауберт просит дать такую, «какова дана была иноземцу мастеру бархатного дела Захарию Паулсу» [1]...

В приказных кругах отнеслись с большим вниманием к новой попытке организовать суконное производство. Уже 27 февраля 1683 г. Илье Тауберту была вручена опасная проезжая грамота для его брата. В ней делаются самые заманчивые обещания иностранным мастерам, которые пожелали бы с Матвеем Таубертом отправиться в Москву, им гарантируется всяческое «пожалование и призрение», а также и беспрепятственное возвращение на родину со всеми своими семействами и имуществом в случае нежелания продолжать дальнейшую службу в России...

Все орудия производства и подсобные материалы для выработки сукон Тауберт привозил из-за границы. Только простая и грубая шерсть в виде овчины и «бараньи» скупалась его братом Матвеем за Литовским рубежом и в малороссийских городах. Русская шерсть того времени не отличалась высоким качеством, на что указывают иностранцы: Кильбургер, еще ранее его Флетчер и даже Перри, бывший в России в самом начале 18 века. Несмотря на низкое качество русской шерсти, уже во время посещения Москвы Кильбургером, по его словам, была возможность из нее делать сукно: «Русская шерсть плоха; однако, опыт показывает, что из нее можно делать столь же хорошее сукно, как гамбургское».

В конце лета 1686 года Матвей Тауберт возвратился из-за границы с новым транспортом материалов для суконного дела; он привез с собой

---

[1]) Ср. ниже № 5.

«травы на краски куль, да шерсти разных цветов короб, да снастей ременных десять штук».

Из этого лаконического указания можно сделать лишь тот вывод, что в Москве на заводе Тауберта не только ткали сукна из привозившейся уже выкрашенной шерсти, но и сами приготовляли растительные краски из трав и красили ими сукна. Как увидим дальше, завод обслуживался двумя красильными мастерами, приехавшими на службу в Москву из-за границы. Техника самого производства могла быть довольно примитивная, так как шерсто-прядильные машины еще не были изобретены в Западной Европе и само пряденье могло производиться лишь на так называемых самопрялках... Наиболее важной работой при ручном производстве сукна была его стрижка, которая производилась особым мастером; от уменья последнего зависело придать сукну тот или другой ворс.

Матвей Тауберт привез семь человек мастеровых рабочих. Роспись посольского приказа перечисляет их в следующем порядке: «Бранденбургские земли Роберт Гульят, сын его Михель, Крестьян Шульц, Юрьи Сразбурт; цесарские земли Гартвик Герик, Самуйла Махов да ученик их амбурские земли Юрьи Кервис». Очевидно, предприятие, основанное Ильей Таубертом, первое время не только не падало, но имело наклонность к дальнейшему развитию своей деятельности: так, уже через четыре года Матвей Тауберт вывозит из Германии двух новых мастеров с двумя учениками. «Нанял он во Гданску мастеровых людей немецкой породы двух человек, одного красильника, который красит сукна, Захара Вита, а другого, который состригает сукна, Михаила Стрипельмана, да с ними ж дву человек учеников им Антона Бунца и Ивана Ервина».

Наиболее квалифицированными мастерами в условиях тогдашнего суконного производства были красильные мастера и подстригающие сукна...

За свой труд Гаульгет получал заработную плату в таком размере: «А за то мне Роберту Гаульгету на год употреблять девяносто талеров или сорок пять рублей купно же со привольным жилищем и с дровами на отопление».

Такова была заработная плата одного из наиболее квалифицированных мастеров в суконном производстве — остальные мастера, а тем более ученики должны были получать, конечно, значительно менее упомянутой цифры...

С конца 1688 г. мы уже больше не встречаем никаких сведений о дальнейшей истории одного из первых в Москве суконных заводов...

Во всяком случае в 17 в. уже нарождалась русская суконная промышленность в противоположность выводам некоторых исследователей.

Но эти первые русские фабрики не были вполне частными предприятиями — они могли существовать лишь при реальной помощи и покровительстве со стороны правительства.

Из очерка Г. Новицкого — Из истории насаждения суконных фабрик в 17 веке („Труд в России", кн. 2).

4. Бумажная мельница на р. Яузе (1673 г).

Начало возникновения бумажного производства в России следует отнести еще ко времени Ивана Грозного... Первая русская бумажная фабрика (1576 г.) была расположена около села Каннино-Вантеевка в 30 верстах от Москвы... Очевидно, начало книгопечатания в Московском государстве заставило подумать о необходимости заведения местных русских бумажных мельниц, но фабрика просуществовала, сравнительно, очень недолго...

После этой неудачной попытки до конца первой половины 17 в. нет никаких сведений о насаждении русского бумажного производства. Около этого времени Василий Бурцев устроил бумажную мельницу, для чего пригласил из-за границы пруссака Фрума, который, по отзыву же самого Бурцева, «в бумажных снастех учеников русских людей научил», но по неизвестным обстоятельствам стал проситься на родину и в 1641 г. с разрешения царя покинул Россию.

Между тем разбухавший бюрократический аппарат Московского государства с его многочисленными приказами требовал все больше и больше бумаги. Патриарх Никон для сокращения расходов на бумагу приказал в 1665 г. построить особую бумажную мельницу для печатного двора. Эта новая русская бумажная фабрика была устроена на р. Пахре около села Зеленая Слобода (село того же названия существует и в наше время в Бронницком уезде, Московск. губ.). Наблюдал за ее постройкой человек, имевший в этом деле уже определенный опыт, Василий Бурцев... На этой бумажной мельнице было шесть рабочих: главный бумажный мастер Иван Самойлов, его помощник — хлебный мельник Матвей Христофоров, мастера бумажного дела Иван Маковецкий и Яков Вертанский, черпальщик Кодрат Марков и подчерпальщик «белорусец» Иван Яковлев. Через полтора года главный мастер сдал на печатный двор 75 стоп бумаги, но бумага оказалась «черной», годной только для переплета книг. Не успело производство бумаги стать на ноги, как сама мельница в марте 1657 г. была разрушена весенним наводнением.

Но временные неудачи в истории бумажного производства не изменили основного курса торгово-промышленной политики Московского государства, всячески поощрявшего во второй половине 17 в. попытки к организации местных промышленных предприятий. Так, уже в 1660 году по челобитью крупного голландского купца, жившего в Москве, Ивана Фан-Сведена разрушенная бумажная мельница на р. Пахре, состоявшая в ведении Патриаршего Приказа, была ему отдана «на оброк», сроком на 6 лет «из выделки» с условием «в те годы ему, Ивану, те мельницы построить и призвать бумажных самых добрых мастеров из немецкия земли», которые должны были непременно обучить русских людей всем тонкостям бумажного производства, чтобы «впредь бумажное дело стало, и в том бумажном деле в. государя впредь была прибыль»...

В истории русской обрабатывающей промышленности 17 в. постройка бумажной мельницы на р. Яузе в 1673 г. составляет любопытный эпизод... Кильбургер, бывший в Москве годом позже (в 1674 г.), сообщает про бумажную мельницу на р. Яузе следующее: «Одна мельница лежит на р. Пахре... Другую же царь велел двум мастерам, которые неохотно ушли из прежней мельницы, выстроить на Яузе близ города Москвы». Итак, новая бумажная фабрика на Москве возникает по инициативе самого московского правительства, бюрократический аппарат которого требовал большого количества бумаги...

Весь технический надзор за постройкой бумажной мельницы и организацией самого производства был поручен двум иностранным мастерам: Ягану Отендолю и Беренту Отендолю, которые были наняты Сведеном «в Весланской земле и городе Ессене». По письменному договору мастера обязались у него жить «на бумажных заводах» 4 года и за это «найму на год давать: Ягану по 110 ефимков[1]), Беренту по 60 ефимков, да им же сверх того пить и есть его Иваново». Но когда они перешли на новую бумажную мельницу на р. Яузе, условия договора были несколько изменены: вместо стола натурой было решено выдавать каждому деньгами: по 2 рубля человеку в месяц. Потом размер кормовых денег был увеличен до 3 руб. в месяц...

Специальности обоих заграничных квалифицированных мастеров были строго разграничены: Яган был мастером «бумажного дела», а Берент—мастером «плотничьего дела».

Несмотря на сильное желание «на верху» как можно скорее построить новую бумажную фабрику, формализм московских приказов оставался неизменным. Материальные условия труда обоих иноземцев мастеров были не блестящи; уже в начале августа ими была подана челобитная, в которой они просят выдать причитающиеся им кормовые деньги. Вскоре им было выдано за июнь, июль и август...

Кроме двух упомянутых нами мастеров-иноземцев на бумажной мельнице еще были: два плотника и 5 «трепишников»—рабочих, производивших сортировку и обработку тряпья. Ограничивался ли ими штат фабрики, сказать трудно. Один из плотников получал «кормовых денег»—2 рубля в месяц, другой 1 р. 25 алтын; каждый же из «трепишников»—по 1 рублю...

Как мы видим, на Яузской бумажной мельнице работали наемные рабочие: кроме двух главных мастеров иностранцев, работали еще плотники и тряпичники, по всей вероятности русские (документы безусловно отметили бы их иностранное происхождение), которые получали определенную заработную плату...

Таннер, посетивший Москву в 1678 году, считал эту фабрику частновладельческой. Действительно, уже в 1676 г. числилось официально, что «на реке Яузе бумажная мельница в откупу за иноземцем за Еремеем Левкиным".

Г. Новицкий. К истории промышленности и труда во второй половине 17 века („Труд в России", кн. I).

[1]) Ефимок—русское название талера, который в XV—XVII в. обращался в России, иногда с клеймом русского герба.

5. Ученики на шелковой фабрике (1685—1689 г.г.).

Бархатный мастер Захар Паульсон (Павлов) выписал в 1681 г. из своего родного города Гамбурга инструменты, необходимые для шелкового дела, и, получив пособие от царя, стал содержать „завод" на свои средства. В 1685 г. завод перешел к царю. На нем производился бархат и шелковые ткани. В договоре с правительством об устройстве фабрики Паульсон дал обещание выучить русских людей мастерству. В ученики должны были быть назначены восемь мещанских детей и каждый год дополнительно еще четверо. На прокормление учеников отпускалось по 6 денег каждому на день.

У Захара Павлова находилось на обучение с 1685 г. 8 учеников. Из дела явствует, что с Верху был установлен надзор за обучением учеников, и если они пропускали рабочие дни, то вызывались к ответу их родители. В 1686 г. один из учеников по болезни пропустил восемь недель, другой семь, третий шесть, и у этих учеников князь В. Голицын, который ведал непосредственно все дело, велел вычесть кормовые деньги за те недели, которые они отсутствовали. Просьба Захара Павлова выдавать жалованье ученикам в определенные сроки не была уважена, и приблизительно в 1-х числах каждого месяца ученики должны были подавать челобитье о выдаче кормовых денег; обыкновенно через два или три дня после подачи челобитной они по указу получали жалованье, и в общем содержание учеников в месяц стоило казне 7 р. 14 алт. При получении жалованья за неграмотных расписывались их родители или подьячие Посольского приказа; бывали случаи, что по челобитью ученики получали жалованье за два месяца вперед. Когда прошел первый год обучения, Захар Павлов был должен представить правительству отчет о знаниях учеников. По истечении года ученики у него выучились наматывать и разматывать шелк на станы и чистить его, и, по словам Захара Павлова, раньше как через два года тканью материй он их выучить не может; в виду того, что его ученики еще в совершенстве мастерства не знают, он просил в наступающем году новых учеников ему не давать. Ученики Захара Павлова для удовлетворения своих нужд прибегали к челобитным на имя царя и царевны. По указу 1685 г. на дворе у мастера предполагалось выстроить для них новую избу, но в 1686 г. нового помещения для учеников еще не было выстроено, и они жили в старой избе мастера; в этом году ученики в своей челобитной к царям извещали их, что в избе, где они живут, лавок нет, окна ветхи, печь развалилась и за неимением денег на дрова они замерзают от холода...

Захар Павлов о поведении учеников был должен давать отчет в Посольский приказ, и за все время правления царевны Софьи был только один случай, что он жаловался на ученика. Этот последний, Ревенин, не ходил к мастеру в течение 10-ти дней в феврале 1687 г. и, вероятно, без уважительной причины, так как было велено по царскому указу не только вычесть с него кормовые деньги за февраль, но и наказать его батогами...

Раз в год ученики кроме кормовых денег получали по царскому указу по 1 р. на платье. В первый раз им были выданы деньги на платье 5 сентября 1686 г., а в июне 1688 г. ученики подали в Верх челобитную, в которой просили выдать им государева жалованья на платье, так ка они совсем обносились, наги и босы. Июня 12 1687 г. князь Голицын приказал допросить Захара Павлова, чему он выучил своих учеников и что они умеют делать. На допросе мастер сказал, что ученики Мишка Федоров, Ивашко Парфенов и Обрашко Львов искусно ткут байбереки и учатся без лености; ученики Аверко Никулин, Кондрашко Ерофеев, Максимко Архипов еще учатся ткать, и скоро он их посадит за станы, а последние 4 ученика умеют только шелк делить, мотать его на бабинки и чистить. Результатом допроса был приказ Голицына выдать ученикам Захара Павлова государева жалованья на платье. Из них шесть наиболее успевающих учеников и два новых получили по 1 рублю, а двум остальным было выдано по полтине. В следующем 1689 г., после благоприятного отзыва Захара Павлова о поведении учеников, они получили сверх кормовых денег по 4 аршина сукна на кафтаны; относительно учеников Захар Павлов писал, что они выучены не одному ремеслу, как это принято за морем, а многим, и в настоящее время могут работать самостоятельно под присмотром наиболее из них опытного...

Был назначен в Посольском приказе в присутствии кн. Голицына экзамен ученикам Захара Павлова. На нем оказалось, что три ученика Ивашко Парфенов, Мишка Федоров и Обрашко Львов выучились в совершенстве ткать байбереки и уже ткали камки на китайский образец, серебряные об'яры, гладкие атласы и камчатые бархаты. Эти ученики заявили, что в основе на станы силу вышеписанных материй знают и те материи умеют нарядить на станы без мастера; только они у него не выучились вязать «подношки», шелк красить и разные узоры накладывать на материи. На экзамене ученики просили, чтобы цари и царевна приказали мастеру выучить их и этим работам, а книги, которые у мастера есть на иностранных языках о крашении шелка и о накладывании узоров, велели бы перевести для них на славянский. При экзамене следующих учеников оказалось, что двое из них ткут байбереки из готового наряда, а сами нарядить еще не умеют, двое основанный на станах шелк чистят и с бабинок на цевки шелк наматывают и, наконец, три последние на цевки шелк разматывают и у мельниц шелк вяжут... Последовал царский указ купить книги у мастера для их перевода...

Из статьи Е. Лермонтовой—Шелковая фабрика в правление царевны Софии (записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического Общества, т. XI, 1915 г.).

6. Ранние сведения о волнениях на горных промыслах.

Заводские работы с первого их введения в России казались тягостными приписным [1]) крестьянам; однако, при оказанных ими непослушаниях, огурствах, а иногда и самых возмущениях противу заводчиков, горных начальств и начальников видно, что немалый к тому повод подавали иногда и сами заводчики излишним наложением, в противность законных учреждений, на тех крестьян заводских работ, недоплатою за работы денег, высылкою в деловую пору на заводские работы и другими подобными тому утеснениями...

И поелику первейшая отдача в заводские работы крестьян учинена к заводам Петра Марселиуса и Филимона Акемы, то первые сии крестьяне еще в 1678 году, пришед в непослушание, просили об увольнении их от заводских работ, показывая свое раззорение от того, что якобы на них от тех заводчиков была великая налога, накладывалась сверх указной лишняя работа и повозки. Но как сего своего показания ничем не доказали, то тогда уже указом велено им остаться попрежнему при тех заводах в заводских работах.

Из выписки, взятой из Берг-Коллегии, видно, что около 700 или 701 года, которого точно не показано, кунгурцы, не желая, чтобы по близости их горные заводы строены были, когда приехал с Верхотурья в Кунгур стольник Алексей Калитин для промыслу медных руд, то они собравшись во многих тысячах оружейною рукою бунтом подошли под город Кунгур в намерении помянутого Калитина за рудный промысел убить, так что он, нашедши себя в осаде, принужден был отбиваться от них пушками, а напоследок, боясь превосходной их силы, тайным образом ушед из Кунгура с бывшими при нем воинскими людьми, пробирался до Верхотурья лесами, а не настоящими дорогами...

Из записки В. Крамаренкова (составл. около 1776 г.) по истории горного дела в России („Архив истории труда в России“, кн. I, стр. 100).

[1]) Казенные крестьяне, приписанные к заводам для подсобных работ.

Восемнадцатый век.

7. Развитие крупной промышленности.

Покровительство частной промышленности.

...Наша промышленная деятельность и раньше развивалась под влиянием потребностей казны [1]... Петр первоначально шел тем же испытанным путем — создавал казенные предприятия, имея опять-таки в виду нужды казны, которые усилились вместе с реформой армии, получившей внешний вид и строй европейской регулярной армии. Если к этому прибавим, что Петр впервые создал флот в России, то ясно станет, что существовавшая в те времена промышленность не могла удовлетворять нуждам государства.

Отсюда многочисленные указы об учреждении Петрозаводского, Сестрорецкого и Охтенского металлургических и оружейных заводов, об устройстве селитренного завода в Казани, позже в Киевской губернии в Великороссийских и Малороссийских городах, о создании полотняных предприятий и вызове с этой целью мастеров из-за границы.

Однако очень скоро он меняет свою политику в том смысле, что той же цели — развития промышленности для казенных надобностей — старается достигнуть при помощи частных предпринимателей. Поэтому казенные предприятия передаются частным лицам. Сознание невозможности для казны вести промышленные предприятия появляется гораздо раньше... Но только теперь — хотя и с трудом превеликим — нашлись охотники, частные промышленники.

Так, в 1711 г. велено было «полотняные заводы и в ново-немецкой слободе купленные дворы, которые ведомы в посольском приказе, с призванными к тому делу мастерами-иноземцами по договорам их, и русских людей, обучившихся тому делу, отдать купеческим людям, которые торгуют в Москве: Андрею Турке, Степану Цынбальщикову и другим». В следующем году приказано было и суконные предприятия отдавать частным лицам с тем, чтобы казна через пять лет могла уже довольствоваться сукнами русского производства: «завод суконный размножать не в одном месте, а так,

[1]) См. выше, стр. 9 (из книги М. Н. Покровского).

чтобы через пять лет не покупать мундира заморского... а заведши дать торговым людям, собрав компанию».

В регламенте мануфактур-коллегии 1723 г. уже установлено общее предписание, касающееся промышленности: «Казенные фабрики, уже заведенные, и те которые будут заведены, передавать партикулярным лицам»...

Не только в области обрабатывающей промышленности, но и в горном деле правительство стало передавать заводы в руки частных предпринимателей «для пресечения имеющихся в содержании казенных заводов напрасных убытков». И здесь появляются компании содержателей, получающие на определенных условиях казенные предприятия «в собственный их промысел».

На ряду с такого рода предприятиями, которые после «приведения их в доброе состояние», отдавались в содержание «партикулярным людям», появляются и частные, непосредственно учреждаемые отдельными лицами, но со всевозможными поощрениями со стороны правительства, ибо сие дело «сначала не без великого труда, а наипаче не без убытка может произведено быть». «Понеже мы прилежное старание имеем о распространении в государствах наших и пользе общего блага и пожитку подданных наших, купечества и всяких художников и рукоделий, которыми все прочие благоучрежденные государства процветают и богатятся», то Шафирову и Толстому велено (1717 г.) «труд приложить, дабы в нашем государстве учредить фабрику или художества всяких материй и парчей», а так как ее «без всяких иждевений и долгого времени завесть и в доброе состояние привесть невозможно», то упомянутым лицам даются всевозможные льготы, как то: свобода от всех податей, право беспошлинной продажи своих изделий в течение 50 лет в тех городах, где они «те заводы завесть заблагорассудят, на первое время готовые дворы строением безденежно», в особенности же исключительное право устраивать в России такого рода предприятия.

Однородные преимущества даются и ряду других предпринимателей...

Как мы видим, Петр не ограничивается созданием промышленности для нужд армии, но старается насадить и производство разного рода предметов роскоши, потребляемых при дворе и высшими кругами, чтобы избавить Россию от необходимости привоза этих изделий из-за границы и сохранить звонкую монету в стране. Он покровительствует производству шелка, бархата и парчи, поощряет выделку сахара. Он создает заводы стеклянные, писчебумажные, табачные. При Петре было учреждено несколько стеклянных заводов...

Однако всех тех льгот и преимуществ, которыми Петр наделял промышленников, было недостаточно. Сплошь и рядом не хватало самого главного—капитала для учреждения предприятия и ведения его. Этим капиталом в значительной мере снабжала предпринимателей казна; от нее же они нередко получали безвозмездно не только строения, но и материалы и инструменты, получали и денежные суммы. Так, напр., Щеголин с товарищами в 1720 г. получил строения и инструменты суконного двора вместе с мастеровыми и сверх того деньгами 30 тыс. руб. в беспроцентную ссуду, та же сумма в 30 тысяч выдана Докучаеву также на устройство суконного пред-

приятия в том же 1720 году, в 1744 г. Докучаев получил еще 30 тысяч. Суммы в 5 тысяч даны в 20 годах кожевенному мастеру Риттеру, суконщику Воронину, Исаеву, Павлову для кожевенного завода, Ивану Тамесу, в 3 тысячи — Волкову для устройства коломянкового предприятия, Короткову— на бумажный завод.

Что же касается сумм, вложенных самими предпринимателями, то они не велики. Так, капитал, внесенный в учрежденную гр. Апраксиным мануфактуру, составлял около 90 тысяч, но из них Апраксин сам внес 10 тысяч и потом еще 10 тысяч, остальная сумма была внесена Шафировым, Толстым и различными приглашенными купцами. Но и они получили ссуду от казны в размере 45½ тысяч рублей. В компании Меньшикова капитал составлял всего 21½ тыс., при чем ему самому принадлежало всего 10 тысяч, три участника вложили по три тысячи, один 2 тыс. и один 400 руб.—суммы небольшие. В предприятие, учрежденное Тамесом, только один Микляев поместил 12 тыс., шесть участников, в том числе Тамес, от 4½ до 3 тысяч каждый, один 2.100 р., один 1.600 р., четверо по 1.300, один 1.050 и двое 650 и 250 рублей... В жалобах на недостаток в капитале и в остановках предприятий за отсутствием оборотных средств едва ли не наиболее ярко выражается тот факт, что необходимого для создания промышленности капитала было недостаточно...

Наконец, большие затруднения происходили и в снабжении промышленности необходимой ей рабочей силой, «особенно в начале XVIII века, когда мастеров приходилось выписывать из-за границы, а рабочих разыскивать не без труда среди вольного люда, еще мало склонного к оседлому образу жизни и не привыкшего к тяжелой и постоянной работе»... В результате Петру приходилось прибегать к тем же мерам, как на Западе, снабжать предприятия принудительной рабочей силой...

При ближайших преемниках Петра, вплоть до 60-х годов 18 века, т. е. до начала царствования Екатерины II, продолжается та же политика насаждения крупной промышленности и остается в тех же формах покровительства и поощрения, какие применялись Петром. Попрежнему раздаются ссуды предпринимателям. Владельцы суконного предприятия Третьяковы получили в три приема ссуду в 27½ тыс. руб., Шигони с товарищами 25 тыс. руб., Затрапезный с братьями на полотняное и бумажное предприятие 20 тысыч, фон-Шемберг даже 50 тысяч. Компании Евреинова в 1736 г. сверх ссуды в 10 тысяч были переданы мастеровые с других суконных предприятий, мельницы безоброчно на 10 лет, дубовый лес, сколько потребуется, и она освобождена была от уплаты внутренних пошлин на свои изделия на 10 лет, с тем, чтобы компания доставляла сукна и каразеи, «потребные для войск». Такая же свобода от пошлин была предоставлена воронежскому купцу Поставалову под тем условием, чтобы и он «мундирные сукна и каразеи» приготовлял с «вящим прибавлением и наилучшею добротою». В обоих случаях речь идет, следовательно, о нужных казне предприятиях, о работающих на армию.

Принцип монополии, предоставляемой предпринимателям, попрежнему господствует...

Официальные лица, близкие к правительственной власти, захватывают в свои руки наиболее выгодные промыслы, они образуют компании для эксплоатации рыболовных, китоловных, звериных промыслов, горных заводов, становятся «содержателями» этих казенных предприятий, и эти компании затмевают собою даже самые крупные купеческие товарищества. При этом «с каждым новым правительством на место прежних влиятельных людей вставали новые, желавшие, подобно своим предшественникам, при помощи связей, приобрести себе экономические блага на законном основании»...

Централизованная мануфактура.

В западно-европейских источниках XVII—XVIII ст., французских, прусских, австрийских и других, постоянно упоминается о фабриках и фабрикантах. Многие исследователи из этого сделали вывод, что существовали в большом количестве централизованные предприятия, в которых товары производились наемными рабочими под надзором самостоятельного предпринимателя. Конечно, машин до конца XVIII ст. в Англии, до начала XIX ст. на континенте Европы не было, следовательно, о фабриках в современном смысле говорить нельзя было. Но не сомневались в том, что в предшествующую фабричной промышленности эпоху имелось большое количество централизованных мануфактур, которые и составляли преобладающую форму производства в XVII—XVIII ст., в особенности во вновь созданных отраслях промышленности. Однако, при ближайшем анализе отдельных упоминаемых в источниках предприятий оказалось, что таких мануфактур в эту эпоху встречается сравнительно очень немного, господствующей же являлась кустарная форма промышленности. Под фабрикой документы, как и авторы того времени, понимали вообще предприятие, в частности металлургическое, производимое при помощи молота и огня; фабрикантом именовали всякого производителя, будь то ремесленник или кустарь, скупщик-торговец или владелец централизованного предприятия. Такой же смысл имело и слово *мануфактура,* с той только разницей, что оно обозначало не только промышленность вообще (развивать мануфактуры то же, что развивать промышленность), но и текстильное производство, то, что у нас нередко именуют мануфактурной промышленностью.

И у нас постоянно говорят о петровских и екатерининских фабриках, исходя из того, что этот термин употребляется законодательством того времени, и не сомневаясь в том, что это были сплошь централизованные предприятия, хотя, конечно, не применяющие машин и двигателей. А между тем и здесь возникает вопрос, действительно ли это было так и можно ли официальную терминологию того времени понимать в таком смысле. Когда Петр. Вел. или Екатерина II приказывали «фабрики и заводы разводить и размножать», или когда Фокеродт [1]) рассказывает, что Петр старался о «заведении фабрик в царстве, какие обыкновенно заводятся в чужих краях», то они едва ли имели в виду определенную форму производства, и их весьма

[1]) Фокеродт—секретарь прусского посольства в России в 1730-х годах.

мало трогало, будет ли работа происходить в здании предпринимателя или в помещениях самих рабочих или, наконец, в небольших мастерских, где на ряду с владельцем имеются и наемные рабочие. И в последнем случае имеется отнюдь не фабрика и не мануфактура, а кустарная изба, ибо владелец работает не самостоятельно, а на скупщика, коммерсанта, занимающегося сбытом закупаемых им товаров. И Петр и Екатерина интересовались лишь самым «заведением» этих предприятий, перенесением из-за границы соответствующих отраслей промышленности. Понятие фабрики (или мануфактуры, завода) без сомнения равнозначуще понятию промышленности вообще в таких случаях, как вывоз иностранцев для того, чтобы они могли «как хлебопашество, так фабрики и художества в цветущее состояние приводить», как приказание учредить «фабрику или художества всяких материй и парчей» или как сообщение о том, что «Микляев ту мануфактуру (суконную) умножил». А тем более в этом смысле говорится в известном указе Петра 1712 г.: «завод суконный размножать не в одном месте, так, чтобы через пять лет не покупать мундира заморского, а именно, чтобы не в одном месте завесть, а заведши дать торговым людям, собрав в компанию, буде волею не похотят, хотя в неволе». В последнем случае «завод суконный» употребляется в том же смысле, как во Франции говорили в XVIII ст. «la fabrique de soie lyonnaise», что обозначало лионскую шелковую промышленность, которая производилась исключительно в кустарных мастерских...

В 1712 г. последовал приказ Петра: «для лучшего в оружейном деле способа, при оружейной слободе, изыскав удобное место, построить заводы, на которых бы можно ружья, фузеи и пистолеты сверлить и обтирать, а палаши и ножи точить водою, и ежели к тому оружейному делу и ко всяким заводам надлежит быть какового мастерства иноземцам, или русским людям, и таких людей изыскивать и употреблять. Для лучшего же на Туле в оружейном деле усмотрения и поспешения построить оружейный двор, дабы то ружье делать всеми мастеровыми на том оружейном дворе безостановочно, а по домам, где кто живет, ружья впредь отнюдь не делать». В этом указе характерно то, что «заводам» противополагается «оружейный двор». Под первыми, очевидно, разумеются мастерские, которыми пользуются отдельные оружейники для совершения тех или иных операций, нуждающихся в специальных приспособлениях, в особенности приводимых в движение водой. Все же остальные работы могут ими выполняться либо у себя дома, либо в особом здании — оружейном дворе. Указ настаивает на переходе оружейников в последнее, желая сосредоточить производство в одном месте, повидимому, в целях «безостановочной» работы и лучшего надзора за качеством ее. Но это не удалось, ибо после того, как каменный оружейный двор в 1718 г. был действительно построен и оружейники были переведены туда, они оказались очень стесненными при работе, так как вместе с учениками имелось свыше 1.100 человек, не считая еще состоявших при них работников. Поэтому ими было подано прошение о разрешении работать попрежнему на дому, на что последовал ответ генерал-фельдцехмейстера:

«оружейных кузнецов на каменный двор по указу не переводить, а делать им ружье попрежнему в домах своих»...

Иногда фабриками несомненно именуются и небольшие ремесленные мастерские. Так, например, когда речь идет в 60-х г.г. XVIII ст. об устройстве Поером Галантом в Ревеле столярной фабрики с пособием всего в 200 рублей, то мы здесь имеем перед собой такого же столярного мастера, каким являлся другой иностранец Варт, одновременно с Галантом приехавший в Россию, но именуемый действительно столярным мастером, а не фабрикантом. Столярные мануфактуры и на Западе появились лишь во второй половине XIX ст., раньше это было исключительно ремесло. К той же категории надо, повидимому, отнести и получивших столь мелкие ссуды, как 400—600 рубл., иностранцев для устройства предприятий мыловаренного, кружевного, по выделке бумажных материй — ссуды слишком незначительные, крупные промышленники получали по 5, 10, 15 тыс. и более.

Проф. Е. В. Тарле приводит цифры рабочих, сообщаемые Германом относительно различных русских мануфактур за 1780 г., и находит, что они «по истине чудовищны». В самом деле, здесь мы находим шелковые и суконные мануфактуры—одну с 351 рабочими, другую с 435 рабочими, третью с 589, четвертую с 756, пятую с 1.128, шестую с 1.700 и даже одну с 2.250 рабочими. Еще больше полотняные мануфактуры — встречаются и 599, и 795, и 1.031, и 1.295 рабочих, есть предприятия, имеющие 2.559 и 2.637 рабочих, в одном 3.479 рабочих. «Мы не теряем из вида — продолжает Е. В. Тарле—(хотя прямых указаний в этом смысле и мало, но нужно представить себе дело, раз речь идет о XVIII веке, так), что эти тысячи рабочих, занятых на русских предприятиях, конечно, не все работали в здании мануфактуры. Этим, между прочим, и об'ясняется разительное противоречие в общих подсчетах, причем одни утверждают, что в России было чуть ли не более полумиллиона рабочих, а другие, для тех же приблизительно лет, довольствуются цифрою в сто тысяч... Не подлежит сомнению, что в подсчеты очень часто входили все рабочие как работавшие в здании мануфактуры, так и получившие работу на дом».

В самом деле, по подсчетам Германа, число рабочих на русских фабриках и заводах составляло всего 119 тыс., причем предприятий он насчитывает 2.322, так что в среднем приходится всего 50 рабочих на предприятие. Надо думать, что здесь приведены только действительно централизованные мануфактуры и одни лишь работавшие в помещении последних рабочие. Впрочем, и тут надо сделать оговорку. Из некоторых цифр видно, что отчасти и сюда попали мелкие заведения ремесленного и кустарного типа. Так, почти половину всех фабрик и заводов — 1.150 из 2.322 — составляют кожевенные, число совершенно невероятное, более чем в два раза превышающие цифру всех видов текстильных предприятий, суконных, полотняных, бумажных, шелковых, вместе взятых (539). Очевидно, что сюда включено много совершенно мелких кожевенных мастерских...

Из книги И. М. Кулишера—Очерк истории русской промышленности (Петр., 1922 г.).

8. К выяснению понятия о фабричном предприятии.

Промышленная статистика 18 века.

Своеобразная судьба выпала на долю русской фабрики 18 века. И экономист, и историк неизменно пользуются ею для общих схем экономической эволюции России. Судьбы русского капитализма, его природа и пути развития, формы русской промышленности и направления социально-экономической политики, условия появления вольно-наемного труда и размеры его применения — таковы общие вопросы, обращаемые к истории фабрики 18 века. И как будто бы история дает на них ответы: во всяком случае, они фигурируют от ее имени на страницах и специальных трудов, и популярных обзоров. Но сама история русской фабрики 18 века остается загадкой. Начать с того, что она не имеет сколько-нибудь твердой статистики по какому бы то ни было специальному вопросу. В самом деле, даже количество «фабрик» в один и тот же момент 18 века определяется в литературе рядом различных цифр.

Статистика 18 в. приурочивается обычно к трем моментам—1725, 1762 и 1796 г.г. Количество «фабрик», имевшихся в 1762 г., определяется: по Семенову цифрой 201; по Герману—434; по Лаппо-Данилевскому—500; по «Материалам» министерства финансов—948 (в тексте 94 вместо 948); по Бурнашеву—948.

В том же положении оказываются при ближайшем рассмотрении и другие вопросы истории русской фабрики 18 в.; вопрос о численности и составе рабочих, о заработной их плате, о размере и стоимости производства, его устойчивости—и все тому подобные задания...

Тогда как материал на лицо, и материал богатейший; имеем в виду фабрично-заводские переписи 18 в. Для истории промышленности 18 в. «ведомости о фабриках и заводах»—сводные и частичные, общие и специальные—составлявшиеся областными и центральными учреждениями, представляют совершенно исключительный интерес...

С первых же дней «заведения» петровских «указных фабрик и заводов» велся их точный учет с указанием вложенного предпринимателем капитала или же субсидии, предоставленной правительством. В течение всей середины 18 в. из областных канцелярий поступали третные «ведомости» о «билетах»-разрешениях, выданных на фабрично-заводские предприятия...

Обложение фабрично-заводских предприятий оброчными деньгами повело к утайке и прописке капиталов, станов и продукции. Энергичная и интересная борьба с утайкой и пропиской осложнялась борьбой «указных фабрикантов» с «безуказными» [1]) — большей частью, конечно, кустарями. Подобные столкновения, типичные для 18 в., чаще имели место в производствах, не требовавших сколько-нибудь значительных затрат на обзаведение, каковы, например, салотопенное, мыловаренное, кожевенное и т. п.

[1]) Т. е. фабрикантов, открывших свои предприятия с разрешения правительства, с владельцами предприятий, действовавших без ведома правительства.

Тверское канатно-прядильное производство.

К числу таких производств относилось, между прочим, и канатно-прядильное, технически совсем простое. Неудивительно, что и тверским «указным фабрикантам» Святогоровым пришлось столкнуться с конкуренцией местного канатно-прядильного цеха.

Челобитной в Мануфактур-Коллегию от 15 июля 1765 г. Кондратий Святогоров жалуется, что канатное производство его приходит в упадок, что при всем старании невозможно привести его в лучшее состояние. Причиною тому бесчестная конкуренция мелких «безуказных производителей»— купцов, крестьян и других разных чинов людей. Худым колесным мастерством из негодной и нечистой пеньки они выпускают канаты по значительно пониженным ценам, наводняют рынок гнилым товаром и тем «в плавании судов вред и купцам раззорение» чинят. Челобитчик просит запретить означенным лицам без дозволения коллегии и без платежа положенного в казну сбора заниматься выделкой канатов.

Мануфактур-Коллегия, ссылаясь на указы 60-х годов (о них речь впереди), отказывает челобитчику... Однако, Тверской провинциальной канцелярии Коллегия предписала узнать: идут ли канаты, изготовляемые в Тверском уезде без коллежского дозволения, только для барочного хода или же и на оснастку морских судов и в заморский отпуск. В последнем случае— материалы и инструменты следует конфисковать, производство канатов пресечь; в первом же случае совместно с Тверским магистратом осмотреть образцы производимых кустарями канатов и с отзывом прислать их в Мануфактур-Коллегию...

Прядильного цеха мастера Алексей Монин с товарищами заволновались и в доношении своем изложили магистрату свою точку зрения. Имеют они прядильное мастерство во Твери издавна, как еще при жизни Петра I деды и отцы их, для казенной и вольной продажи, только этим одним промыслом они занимаются, а других торговых купеческих промыслов никаких не имеют. Обвинение Святогоровых цеховые отводили: по добротности их канаты не уступают ни Святогоровским, ни тем, что идут для барочного ходу по другим поволжским городам — во Ржеве, Володимерове, Нижнем и Рыбной Слободе. Канаты делаются действительно колесным мастерством, но ведь и у Святогоровых «канатов делание имеет через колесо, а не другим инструментом, да и не безуповательно не из самой чистой одной пеньки», что действительно было засвидетельствовано экспертизой присяжного канатного цеха ольдерманом. Канатного производства в уезде ни у кого нет, и в привозе из уезда на Тверь канатов не бывает. Ссылаясь, подобно коллегии, на указы 60-х годов, цеховые просили не чинить препятствий их производству и амбары распечатать, ибо они «не так, как фабрикант, достаточные», и те канаты делают собственными своими трудами, не имея, как на фабрике, наемных мастеровых и работных людей. А Святогоров бил челом недельно, «ища одного, чтобы делание в Твери канатов было только в одних его руках».

В столкновениях тверских «указных фабрикантов» с «безуказными», очень живо схваченных делопроизводством провинциальной канцелярии,

одна за другой проходят давно знакомые картины: старая посадская рознь, брань молодших людей и «мужиков мироедов» или на языке 18 века—«первостатейных купцов фабрикантов» и «маломочных» посадских и цеховых. Однако, не в этом только интерес и значение делопроизводства тверской канцелярии. Мануфактур-Коллегия рассматривала дело Святогоровых и тверского прядильного цеха в свете современных законодательных актов; свое решение она скрепила ссылкой на тексты именных и сенатских указов 50—60-х годов, живо рисующих момент наибольшего значения в истории социально-экономической политики 18 в., но неизвестных ни полному собранию законов, ни специальной исторической литературе.

Борьба с «безуказным» производством.

Законодательством первой половины 18 в. вопрос о промышленной свободе решался отрицательно... Впервые вопрос о прекращении борьбы с «безуказным производством» вообще и мелким ремесленным в частности («через что у мастеровых, как крестьян, так и прочих промышляющих тем людей пропитание отнято быть может») стал на очередь в 1758 г... Сенатским указом 22 декабря 1758 года Мануфактур-Коллегия обязывалась представить ведомость, «на какие именно фабрики и по каким указам к заведению позволения и привилегия даны», ей же предоставлено было высказаться по вопросу, существенному для намечавшихся работ, «что считать фабрикой и мануфактурой и что рукоделием и мастерством»? Вопрос первостепенной важности, если принять во внимание, что «фабрика» 18 века—«мануфактура» по терминологии Маркса—не более, как «особливое заведение, где великое число мастеровых вместе собрано для делания какого-либо товару под смотрением одного содержателя» — определение, данное Мануфактур-Коллегией в другое время и по другому поводу. И тем же вышеупомянутым сенатским указом был сделан и первый конкретный шаг по пути утверждения промышленной свободы (в отношении мелких шляпных производств).

В сенатском архиве в делах секретной экспедиции хранится до ныне не напечатанный проект указа сенату об уничтожении монополий, откупов и всего, что стесняет свободу торгово-промышленной жизни. В делах тверской провинциальной канцелярии сохранился и самый указ, очень интересный и обстоятельный,—указ 10 октября 1760 г. Он утверждал, в сущности говоря, задолго до манифеста 1775 г. [1]) начало торговой и промышленной свободы...

Дело закрепления принципа промышленной свободы, провозглашенной елизаветинским указом 1760 г., выпало на долю Екатерины II... Правда, апрельский указ 1764 г. с новой энергией возрождает борьбу с «безуказными фабриками», они безусловно воспрещаются... Однако, для 60-х годов 18 в., особенно в виду закрепления социально-экономической мощи шляхетства, старый институт «указных фабрикантов»—уже анахронизм. С дру-

---

[1]) Манифестом 17 марта 1775 г. устройство всяких промышленных заведений было об'явлено свободным для всех. Вместе с тем были отменены сборы с производства.

гой стороны, и податные соображения не оправдывали борьбы с «вольным производством»: было и проще, и выгоднее обложить новоположным сбором все, в том числе и ремесленные производства... В свете приведенных данных яснее становится смысл и история известного указа 19 апреля 1767 г., прекращавшего борьбу с безуказным производством. «Но о сем — добавляет законодатель — без особливо нашего указу не публиковать». Манифест 17 марта 1775 г., исключавший всякую возможность каких-либо разрешений для заведения промышленных предприятий, не давал, таким образом, ничего, кроме юридической санкции давнему явлению быта.

Что представляло собою тверское канатно - прядильное производство.

При изучении тверских «фабрик» слишком странным представляется малое количество их (4) для 1765 г. Во всяком случае непонятен колоссальный рост тверской промышленности второй половины 18 в.: за следующие 18—19 лет количество «фабрик» увеличилось более, чем в 25 раз, и к 1783—4 г.г., если брать цифры «Генерального Соображения», Тверь насчитывала 102 «фабрично-заводских» предприятия. В качестве об'яснения возможна ссылка на рост Твери и обращение ее в центр тверского наместничества; возможно общее замечание о росте русской промышленности и в частности шляхетских «фабрик» и «мануфактур» именно за означенный 20-летний период екатерининского царствования. Приведенные соображения, может быть, оправдают количественный рост тверских предприятий до общей суммы—102 в 1783—84 г.г. С другой стороны, ссылка на тверской пожар 1763 г., не только разбивший промышленную жизнь тверского «фурштата», но и самое существование его поставивший под вопросом, укажет, быть может, на причину малого числа «фабрик» к 1765 году.

Есть, однако, иное и на наш взгляд наиболее выразительное толкование столь «мощного», казалось бы, развития тверской промышленности.

Различие статистических показаний отражает лишь различие оснований и техники фабрично-заводской статистики 60 и 80 годов 18 века. Первоначально учитывались и подлежали обложению одни лишь «указные» производства; «безуказные», «вольные» долгое время игнорировались и чаще по настоянию «настоящих» фабрикантов уничтожались. Борьба фискальных и социально-экономических интересов, завязавшаяся вокруг этого вопроса, велась с переменным успехом, пока, наконец, указами 1767—1775 г.г. не была прекращена совершенно: указные разрешения и дозволения были отменены, но зато безуказные производства наравне с указными были обложены оброчными деньгами. Тогда, догадываемся мы, в ведомостях начинают фигурировать не только «фабрики» и «заводы», но «рукоделия» и «рукомесла».

Действительно, в ведомостях 1774 г. в числе прочих и очень крупных производств значатся мелкие кустарные мастерские: Санктпетербургского прядильного цеха мастера Степана Клишина канатная фабрика с производством 150 пудов за год; СПБ купца Ивана Набатова—50 пудов за полугодие; кожевная сыромятная Московской ямской слободы ямщика Ми-

хаила Нуцкого (50 кож за полугодие); наконец, в Москве, на Арбате, в приходе Филиппа Апостола, карточная фабрика Сергея Беляева с одним работником.

Так и в Твери: в 1765 г. показана только одна указная канатная фабрика Святогоровых и ни одной прядильной. Однако, с ней конкурируя, рядом существуют задолго до нее возникшие девять канатно-прядильных, но безуказных производств мастеров прядильного цеха Алексея Мокина с товарищами. В 1783—4 г.г. в Твери показаны: 1 канатная и 10 прядильных «фабрик», т. е. почти то самое количество их, которое фактически существовало за 20 и может быть за 200 лет до того.

Вывод. Если справедливы наши соображения для тверской промышленности, они помогут разобраться в подлинном значении всех данных фабрично-заводской статистики всего екатерининского царствования. В частности, несомненно придется ограничить столь категорически высказанное в литературе утверждение о колоссальном росте русской промышленности за 34 года царствования Екатерины...

Из очерка Ив. Полосина—Промышленная статистика и политика 18 века („Труд в России", кн. I).

9. Образование рабочих кадров.

I.

Трудность доставать рабочие руки. ...В допетровской Руси крепостными владели служилые люди. Между тем, первые петровские фабриканты выходили почти исключительно из рядов купечества, разночинцев или иностранцев. Сама жизнь поставила вопрос — каким же образом фабрики будут получать нужные им рабочие руки. При учреждении фабрики владельцу давалась обыкновенно привилегия, в которой ему разрешалось свободно нанимать русских и иноземных мастеров и учеников, «платя им за труды достойную плату». Если фабрикант получал уже устроенную фабрику от казны, то ему нередко передавались вместе с фабричными строениями и фабричные мастеровые. Так, напр., компания Турчанинова и Цымбальщикова получила в 1711 г. от казны полотняные заводы вместе с мастеровыми. Точно также казенных мастеровых получила и компания Щеголина, к которой перешла в 1720 г. казенная суконная фабрика в Москве; казенные мастеровые были даны, далее, Ивану Тиммерману, назначенному в 1720 году директором парусной фабрики. Затрапезный получил для своих фабрик в Ярославле мастеровых с упраздненных казенных заводов. При учреждении коломиночной фабрики Волкова ему было дано 5 станов и 58 мастеровых с упраздненной казенной фабрики в С.-Петербурге.

Иногда для снабжения фабрик рабочими руками к фабрикам приписывались целые села; так, напр., Тамес получил к своим полотняным фа-

брикам село Кохму, в Шуйском уезде, с 641 крест. двором. Но, в большинстве случаев, фабриканты должны были сами приискивать себе рабочих путем найма. Это было в высшей степени трудно. На фабрику приходилось набирать всякий сброд. Так, напр., в привилегии игольным компанейщикам Томилину с товарищами указывается брать для работы и для обучения на фабрики «из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню». Шелковый фабрикант Милютин в своем донесении из'ясняет, что он набирает учеников из «убогих людей». Из именного высочайшего указа 7 января 1736 г. видно, что фабриканты, за недостатком рабочих, набирали учеников из солдатских детей. Но главным контингентом фабричных рабочих были беглые крепостные и казенные люди. Работа беглых имела такое значение для фабрикантов, что правительство Петра, несмотря на то, что именно в это время состоялось окончательное прикрепление населения, должно было допустить очевидное нарушение закона. Указом 18 июля 1722 г. Петр воспретил возвращать с фабрик законным владельцам мастеров и учеников, «чьи бы они ни были, хотя и беглые явятся... понеже интересенты фабрик об'являют, что затем в фабриках их чинится остановка».

Но, несмотря на такую снисходительность правительства к фабрикантам, рабочих рук на фабриках все-таки не доставало. Из каких элементов восполнялся этот недостаток, видно из того, что указом 10 февраля 1719 г. предписано было отослать на полотняные фабрики Андрея Турчанинова с товарищами «для пряжи льну баб и девок, которые будучи на Москве из приказов, также и из других губерний, по делам за вины свои наказаны». Указом 1721 г. эта мера сделана общей — женщины, виновные в разных проступках, отсылались по усмотрению Мануфактур и Берг-Коллегии для работы на компанейских фабриках на некоторый срок или даже пожизненно. Последующими указами велено отдавать на фабрики бродяг и нищих (указы 7 янв. 1736 г., 29 марта 1753 г., 26 марта 1762 г.), публичных женщин (сенатский указ, сент. 1771 г.). Как видно из указа 26 марта 1762 г., между С.-Петербургскими и окрестными фабриками были распределены забранные полицией праздношатающиеся и способные к работе солдатские, матросские и других служилых людей жены.

Но все эти меры не могли снабдить фабрики рабочими руками в требуемом количестве. В течение всей первой половины XVIII века не прекращаются жалобы фабрикантов на недостаток рабочих. Так, напр., в 1744 г. московские суконные фабриканты — Болотин, Еремеев, Третьяков и Сериков, представляли Мануфактур-Коллегии, что они крайне нуждаются в рабочих и потому не могут своевременно поставлять сукна в казну. Особенный недостаток чувствовался в малолетних рабочих 10—15 лет. На то же жаловались Мануфактур-Коллегии шелковые и иные фабриканты, указывая, что главным препятствием к развитию фабрики является невозможность находить рабочих.

Таким образом, контингент фабричных рабочих слагался из самых разнообразных общественных элементов: беглые бродяги, нищие, даже пре-

ступники — из этой среды приходилось набирать рабочих. Не нужно при том забывать, что петровские фабрики были, собственно, мануфактурами—работа на них производилась руками. Производительность труда на мануфактурах зависит, главным образом, от ловкости и искусства рабочего; состав рабочего персонала на мануфактурах имеет особенное значение. Западноевропейские мануфактуры возникли на развалинах ремесла; они получили прекрасных, обученных рабочих из бывших ремесленников, в которых цеховая организация развила почти артистическое отношение к своей работе. Наши мануфактуры возникли при совершенно иных условиях. Не только обученных, искусных рабочих получить было неоткуда, но даже и необученных рабочих доставать было крайне трудно.

При таких условиях работа вольнонаемными рабочими оказывалась почти невозможной. *Принудительный крепостной труд* был единственным выходом из такого положения.

Малая производительность труда должна была возмещаться для фабриканта усиленной эксплуатацией рабочего — главным образом, уменьшением расходов на содержание последнего. Интересы фабрикантов требовали прикрепления рабочего также и по следующей причине: рабочий, проработавший некоторое время на фабрике, обучался своему делу, становился искусным рабочим; на таких рабочих спрос был очень велик—фабриканты переманивали их друг от друга, и каждая фабрика подвергалась опасности лишиться своих обученных рабочих.

Чтобы обеспечить себя рабочими, фабриканты обыкновенно выговаривали себе право в течение известного времени пользоваться трудом обученных ими рабочих; так, напр., в привилегии Тамесу ему указывается, что поступающие на фабрику ученики обязаны пробыть на ней не менее 10 лет (7 лет в качестве учеников и не менее 3 лет в качестве подмастерьев), и только тогда они могут перейти на другие фабрики (именной указ 10 марта 1720 г.); ученики на игольном заводе Томилина должны были оставаться на заводе до совершеннолетия; ученики суконной фабрики Щеголина не имели права уйти с фабрики до истечения 7-летнего срока; 7-летний срок учения был, повидимому, общим правилом. Регламентом Мануфактур-Коллегии (§ 12) за «подзывание работных людей с одной фабрики на другие» до истечения урочного срока работы был назначен огромный штраф—100 рублей за каждого рабочего; этот штраф уплачивался виновным фабрикантом, рабочий же возвращался на фабрику прежнего своего хозяина и подвергался телесному наказанию.

Все эти ограничения свободы перехода рабочего с одной фабрики на другую указывают, как трудно было фабриканту набрать и сохранить рабочий персонал.

Иными словами, петровские фабрики не могли держаться вольнонаемным трудом. Этим и об'ясняется знаменитый Петровский указ 18 января 1721 г., которым на «купецких людей» было распространено в высшей степени важное право покупать к фабрикам и заводам населенные деревни «под такою кондицией, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотлучно».

Закрепощение рабочего.

Благодаря этому указу, петровские фабрики быстро перешли от свободного к принудительному труду. Отношение труда к капиталу в нашем крупном производстве вылилось в совершенно другие формы, чем на Западе. Вместо капиталистической промышленности, развивающейся в это время на Западе, у нас возникло крупное производство, основанное на принудительном труде.

Корсак называет приведенный Петровский указ «одною из самых несчастных мер Петра». Семевский, повидимому, также считает этот указ ошибкой Петра («правительство при Петре Великом—говорит этот автор—додумалось до того, чтобы фабричные работы исполнялись таким же крепостным трудом, как и сельские в имениях частных землевладельцев»). Само собою разумеется, эта мера отнюдь не свидетельствует о «беспредельной заботливости об участи рабочих», которая отличала, по мнению Нисселовича [1]), правительство Петра. Тем не менее, переход петровских фабрик от вольнонаемного к крепостному труду вызывался, как я старался показать, экономической необходимостью.

В стране с первобытным хозяйством, как тогдашняя Россия, крупное производство не могло основываться на свободном труде. Крепостной труд был гораздо выгоднее для фабриканта. А так как правительство Петра, если и проявляло к кому-либо «беспредельную заботливость», то уж никак не к рабочим, а разве к фабрикантам, то вполне естественно, что оно распространило на фабрикантов право, которое раньше было привилегией дворянства — право пользования принудительным трудом.

Таким образом, благодаря указу 18 января, вопрос о снабжении фабрик рабочими руками был решен в том направлении, которое определялось общими экономическими и социальными условиями Петровской России. Вместо капиталистического производства у нас водворилось крепостное производство.

Но разрешение фабрикантам пользоваться принудительным трудом еще не изменяло юридического положения всех тех рабочих, которые работали на фабриках по вольному найму. Фабрики продолжали служить приютом для беглых, которые юридически ничем не были связаны с фабрикантами. Убедившись в выгоде принудительного труда, фабриканты стали стремиться к закрепощению и всех остальных свободных рабочих. Этого им удалось достигнуть не раньше 1736 г. В этом году, по прошению крупнейших фабрикантов того времени — Затрапезного, Щеголина с товарищами, Микляевой, Гончарова, Подсевальщикова, Тамеса с товарищами, был издан высочайший указ, по которому все те мастеровые, которые во время издания указа будут находиться на фабриках и будут обучены мастерству, должны «вечно» со всеми своими семействами оставаться на фабриках у настоящих владельцев. За этих мастеров фабриканты должны были заплатить по известной

---

[1]) Л. Нисселович. История фабр.-заводского законодательства в России (1883 г.) I, стр. 45.

таксе прежним владельцам-помещикам, Дворцовому, Синодальному ведомствам, казне. Мастеровые, владельцы которых неизвестны, отдавались фабрикантам без всякой платы, а все беглые чернорабочие (которые окажутся на фабриках) должны были быть возвращены законным владельцам.

Вместе с тем, фабрикантам предоставлено было право наказывать «домашним порядком» вечно-отданных им мастеровых, «которые явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные», а также и отправлять их в Коммерц-Коллегию «для ссылки в дальние города или на Камчатку на работу, чтобы другим был страх». В случае бегства мастеровых с фабрики, воеводы должны были их ловить и по учинению наказания отсылать обратно на фабрику.

Таким образом состоялось окончательное прикрепление мастеровых к фабрикам, и наша фабрика приняла характер рабочего дома, в котором порядок поддерживался суровой дисциплиной, а поощрением к труду служили тяжелые наказания.

Переход русских фабрикантов от вольнонаемного к крепостному труду был вызван прежде всего низкой производительностью свободного труда, благодаря чему крепостная работа оказывалась более выгодной для фабриканта. С другой стороны, крепостные отношения делали невозможным поднятие производительности труда. Пока работа на фабриках имела принудительный характер, она должна была оставаться мало успешной. В этом и заключалась основная причина медленности развития нашей фабричной промышленности в течение всего XVIII века...

М. Туган-Барановский, Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I (1898 г.), стр. 17—24.

II.

Рабочие руки на казенных, дворянских и купеческих предприятиях.

Наиболее сложно для промышленности крепостной России стоял вопрос о рабочей силе. Если дворяне могли на своих фабриках пользоваться трудом крепостных, а государство для своих заводов могло использовать труд казенных крестьян, то для купечества дело обстояло иначе. Когда в 1736 году ярославский фабрикант Иван Затрапезный, фабрикант Иван Гамес с товарищами и др. обращаются к правительству с просьбой о воспособлении, они заявляют, что «нуждаются к размножению и спокойному» содержанию фабрик не в «денежной помощи», но испытывают нужду «в мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях». Капитал имеется — рабочих людей нет.

В каком, однако, смысле нужно понимать эту нужду в рабочей силе? Мы увидим ниже, что ко второй половине XVIII века, во всяком случае, были источники, откуда можно было почерпнуть вольнонаемных работников. Если купцы жалуются на недостаток рабочих рук, то причину их жалоб надо искать не столько в действительной невозможности найти рабочих, сколько в общественных отношениях эпохи. К тому времени, когда правительство

занялось поощрением промышленности, начало которому положил Петр I, заканчивалось всестороннее оформление крепостного порядка. Рост промышленности требовал применения вольного труда — общественный строй, наоборот, всецело был проникнут началом крепостничества. Все трудовое население было формально закреплено; сельское хозяйство было построено на труде принудительном; крепостной труд дешев и открывает безграничный простор эксплоатации. Вполне естественно, что и дворянский и купеческий капитал стремился, прежде всего, заполнить свои фабрики и заводы крепостными, пренебрегая трудом вольнонаемным, в пределах тех возможностей, какие имелись. Усилия правительства в первое время также идут по этой линии наименьшего сопротивления — содействия использованию крепостного труда в промышленности.

В этом смысле купечество имело основания жаловаться на недостаток рабочих, так как оно не располагало правом владеть деревнями и крестьянами. Правительство, поощряя частную инициативу в промышленности, не может на первых порах обойти в этом отношении купечество, выделяя его из круга привилегированных крепостников. Оно идет поэтому навстречу желаниям купечества, наделяя его казенными крестьянами и мастеровыми, разрешает им покупать к фабрикам деревни с крестьянами. Кроме того, в интересах как частного капитала, так и казенных предприятий, широко практикуется принудительное прикрепление к фабрике той рабочей силы, какую можно уловить сверх закрепленного крестьянства. На первых порах преобладание получает тенденция возможно полного использования в промышленности крепостного труда.

Как известно, в конце XV и в XVI веке в Западной Европе царило кровавое законодательство против бродяжничества, о котором Маркс писал, что «отцы теперешнего (т. е. середины XIX века) рабочего класса с самого начала подвергались каре за то, что их превратили в бродяг и пауперов». Их подвергали бесчеловечным наказаниям, отдавали на принудительные работы. Такой же участи подвергались нищие, праздношатающиеся и бродяги, в особенности, беспризорные дети, которых бросали на фабрику из воспитательных домов. Крепостная Россия также знала своих беглых, бродяг и расправлялась с ними по-своему. Крестьяне массами бежали от помещиков, от рабства в поисках вольной жизни, бежали в степи, на Волгу, на Урал, на окраины. Беглые оставались в собственности помещиков, которые всегда могли пред'явить на них свои права, тем не менее фабриканты, в погоне за дешевым трудом, таких беглых охотно принимали на работу... При разрешении вопроса о беглых правительству приходилось лавировать между Сциллой и Харибдой: интересы дворянства требовали, чтобы права их на беглых крестьян были охранены и беглые были возвращены помешикам, интересы же фабрикантов, напротив, требовали оставления беглых на заводах, так как в случае возвращения бежавших заводы лишились бы рабочей силы. Петр I сперва приказал совсем не отдавать с фабрик работников и учеников из беглых помещичьих крестьян, а потом предоставил фабрикантам оставлять у себя тех из пришлых людей, которые обучались ма-

стерству, причем за такого работника фабрикант должен был уплатить помещику 50 р. Принятое Петром решение было развито и закреплено указом 7 января 1736 г. Указ этот в мотивах своих ссылается на жалобы фабрикантов, которые заявляют, что, испытывая недостаток в рабочих, они принимали в ученики солдатских детей, а также разного звания крестьян и разночинцев, «которые через многие годы на тех фабриках мастерству обучались, а явились после беглыми». Сенат, принимая во внимание, «чтоб те фабрики от разобрания мастеровых и работных людей в упадок и разорение не пришли», постановил «*быть вечно при фабриках*» тем из них, «которые при фабриках обретались» и обучались какому-нибудь мастерству, «а не обретались в простых работах». За этих оставляемых при фабрике работников фабриканты должны были заплатить помещикам по особо определенной в указе таксе, которая расценивала крестьянскую семью (мужа и жену с малолетними детьми), если подушного оклада за нее не платили, в 30 р., холостых — в 20 р., мальчиков старше 10 лет — в 7 р., девушек старше 15 л.—в 3 р. 50 к. и т. д. Оставлялись на фабрике только обучившиеся мастерству, но не чернорабочие, которые подлежали возвращению помещикам. Таким образом, указ 1736 г. создал особый разряд вечно отданных людей, прикрепленных навсегда к фабрике; детей их фабриканты должны были обучать мастерству и производить в мастера. Указ 13 мая 1754 г., окончательно разрешивший вопрос о беглых, в общем, подтвердил, что за исключением мастеровых, вечно отданных фабрикам по указам, все прочие должны быть возвращены помещикам. Однако, принятых на фабрику позже 1736 г. фабриканты также могли у себя оставить, если они окажутся крайне необходимыми, с уплатой помещику по 50 руб. за мужчину и по 25 руб. за женщину.

Вечно отданные, как мы видели, не были свободными людьми: они не принадлежали помещикам, от которых бежали. Но они не принадлежали и фабриканту, который на принудительное пользование их трудом не имел никакого права и сперва вступал с ними в договорные отношения. После недолгих колебаний правительство по отношению к мастеровым — но не ко всем вообще крестьянам—поступилось интересами дворян в пользу фабрикантов, прикрепив беглых работников к фабрике.

Помимо беглых крестьян к услугам капитала была предоставлена и другая рабочая сила, которую черпали из бесправного и беззащитного населения.

Так, указом 7 июля 1744 г. сенат приказал тех из солдатских детей, «которые матерей и родственников и свойственников у себя не имеют, или, хотя и имеют, да пропитания своего у них нет: таковых для воспитания и дабы они вовсе без призрения и пропитания пропасть не могли, отдавать всякого чина людям, имеющим деревни, также на фабрики и заводы», причем, «быть оным у них вечно, равно как купленным и крепостным их людям». Когда в 1767 г. Военная Коллегия вошла в сенат с представлением впредь солдатских детей на фабрики не отдавать, а совершеннолетних определять на военную службу, а малолетних—в гарнизонные школы, сенат с этим

не согласился и постановил оставить детей на фабриках, предложив Военной Коллегии, Главному Комиссариату и Мануфактур Коллегии «иметь рассуждение» о грозящем фабрикам «упадке», если «оных школьников от тех фабрик, у которых приписных крестьян нет, отобрать» [1]). Из справки, представленной сенату, между прочим оказалось, что в 1749 г. на московскую суконную фабрику было отдано из гарнизонной школы до 400 человек и на другую суконную фабрику—102 человека в возрасте от 10 лет, с тем, что они должны были оставаться на фабриках до 20-летнего возраста. На ряду с этим фабрикантам давались особые разрешения набирать на фабрику беспризорных детей, которые прикреплялись к фабрике до совершеннолетия Так, в привилегии, данной в 1722 г. компанейщиками игольных заводов Томилину и Рюминым, последним разрешалось «во ученье брать в Москве и на Рязани из бедных и малолетних, которые ходят по улицам и просят милостыню, и тем ученикам быть при том деле до совершенного возраста». Когда находили нужным оказать промышленности «царскую милость», вещественное выражение последней находили также в маленьких рабах: в ознаменование своего покровительства казенной бумажной фабрике Екатерина назначила на фабрику 20 мальчиков из воспитательного дома.

Участь детей разделяли и те, кого растяжимо называли праздношатающимися. «Генеральный указ о всех фабриках» 7 января 1736 года предписал «по силе прежних указов отдавать на мануфактуры и фабрики» сроком на пять лет «неимущих пропитания и промыслов» мужчин из купечества и разночинцев, а также женщин, «чьи бы они не были скудные», если они «без призрения по городам и по слободам и по уездам между двор будут праздно шататься и просить милостыню». Особенное внимание при этом оказывалось женщинам: еще указ 1721 г. требовал «винных баб и девок» отдавать фабрикантам, указывая, «сколько которой в работе быть или по смерть, и содержать их при тех работах под караулом, давая им на пищу кормовые деньги по рассмотрению». Через 40 лет, в 1762 г. последовало приказание «праздношатающихся и по миру бродящих солдатских, матросских и других служилых людей женок», если у них мужья умерли, находятся в походах или «других дальних посылках», отдавать на фабрики и мануфактуры, с тем, однако, что если мужья их найдутся и жен своих потребуют, то их в «самое короткое время отдавать». Когда одна из таких «девок» задержана была полицией и заподозрена в занятии проституцией, сенат предписал отправить ее на фабрику, подтвердив в 1771 г.: «женщин, чьи б они не были, меж двор праздношатающихся, отдавать на мануфактуры и фабрики».

Во всех этих случаях то обозначался, то не обозначался срок отдачи на фабрику, но фактически все отсылаемые для принудительной работы становились «вечно отданными», так как фабриканты не только не пренебрегали такого рода трудом, но и добивались его, как пользовались и трудом «колодников». И еще в 1823 году, когда по частному поводу возник вопрос «об посылаемых на фабрику людях», было лишь подтверждено, что отсылка

[1]) См. ниже, № 17.

на работы должна быть ограничена сроком, причем точно срок этот все же не определялся. После этого неудивительно, что по частному вопросу, освободить ли немедленно таких «людей» с фабрики, о которой шла речь, комитет министров находил необходимым «положение сие привести в действие таким образом», чтобы фабрика «через внезапное лишение значительного числа работников не могла потерпеть расстройства». Как и раньше, на первом плане стояли интересы фабрикантов, к которым должны были приспособляться в своей каторжной жизни и солдатские дети, и дети воспитательных домов, и шатающиеся «между двор» женщины, и вообще, «все подлые» люди, которым на роду написано «быть вечно при фабриках», доставляя капиталу материл для его накопления.

Ядро рабочих—крепостные крестьяне. Как ни было, однако, значительно число таких насильно прикрепляемых к фабрике, не они составляли основу принудительного фабричного труда. Главную массу последнего составляли крепостные крестьяне.

Непосредственно к принудительной работе приводило государственных крестьян—на казенные заводы, помещичьих—на фабрики своих же помещиков. Проще всего переход к фабричной работе был для помещичьих крестьян: так как помещик распоряжался трудом своих крестьян, то он мог занять их и фабричной работой полностью или отчасти. Не сложно обстояло дело и для государственных крестьян. Они переводились на казенные работы, приписывались к горным и другим заводам, на которых отбывали барщину: они должны были отрабатывать подати своей работой на заводах. Более сложно разрешался вопрос применительно к тем фабрикантам, которые, по сословной своей принадлежности, не имели права владеть землей и крепостными, т. е., прежде всего, применительно к купечеству.

Такие лица могли получить крепостных работников лишь в общем порядке покупки земли и крестьян, либо на каких-либо особых условиях от тех, кто владел крепостными, т. е. от государства и от дворян.

Дворяне могли от себя отдавать на чужие фабрики своих крепостных, получая за это определенную плату. Фабрикант заключал договор не с крепостным, а с помещиком, к которому поступала плата за рабочих. Это были так называемые *кабальные* рабочие.

Государство также могло предоставить в распоряжение фабрикантов на определенных условиях находившуюся в его распоряжении рабочую силу. Мы видели это отчасти только что на примере вечно отданных людей. Но чаще всего это практиковалось передачей частным лицам казенных заводов вместе с находившимися при них мастеровыми и крестьянами... В других случаях для «поощрения» фабрикантов к предприятиям их приписывались казенные крестьяне. Такие крестьяне назывались *приписными*.

Но припиской казенных крестьян к частным фабрикам вопрос о рабочей силе еще не разрешался полностью так, как это было в интересах купечества. Приписка зависела исключительно от правительства и получить ее можно было только по особым указам. Права непосредственно и по соб-

ственной инициативе получать рабочую силу — помимо, разумеется, вольнонаемной—купечество еще не имело.

Поощряя промышленность и идя навстречу интересам фабрикантов, Петр сделал решительный шаг в сторону удовлетворения притязаний капитала. Указом 18 января 1721 г. он разрешил «купецким людям» покупать к своим заводам деревни (конечно, с крестьянами). В мотивах к указу отмечается, что раньше купцам запрещалось покупать деревни, так как они занимались торговлей и заводов не имели, а так как они теперь стали заводить вновь разные заводы, из которых «многие уже и в действие произошли», то им дозволяется покупать деревни. Однако, при этом непременным условием ставилось, чтобы купленные деревни «всегда были уже при тех заводах неотлучно», и заводчики не имели права деревень «особо без заводов» продавать или отдавать на выкуп, для продажи же деревень вместе с заводами требовалось разрешение Берг-Мануфактур-Коллегии.

Таким образом, фабриканты получили над купленными крестьянами право условной, ограниченной собственности. Крестьяне принадлежали «к фабрике», но не фабриканту, который имел право пользоваться их трудом, но не мог их продавать отдельно от фабрики. Крестьяне, купленные купцами к фабрикам, как и приписные к фабрикам, получили впоследствии название *поссессионных.*

Существенные отличия поссессионных крестьян от крепостных заключались в следующем: 1) их нельзя было продавать отдельно от фабрик, закладывать и отпускать на волю; 2) их не разрешалось употреблять на не фабричные работы; 3) определено было максимальное количество крестьян, которых можно было покупать к фабрикам; 4) установлено было, какую часть поссессионных крестьян можно было употреблять на работу; 5) от фабрикантов, заводивших фиктивно фабрики, чтобы покупать к ним деревни, последние отбирались в казну.

Этот процесс закрепощения заводского крестьянства происходил при активном участии капитала как дворянского, так и купеческого...

Вольнонаемный труд.

На ряду с крепостным трудом фабриканты пользовались также вольнонаемным трудом как до разрешения покупки ими крестьян, так и после такого разрешения. Капитан Рычков, путешествовавший по разным провинциям России в 1769 и 1770 г.г., рассказывает, например, о медном заводе тульского купца Красильникова, расположенном в 7 верстах от Елабуги: «Хотя находятся при заводе несколько собственных его, заводчика, крестьян, но число их очень малое: и потому исправляется он наемными работниками, которых он довольное число находит в тех самых деревнях, которые близ заводу его находятся». По наблюдениям Рычкова, «заводчики Оренбургской губернии достают работных людей из внутренних Российских провинций. В известное время посылают они туда своих приказчиков, снабдя их довольным числом денег, дабы оные давать в задатки в наем подряжающимся работникам». Рычков не только подметил применение наемного труда, но

и указал, где фабриканты получали наемных работников: они набирали их из близ лежащих деревень, а если под руками вольных рабочих людей не было, посылали законтрактовывать их в другие места.

Правительство также неоднократно ставит вопрос о вольнонаемном труде не только, как увидим, отменив право купцов покупать к заводам деревни, но и прямо поощряя работы по найму. В инструкции, данной в 1734 г. Татищеву, назначенному главным начальником горных заводов Урала и Перми, рекомендуется стараться, чтобы «некоторые работы на заводах, обретающихся в Тобольских и Верхотурских слободах, исправлять вольным наймом», причем такое предпочтение вольному найму мотивируется тем, что Демидов производит железа вдвое больше казенных заводов и «вольными работниками и гораздо дешевле все работы исправляет». В «наставлении», данном Екатериной 6 декабря 1762 г. кн. Вяземскому, который послан был для усмирения заводских крестьян, поручалось, между прочим, выяснить, «каким бы образом и не лучше ли работы горные производить за плату вольную и наемными работниками, дабы через то, ежели можно, впредь отвратить все причины к таковым беспокойствам и работу прочнейшею и полезнейшею сделать». Кн. Вяземскому давалось поручение практически выяснить вопрос о переходе к вольнонаемному труду, который не только положит конец волнениям приписных крестьян, но и работу сделает «прочнейшею и полезнейшею», причем не возбуждается сомнений, могут ли быть найдены вольные работники. Кн. Вяземский, побывав на месте, выяснил, что «вольных работников на заводах и в рудокопных ямах вельми мало», и привел «тому свои об'яснения». По его мнению, «приискивать и умножать число вольнонаемных работников удерживает и собственно завододержателей прибыль», так как «положена крепостным крестьянам за работу весьма малая плата», за которую «вольных работников и достать не можно», т. е. заводчики не прибегают к вольнонаемному труду по той простой причине, что обеспечены дешевыми рабочими руками приписных крестьян... Наконец, если местные крестьяне «в некоторые места, от Свияжска до Вятки для работ и приходят», то на горные заводы «не охотно и в малом числе нанимаются», потому что, во-первых, «по близости на соляных варницах и других заводах работу находят», а, во-вторых, «с такими вольными людьми поступается на тех заводах еще и сурово», «так что не только нет у них охоты итти в работы на те заводы», но и «при вступлении в работу опоручиваются друг по друге, и как уйдут, то другие за них для отрабатывания за ушедших удерживаются»...

Откуда же мог притекать в промышленность вольнонаемный труд?

Вольных работников поставляло, главным образом, то же крестьянство, и, прежде всего, государственные крестьяне. Последние хотя и находились в полном распоряжении государства, которое могло в любую минуту уравнять их с помещичьими крестьянами припиской к заводу или раздачей вместе с землей частным лицам, но существенно отличались от крестьян, принадлежавших помещикам: они не были обязаны государству постоянной работой, не отбывали в этом смысле барщины, но платили оброк и подати

Благодаря этому, они располагали фактически относительно большей свободой и, будучи на оброке, могли уходить на заработки в промыслы, на фабрики, заводы и т. д. С другой стороны вольных работников могли поставлять и помещичьи крестьяне. С развитием денежного оборота помещики стали отпускать своих крестьян в отходные заработки, а те в поисках работы шли также на фабрики, чтобы на заработную плату жить и вносить помещику оброк. Такие наемные рабочие не были, конечно, свободными рабочими. Они принадлежали помещику, и самая возможность отхода их на заработки находилась всецело в зависимости от воли помещика. Но по отношению к фабриканту они были людьми вольными, от него в крепостной зависимости не стоящими, как поссессионные крестьяне. Существенно отличались они и от кабальных рабочих, которых отдавали на работу помещики; оброчные крестьяне становились сами на фабричную работу без участия помещика. Фабрикант вступал с ними в договорные отношения, и фабричный режим более или менее приближался к режиму, основанному на договоре найма. С другой стороны и работа таких наемных людей приближалась к свободному труду, так как она протекала вне внешнего принуждения, основываясь на заинтересованности самого рабочего, почему и представляла несомненные преимущества перед крепостным трудом.

Крестьянский отход на заработки был широко распространен в крепостной России... Помещики переводили крестьян на оброк и делали возможным отход их на всякого рода промыслы в своих интересах... Малоземельный помещик, который не имел возможности эксплоатировать труд крепостных в своем хозяйстве, мог извлечь выгоду из работы их на стороне. Все вообще помещики могли в известных случаях предпочитать оброк барщине, так как при оброке они получали от крестьян деньги, которые так нужны были в хозяйстве и в личной жизни помещика с развитием денежного хозяйства. Но отход порождался также нуждою самих крестьян, необходимостью искать заработка на стороне, чтобы уплатить помещику оброк и принесть что-либо «домой для награждения недостатков»...

Из книги М. Балабанова — Очерки по истории рабочего класса в России ч. I (2-е изд. Киев, 1924 г.), стр. 24 и сл.

10. На старейших полотняных фабриках.

В 1706 г. было велено устроить в Москве на Посольском дворе полотняный и скатертный завод для «делания голландских полотен и скатертей и салфеток». В том же году «торговый иноземец» голландец Андрей Мень «приговорил» в Амстердаме шесть мастеров полотняного и скатертного дела. По заключенному договору мастера-голландцы должны были научить своему ремеслу русских, за что им назначалось месячное жалованье в голландских гульденах, которые переводились на московские деньги «по вексельному хождению»... С собою они везли необходимый инвентарь будущего завода: 11 полотняных и 1 салфеточный стан «со всякою потребою». В том же ме-

сяце станы были установлены в палатах Посольского двора, и завод начал действовать.

Организация завода, так, как она рисуется по сохранившимся документам, была не сложна. Во главе заводского управления с декабря 1706 г. был поставлен «русский купчина» из Мещанской слободы Василий Турчанинов. Он должен был следить за иноземцами и русскими учениками, а также вести хозяйство и покупать предметы, необходимые в технике производства: дрова, лен, золу, сало, муку для варения скорбил, и шлифты и т. д. Все эти вопросы, связанные с организацией и управлением завода, разрешались по докладам купчины государственным подканцлером П. П. Шафировым. Часто «доносительные статьи» посылались ему в «военный поход».

Первые русские мастера.

Первая партия русских учеников в числе 27 человек была принята в начале марта 1707 г.; из них 15 были тотчас посажены за стан ткать полотна, а 12 — за шпулы мотать пряжу. С июня им стали выдавать кормовые деньги: ткачам по 30 алтын, а шпульникам по 21 алт. 4 деньги в месяц. В октябре кормовые деньги ткачам были увеличены до одного рубля. К сожалению, нет возможности установить продолжительность рабочего дня, но во всяком случае работа велась и в сумерки, когда помещения освещались сальными и маковыми свечами, которые покупались для «вечерового сидения».

Новопринятый ученик должен был в течение двух месяцев показать, что он «годен к делу». Тогда по его челобитной и по сказке купчины устанавливался месячный оклад жалованья.

Принятые ученики освобождались от взысканий податей и тягла. 15 августа 1708 г. в присланном «из военного похода» письме было написано, что государь указал: русским ученикам всем быть у полотняного дела «непременно и никуда их от оного не брать, также и никакого тягла и податей ни в который приказ о них не спрашивать». В этом же письме предлагалось принять меры к увеличению числа обучавшихся: «впредь для размножения того полотняного завода прибирать к тому делу учеников из таких же свободных людей, кроме помещиковых и вотчинниковых людей и крестьян».

Увеличение числа учеников, вероятно, стояло в связи с предположенной около этого времени постройкой новых зданий завода, так как теснота помещений на Посольском дворе не позволяла расширить производство. Тогда же в Новонемецкой слободе было заведено отделение в виде белильного двора.

Указ о новом приеме в ученики был прибит ко всем «градским воротам»; предлагалось желающим учиться скатертному и полотняному делу приходить записываться в государственный посольский приказ. В течение июня и июля 1709 г. число записавшихся значительно превысило потребность. Сначала принимали всех. В числе записавшихся были два ткача думного дьяка Емельяна Украинцева: мастер скатертного дела Матвей Степанов и Иван Татаринов. В июне записалось 18 учеников, в июле—13. Все

записавшиеся отсылались на полотняный завод Посольского двора и к «беленью» в Новонемецкую слободу. До августа они работали без жалованья, после чего был сделан запрос о размере месячных кормовых денег, и тогда последовал указ: двум ткачам Украинцева и 18 ученикам давать жалованье поденно, по 4 деньги в день, начиная со дня записи, а остальным 13 человекам выдать кормовые деньги по такому же расчету, но у полотняного дела им «быть не велено для того, что у записки явилось их многое число, чтоб в том его Государевой казне напрасно истраты не было, а когда понадобится и в то число можно тех учеников вновь прибрать». Уже в октябре было вновь принято в шпульники 5 человек [1]).

Весною 1709 г. ткачи Григорий Иванов, Леонтий Сергеев, Петр Степанов и основщик Павел Григорьев доносили, что они «полотняное дело, тонкие полотна ткать и во всем управлять и без мастеров умеют и за станами над учениками смотреть будут, а полотна де из дела станут выходить против прежнего скорее».

Это были первые обученные русские мастера.

Оплата труда. Штука полотна, в которой было 28 аршин, стоила 13 руб. 20 алт. 5 денег. Эта цифра была признана чрезмерно высокой, и осенью 1709 г. была сделана интересная попытка поднять производительность завода посредством перехода *к другой системе оплаты труда.*

29 июня 1709 г. последовал указ о переходе на поштучную оплату: 22 ткачам было велено давать кормовое жалованье по 1½ рубля за вытканную штуку полотна; основщику и шпульникам были оставлены прежние кормовые деньги. Русским ученикам был сказан «его великого Государя указ»: всем начать работать над новыми штуками, а русским ткачам, умеющим ткать и управлять без иноземцев, была обещана «придача» за то, чтобы они смотрели над русскими ткачами «со всяким прилежанием и сами всегда были в беспокойстве».

Установленная норма оплаты в 1½ рубля за штуку показалась ткачам недостаточной. Они били челом, «что им та дача по полтора рубля от штуки мала, потому что прокормиться им тою дачею без прибавки нечем». Об этой их «упорности» было написано в «военной поход», после чего по новому указу оплата была повышена до 2 рублей.

Для точного учета работы в особую книгу заносились: день, в который начиналась работа над новой штукой полотна, день окончания работы, продолжительность работы отдельного ткача над одной штукой, длина вытканной штуки, вес и сорт пряжи, число нитей в бердах, полученная оплата.

Строго воспрещалось всякое другое вознаграждение кроме сдельной заработной платы.

Отдельные колебания в продолжительности работы были, конечно, очень значительны, тем более, что часть, правда незначительная, русских

---

[1]) Среди записавшихся в ученики большинство принадлежало к тяглецам московских слобод и сотен, в особенности Кадашевской.

ткачей предпочитала не дожидаться окончания работы, которая продолжалась 2 и 3 месяца, а получать ежемесячно кормовые деньги по прежнему расчету. Ткач Никита Иванов, бравший кормовые деньги каждый месяц в 40 алтын, выткал штуку полотна в 26 арш. тонкой пряжи в 7 мес. 22 дня. При сдельной оплате наивысший предел продолжительности работы над такой же штукой полотна тонкой пряжи был 3 мес. 15 дней, а наименьший — 1 мес. 22 дня [1]. И в работе над полотном ровной пряжи колебания были также значительны: наивысший предел — 3 мес. (штука в 26 арш.), наименьший—1 мес. 12 дней. Ткач Забырляев, получавший прежний месячный корм, выткал штуку полотна ровной пряжи длиной в 25 арш. в 3 месяца 23 дня.

Приведенные примеры показывают, что переход на сдельную оплату несомненно увеличил быстроту работы отдельного ткача и уменьшил разницу, существовавшую между работой в зимние и летние месяцы.

К началу 1710 г. сдельная оплата была поставлена в зависимость от сорта полотна. Нижеприводимая таблица дает цифры оплаты и средней продолжительности работы:

Сорт полотна.	Оплата за 1 арш.	Плата за 1 штуку в 25 арш.	Средняя продолжительность работы.
Тонкое	3 алт.	2 руб. 8 алт. 2 д.	$2^1/_2$ мес.
Средней руки	2 алт. 4 д.	2 „	2 мес.
Ровное	2 алт. 2 д.	25 алт.	$1^1/_2$ мес.

Несколько позже для сдельной оплаты была принята голландская система. В основу разделения различных сортов полотна было положено количество нитей (в сотнях), из которых вытачивалось бердо:

Количество нитей в бердах (в сотнях).	Плата за 1 аршин полотна.	
	Алтын.	Денег.
10	—	10
от 12 до 13	2	2
„ 14 „ 15	2	4
„ 16 „ 17	3	—
„ 20 и выше	3	2

Если сравнить цифры настоящей таблицы с цифрами, указанными для Голландии, то оказывается, что русская оплата была значительно выше для малого числа нитей в бердах и значительно ниже для большого числа [2].

Шпульники, характер работы которых затруднял переход на сдельную систему оплаты, получали месячные кормовые деньги в зависимости от продолжительности пребывания на заводе.

---

[1]) Ткач Григорий Иванов, работавший в зимние месяцы, с 23 окт. по 15 дек.: штука полотна была длиною в 25 арш.

[2]) Аршин полотна в 10 сот нитей в бердах в Голландии оплачивался в 5 ден., в Москве—10 ден., т. е. в два раза выше. Аршин полотна в 25 сот нитей в Голландии оплачивался в 56 ден., в Москве—20 ден., т. е. почти в три раза ниже.

Шпульники, сидевшие в 1710 г. у полотняного дела на Посольском дворе, разделялись на три разряда: старых, старого набора и нового прибора. В начале 1711 г. они получали кормовые деньги: 20 алтын; 21 алт. 4 д.; 30 алтын. Основщик получал 40 алтын.

Месячный корм получали также русские ткачи салфеточного и скатертного дела (в 1711 г. 1 руб. 6 алт. 4 д.).

Осенью 1708 г. приехали новые мастера-голландцы — три мастера «скатертного и салфеточного дела камчатой руки». Они привезли с собою три стана.

Оборудование нового салфеточного и скатертного завода было элементарно просто: вскоре после приезда голландцев, в светлице на их дворе был поставлен один салфеточный стан, а другой — во второй светлице, но по донесению купчины новоприезжие мастера «упрямятся и не зачинают ткать», ссылаясь на тесноту помещений, и просили построить светлицу большего размера, а также призвать из-за моря еще иноземцев, а русских — «допущать не хотят, хотя им о том многократно говорено».

К 1 мая 1709 г. русских учеников на заводе было только 2 шпульника, которые мотали пряжу, салфетки же ткали сами мастера. Купчина доносил, что несмотря на приказание подыскать в русские ученики мастеров, которые на боярских дворах делали скатерти и салфетки, никого найти не могли. Было решено издать новый указ о приеме желающих в ученики, обещая «плату добрую», причем принимать лиц из слобод и свободных «без опасения», а из боярских дворов: «то смотреть того, чтобы не из знатных и за тех обещать помещикам за плату». Шафиров также приказывал побуждать голландцев к обучению русских и в случае упрямства—держать их в приказе и сообщить об этом «для ведома» русскому агенту в Голландии.

Набор новых русских учеников к скатертному и салфеточному делу двигался очень медленно. В июле 1709 г. на этот завод в Новонемецкую слободу были переведены из полотняного завода: 2 ткача, 2 старых шпульника и 2 шпульника «старого набора».

К маю 1711 г. состав мастеров-иноземцев и русских был следующий:

иноземцев:

мастеров полотняного дела—3, мастеров скатертного и салфеточного дела—2, мастеров платобелильного дела—2, всего 7 чел.

русских:

а) на полотняном заводе на Посольском дворе: старых ткачей — 9 (кроме них семеро считалось в бегах), новопосаженных ткачей—5, основщик—1, шпульников—34, всего 49 чел.;

б) на скатертном и салфеточном заводе в Новонемецкой слободе: ткачей—5 (в этом числе один ткач полотен), шпульников—17, всего 22 чел.

Из очерка К. Базилевича — На старейших полотняных фабриках („Архив истории труда в России", кн. 10).

11. На московско-новгородской парусной фабрике.

В 1696 г. в Москве была устроена у реки Яузы полотняная фабрика, так назыв. „Хамовый двор", поставлявшая свои изделия на царя. В 1703 г. „Хамовый двор" был передан в ведение Адмиралтейской канцелярии—впредь фабрика должна была изготовлять полотна для флота. Во время „моровой язвы", постигшей Москву в 1771 г., из 704 рабочих погибло 614. После этого было решено перевести фабрику в Новгорсд, куда и были перевезены (1779 г.) все станы и инструменты, а также мастеровые с членами их семейств.

Комплектование рабочих и условия труда.

Рабочие получали чрезвычайно малую, так называемую «задельную» плату, зачастую не свыше 15-ти рублей в год, из которых еще делались вычеты «за медикамент», за нахождение в госпитале, или часть тратилась самими рабочими на покупку свечей для казенных работ в темное зимнее время; кроме этих денег рабочим ничего не полагалось, ни квартир, ни провианта, ни дров.

2 апреля 1775 г. мастеровые заявили о своем бедственном положении; прося производить им месячный провиант, они указывали, что, в случае отказа, принуждены будут посылать своих детей по миру. Московская Адмиралтейская контора присовокупила, в свою очередь, что при неисполнении этой просьбы «мастеровые всеконечно принуждены будут нищенствовать или впадать во всякие шалости». Просьба рабочих была удовлетворена: 3 июля 1775 г. было повелено производить выдачу месячного провианта всем, кто не вырабатывает в год более 15 рублей.

Для укомплектования новгородской фабрики рабочими предложено было нанимать желающих из русских или иностранцев. Указывалось и на то, что новозаведенная фабрика «неминуемо всех праздных новгородских жителей к сей работе притянет, им доставит пропитание и предовольно чрез то достанет ей рук». Для призыва рабочих на фабрику чаще всего прибегали к так наз. «публикам», иначе публикациям, или к так. назыв. «припечатанию в ведомостях», причем призыв касался не одних мужчин, но равно и «женок». Поиски делались через Наместнические Правления. Особенно долго не могли найти главного или старшего мастера, так наз. «установителя». Наконец, место старшего мастера временно занял подмастерье бывшей московской фабрики П. Усов, прибывший в 1778 г. на новгородскую фабрику с шестью рабочими. Усову предписывалось особенно следить за поведением рабочих, которых за шум, ссоры и драки повелевалось ему «штрафовать палкой или линьком, с умеренностью».

Впоследствии комплект фабрики пополнялся рекрутами.

В 1785 году были присланы из Москвы для обучения парусному полотняному делу 27 крепостных людей графини Анны Родионовны Чернышевой. Им было положено задельное жалованье и провиант. Вступление таких «партикулярных» людей на фабрику случилось, по словам Интендантской экспедиции Адмиралтейств-Коллегии, «в первый раз». 15 июля 1785 г.

Адмиралтейств-Коллегия постановила: «ежели кто желает пользоваться делом таковых хороших полотен, какие делаются на казенной парусной фабрике, те для обучения оному могут работников с фабрик отдавать на Новгородскую парусную фабрику, которым во время тут их бытности будут производиться задельные деньги против того, как и находящимся на оной фабрике мастеровым производятся, а по прошествии 5 лет оные обученые опять будут отпущены к их помещикам, буде их взять пожелают; прежде которого сроку никто требовать не должен»...

С 1803 г. начал часто подниматься вопрос о починках и перестройках фабричных зданий. Фабричный госпиталь был в особенно плачевном состоянии; вместо 60 человек больных, для какого количества он был построен, ему часто приходилось вмещать 100 человек и более, которые принуждены были лежать на полу. Самый госпиталь тесно соприкасался с жилыми помещениями фабричных рабочих, которые особенно в зимнее время заражались один от другого и постоянно переполняли госпиталь. Заведенное при фабрике шляпное мастерство было упразднено в 1810 г., а соответствующее каменное здание было приспособлено для жилья фабричных служителей, так как деревянные казармы, в которых они жили, пришли в совершенную негодность...

Крепостные и рекруты, нищие и бродяги или так наз. «праздношатающиеся»—вот из кого состояли подневольные и вольные рабочие новгородской фабрики. Но среди этих случайных фабричных служителей находился и класс постоянных, исконных фабричных рабочих, в графе о происхождении которых в некоторых сохранившихся ведомостях 1799 года писалось: «из природных парусной фабрики служительских детей».

Это рабочие—безвозвратно оторвавшиеся от деревни, не имеющие фактически никакой собственности, жившие в Москве на вольных квартирах, а по приезде в Новгород в фабричных казармах со всей своей семьей, из которых уже 6-ти летние дети ходили на фабричную работу шпульниками или колесниками. Скудная пища, скудное жалованье, теснота жилищ, нищенская одежда, вычеты из жалованья, строгость начальства, штрафы и телесные наказания — все это рождало постоянное (с 1807 года особенно сильное) озлобление рабочих. Бегство их с фабрики было обычным явлением.

В 1787 году, когда особенно остро стала чувствоваться недостаточность задельной или заработной платы, рабочими было подано прошение об отмене вычетов «за медикамент» (по 1 копейке с рубля) и за бытие в госпитале, а также о выдаче казенных свечей для работ в зимнее время (на свечи иногда выходило по 25 коп. в месяц); за провиант, выдаваемый от казны, ежемесячно вычиталось по 68 коп. 29 марта 1787 г. указом Адмир.-Коллегии вычет за провиант был отменен, а свечи повелено отпускать из казны.

Старший мастер Якобсон в своем «об'яснении» (1803 г.), между прочим, говорил о неудобствах, связанных с близостью города, так как «мастеровые люди, сверх рабочих 250-ти, прочие праздничные 115 дней ходят в город на вольную и трудную работу, за что получа деньги, пропивают оные и делаются больными и неспособными к хорошей казенной работе».

К 1814 г. [1]) рабочие снова стали страдать невыносимо, так как заработная плата оставалась уже с 1799 г. без повышения, несмотря на возросшую дороговизну припасов первой необходимости. Самый расторопный мастеровой в 1816 г. получал в год не более 26 руб. 1½ коп., а иные только 7 руб. 13½ коп. Из этих денег производились вычеты «за мундир», выдаваемый от казны (по 81 коп. в месяц), и, попрежнему, «за медикамент», а за время пребывания в госпитале удерживалось половинное жалованье. Месячного провианта полагалось: рабочим первого и второго классов по 3½ четверика муки и 10 ф. крупы каждому, а рабочим третьего класса 2 четверика муки и 8½ ф. крупы. Мастеровые не безмолвно терпели нужду и притеснения — они выступали с прошениями и жалобами...

Возмущения рабочих. Яркую, но печальную картину жизни рабочих фабрики рисуют дела Аудиториатского Департамента; содержание каждого из них заслуживает быть предметом отдельной статьи; в настоящем же очерке можно указать лишь на главнейшие из этих дел. 23 мая 1816 г. генерал-интендант Пущин представил на ревизию в Аудиториатский Департамент дело новгородской комиссии военного суда о девяти мастеровых, присужденных к смертной казни «за неповиновение их своему начальству», причем Пущин предложил вместо смертной казни наказать подсудимых «шпицрутенами каждого через тысячу человек по двенадцать раз»! В чем же заключалась их вина?

Некоторые рабочие словесно просили директора фабрики об отмене вычета за казенный мундир и о назначении полного пайка малолетним, но Рерберг не только отказал, но и велел подвергнуть просителей телесному наказанию. В 1814 г. рабочие повторили просьбу, но уже в письменной форме, однако, их ходатайство было оставлено без внимания. Тогда шестьдесят мастеровых послали прошение на имя государя. Копия этого прошения была переслана директору Рербергу, который решил отправить всех, подписавших бумагу, в Архангельск. Команда стала требовать, чтобы было пред'явлено высочайшее повеление на это. Тогда на фабрику прибыл губернатор и комендант с конными драгунами, про которых подсудимые говорили в своих показаниях, что они, «ездя по всему фрунту, оный без всякой осторожности топтали лошадьми».

Команда заявила, что виноваты не только те шестьдесят рабочих, которые подписали прошение: бумага «писана с общего всех мастеровых согласия... и ежели отправлять в Архангельск, то бы отправляли всех». После об'яснений губернатора команда «из'явила должное повиновение, по крайней мере по наружности, не отложив, повидимому, вовсе своих сомнений». Губернатор заключил свое представление о случившемся словами: «не взирая на всю неусыпность, деятельность и на весь порядок директора Рерберга, сей дух буйства, недоверенности к начальству и ослушание без примерного распоряжения вышнего правительства совершенно смирить и уничто-

[1]) В целях полноты картины здесь приведены данные, относящиеся к 19 веку.

жить едва ли будет возможно». Девять человек, признанных зачинщиками возмущения, были приговорены комиссией к смертной казни,—из них восемь к повешению, а девятый—к расстрелу. Но Аудиториатский Департамент вынес по этому делу такую резолюцию: трех подсудимых, подавших более поводов к дерзости и возмущению фабричных мастеровых, исключа из сего звания, вместо смертной казни, бить кнутом, дав каждому по 25 ударов, вырезать ноздри и, поставя указные знаки, сослать; остальных 6 подсудимых прогнать шпицрутенами через тысячу человек по 6 раз, а затем отослать в Архангельск на тамошний прядильный завод. Заключение Аудиториатского Департамента было представлено морскому министру, а от него Комитету Министров, пройдя через который (31 мая 1816 г.) было несколько изменено по отношению к последним 6-ти подсудимым, которых повелено «прогнать шпицрутенами по два только раза сквозь тысячу человек». Граф Аракчеев, при подписании журнала Комитета министров, об'явил высочайшее соизволение «и первых трех подсудимых, вместо положенного им наказания, прогнать шпицрутенами сквозь тысячу человек два раза и после отослать на Иркутскую суконную фабрику в рабочие».

В июле, августе и октябре того же 1816 года рабочими были сделаны попытки подачи просьбы государю уже лично.

Просьба была все о том же освобождении от вычетов за мундир и о назначении полного пайка для малолетних детей, а кроме того содержала жалобы на притеснения рабочих директором Рербергом. Первая попытка подать государю это прошение кончилась тем, что на другое же утро по прибытии в Петербург оба мастеровые, приехавшие с прошением, были задержаны ефрейтером, посланным с новгородской парусной фабрики для поисков их. Комиссия военного суда приговорила подсудимых к повешению, но Аудиториатский Департамент предложил прогнать подсудимых сквозь строй в 1000 человек два раза и отправить на Архангельский прядильный завод, а морской министр уменьшил наказание, положив: прогнать их шпицрутенами через 500 человек один только раз и, по наказании, отправить в Свеаборг. Эта неудача не остановила мастеровых. Под страхом страшного наказания, в июле и в октябре 1816 г. еще двое мастеровых, Ф. Лебедев и Д. Вшипов, тайно отправились в Петербург с такой же просьбой и жалобой... По собственной своей неосторожности Вшипов был заподозрен полицией, допрошен, а затем и он и Лебедев были преданы военному суду. Суд нашел их... «подлежащими смертной казни через повешение».

В это же время в Петербург приехали еще десять человек мастеровых для подачи государю прошения; жалуясь на директора и об'ясняя свои нужды, мастеровые просили также об освобождении товарищей, посланных прежде с прошениями и уже наказанных шпицрутенами.

3 октября 1816 г. Военно-Судная комиссия приговорила вышеупомянутых десять мастеровых «к битью кнутом, вырезанию ноздрей и ссылке в вечную работу на галеры». Аудиториатский Департамент постановил: Вшипова с Лебедевым и остальных десять мастеровых прогнать шпицрутенами через 1000 человек, каждого по два раза, а затем отправить в Архангельск

на прядильный завод. Но морской министр приказал прогнать всех подсудимых шпицрутенами через 500 человек только один раз и отправить в Архангельск.

Директор фабрики Рерберг, «после известного неспокойствия мастеровых», как говорится в одном архивном документе, подал 29 апреля 1816 г. рапорт о необходимости увеличить заработную плату мастеровым, оставшуюся без перемен уже шестнадцать лет, несмотря на возросшую дороговизну предметов первой необходимости. Рапортом сообщалось, что рабочие «пришли с их семействами в крайнюю бедность, почему иные убедительно, со слезами, просят об уничтожении с них вычета за мундир или о прибавке им задельных денег».

Около восьми месяцев прошло, прежде чем Адмиралтейств-Коллегия смогла дать указ (14 декабря 1816 г.) об увеличении мастеровым новгородской парусной фабрики с 1 января 1817 г. заработной платы и отмене вычетов за мундиры и за пребывание в госпитале...

Из очерка М. Мурзановой—На московско-новгородской парусной фабрике («Архив истории труда в России», кн. 2).

12. Хозяйственный быт рабочих на Топальской мануфактуре.

Топальская парусно-полотняная мануфактура (в Топальской сотне Стародубовского полка) работала уже в 1731 г. Опись 1767 г. отмечала, что при фабрике «живут рабочие люди, которые против своей работы по положенной цене за плату получают»,—всего рабочего населения насчитывалось: 150 мужч. и 148 женщ. В 1770 г. волость, перешедшая в руки казны, была подарена фельдмаршалу П. А. Румянцеву, и тогда была составлена опись имения—„Отдаточная книга волости Великопольской“, каковая и послужила главным материалом для нижеприводимого очерка.

...Ведомость дает нам сведения о 72 хозяйствах, включавших 87 семейств; 8 хозяйств принадлежало, повидимому, «мастеровым людям» или их вдовам, 64—повидимому, «работным людям», хотя в число их могли входить и более квалифицированные рабочие. «Майстеровые люди» жили «в построенных для майстеров избах»; остальные рабочие «по избам фабричным ткацким». В ведомости названо 166 человек мужского пола и 165—женского пола... Почти половина мужчин (47,6%) были люди рабочего возраста [1]). Женщин в рабочем возрасте было больше половины (53,9%). Мужчин нерабочего возраста оказывалось 45,2%; женщин—40%. Количество мужчин и женщин полурабочего возраста было почти равное (7,2% и 6,1%). В действительности число мужчин, работавших на мануфактуре, было значительно выше, в виду применения детского труда. Из числа рабочих мужчин свыше ⅔ было в возрасте от 20 до 40 лет, причем большинство было двадцатилетних (30 из 54), а среди них наиболее многочисленной была группа в возрасте от 20 до 24 лет (19 человек).

---

[1]) Рабочий возраст мужчины: 18—60 л., полураб.: 15—18 и 60—65; раб. возраст женщины: 16—55 л.; полураб.: 12—16 и 55—60 лет.

Наиболее важными представляются данные, характеризующие хозяйственное положение топальских рабочих. При определении его мы не будем делить указанных в «Ведомости» лиц на «мастеровых» и «работных» людей. Она не дает на этот предмет точных указаний: распределение жилищ, само по себе недостаточно четкое, не раз'ясняет профессиональных различий. Хозяйственное положение топальских рабочих однотипно. На каждое хозяйство в среднем приходилось 4,6 душ об. пола. Средняя величина семьи была 3,8 душ об. пола... На долю достаточно обеспеченных рабочими руками (начиная с двух раб. мужчин) хозяйств приходилось 16,7% ($^1/_6$)... Свыше $^1/_5$ (22,2%) или не имели никакого скота или имели только мелкий. Если добавить сюда 50%, не располагавших рабочим скотом, получим почти ¾ (72,2%) хозяйств, лишенных рабочего скота. Присоединяя сюда почти $^1/_5$ (19,4%) хозяйств, недостаточно обеспеченных рабочим скотом (1 шт. раб. скота), найдем свыше $^9/_{10}$ (91,6%) хозяйств малосильных. Большую или меньшую экономическую самостоятельность (с 2—3 шт. раб. ск.) имела всего лишь $^1/_{14}$ (7%) хозяйств. Достаточно обеспеченным рабочим скотом было только 1 хозяйство (1,4%). Интересны цифры, обозначающие распределение хозяйств по крупному скоту. Они делают указанное выше соотношение более благоприятным для рассматриваемого хозяйства. Оставляя то же число хозяйств, лишенных скота и имевших только мелкий—$^1/_5$, мы видим, что число малоскотных хозяйств будет равно 23,6% (т. е. несколько выше $^1/_5$, почти ¼); на долю хозяйств среднескотных (2—3 штуки) придется ⅓ (33,4%), многоскотных (свыше 3)—⅕ (20,9%).

Указанные выводы могли бы быть несколько смягчены тем обстоятельством, что 7 хозяйств в сущности было уже разрушено. Но с другой стороны между этим фактом и малоскотностью несомненно некоторое взаимодействие.

Рассмотренные данные могли бы дать представление о катастрофическом положении хозяйства рабочих Топальской мануфактуры, если бы мы не учли один существенный момент, в совершенно ином освещении открывающий картину. «Пахатной же земли к оной фабрике никакой не имеется»— весьма важное указание Отдаточной книги. Названные ведомостью жители «Парусинного Завода» заняты были фабричной работой, обслуживанием специальных нужд мануфактуры, разведением конопли, работой на мельницах, некоторыми ремеслами и, вероятно, огородами. Мы не имеем никаких указаний на существование при мануфактуре сенокосов.

Таким образом, рабочие Топальской мануфактуры в большинстве своем были оторваны от земли.

Несомненно, не все рабочие мануфактуры находились в одинаковых условиях. Несколько иначе жили рабочие той части мануфактуры, которая расположена была в Драглевке. Отдаточная книга перечисляет на этом хуторе 9 хозяйств «фабрикантов», состоявших из 13 семейств. В «Примечаниях» о главах всех этих хозяйств сказано «бобыль», что определяло не пашенного хозяина. 5 хозяйств косили сено: 4 накашивали по 3 воза «дубровного» сена, 1—один воз «болотного». Два хозяйства связаны были ме-

стожительством своих членов с «господской избой», где жил также и приказчик. На все 9 хозяйств приходилось—3 лошади, 12 коров и телят, 5 штук мелкого скота. Три хозяйства вовсе не имели скота...

Интересно сравнить хозяйственное положение топальских фабричных рабочих с положением рабочих на монастырских гутах и руднях близкого хозяйственного района — Любецкой сотни Черниговского полка. Число хозяйств в обоих случаях приблизительно одинаково (72 и 75).

Монастырские посполитые, занятые работой на стеклянных, железных и бумажных заводах, также не имели пахотной земли; $^2/_3$ всех хозяйств были без сенокоса, и только $1/5$ общего числа хозяйств имела средний размер сенокоса и 13,4% имели его в избытке (это были, главным образом, откупщики гут и рудень). Очевидно, в этом отношении сравнение не может быть произведено. Остаются данные, характеризующие количество скота и людской рабочей силы, а также численный состав хозяйства и семьи.

	Топальские рабочие.	Заводские рабочие.
	(В процентах).	
I. Хозяйств, не имевших вовсе скота или имевших только мелкий	22,2	20
Хозяйств, недостаточно обеспеченных рабочим скотом (1 шт.) и имевших только крупный (нерабочий) скот	69,4	46,7
Хозяйств, средне обеспеченных рабочим скотом (2—3 штуки)	7	24
Хозяйств, достаточно обеспеченных рабочим скотом (4 и более)	1,4	9,3
II. Хозяйств без рабочих мужчин	13,9	4
Хозяйств с 1 раб. мужч.	69,4	53
Хозяйств с двумя рабоч. мужч.	11,1	29,3
Хозяйств с 3 и более мужч.	5,6	13,3

	Топальские рабочие.	Заводские рабочие.	Монастырские посполитые.
	(В процентах).		
III. На каждое хозяйство душ	4,6	6,4	10,6
„ „ семейство душ	3,7	4,5	4,4

Разница в хозяйственном положении рабочих Топальской мануфактуры и рабочих на Любецких монастырских заводах — существенна. Если число бесскотных хозяйств почти одинаково, то в Топали значительно (на $1/3$) повышается количество недостаточно обеспеченных скотом хозяйств, резко (на $3/4$) падает количество среднеобеспеченных и еще более резко ($^8/_9$) количество достаточно обеспеченных скотом хозяйств. Хозяйства Топальских рабочих были значительно слабее и мельче, а семьи раздробленнее. При таком положении хозяйства рабочих Топальской мануфактуры основным источником их дохода должна была быть заработная плата. К сожалению, Отдаточная книга скуповата на соответствующие подробности. Лишь говоря о драглевских рабочих, она указывает размеры вознаграждения взрослого рабочего (существовал значит, и детский труд)—

четыре копейки в день на своих харчах. Позже (1781 г.) они получали «за плату противу работы своей, по положенной цене, помесячно». Это об'яснение интересно, но не вполне ясно. Единственно возможное понимание его следующее. Драглевские рабочие получали сдельную плату, в заранее установленных размерах, причем расчет производился по истечении проработанного месяца.

Мануфактура перерабатывала сложившиеся экономические отношения. Она безусловно отрывала посполитых от земли и, уничтожая крупные и средние достатки, нивеллировала хозяйственные особенности своих рабочих одним общим минимумом.

Из очерка Ал. Оглоблина—Рабочие на Топальской мануфактуре в 1771 году («Архив истории труда в России», кн. 6—7).

13. Из наказа государственных черносошных крестьян Соликамского уезда, приписных к партикулярным заводам. [1])

1767 года мая 10 дня Казанской губ. Пермской провинции Соликамского уезда разных станов приписных к партикулярным заводам государственных черносошных крестьян уездный поверенный... препоручил выбранному из нас, уездных поверенных,... провинциальному депутату Федору Федорову сыну Полежаеву... нижеписанные всенижайшие наши нужды и тягощения..., где надлежит, представить.

А именно:

1. Что нам крестьянам за заводскую работу плата дается плакатная, за поденную в летнее время по пяти, а в зимнее по четыре копейки на день; а от нас, к тому в прибавок, другим, за одиночеством и за далним заводу от наших жителств расстоянием, в наем отдаем волным наемщикам по шести и по семи копеек на день.

3. За складку, осыпку, сжение и разломку куч на уголь, плату нам производят по плакату, по три рубля по сорока копеек с двадцатисаженной кучи. А мы от себя даем в наем волным работникам в прибавок по двенадцати и по тринадцати рублев.

5. На нас же располагается поставка смолы и дегтя с одного стана по тридцати, по сорока и по пятидесяти ведер в каждый год, за которую плата нам от Аннинской заводской конторы производится, якобы плакатная, за смолу по три копейки с половиною за ведро. А мы покупаем у волных продавцов и на упоминаемый Аннинский завод поставляем смолу сверх плакатной платы, по двадцати по три и по двадцати четыре копейки, а деготь по двадцати по четыре ж за ведро. Отчего уже пришли мы во всеконечную скудость и нищету.

---

[1]) Наказ этот предназначался для представления в Комиссию, учрежденную Екатериною II для составления нового Уложения.—Черносошными назывались тяглые крестьяне, жившие на государственных землях.

6. Работы ж заводские Аннинская заводская контора располагает по переписи с полного числа душ, как за престарелых, дряхлых, слепых и увечных, так и за малолетних за всех, а счисляет только за одних годных работников, которую работу отправляем мы со всех написанных по ревизии душ, через великую нужду и недостаток.

11. А оный Аннинский завод от наших приписных жительств в расстоянии состоит не менее: от далних триста тридцать и триста пятнадцать, а от ближних триста верст, в хождении ж нам на завод для заводских работ за прохожие дни никакой платы не производится, и ходим на завод в летнее и зимнее время, далние по девяти, а ближние по семи и осми и более дней, как вперед, так и обратно, а скорее того дойтить никак невозможно. И за тем далним расстоянием в заводские работы вступаем в апреле и мае месяцах, и за бытьем в заводских работах, и за неотпусканием в домы наши к посеву ярового и к приготовлению для посева ж озимого хлеба, и к поставке сена, претерпеваем самонужнейшую скудость; отчего и пахоты наши запустели, и хлеба за недосевом, а паче за бытьем в то время при заводских работах великий недород бывает. И затем пришли мы в крайнее разорение и нищету, и дворы наши многие запустели.

14. Означенные ж Соликамского уезда взятые разных станов из государственных черносошных крестьян на вышеоб'явленный Аннинский завод в служители, выборный от них поверенный, Андрей Новиков, по самой же сущей справедливости об'явил, что ко оному Аннинскому заводу из оного Соликамского уезда из разных станов взято нас всего 158 человек в заводские служители к работам с женами и с детьми, а по какому указу, про то мы не знаем. И определены при том заводе в разные заводские и горные работы и счисляют нас действительно служителями и к присяге привожены, а плату нам за ту работу производят задельную, за каковую обходится на каждый работный день ниже плакатной цены, коей с женами и детьми в пропитании и в одежде претерпеваем немалую скудость и крайний недостаток. Отчего уже пришли в самое нищенство и убогость и подушного платежа не в состояние. Сверх же того, детей наших взрослых, по тому же как и мы определены, определяют в разные заводские и горные работы с платой по одной и по две копейки за работный день, отчего претерпеваем не малый себе голод. И многие с того Аннинского завода неведомо куда безвестно бежали, а подушные денги как за себя, так и за беглых платить за малопроизводимою платою пришли не в состояние ж, а пашенных земель для посева хлеба при том Аннинском заводе не имели, да и до того не допускают, ибо завсегда находимся в работах.

Цитировано по сборнику К. Пажитнова—Промышленный труд в крепостную эпоху (Ленинград, 1924 г.).

14. Письмо заводчика Никиты Демидова к приказчикам [1]) 1790 г.

...А что лениво и долгопротяжно Яким, яко расходчик, выдает на казенные надобности из анбаров мастерам и разным людям на поделки и надобности казенные генерально, чтобы такое ни было, то буде сие правда ж, то за то его архибестию Якима, раскольническую непотребную свинью, сечь в проводку нещадно плетьми, и впредь чтобы он денно и нощно все генерально на казенные нужды всякому выдавал по требованиям, что по порядку следует, теми же часами и минутами; за медление же и за самое малейшее и за такие непорядки и дурности гонять его Якима всем вам, такова нечестивова бестию, палками в шею к анбарам, дабы все скоро безостановочно надлежащее всем выдавал, чтобы ни в чем промедления не было б, только точно бы и верно правдиво, а не затейно и без малейшей посяжки и злобы; а за посяжку и злобу храни вас бог всех, а то и небо вам всем в овчинку покажется за посяжку; но чтобы все было по порядку и правдиво; и спать ему каналье Якиму точно всегда велеть в конторе, да и жену его, когда такая точно дурная и вредная наставница, буде точно ж правда, как пишут, то ее как каналью рассечь же плетьми. Цыц, цыц и перецыц хищения к господскому, обиды всем, непорядка и дурности наводить, а то всех вас как раков раздавлю и никому отнюдь за неправды и дурности не стерплю ему и всем вам...

Цитировано по сборнику К. Пажитнова—Промышленный труд в крепостную эпоху (Ленинград, 1924 г.).

15. Из летописи рабочих волнений.

Грандиозные размеры приняло вооруженное восстание крестьян, приписанных к заводам Демидова на Урале и в Калужской губернии (в 1726 и 1752 г.г.), убегавших нередко с работ. После подавления восстания побеги крестьян продолжались. Жалобы их на притеснения и просьбы освободить их от заводских работ оставались без последствий. Однажды часть демидовских крестьян не вышла на работу,—их наказали плетьми и батогами. Когда калужские крестьяне, приписанные к железоделательным заводам Демидова, выпустив воду из заводских прудов, приостановили все работы (1752 г.), против них была выслана военная команда, но она не испугала крестьян, которые были готовы к обороне, обученные к этому жившим в волости солдатом Дмитриевым. Произошло столкновение, и воинская команда потерпела поражение. Впрочем, позже восстание было усмирено,

---

[1]) „Архив исторических сведений", изд. Н. Калачовым. Книга первая, 1860 г.— Письмо это принадлежит перу внука известного Демидова, который положил начало горнозаводскому делу на Урале при Петре I.

главных зачинщиков сослали в Сибирь, несколько сот мужчин и женщин наказали кнутом, плетьми и кошками.

Вооруженные бунты происходили также на других заводах. Эти разрозненные выступления захватили в 1762 году на Урале 49 тысяч приписных крестьян, прикрепленных к горнозаводским предприятиям. Сигнал к восстанию дали крестьяне двух заводов (Воткинского и Ижевского), причем большую роль играл подложный манифест об отмене обязательных работ, составленный дьячком Кузьминым совместно с одним из приписных крестьян. Интересно отметить, что последние послали в Петербург челобитчиков, которые, несмотря на все препятствия, лично подали жалобы царю (Петру III) и сенату. Но назначенная для расследования этих жалоб комиссия (в царствование Екатерины II) не приняла их во внимание, а, усмотрев возмущение и непокорность, приговорила многих крестьян (свыше двухсот человек) к телесным наказаниям. Войска, под командой генерала Бибикова, ликвидировали восстание, но крестьянам были сделаны некоторые уступки, напр., им были уплачены недоданные заводчиками деньги, для регулирования работ приписных на заводах (Воткинском и Ижевском) были выработаны примерные правила (ограничение права заводоуправлений наказывать крестьян, признание выборных от приписных крестьян и т. д.).

Когда Авзяно-Петровский завод, находившийся в расстоянии 600 верст от крестьянского жилья, перешел (1754 г.) в частные руки, крестьяне сочли соответствующий сенатский указ за подложный и отказались от работы. Войска жестоко расправились с ними. После того берг-коллегия нашла еще необходимым наказать тридцать крестьян плетьми и вывезти на заводы с их семьями с тем, чтобы «быть им там вечно... и ...употреблять их без очереди в тягчайшие заводские работы»; сверх того берг-коллегия приказала каждого сорокового человека, по жребию, публично высечь плетьми в их селениях. Надо заметить, что «переселение в виде наказания на завод было едва ли легче ссылки на каторжную работу, так как постоянная, бессменная работа на Авзяно-Петровском заводе была ничем не лучше работы в крепостях или рудниках».

Сенат не только утвердил решение берг-коллегии, но предписал еще, чтобы три главные зачинщика работали в оковах. Посланный для выполнения приговора офицер так усердно исполнил данное ему поручение, что один из наказанных им крестьян при переселении на завод умер по дороге от сурового наказания.

Дальнейший переход завода к новому владельцу (в 1760 г.) вызвал новые волнения. Отправленный в Петербург депутат купил печатный указ, воспрещавший взимание сборов без особого распоряжения, а также принуждение к работам. Когда депутат вернулся с печатным указом, толпа крестьян, вооруженная луками, стрелами и дубинами, отказалась работать и сняла с работы остальных. Прибывшая команда сурово расправилась с восставшими. Все убежавшие с завода были вскоре водворены обратно. Но крестьяне не успокоились и послали в Петербург новых челобитчиков (в 1761 г.) с жалобой на жестокое обращение с ними и полное разорение их

хозяйств. Вскоре крестьяне, присланные на завод, вновь прекратили работы (1762 г.) и значительная часть из них ушла с завода. Волнения на Авзяно-Петровском заводе происходили и позже.

Почти одновременно (1760 г.) имели место волнения крестьян, приписанных к Каслинскому и Кыштымскому заводам Никиты Демидова. Так как они не хотели переселиться на заводы, то были высланы войска. Крестьяне оказали вооруженное сопротивление, причем было ранено свыше пятидесяти солдат. Около трехсот крестьян посадили в тюрьму, а остальные должны были встать на работу.

Продолжительный и упорный характер носили волнения рабочих железоделательных заводов в Тамбовской губернии (в 1751 г.), переданных казною во владение князя Репина [1])...

Организованный характер носили волнения крестьян, приписанных к Олонецким заводам (1769—1771 г.г.). Они собирались большими толпами и устраивали сходки. В некоторых местах, готовясь встретить воинские части, они ночью спали вооруженные, имея, кроме того, наготове лыжи. Жен, детей и свое имущество они развозили по селениям, не приписанным к заводам; в деревнях же оставляли для присмотра только стариков. Против войск выступили до 9 тысяч крестьян, вооруженных винтовками, рогатинами и чем попало.

Волнения крестьян, приписанных к казенным Колывано-Воскресенским горным заводам, возникли из-за обязательных заводских работ. Центром движения была деревня Варюхина. Когда войска задержали около двухсот крестьян этой деревни и заперли их в этапном здании, крестьяне соседних деревень явились толпой с требованием или освободить арестованных или задержать их вместе с ними. Однако, крестьяне были приведены к покорности.

В пугачевском бунте горнозаводские крестьяне принимали деятельное участие: так, напр., при взятии Пугачевым Казани участвовала толпа заводских крестьян под предводительством Минеева; при осаде Челябинска к Пугачеву присоединились отряды рабочих с соседних заводов, избивших и выгнавших своих начальников, и т. д. Под влиянием слухов о Пугачеве, в самой Москве, по словам Бибикова [2]), «холопы и фабричные оказывали буйственное свое расположение и приверженность самозванцу, который несет желаемую им свободу». Пугачевское восстание привело к изданию закона (1779 г.), точно определившего работы приписных крестьян и увеличившего плату их вдвое.

Желание освободиться от крепостной зависимости вызвало бурные волнения на Копнинской бумажной фабрике (1778 г.). Когда владелец сдал несколько рабочих в каторжные работы, остальные освободили арестованных, уже скованных, и заявили, что повиноваться фабриканту не будут. За это трое рабочих были наказаны плетьми. Однако, сенат решил дело в

[1]) См. об этих волнениях ниже, № 16.

[2]) Генерал Бибиков действовал против Пугачева.

пользу рабочих, признав их не крепостными, а казенными и приписными к фабрике (1794 г.).

И после этого рабочие Копнинской фабрики продолжали волноваться, но уже из-за низкой платы. Они подали (1796 г.) прошение об их полном освобождении или переводе на другую фабрику, но по просьбе владелицы, с целью предотвратить возобновление беспорядков, только наиболее беспокойных рабочих перевели на другое предприятие.

На той же почве возникли волнения (1762 г.) на Нижнетагильском заводе. Рабочие, отказываясь считать себя крепостными, добивались, чтобы их сравнили с приписными крестьянами и чтобы им платили наравне с вольнонаемными. Рабочие послали челобитчиков, но один из них был арестован и закован в кандалы. Среди рабочих и крестьян распространился слух, что арестованных будут зашивать в сырые кожи. Они собрались у заводской конторы. Приказчики выставили на крыльце солдат и пушки. Но рабочие отбили пушки и ружья, арестованных освободили. Однако, волнения были, в конце концов, усмирены и зачинщики наказаны. Но рабочие добились своего: их перестали считать крепостными владельца и уравнили с приписными крестьянами.

Испуганное ростом рабочих волнений, правительство было вынуждено (1781 г.) распространить указанные выше правила, введенные на Воткинском и Ижевском заводах, также на другие горные заводы. Впрочем, это мало улучшило положение рабочих.

Макс Гордон, Очерк экономической борьбы рабочих в России (2-е изд. 1924 г.).

16. Борьба казенных мастеровых против закрепощения.

В 1754 г. князь Репнин получил в содержание казенные Липецкий, Козьминский и Боренский заводы [1]) с 928 душами. Мастеровые и рабочие, за которых Репнин должен был платить подушные деньги, обязаны были работать только на заводах; заводовладелец не имел права ни посылать их на свои домашние работы, ни переводить в другие места.

...Передача заводов в частные руки крайне невыгодно отразилась на положении мастеровых, так как управитель и приказчик Репнина стали обращаться с ними не как с казенными людьми, а как с крепостными своего господина; уменьшили плату, стали посылать на работы, которых они прежде не исполняли, вместо денег платили им разными вещами и припасами, наконец, сурово наказывали. Понятно, что мастеровые не могли безропотно подчиниться такой перемене в своей жизни и решились во что бы то ни стало добиться возвращения к прежнему положению.

В конце 1760 г. их поверенный Куприянов от имени всех своих товарищей подал челобитную в воронежскую губернскую канцелярию, с весьма

[1]) В тогдашней Азовской, позднее Воронежской, а еще позже Тамбовской губернии (г. Липецк).

серьезными жалобами на поверенного и приказчиков князя Репнина (владелец завода в это время находился за границей, посланником в Испании). Находясь в казенном управлении, мастеровые получали установленную еще при Петре Великом поденную плату по 5 коп. летом и по 4 коп. зимою (некоторые же годовое жалованье), а теперь эта плата была понижена до 2—3 к.; прежде с пуда им платили по 50 к., а теперь только по 20½ к., но и это вознаграждение не всегда выдавалось деньгами. В 1756 г. приказчики заплатили мастеровым косами, ножами, рукавицами, воском, ладаном и лошадьми, притом по высокой оценке. Когда мастеровые отвозили заводские изделия в Тулу, Тамбов, Острогожск и другие места, то и там жалованье выдавалось им не деньгами, а железом и чугуном, которые приходилось потом продавать гораздо дешевле той оценки, по которой они сами получали. Кроме прежних заводских работ, теперь их стали посылать жечь уголь и копать руду, что делали прежде не мастеровые, а приписные однодворцы, и платили за это также не деньгами, а железом и чугуном. При казенном управлении мастеровым в свободное время не запрещалось работать на своих собственных кузницах, а во время приостановки действия заводов выдавались им паспорты для отправления на посторонние заработки; теперь же поверенный Репнина в подобных случаях не отпускает их для зарабатывания денег на уплату податей, да и в собственных их кузницах работать запрещает и за неповиновение наказывает плетьми. Кроме того, из них посылают на караулы, с переменою по неделям, человек по 30-ти без всякой платы, тогда как в казенном управлении они получали за это обычное поденное вознаграждение. Часть из них отправляли даже совершенно противозаконно на другой завод Репнина в тамбовский уезд, и хотя там и платили им деньги за работу, но за проход 170-ти верст никакого вознаграждения они не получали. Наконец, в течение 5 лет их заставляли бесплатно работать на бакчах. Прежде они беспрепятственно выдавали своих дочерей замуж за посторонних; теперь же поверенный Репнина взыскивает с них выводные деньги «с великим насильством и боем». Двух мастеровых приказчики гоняли сквозь строй, а один из них так жестоко избил женщину, взятую им в услужение, что та умерла, о чем было своевременно заявлено мастеровыми в воронежской губернской и романовской воеводской канцеляриях; этот же приказчик «чинит всем жительствующим при боренских заводах обывателям великое разорение и всекрайнейшие обиды и посылает на сенокосные покосы для гребения сена, а которая женка за болезнию своею не пойдет, тех бил батожьем мучительски».

Уплата мастеровым подушных податей также подавала повод к злоупотреблениям со стороны приказчиков. Так, в течение полутора года они делали вычеты из жалованья рабочих на уплату податей, а между тем денег этих куда следует не вносили. Когда в 1759 г. для взыскания подушной недоимки воронежская губернская канцелярия прислала на заводы прапорщика с командою, поверенный Репнина принудил мастеровых вторично уплатить подати, а прежде внесенные ими деньги возвратил железом и чугуном. Железо это им, разумеется, пришлось спустить за полцены, а для пополнения

недостающих денег «доплачивать», по словам челобитной, «из собственного своего кошту, продавая... свою скотинушку, мужеское и женское платье за бесценок, и от того учинилось убытку не малое-ж число, да сверх же того присланному прапорщику с командою давали кормовые деньги и содержали на своем коште одиннадцать месяцев, от чего причинилось убытку более ста рублев»...

Между тем, как до передачи заводов Репнину рекрут с них не брали, в 1756 г. один из его приказчиков сдал в набор 40 человек; относительно некоторых это было положительно местью со стороны заводского управления...

Что жалобы мастеровых были справедливы, видно из того, что приказчики Репнина не представили против них никаких серьезных возражений; они уверяли, что жалованье выдавалось железом будто бы по собственному желанию мастеровых, что и караулы на заводе рабочие приняли на себя добровольно для прекращения воровства.

Однако, жалобы фабричного люда не скоро еще вызвали серьезное расследование... В свою очередь приказчики Репнина пожаловались воронежской канцелярии на неповиновение рабочих, которого и не могло не быть в виду их вопиющих злоупотреблений на заводах; канцелярия же только и обратила внимание на это неповиновение. В конце 1761 г. она отправила на липецкие заводы поручика с командою с предписанием наказать нещадно плетьми 19 мастеровых за их «противности и озорничество и за бои других тех же заводов мастеровых и работных людей», а также и за то, что просили о взятии их от князя Репнина, которому по указу сената были отданы в вечное и потомственное владение... Мастеровые были собраны в дом поверенного, двери за ними затворены и было немедленно приступлено к экзекуции. Поверенный Репнина закричал своим конюхам:

— Рвите их, ребята, яко злодеев!

Прежде всего стали наказывать челобитчика Григория Куприянова, но едва его раздели и ударили плетьми раза два, как он закричал товарищам, чтобы его не выдали; те бросились его выручать, освободили Куприянова и всех подлежавших наказанию рабочих, отняли плети и не только не дали никого наказывать, но и об'явили, что никаких обязательств в том, что будут повиноваться, они не дадут.

После того волнение на заводах продолжалось, и в начале 1762 г., в царствование Петра III, прежний челобитчик Григорий Куприянов вновь явился в Петербург и подал челобитную государю, в которой, сообщив уже известные нам жалобы своих товарищей, просил взять их с заводами опять в казенное ведомство. Куприянова отослали для разбора дела в берг-коллегию...

Между тем натянутые отношения между рабочими и начальством на липецком заводе кончились совершенным отказом со стороны первых продолжать работы... Они даже устроили свое особое управление, так называемую «станичную избу», во главе которой стоял Григорий Куприянов. Из этой избы выдавались рабочим отпускные письма, ею же собирались со всех

мастеровых денежные поборы на необходимые для хлопот по их делу расходы. Нежелание некоторых рабочих повиноваться распоряжениям станичной избы, участвовать в общей челобитной и платить деньги вызывали суровые кары со стороны их товарищей. Так, один из отщепенцев был подвергнут за это телесному наказанию, у другого выбили окна и двери, вытащили за косу и избили жену.

В апреле 1766 г. сенат подал императрице доклад по этому делу... Сенат находил необходимым главных зачинщиков, поверенного Куприянова и десять других ослушников, по выбору губернатора, высечь кнутом и сослать с их семействами в Сибирь на Нерчинские заводы, на счет виновных, и там их отдать в тяжкие работы без перемены, а жен и детей поселить при заводах. Что касается тех мастеровых и рабочих, которые в количестве около ста человек приходили в воронежскую губернскую канцелярию, то сенат предлагал всех их высечь публично плетьми и об'явить им, что если они и затем не примутся за работы, то будут также сосланы на каторгу в Нерчинск. Такое строгое наказание сенат находил необходимым, чтобы волнение не распространилось по всей воронежской губернии, в которой, по словам доклада, «таковых противников никогда еще не бывало». Однако, императрица не вполне утвердила предложение сената; она решила: «За ослушание начинщиков (т. е. Куприянова и еще 10 человек) наказать должно; а прочим об'явить еще раз, чтобы шли в работу, а если не пойдут, то с ними поступлено будет, как с ослушниками и преступниками указов, что в том случае и действительно исполнить. Поручить же сие новому губернатор Маслову и притом приказать ему наистрожайшим образом исследовать уричины такого супротивления, и было ли с ними поступано в силе о таковых заводах узаконений, *понеже без крайности люди до крайности редко доходят*».

Когда в Воронеже был получен указ, где приведен был сенатский доклад с этим решением государыни, заводское начальство, узнав его содержание, торжествовало по случаю тех суровых мер, которые были предложены сенатом. Приказчики, показывая на заводе копию с этого указа, грозили, что все приходившие в воронежскую губернскую канцелярию будут наказаны. Тогда крестьяне решили подать новую челобитную с просьбою, чтобы «до учинения полагаемого от правительствующего сената наказания, в их обидах, притеснении, мучительных побоях и в недоплате заработных денег исследовать и ко всем доказательствам их допустить». С этой целью отправились в Петербург шесть человек, которым удалось подать челобитную самой императрице, после чего они были немедленно отосланы к Маслову.

Между тем Маслов отправился сам в г. Сокольск, близ которого находились заводы. Там он призвал к себе 25 мастеровых липецких заводов и 5 боренских и спрашивал о причиненных им обидах. Они отвечали, что приказчики выдавали им жалованье не в определенном по закону размере, а в каких месяцах, кому именно и сколько недодано, они за давностью теперь подробно и сказать не могут. Куприянов отвечал, что в поданных им прежде ведомостях было указано, кто из них рубил дрова, рыл ямы, ло-

мал камень, работал на мельницах, бакчах и рыбных ловлях, кто нагружал заводские изделия на барки и служил караульщиком. Теперь же, представив ордера приказчиков, он положительно доказал, что, вместо денежного жалованья, им выдавали железо и чугун. Маслов хотел проверить жалобы мастеровых по книгам, где записывалась выдача денег рабочим, но оказалось, что они отосланы к князю Репнину в Петербург (впоследствии он их доставил); из приказчиков же, на которых всего более жаловались мастеровые, одни уже умерли, а других не было налицо.

Куприянов и еще десять человек на основании указа были наказаны кнутом при всех мастеровых и рабочих, которые не захотели, впрочем, присутствовать до конца на этом ужасном зрелище. Но кара, постигшая самых энергичных людей, не устрашила остальных; мастеровые вновь отправили в Петербург челобитчиков, теперь уже десять человек, с просьбою «о небытии им у кн. Репнина во владении». Когда арестованы были семьи наказанных и приговоренных к ссылке, и затем все они были отправлены в Сибирь (45 взрослых и 19 детей), то мастеровые отказались уплатить деньги на путевые расходы, которые с них требовали; а когда один чиновник, по поручению Маслова, стал собирать на заводах сведения об обидах, причиненных рабочим, то никто к нему не пошел: они заявили, что без своего поверенного Куприянова, сосланного в Сибирь, и до возвращения отправленных ими в Петербург челобитчиков они не могут представлять доказательств справедливости своих жалоб.

Получив об этом донесение, сенат в январе 1767 г. послал грозный указ для об'явления мастеровым. За свои «возмутительные преступления», сказано было в нем, мастеровые и рабочие на липецких заводах заслужили смертную казнь, но только главные зачинщики после публичного наказания отправлены в Сибирь. Несмотря на то, некоторые из них вновь осмелились уйти с заводов с тем, чтобы опять подавать просьбы, «а в самом деле, знатно, чтятся только оным закрыть неимение настоящих доказательств по прежде произведенным своим жалобам»; так как никакие жалобы не могут быть приняты от них до тех пор, пока они оказывают своевольство, то сенат вновь убеждал их возвратиться в «должное верноподданническое безмолственное повиновение».

Выслушав указ, мастеровые и рабочие ответили: «Указ этот не за собственноручным подписанием государыни, а от нас на сенат подозрение подано и об обидах и притеснениях послано прошение через нащих поверенных».

Таким образом, и сенат, по мнению мастеровых, действовал пристрастно, держал руку заводчика; вне подозрения теперь оставалась одна императрица.

Между тем просители, посланные мастеровыми, возвратились из Москвы, где в это время была императрица. Сержант, отправленный Масловым на заводы разузнать, с чем они возвратились, донес, что мастеровые и рабочие собираются толпами и о чем-то совещаются; затем из разговоров людей посторонних ему удалось узнать, что, по словам мастеровых, челобитчики

привезли какой-то указ за красною печатью. Они не хотят показывать его до тех пор, пока будут присланы особые следователи, назначенные вследствие их прошения, и до возвращения отправленных в ссылку Куприянова с товарищами, за которыми будто бы уже был послан нарочный.

Впоследствии оказалось, что у мастеровых не было никакого указа, а только надпись на прошении, поданном ими государыне, в которой было сказано, что «надлежит им жалобы свои доказать учрежденным следователем».

Мастеровые не только не платили прогонных и кормовых денег за отправку ссыльных и доставление Куприянова с товарищами из Петербурга, но задумали отделаться и от рекрутчины. При наборе 1768 г. они не давали рекрут, заявляя, что платят подати наравне с однодворцами, а потому и рекрут должны представить тогда, когда будет набор с однодворцев. Сенат предписал Маслову, если мастеровые будут продолжать упорствовать, усмирить их, не дожидаясь особого предписания; тот уже потребовал от военной коллегии 300 солдат. Все, казалось, близилось к кровавой развязке, однако, дело приняло совершенно неожиданный оборот. Явились какие-то факты, заставившие правительство иначе взглянуть на это дело. В августе 1768 г. сенат постановил: «как из некоторых обстоятельств всего дела усматривается, что непослушание заводских мастеровых и работных людей большею частью произошло и ныне происходит от утеснений и неудовольствий, получаемых ими от находящихся при липецких кн. Репнина заводах заводских управителей, в рассуждении чего об'явленному кн. Репнину из сената дать знать секретно, дабы он, без нарушения собственных своих польз, постарался принять благовременно такие меры, чтобы оные заводские мастеровые и работные люди не имели прямых причин к нареканиям и жалобам, а всего менее к дальнему возмущению, а ради большого их успокоения, если только от сего не причинится заводам и его собственной пользе какого вреда, отреша нынешних своих управителей, определил бы на их места других».

Быть может, книги, где записывалась выдача денег рабочим, подтвердили их жалобы. Во всяком случае князю Репнину пришлось из истца сделаться ответчиком: в донесении сенату он утверждал, будто бы показания мастеровых об уплате им жалованья воском, ладаном, чугуном и ножами совершенно ложны; что же касается заводских управителей, которыми они были недовольны, то одни из них умерли, а другие уже давно сменены.

Дело кончилось тем, что императрица выразила желание взять заводы Репнина в казну, что и было исполнено в 1769 году согласно с предложением самого Репнина.

После того, как мастеровые добились исполнения своего желания, волнений на этих заводах в царствование Екатерины не было.

В. И. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, том I (издание второе, СПбург, 1903), стр. 488 и след.

17. Беспорядки на суконных фабриках (1749—1762 г.г.).

Возмущение мастеровых.

В половине июня 1749 г. содержатели суконной фабрики в Москве Болотин и Докучаев с товарищами заявили, что (отданные к фабрике по указу 1736 г.) рабочие неизвестно почему стали расходиться и работать не хотят, так что из 1000 человек осталось только 120; фабриканты просили, чтоб виновных за своевольство и непослушание, когда они будут пойманы, наказать — малолетних, вместо кнута, плетьми, а взрослых десятого кнутом. Посланный для розыска фабричных через две недели после того донес, что им найдено только 18 человек, прислано из полицейской канцелярии 14, добровольно явилось 308. Однако, они заявили прибывшим на фабрику членам Мануфактур-Коллегии, что не хотят работать, пока не получат указа на челобитную, поданную ими государыне.

Пятеро мастеровых, несмотря на попытку товарищей освободить одного из них, были наказаны кнутом. К концу месяца 286 мастеровых начали работать, 127 отказывались от этого, а 586 все еще не вернулись из бегов. Сенат приказал из 127 десятого бить кнутом и вместе с пятью прежде наказанными, заковав в кандалы, сослать в каторжную работу в Рогервик на счет фабрикантов; остальных же из 127, наказав плетьми, силою принудить работать; а из беглых тем, кто, явившись немедленно, примется за работу, отпустить их вину, а кого поймают, то более виновных, бив кнутом, ссылать в Рогервик, а остальных, по наказании плетьми, определять на работу.

Рабочие из числа солдатских детей.

В том же 1749 г. по просьбе Болотина и К°, указывавших на то, что у них после ревизии по разным причинам убыло более 200 человек, главный Коммиссариат вошел с представлением в военную Коллегию о том, чтобы на их московскую суконную фабрику отдать до 400 человек «непонятных к наукам школьников» из гарнизонных школ. Военная Коллегия сочла полезным отдать предложенное число школьников от 10 до 20 лет, «ибо та фабрика из начала яко казенная», и сукна и каразеи делаются для войска; школьники могут в десять лет научиться при фабрике полезному для государства суконному делу и будут содержаться на счет фабрикантов, и в то же время по воскресным и праздничным дням, «когда от публичных работ свобода дается», могут по несколько часов учиться и военной экзерциции, достигнув совершеннолетия, определяться в военную службу, а после отставки также могут находить на суконных фабриках пропитание, а не быть бродягами. Сенат, указом 6 ноября 1749 г., велел отдать на фабрику до 400 человек из... солдатских детей московской гарнизонной школы...

Жизнь на фабрике была так не легка, что через пять лет многие из них стали просить Коммиссариат, чтобы их лучше отдали в солдаты, но так как им не было еще 20 лет, просьба их была отклонена...

Солдатских детей отдавали не на одну названную фабрику [1]).

Бунт солдатских детей.

В начале 1762 г. один из содержателей уже известной нам московской суконной фабрики донес, что мастеровые и рабочие их мануфактуры, согласясь с определенными к ним солдатскими детьми, начали волноваться подобно тому, как в 1746 и 49 г.г. Суконщик Андреев сказал за собою «важность» (слово и дело), вследствие чего и был отослан в мануфактур-контору, а в то же время некоторые из солдатских детей пожаловались главному коммисариату, что им не доплачивают заработанных денег и для приготовления сукон дают негодную шерсть. Фабриканты, призванные в мануфактур-коллегию, об'яснили, что они вычитали у рабочих деньги в уплату их долга, а также и внесенные в главный коммиссариат деньги за рекрут рабочие, по взаимному соглашению, разложили между собою, которые и вносят в фабричную контору через своих выборных сборщиков. Фабриканты упрекали рабочих в неблагодарности как за ссуду денег на рекрутские надобности, так и за другие беспроцентные ссуды. Они упоминали также, что дочерям рабочих при выходе замуж выдается из конторы безвозвратно по 5 р. да «во удовольствие рабочих» ежегодно тратится до 100 руб.

Оказалось, что суконщик Андреев ложно сказал за собою слово и дело, и потому мануфактур-коллегия послала его с юнкером кн. Мещерским для наказания на суконном дворе. Когда Мещерский хотел исполнить данное ему поручение «при обыкновенном для таких случаев всех мастеровых и работных людей собрании», то солдатские дети наказывать его не дали, так что Мещерскому пришлось увести Андреева обратно, и избили назначенного для заведывания ими. После того солдатские дети стали большими партиями уходить с работы, разглашая, что будто бы рабочие, сосланные в 1749 г., возвращены, а один из содержателей фабрики арестован в Петербурге. Сенат велел немедленно школьников, участвовавших в драке и своевольно отлучившихся с фабрики, высечь нещадно батогами, а зачинщиков наказать плетьми. Вследствие этого указа первому наказанию подверглись на фабрике 13 школьников и 49 мастеровых, а публично высечены плетьми пять школьников и семь мастеровых.

В. И. Семевский. Крестьяне в царствование Екатерины II, том I (издание 2-ое 1903 г.), стр. 560 и след.

---

[1]) В 1761 г. был поднят вопрос о том, чтобы прекратить отдачу солдатских детей и выяснить, не придут ли в упадок фабрики, пользовавшиеся их трудом, которые не имели приписных крестьян.

18. Характеристика рабочего законодательства.

Народные волнения, в частности волнения фабрично-заводских рабочих, нагоняли на правящее дворянство и правительство не мало страху. Крепостное и вообще «подлое» население должно было быть в беспрекословном повиновении помещику, заводскому и прочему начальству, а если оно из такого повиновения выходило и даже учиняло «бунты», то это рассматривалось, конечно, как угроза государственному и общественному порядку, из которой нужно было сделать подлежащие выводы... Правительство идет на уступки под давлением рабочих волнений, и, в меру силы этого давления, одновременно принимаются респрессивные меры к удержанию рабочих в повиновении и к «предупреждению и пресечению» рабочих волнений. В связи с таким отношением к «рабочему вопросу» уже издавна наметились методы действий. Когда до правительства доходили вести о волнениях и жалобы рабочих, оно посылало на места доверенных лиц расследовать дело, а в особо важных случаях возлагало эту миссию на сановных лиц; посланные чиновники снабжались достаточными полномочиями, в их распоряжение давалась вооруженная сила, с помощью которой они и наводили порядок на фабриках и заводах. Однако, экспедиции эти не всегда преследовали только цели репрессии. Командированным на Урал кн. Вяземскому и затем Бибикову было предписано «не только усмирить народ, но при том и вникнуть в причины сих непорядков». В качестве обобщающего вывода из подобного расследования причин непорядков, Екатериной в 1765 г. образована была особая комиссия по вопросу «о поправлении состояния заводских крестьян», причем среди вопросов, поставленных комиссии для выяснения, значились: «какие меры брать, дабы впредь крестьяне не сбунтовались», и «рассмотреть, отчего сей вред происходит».

Таким образом, дело подходило к законодательным мерам, в которых, на ряду с уступками рабочим, создавались новые формы их закабаления в предупреждение дальнейших «непорядков»... Экспедиция кн. Вяземского на Урал последовала еще до Пугачева, но в непосредственной связи с волнениями рабочих. Пугачевское восстание привело к манифесту 1779 г., которым определены были работы приписных крестьян и удвоена заработная плата...

Эта основная движущая сила законодательства сказывается, однако, не сразу и, смотря по времени, осложняется другими моментами. Первоначально, в период насаждения промышленности, преобладают мотивы упорядочения фабричной работы и возможно полного использования рабочей силы. С отпадением этого мотива выступает новый — попытки ослабить малую производительность крепостного труда лучшими условиями работы, тем более, что к этому побуждают волнения рабочих. В последующее время начинает сказываться влияние промышленников и давление капитала на содержание и практику законодательства о труде. . .

Петр I, поощряя промышленность, наделял всякими льготами фабрикантов и с целью обеспечить их рабочими пошел на радикальную меру, разрешив покупать к фабрикам деревни. Однако, на ряду с этим, в отдельных указах, определяющих льготы отдельных фабрикантов, последним предписывается платить рабочим «достойную плату». Вместе с тем делаются попытки регулировать рабочее время не путем общеобязательной нормы, а, так сказать, от случая к случаю, в отдельных регламентах, наказах и инструкциях. Наконец, регламент Мануфактур-Коллегии возлагает на последнюю некоторые функции, связанные с регулированием условий труда. Мануфактур-Коллегии вменяется в обязанность «накрепко» наблюдать, чтобы фабриканты порядочно содержали мастеров и учеников и чинили им награждения по достоинству; она должна также наблюдать за тем, чтобы работники и ученики, не дожившие срока по договору, не переходили с одних фабрик на другие, а фабриканты таких, досрочно ушедших, рабочих не принимали. Как видим, законодательство времен Петра пытается регулировать заработную плату, хотя и в форме неопределенных пожеланий («достаточная плата» и «вознаграждение по достоинству»), и ограничить продолжительность рабочего времени 12-ью часами (регламент Адмиралтейства в среднем 11½ час., регламент Берг-Коллегии—12 часов).

Конечно, нет никаких оснований видеть во всем этом «беспредельную заботливость об участи рабочих». Такой комплимент Петром ни в малейшей степени не заслужен.

Он заботился не об участи рабочих, а об участи фабрик и фабрикантов, а, поскольку последних нужно было обеспечить рабочей силой, он, с одной стороны, позволили им покупать деревни, а с другой — регулировал условия работы, чтобы повысить производительность фабрик, в то время низкую, по недостатку рабочих вообще и сколько-нибудь обученных и привыкших к фабричной работе, в особенности. «Достаточная» плата и ограниченная продолжительность рабочего времени должны были содействовать образованию кадра рабочих и упорядочить фабричную работу, как той же цели должны были служить и меры принудительного порядка.

Еще более отчетливо такой характер законодательства выступает в регламенте и «работных регулах», составленных в 1741 г. [1]). Изданию этого акта предшествовало образование комиссии, которой было поручено исследовать положение дел, «порядок учредить, дабы впредь на всех фабриках деланы были сукна и каразеи хорошей доброты»... Обследование суконных фабрик, в нормальной работе которых государство было наиболее заинтересовано, показало небрежную, неумелую и для казны убыточную постановку дела. Закон, с одной стороны, заставляет фабрикантов исправно содержать фабричные здания, чтобы в них успешно могла происходить работа, иметь достаточный запас сырья, угрожая уплатой рабочим за простой и т. д.; с другой стороны, приходит им на помощь рядом мер, позволяющих полностью использовать рабочую силу: плата назначалась сдельная при опре-

---

[1]) См. ниже, № 19.

деленном уроке, причем фабриканту давалась возможность штрафами заставить рабочего выполнить урок полностью; заработок выдавался полностью только в конце месяца, чем рабочие прикреплялись к фабрике; рабочий день удлинялся до 14 часов в сутки; прогулы жестоко карались штрафами и телесными наказаниями; фабрикантам предоставлялось право разбирать тяжебные дела между рабочими. Как и законодательство Петра, закон 1741 г. имел в виду интересы фабрики и фабрикантов, но не интересы рабочих.

Закон 1741 г., впрочем, не оставил никаких следов в жизни: на практике он не применялся, а законодательство последующего времени его игнорировало [1]). Купеческий капитал нашел свои пути, более простые и прямые, к закреплению и эксплоатации рабочей силы, пространные же предписания регламента и работных регул повисли в воздухе. Последующему законодательству пришлось считаться с волнениями рабочих и с новыми запросами промышленного развития.

После волнений, происшедших на Ижевских и Воткинских заводах гр. Шувалова в 1763 году, устанавливается порядок работ на этих заводах, который был распространен на все частные заводы. По новому порядку, приписные крестьяне должны были быть разбиты на сотни, по способности и числу молотов, причем каждая сотня должна была работать на том заводе, к которому она назначена. Сотням предоставлено было избирать на год сотника, в больших—по три, в малых—по два, которые могли решать всякие споры по числу голосов, а при несогласии—решать всем миром; если и мир не решит, дело переходит к управителю, который решает дело с выборными других сотен. Крестьянам разрешено было жаловаться суду от мира на управителя за притеснения и задержку заработной платы. Если уже отыскивать исторические документы, «замечательные для своего времени», то этот документ бесспорно замечателен; крепостным работникам удалось вырвать признание за ними права миром решать свои дела и иметь своих выборных, с которыми должен был считаться управитель.

Пугачевское восстание привело к изданию в 1779 г. положения, точнее определяющего работу приписных к горным заводам и увеличивающего плату их вдвое. В 1788 г. велено было мастеровым казенных заводов платить за работу в праздничные дни, в 1790 г., в виду неурожая, увеличена задельная плата рабочим пермских казенных и частных заводов.

Волнения рабочих продолжают сказываться и на законодательстве последующего времени, но основным его мотивом служит стремление поднять производительность принудительного труда более льготным для рабочего регулированием работы.

Усилившиеся при Павле волнения ставят на очередь вопрос об улучшении участи приписных крестьян...

М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. I (1924 г.) стр. 130 и след.

---

[1]) Ср. исследование К. Пажитнова („Труд в Рссии“, 1925 г.).

19. Законодательные памятники.

Приписные крестьяне.

Из указа 20 Генваря 1724 г. — О нетребовании работников и подвод безденежно и без указов Сената.

...Велено за работу людям и лошадям давать во всех местах равно, и именно: в летнее время мужику с лошадью по десяти, а без лошади по пяти копеек, а в зимнее с лошадью по шести, а без лошади по четыре копейки на день; а когда нужда позовет в подводах, тогда давать сверх прогонов простойного по вышеписанному же на день... А времена счислять, летнее Апреля с первого числа по Октябрь, а зимнее с Октября по Апрель месяц.

Манифест Мая 21 1779 г.—О работах, каковые крестьяне, приписные к казенным и частным заводам, исполнять обязаны.

...Приписным из казенного ведомства к казенным или частных людей заводам крестьянам исправлять, как прежде, так и ныне следующие заводские работы, а именно:

1. Рубку куренных дров. 2. Разломку куч и возку из куреней на заводы угля. 3. Рубку дров для обжега флюсов[1]). 4. Возку с рудников добытой готовой руды на заводы, также песков и всяких флюсов, к проплавке руд потребных. 5 Дело и починку плотин, в том единственно случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут.

2) Запрещается под опасением пени, в 5-й статье ниже сего означенной, с приписных из ведомства казенного к казенным или частных людей заводам крестьян, кроме сих в статье 1 наименованных заводских работ, требовать иных работ при заводах, или к оным чинить наряды, или принуждение; добровольно же наниматься крестьянам не запрещается.

3) В исправление выше в 1-й статье прописанных работ поступать следующим образом: 1. Наряжать к рубке дров тех крестьян, кои от заводов далее других жительствуют, дабы они, будучи уже от конных работ свободны, не имели нужды заводить с собою лошадей иных, как только сколько им самим потребно на привоз собственного прокормления. 2. К рубке дров крестьянам быть на месте к 15 февраля, ранее сего к работе сей их не высылать. Домой им возвращаться к 20 апреля, позже же сего при работе сей их не удерживать, под опасением за то и другое взыскания, ниже сего в статье 7 означенного. 3. Наряжать к вывозке выжженного из кучи угля, также руд и флюсов, тех крестьян, кои от заводов ближе других жительствуют, первым зимним путем; ранее же сего к работе сей их не высылать. Домой им возвращаться последним зимним путем, позже же сего при работе сей их не удерживать, под опасением

[1]) Плавень, т. е. вещество, прибавляемое к руде для более легкой плавки.

за то и другое взыскания, ниже сего в 7 статье означенного. 4. В деле или починке плотин, в случае когда плотина от наводнения или пожара повреждена будет, тогда не содержателям заводов, но Канцеляриям, удостоверившися свидетельством истинным, что плотина прорвана водою, или огнем повреждена не с умысла и не с прихоти чьей, чинить наряды к тому делу и починке.

4) ...Повелеваем умножить платеж за работы сим приписным крестьянам, определяя тот платеж вдвое противу старого плаката, а именно: в летние дни конному по 20 копеек, пешему по 10 копеек, а в зимние конному по 12 и пешему по 8 копеек на день, и с тем точным предписанием, чтоб они, пользуяся довольною платою, зарабатывали по нарядам по прежнему положению по 1 руб. по 70 коп. с души, больше же того им не работать, и их, под опасением ниже сего в 7 статье означенного взыскания, к работам не принуждать.

5) Буде кто станет понуждать приписных к заводам крестьян делать какую-либо работу, которая в 1 статье сего Нашего Указа не предписана: с такового за каждый день, в который приписной крестьянин употреблен был к непозволенной работе, взыскивать в пользу обиженного пеню вдвое против положенного в 4 статье платежа заработного, кроме тех денег, кои по той статье за установленную работу положены.

6) Такое же наказание полагается, если содержатель завода станет понуждать крестьян приписных к заводам к делу и починке плотин, кроме двух случаев, изображенных в статьях 1 и 3, т. е.: прорвания водою и повреждения огнем или же и в тех самых случаях употребит их без свидетельства и без наряда Канцелярии.

7) Кто ранее положенного времени крестьян, приписных к заводам, к работе понуждать будет, или же позже определенного срока их удержит, или же более установленного зачета по 1 рублю 70 копеек с души делать заставит: с такового взыскивать за все излишние дни, кои те крестьяне на работе удержаны были, вдвое против полагаемого в 4 статье платежа.

12) Силу сего учреждения распространяем мы не только на заводы казенные, в ведомстве Берг-Коллегии состоящие и принадлежащие частным людям, но и на те, которые под управлением Нашего Кабинета находятся, повелевая исполнять по сему непременно.

Из именного указа 30 Генваря 1781 г. правящему должность Пермского и Тобольского генерал-губернатора... о разбирательстве споров, случающихся по рудникам и промыслам, о ненаказании приписных к заводам крестьян никому самовольно.

...4) Нужно запретить как Приставам казенных промыслов и заводов, так и частным людям, у коих к заводам приписаны из ведомства казенного крестьяне, чтобы они тех казенного ведомства крестьян сами собою отнюдь не наказывали и в споры между ими не вступали, а оставляли бы маловажные дела разбору на словах выборных и других их сельских начальников, а в делах большей важности отсылали их на суд в Нижние Расправы. Но при сем надлежит постановить, чтобы для лучшего присмотра за ними и

удобнейшего отвращения всякого непорядка и лености их, были они разделены на десятки и сотни, дабы начальные между ими всякое своевольство, развращение и ослушность усмирять могли.

Из указа 16 марта 1798 г. о распределении работ.

В распределении крестьянам при заводах и фабриках работ поступать согласно манифесту 5 апреля 1797 г. [1]) о распределении вообще общекрестьянских работ изданному, то-есть: чтобы из количества годных в работу половина всегда в работе заводской находилась...

Мастеровые и рабочие на казенных предприятиях.

Регламент о управлении Адмиралтейства от 5 Апреля 1722 г. [2]).

Глава XII, § 32. В которые часы, которые времена звонить в колокол на работу и с работы.—В колокол бить на работу и с работы, Марта с десятого, Сентября по десятое число, по утру полпята, в вечеру в Марте и Апреле семь часов ,в полдни с работы одиннадцать, пред полуднем на работу полчаса пополудни, в июне, июле по утру полпята, в вечеру восмь, в полдни одиннадцать перед полуднем, полтора пополудни; в Августе, утро и вечер и пред полуднем против тогож, а пополудни час; Августа с 20, Сентября по 10, по утру и в полдни также, а в вечеру 7. Сентября с 10 Марта по 10, по утру час перед восхождением солнца, в вечеру час по захождении солнца (по календарю), в полдни с работы 11, на работу 12. Избные и кузнечные работы, Сентября с 10 Марта по 10, в вечеру работать до 8 часа, а прочее против вышеписанного. А ежели где в работе не будет нужды, то в вечеру против вышеписанного.

Во время мира, или когда нужного дела нет, всем мастеровым с 10 Ноября по 10 число Генваря не работать, и на те дни работных денег не давать.

Глава XIII, § 16. Когда кому из Адмиралтейства служителей приключится какая незапная болезнь, или кто ранен будет при работе на верфи: тогда оных тотчас велеть лечить определенному в верфи лекарскому гезелю, или раны их завязывать. И буде тяжелая рана или болезнь приключится, что не может к лекарю ходить: то отсылать в госпиталь, и о том рапортовать Директора над конторой.

Глава XXIII. Дозорщики над работниками, где они определены, должны смотреть, чтобы оные работники не гуляли, а управляли бы свое дело неленостно, а ленивых бить тростью, и прочее чинить все с приказу корабельного мастера, к которому он определен будет.

Глава XLVI. О должности профоса.

---

[1]) Было запрещено принуждать крестьян работать в воскресные дни и велено было: три дня крестьяне работают для помещика и три дня для себя.

[2]) Адмиралтейство заведывало военными верфями.

Должен смотреть, чтобы в Адмиралтействе никто кроме определенных мест не испражнялся. А ежели кто мимо указанных мест будет испражняться, того бить кошками и велеть вычистить.

Извлечение из указа Сентября 2 1741 года: Регламент и работные регулы на суконные и каразейные фабрики.

Работные регулы и должности и заработная плата надзирателям и мастеровым и работным людям на суконных и каразейных фабриках.

Понеже поныне разные, как интересу, так и точному самых фабричных содержателей намерению противные и весьма вредительные непорядки, великое своевольство и чрезвычайная продерзость у мастеровых и работных людей в большом числе суконных и каразейных фабрик к немалому разорению вкоренились: того ради крайняя нужда требует помянутым людям, для предупреждения всяких впредь худых следствий, нижеписанные о должности и мерах их регулы, для точнейшего исполнения, с постановлением даемой им платы, написать и дать, а именно:

1) Всеобщие регулы.

О положении работных часов всеобще и каждоособо как надзиратели, так и мастеровые и работные люди, не выключая никого, повинны, дабы возможно было фабрики в настоящее время отпирать и запирать, всякий год Марта от 1, Октября по 1 число, в работные дни после полуночи точно в четыре часа, каждой в показанное ему на фабрике место для работы являться, а в десятом часу обедать ходить, в двенадцатом часу паки на работу приходить и после полудни в девятом часу с работы сходить, а в Генваре, в Феврале, в Октябре, Ноябре и Декабре месяцах, для пользования короткими днями, обедать им только один час, а именно после полуночи от десятого до двенадцатого часа; напротив того после полудни в осьмом часу, а в каждую субботу сряду после полуночи в двенадцатом часу работу сложить. Звонить всегда в фабричный колокол для прихождения полчаса, а для схождения с работы четверть часа. А ежели кто в противность сего чинить и опаздывать будет, хотя только и полчаса, чего для везде песочные часы содержаны быть надлежат, и такого штрафовать неотменно: за первой раз сильным выговором, за другой раз вычетом на один час из заслужаемой по пропорции дневной платы, за третий раз против того вдвое, за четвертый раз вычетом из дневной его платы половины, и против того последнего чрез весь год, как часто опаздывать будет, и с нового года штрафование паки начинать одним выговором.

4) О игре на деньги, и ежели кто на улице явится пьян.

Никому из них не дерзать в какую-нибудь игру на деньги играть, наименьше ж на публичной улице весьма в непристойном злочинстве пьянства являться, под опасением неотменного за то штрафа.

5) Об отлучении с фабрики.

Ежели кто в обыкновенные работные дни, без законной причины, а именно для болезни и других тому подобных случаев, в фабрику на работу не будет, за то в первой раз вычесть у него из заслуженной платы на столько дней, сколько он гулял, а в третий раз вычесть же против прогульных дней вдвое, и сверх того бить его батожьем; ибо никому без нужды от вседневной фабричной работы не отбывать. А когда кому нужда какая случится, то по надлежащему о том доказательно об'явить фабриканту, дабы он ему о небытии на фабрику настоящее позволение дал.

6) О бытии мастеровых и работных людей женам и дочерям в фабричной работе.

Мастеровым и работным людям отнюдь не допущать, чтоб жены и дочери их, кои работать в состоянии будут, дома праздны пребывали или гуляли, но паче их, как то на шелковых и парусных фабриках достохвально бывает, на фабрике такой работе обучать, какую исправлять могут; или буде некоторых состояние того иногда не допустит, то велеть фабричному содержателю давать им исправляемую работу в домы, за которую получать им равную плату против мужеского пола, и таким двойным рачением они знатно в лучшее состояние придут и больше домашнего благословения ожидать имеют. А ежели кто жене и дочерям своим работать не даст, или жены и дочери сами в том противны явятся, и за такую непослушность и дерзностное оставление собственного их благополучия по усмотрению обстоятельств надлежаще штрафованы будут.

8) О непослушности и о противностях против фабричного содержателя и других начальников.

Кто из надзирателей, мастеровых и работных людей фабричному содержателю, или другим на фабрике начальникам своим, которым почтение и послушность показывать весьма должны, непослушен, или противен явится, и грубыми ругательными словами дерзностно их касаться будет: того за такие преступления и по пропорции оных наказать: в первой раз плетьми, в другой раз батожьем, с платежем и вычетом заслуженной платы на 3 месяца, в третий раз ссылкою на 1 год в каторжную работу; а ежели кто дерзнет вышеупомянутых людей рукой, или побоями оскорбить, того бить кнутом, и по обстоятельству дела осудить в каторжную работу на несколько годов, или вечно.

9) О неупотреблении худых материалов в работу и о штрафовании за негодную работу.

Надзирателям никаких негодных или весьма испорченных материалов в работу не отдавать, и работным и мастеровым людям оных для употребления в дело не принимать; но всяк повинен в своем мастерстве против

данных проб годные материалы употреблять и добрую работу из оных делать. Кто же в противность сего чинить будет, тому, в первый раз, испорченный товар отдать с возвращением за оной по настоящей цене из его заработных денег, в другой раз испорченный товар ему не получать, а цену за оный однако заплатить; третий раз ожидать ему того ж, да сверх того за оплошность его наказание батожьем; и надзирателям, мастеровым людям и подмастерьям оберегаться накрепко, дабы они по пропорции вин их и в самой последней работе, с получением меньшей платы, не извергнуты и паки вновь выслуживать принуждены не были.

10) О выдаче платы и о вычете штрафных денег и о награждении добрых искусных работников.

В субботу, по отпуске с работы в 12-ом часу, каждому, который ни в какую вину не впал, часть свою заслуженную понедельную плату давать исправно, однако, таким образом, чтоб четвертая часть оной удержана была. А как скоро весь месяц окончится, фабричной содержатель повинен им во всем исправной расчет и полный платеж чинить; а напротив того у преступителей, как они, по силе вышеписанных пунктов, виновны явились, положенные на них штрафные деньги не токмо без упущения, понедельно и помесячно вычитать; но и за вины их положенные на них штрафные наказания без всякого послабления в действо производить. А понеже по божеским законам и мирским правам штраф и награждение всегда вместе состоит, того ради и фабричным содержателям точно того смотреть, дабы, не токмо злонравные, оплошные, непослушные и противные надлежащим штрафом и наказанием накрепко штрафованы; но и те надзиратели, мастеровые и работные люди, кои должность свою надлежаще исправляют и в своих поступках и работах перед другими особо какую отмену показывать будут, за то по собственному рассуждению в субботу или помесячно, для возбуждения других, чем-нибудь награждены были, как то на некоторых фабриках достохвально в обычай уже приведено.

Сенатский указ 17 января 1765 г. О приеме Адмиралтейской Коллегии присылаемых от помещиков для смирения крепостных людей и об употреблении их в тяжелую работу.

...Буде кто из помещиков людей своих, по продерзостному состоянию заслуживающих справедливое наказание, отдавать пожелает для лучшего воздержания в каторжную работу, таковых Адмиралтейской Коллегии принимать и употреблять в тяжкую работу на толикое время, на сколько помещики их похотят, и во всю ту оных людей в работе бытность довольствовать пищею и одеждою из казны равно с каторжными; когда ж помещики их пожелают обратно взять, то отдавать им беспрекословно, с тем только, если таковые по бытности своей в работе положенного платья и обуви срока не выносят, то оное от них отбирать в казну.

Из Первого полного собрания законов.

Девятнадцатый век до падения крепостного строя.

20. Промышленность в дореформенный период.

...Если мы сравним развитие русской промышленности в 18 веке и первой половине 19 столетия, мы легко заметим между этими двумя эпохами следующее основное различие. В 18 веке развивались преимущественно те отрасли промышленности, которые удовлетворяли спросу государства (суконное, паруснополотняное, писчебумажное, горнозаводское производства). Напротив, в дореформенной России 19 века доминирующим фактом является поразительно быстрый рост производства, которое было вполне независимо от спроса государства, а именно—хлопчатобумажного.

Хлопчатобумажное производство. Хлопчатобумажная промышленность появилась у нас еще в 18 веке... Но до начала 19 века обработка хлопка у нас, как и в других странах Европы, имела ничтожное значение.

Зато в 19 веке наша хлопчатобумажная промышленность стала расти чрезвычайно быстро...

За 50 лет количество перерабатываемого хлопка и бумажной пряжи возросло более чем в 16 раз. Раньше всего у нас развилась завершительная операция хлопчатобумажного производства — ситцепечатание (ручная набойка), затем бумажное ткачество и только значительно позже—бумагопряденье. Такая последовательность развития различных отраслей хлопчатобумажной промышленности не заключает в себе ничего странного. Набойка по холсту была распространена у нас задолго до начала ситцепечатания, и переход к набойке по миткалю, ввозимому из-за границы, не представлял никаких трудностей. Ткачество миткаля было почти совершенно незнакомо Московской Руси; но так как ручное ткачество бумажной пряжи представляет собой операцию очень простую, которую можно свободно изучить в несколько месяцев, то неудивительно, что, по мере развития ситцепечатания, стало распространяться и бумаготкацкое производство. Бумагопряденье появилось у нас всего позже потому, что в конце 18 и в начале 19 века (когда бумажные ткани стали входить у нас в общее употребление)

ручное пряденье было совершенно невыгодно вследствие крайней дешевизны английской машинной пряжи. Чтобы конкурировать с английской пряжей, нужно было изготовлять пряжу машинами, которые так сильно увеличили производительность труда английского прядильщика. Но устройство бумагопрядильной фабрики требовало огромных затрат капитала; прядильные машины приходилось вывозить из-за границы, а это было тем затруднительнее, что вывоз машин из Англии до 1842 г. был запрещен. По этой причине, вплоть до 40-х годов наше бумаготкацкое производство пользовалось преимущественно заграничной (главным образом, английской) пряжей...

Ввоз иностранной пряжи в России растет до начала 40-х годов; с этого времени ввоз начинает падать... Быстрое расширение бумаготкацкой промышленности во второй половине 20-х годов основывалось, главным образом, на увеличении ввоза иностранной пряжи. Напротив, после 40-х годов рост нашей бумаготкацкой промышленности сопровождается еще более быстрым ростом бумагопрядильного производства в самой России.

Чем же обусловливались успехи нашей хлопчатобумажной, главным образом — бумаготкацкой промышленности?.. Основная причина развития хлопчатобумажной промышленности в 19 веке не только в России, но и во всех других цивилизованных странах заключалась в том, что, благодаря применению машин к пряденью и ткачеству хлопка, бумажные ткани сделались самым дешевым предметом одежды. Чем беднее в стране масса населения, тем большим распространением в ней должны пользоваться бумажные материи. Это достаточно известно. Но вот на что у нас до сих пор обращено слишком мало внимания. Во всех книгах, так или иначе затрагивающих вопрос о поразительном развитии нашего бумажного ткачества во второй четверти 19-го века, развитие это приводится в связь только с одной причиной — изданием в 1822 г. нового тарифа, составленного в духе крайнего протекционизма. Между тем, важнейшим фактором роста нашей бумаготкацкой промышленности в рассматриваемое время, как и раньше, был не тариф, а нечто совсем иное.

В Англии цена бумажных фабрикатов сильно понизилась в 1826, 1837 и 1840 г.г., т. е. приблизительно в те же годы, как и в России. Дело в том, что 1825, 1836 и 1839—1840 г.г. были годами промышленных кризисов; а кризисы всегда были в Англии стимулами технического прогресса. После каждого кризиса фабриканты вводили усовершенствованные машины для удешевления производства; по этой причине кризисы в Англии не только кратковременно понижали цены фабрикатов, но и вызывали падение обычной, нормальной цены последних.

Вот в этом-то удешевлении пряжи, следовавшем за английскими промышленными кризисами, следует искать основную причину быстрого роста нашего бумаготкацкого производства в 20-х, 30-х и 40-х годах. Несмотря на тариф 1822 г., цена пряжи в России быстро падала—параллельно этому падали цены миткаля и ситца—спрос на бумажные ткани возрастал, и производство их расширялось. Основным фактором всего этого процесса являлся технический прогресс бумагопрядильного производства в Англии...

Итак, развитие нашей хлопчатобумажной промышленности об'ясняется, прежде всего, общими мировыми условиями промышленности. Россия была захвачена в круг капиталистического развития Англии и воспользовалась техническими успехами последней. Но, разумеется, это было возможно только благодаря существованию в России покровительственного тарифа—без него Англия ввозила бы в Россию не пряжу, а миткаль или ситец, и вместо производства бумажных материй у нас в еще больших размерах распространилось бы потребление этих материй, которые доставлялись бы Англией...

Как сказано, бумаготкацкое производство развилось у нас гораздо раньше бумагопряденья, и притом развилось без непосредственной помощи государства (кроме, разумеется, поддержки в виде таможенных пошлин). Что касается бумагопрядильного производства, то оно появляется в России в начале 19-го столетия. В 1808 году купцом Пантелеевым была устроена первая частная бумагопрядильная фабрика в Москве. Фабрика эта получила прядильные машины с образцовой прядильной и ткацкой правительственной фабрики—Александровской мануфактуры, которая была устроена в 1799 г. со специальной целью распространить в России употребление прядильных и ткацких машин [1]). *Континентальная система,* затруднявшая подвоз английской пряжи, вызвала устройство еще нескольких бумагопрядильных фабрик (в 1812 г. в Москве их было 11). Эти фабрики очень пострадали от разорения 1812 г. и прекратили производство... Только с 40-х годов бумагопрядильное производство в России устанавливается вполне прочно, получивши возможность пользоваться прядильными машинами, выписываемыми непосредственно из Англии (раньше на наших бумагопрядильнях употреблялись бельгийские и французские прядильные машины, далеко уступавшие по своим достоинствам английским).

Полотняное дело. Быстрый рост хлопчатобумажной промышленности у нас, как и в других странах, вызвал тяжелый кризис в области обработки льна и пеньки.

Этот старинный крестьянский промысел достиг значительного развития еще в Московской Руси; русский холст в 17 столетии в большом количестве вывозился за границу. В 18 веке вывоз льняных и пеньковых фабричных изделий — парусных и фламских полотен, равендуков — возрастал. В 19 веке положение изменилось—вывоз начал падать [2])...

О значении заграничного рынка для русских полотняных и парусных фабрик начала 19 века можно судить потому, что по официальным расчетам

[1]) Александровская мануфактура играла очень видную роль в истории нашей промышленности. На этой мануфактуре впервые было введено в России машинное пряденье хлопка и льна. Она выделывала в огромных размерах льняные и пеньковые полотна на продажу. В 1828 году на мануфактуре было 4000 рабочих при трех паровых машинах силою в 170 лошадей.

[2]) В 1793 - 95 г.г.—вывезено было 251 тысяча кусков, а в 1844 - 46 г.г.—всего 121 тысяча.

(конечно, очень неточным) около ⅓ всего количества фабричных полотен предназначалось для экспорта. Поэтому падение заграничного экспорта не могло не быть тяжелым ударом для наших полотняных фабрик; причины этого падения коренились, главным образом, в области техники: наше полотняное производство в техническом отношении совсем не прогрессировало, на Западе же техника льняного прядения и ткачества быстро шла вперед и в то же время бумажная ткань своей дешевизной вытесняла полотно. Всего более пострадали при этом крупные фабрики, работавшие для экспорта...

Не в такой степени, как парусные фабрики, но все-таки сильно пострадали и полотняные фабрики, изготовлявшие льняное полотно. Цены льняных изделий понижались в течение всей второй четверти 19 века. Правда, не менее сильно понизилась за это время и цена бумажных тканей, но последнее вызывалось прогрессом техники — удешевлением производства. Производство же полотна в техническом отношении у нас не прогрессировало,— как пряжа, так и полотно продолжали изготовляться руками, — а потому понижение цены фабриката приводило к убыточности производства и сокращению последнего...

Кризис полотняного производства был убыточнее всего фабрикантам-помещикам, изготовлявшим тонкие полотна трудом собственных крепостных...

Если бы у нас не существовало покровительственной системы, полотняное производство пострадало бы еще более, так как английский миткаль и ситцы, по своей большой дешевизне, являлись еще более опасными конкурентами полотна, чем наши отечественные хлопчатобумажные фабрикаты.

Суконное производство.

С самого своего возникновения суконное производство было излюбленным детищем русского правительства, — правительство делало всевозможное для его поддержания и развития, и тем не менее оно развивалось в течение 18 века очень туго. Даже в начале 19 в. русские фабрики не могли удовлетворять потребностей армии в сукнах, несмотря на все усилия правительства расширить суконное производство в России. Сукна выделывались крайне низкого качества и в количестве, недостаточном для потребностей армии и флота, так что приходилось покупать иногда мундирное сукно за границей, чаще всего в Англии. Дальнейшие успехи нашего суконного производства в техническом отношении были невелики, но количественно оно развивалось, и в 1822 г. в первый раз предложения фабрикантов превысили заявленную казною потребность в армейских сукнах...

Уже в 1809 г. суконным фабрикантам была предоставлена, с некоторыми ограничениями, свобода продажи сукна в частные руки. Но только в 1816 г. обязанные суконные фабрики были избавлены от обязательства ставить сукно в казну и сравнены по своим правам с вольными фабрикантами. Только с этого времени суконное производство получило возможность развиваться...

Развитие это совершалось притом не за счет потребностей казны. Спрос на солдатское сукно увеличивался медленно и в 30—40 годах колебался около четырех миллионов аршин. Весь этот спрос удовлетворялся старинными фабриками, поставлявшими и ранее сукно в казну. Новые фабрики работали исключительно для вольной продажи; сумма производства этих новых фабрик в 50-х годах превышала в три-четыре раза производство фабрик солдатского сукна...

Что касается технического прогресса, то он был не велик в суконном производстве. Жалобы на низкое качество сукна слышатся в течение всей дореформенной эпохи.

О численности фабрик и рабочих. Число фабричных рабочих почти до конца сороковых годов (1847) быстро растет[1] — затем начинает с колебаниями падать. Размер фабрики (среднее число рабочих на одну фабрику) вырастает до начала сороковых годов (1843 г.), затем следует также падение. До сороковых годов фабричное производство энергично развивалось и сами фабрики становились крупнее; с конца сороковых годов рост фабричного производства приостановился и фабрики стали раздробляться.

Об'яснение всего этого следует искать в росте мелкой, кустарной промышленности... Сороковые годы были временем наиболее энергичного развития кустарной промышленности. Кустарь стал по всем пунктам бить фабриканта — вот почему число рабочих на фабриках стало сокращаться и сами фабрики мельчать.

Железоделательная промышленность. Остановимся теперь на производстве, являющемся лучшим показателем технического прогресса страны вообще — добыча железа. В конце 18 века, по расчетам Шторха[2], в России выплавлялось около восьми миллионов пудов. О выплавке чугуна в последующее время можно судить по нижеследующим цифрам — в среднем ежегодно выплавлялось миллионов пудов:

1826—30 г.г.	10,2	1846—50 г.г.	12,3
1831—35 „	10,5	1851—55 „	13,9
1836—40 „	10,9	1856—60 „	16,6
1841—45 „	11,2		

Если принять в соображение рост населения, то следует заключить, что в течение всей первой половины 19 века Россия не только не шла вперед в добыче железа, но даже регрессировала, и через пятьдесят лет стояла ниже, чем в конце 18 века. Поразительный застой нашего чугуноплавильного дела особенно бросается в глаза, если сопоставить его с развитием этой отрасли промышлености в других странах, особенно в Англии.

В половине 18 века железо было одним из главнейших предметов нашего отпуска. Но в 19 столетии вывоз русского железа за границу правильно падает. В среднем ежегодно вывозилось в тысячах пудов:

---

[1] См. № 21.

[2] Генрих (Андрей Карлович) Шторх—экономист (1766—1835 г.г.).

1760 г.	820	1831—40 г.г.	1.362
1793—95 г.г.	2.966	1841—50 „	788
1800—04 „	2.120	1851—60 „	747
1821—30 „	1.300		

От чего же зависело такое печальное положение нашей железоделательной промышленности?..

Вплоть до реформы 61 г. горнозаводская промышленность всецело основывалась на принудительном труде. Главным центром чугуноплавильного производства был Уральский горный округ — Пермская и смежные с ней губернии. На уральских горных заводах выплавлялось около $^4/_5$ всего русского железа. Главным контингентом рабочих на этих заводах были крестьяне и мастеровые, приписанные к заводам. Поссессионных заводов в Уральском горном округе было в 1847 г. 37, и к ним было приписано 178 тыс. крестьян м. п. На казенных заводах работы производились также не по вольному найму, а состоящими при заводах мастеровыми и крестьянами, которые набирались, в случае недостатка рабочих, из рекрут и лиц, ссылаемых на каторжные работы. Закрепощение за горными заводами сотен тысяч лиц было вызвано желанием правительства поддержать эти заводы и обеспечить им рабочие руки. И действительно, благодаря этой мере, наша железоделательная промышленность быстро развилась, и в конце 18 века Россия не уступала в этом отношении Англии. Но та же самая причина, которая содействовала росту горнозаводской промышленности в 18 веке, в 19 веке явилась самым большим тормозом ее развития. Писатели 50-х и 60-х годов, занимавшиеся вопросом о причинах застоя нашей железоделательной промышленности, приходили к одному заключению — что этот застой вызывался технической отсталостью чугуноплавильного дела, неупотреблением новых улучшенных приемов плавления чугуна и железа, благодаря которым железоделательная промышленность в Западной Европе сделала такие быстрые успехи. Этим техническим застоем вызывалась неподвижность цен на железо в России, в то время как, напр., цена железа в Англии быстро падала.

	Цена (в серебр. деньгах) пуда железа в С.-Петербурге.	Цена железа в Лондоне (принимая за 100 цену 1782 г.).
1824—26 г.г.	1 р. 26 к.	103
1830—32 „	1 „ 37 „	63
1836—38 „	1 „ 35 „	79
1842—44 „	1 „ 23 „	46
1845—47 „	1 „ 32 „	60
1848—50 „	1 „ 27 „	41

За четверть столетия русское железо совсем не понизилось в цене, а английское упало больше, чем на 60%. Понятно, что при таких условиях вывоз русского железа за-границу должен был сократиться, а внутри страны сбыт железа не возрастал.

От чего же зависела техническая отсталость русской железоделательной промышленности? Не может быть сомнения, что основной причиной этой отсталости была *система принудительного труда*. Это прекрасно сознавали многие современники. Заблоцкий-Десятовский в своей известной записке

1841 г. «О крепостном состоянии в России» об'ясняет влиянием крепостного права «дороговизну нашего железа в сравнении, напр., с английским». Пока рабочий на железных заводах работал из-под палки, до тех пор и производительность его труда не могла прогрессировать. Никакие льготы не могли заменить основного условия промышленного прогресса — свободы труда...

Отнюдь не простая случайность, что в той отрасли производства, которая так быстро развивалась в дореформенной России—в хлопчатобумажной, крепостной труд почти отсутствовал. Именно благодаря свободе труда бумаготкацкое и ситцепечатное производства сделали в крепостной России, среди общего застоя, такие быстрые успехи...

М. Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем, т. I (Спб. 1898 г.), стр. 58 и след.

21. Статистические данные.

I.

Число фабричных предприятий и рабочих с 1815 по 1861 г.[1])

Годы.	Число предприятий.	Число рабочих.	Рабочих на одно предприятие.	Годы.	Число предприятий.	Число рабочих.	Рабочих на одно предприятие.
1815	4.189	172.882	41	1840	6.863	435.788	63
1816	4.484	187.061	42	1841	6.831	429.638	63
1817	4 385	187.337	43	1842	6.939	455.827	66
1818	4 457	178 419	40	1843	6.813	466.579	68
1819	4 531	176.635	39	1844	7.399	469.211	63
1820	4.578	179 610	39	1845	8.302	507.577	61
1825	5.261	210 568	40	1846	8.333	508 607	61
1826	5.128	206.480	40	1847	9.029	532.056	59
1827	5.122	209.547	41	1848	8.928	483.542	54
1828	5.244	225.414	43	1849	9.172	495.364	54
1829	5.260	231.624	44	1850	9.848	501.639	51
1830	5.450	253.893	47	1851	10.126	465.016	46
1831	5.599	264.358	47	1852	10.388	470.914	45
1832	5.636	272.490	48	1853	10.087	481.018	47
1833	5.664	273.969	48	1854	9.944	459.637	46
1836	6 332	324.203	51	1856	11 556	518.661	45
1837	6.450	376.838	58	1857	10.856	513.324	47
1838	6.855	412.931	60	1858	12.259	548.921	45
1839	6.894	454.980	66	1861	14 148	522.500	37

Легко заметить, что число фабричных рабочих почти до конца 40-х годов (1847 г.) быстро растет, затем начинает с колебаниями падать. Размер фабрики (среднее число рабочих на 1 фабрику) вырастает до начала 40-х годов (1843 г.), затем следует также падение. До 40-х годов фабрич-

[1]) В эти цифры не включены предприятия Царства Польского и Финляндии.

Приведенные цифры не касаются горных, винокуренных и пивоваренных заводов, относясь преимущественно к фабричным предприятиям.

ное производство энергично развивалось, и сами фабрики становились крупнее; с конца 40-х годов рост фабричного производства приостановился и фабрики стали раздробляться.

Об'яснение всего этого следует искать в росте мелкой кустарной промышленности. Сороковые годы были временем наиболее энергичного развития кустарной промышленности. Кустарь стал по всем пунктам бить фабриканта—вот почему число рабочих на фабриках стало сокращаться и сами фабрики мельчать.

М. Туган-Барановский, Русская фабрика, т. I, стр. 76—77.

II.

Рабочие на частных горных производствах в 1828 г. [1]).

По московскому горному правлению.

Калужская губерния.

Верхний и Нижний Песочинские заводы (Голынских) в Жиздринском уезде—по 7-ой ревизии 775 крепостных и 25 казенных приписных.

Песочинский зав. (купцов Масловых) — заводских мастеровых 50, Серинский—заводских мастеровых 154.

Дучненский (Лаврова)—по последней ревизии числится «мастеровых и рабочих людей 192 души; еще принадлежащих к заводу и находящихся временно в работе при селах Николаевском и Никитском и деревнях Истоминой, Рвае и Струковой дворовых людей и крестьян 283 души—всего 475 душ».

Иншевский (кн. Бибарсова)—мастеровых 94.

Ханинский (купца Ивана Засыпкина)—«имеется приписных на праве заводском крестьян по последней ревизии 778 душ, из сего числа разных мастеровых 138 душ».

Богдано-Петровский (купца Петра Засыпкина)—по 7 ревизии крестья 770.

Людиновский и Сукрешенский (г. Мальцова)—мастеровых и рабочих людей по 7 ревизии всего 1300.

Завод Билибиных—«собственных приписных крестьян не имеется, а употребляются для работ заводских по найму из разных соседних деревень с узаконенными видами».

Сепетско-Ивановский — по 7-ой ревизии мастеровых и крестьян всего 283.

Орловская губерния.

Заводы Любохонский—361 и Радицкий—955 крепостных.

Бытошевский и Петровский (купцов Мельниковых)—238 душ.

Рязанская губерния.

Непложский (Масалова)—по 7 ревизии мастеровых 244.

Кирицкий (Генике)—«по сказкам ревизии 274 крестьян, принадлежащих заводу в сельце Засечье на праве заводском 37, там же на праве помещичьем 5 душ крестьян, в селе Добром—на заводском праве 202 мастеровых, при зеркальной фабрике 197, всего 715 душ».

---

[1]) Архив горного департамента, 1 стол 3-го отделения, 1828 г., дело № 13 „Бумаги, вышитые из дел 1828 г. о числе людей при частных горных заводах".

Истинско-Залипянский (Полторацкой)—мастеровых людей 263, заводских крестьян в Пронской округе 23, в Ряжской 293.

Сынтульский—мастеровых 96, крестьян 167.

Ереминский—мастеровых 601, крестьян 446.

Мердушенский—мастеровых 152, крестьян 301.

Вознесенская фабрика—мастеровых 117, крестьян 45. «При оной же фабрике живущих и по ревизии числящихся при селе Вознесенском крестьян 295 душ».

Белоключевская стеклянная фабрика—мастеровых 28.

Завод прапорщика Яблочкова—«приписных крестьян не имеется, а употребляются для работ заводских по найму из разных соседних деревень с узаконенными видами».

Пензенская губерния.

Рябкинский (купца Шапкина)—мастеровых 371.

Савинско-Авгарский (купца Манухина), и особо в деревне Маскиной 794 (штатных мастеровых 760, не поступивших в штат 34).

Тамбовская губерния.

Виндреевский (Очкиной)—525 душ.

Унженский (Шепелевич)—323 мастеровых.

Тульская губерния

Дубенский (Масаловых)—29 душ (крестьян).

Владимирская губерния.

Гусевский—«на праве заводском мастеровых 967 душ, на праве помещичьих крестьян 642 души, в оном же заводе живущих, а по ревизии числящихся при деревне Малышовой, крестьян 144 души».

Верхне-Уншенский—мастеровых 67, крестьян 110.

Железницкий—938 мастеровых.

Нижегородская губерния.

Илевский—мастеровых 345, крестьян 391. «Сверх сего таких, кои числятся при селениях или состоят при заводах Меленковского уезда при деревне Самойловка, 6», а в Темниковском уезде 18.

Выксунский—1648 мастеровых.

Велетменский—471 мастеровых.

Снаведский—979 мастеровых, «да причисленных к сему же заводу после ревизии из мастеровых стеклянной фабрики, состоявшей в Тамбовской губ., 48 мастеровых».

Верхнежелезницкий—938 мастеровых.

По пермскому горному правлению.

Таблица крепостных крестьян по 7-ой ревизии (число казенных мастеровых и непременных работникой, состоявших при заводах, указано в подстрочных примечаниях).

Пермская губерния.

Верхисетские (Яковлева	4.706 [1])
Юговский (купца Кнауфа)	1.467
Курашимски " "	768
Бизярский " "	439
Иргинский (купца Кнауфа)	1.153
Саранинский " "	544
Билимбаевский (гр. Строгановой)	1.917
Добрянский (гр. Строгановой)	2.856
Очерский (гр. Строгановой)	3.377
Лысвенский (графини Полве)	3.534
Кусве-Александровск. (Полве)	1.896
Бисертский " "	2.159
Югокамский " "	1.391
При соляных промыслах "	1.879
Сукоянский (насл. Демидова)	1.147
Уткинский " "	1.467
Молебский " "	875
Тисовский " "	444
Бымовский " "	1.168
Ашабский " "	784
Камбарский " "	964
Шаквинский " "	70
Деревня Поздянка (наслед. Демидова)	87
Невьянский (наслед. Яковлева)	3.960
Быньговский (наслед. Яковлева)	3.960
Деревни Тавали верхние	156
" " нижние	155
Кыновский (гр. Строганова)	542
Шайтанский (купца Ярцова)	825
Богословский (Тюбук) (купца Ярцова)	130
Нытвенский (князей Голицыных)	1.130
Архангелопашийский (князей Голицыных)	783
Кусве-Александровский (кня-Голицыных)	158
Село Верхомулинской (князей зей Голицыных)	471
Село Ленвенское (князей Голицыных)	199
В разных селах и деревнях, временно работающих при всех горных заводах (кн. Голицыных)	10.985
Соляные промыслы (князей Голицыных)	1.852
Нижнетагильский (наследн. Демидова)	6.166
Нижнесалдинский (наследн. Демидова)	1.833
Верхнесалдинский (наследн. Демидова	640
Черноисточинский (наследн. Демидова)	978
Висимоуткинский (наследн. Демидова)	920
Висимошайтанский (наследн. Демидова)	417
Выйский (насл. Демидова)	931
Лайский " "	309
Ревдинский (насл. Зеленцова)	2.884
Бисертский " "	960
Рождественский (наследн. Зеленцова)	1.458
Нижне-Сергинский (купцов Губиных)	1.672 [2])
Атичский (купцов Губиных)	114
Верхне-Сергинский и Козинский (купцов Губиных)	1.185
Михайловский (купцов Губиных)	87
Уфимский и Суховятский (купцов Губиных)	1.580
Уфимская пристань (купцов Губиных)	327
Деревня Атичская (купцов Губиных)	79
Деревня Половинная (купцов Губиных)	23
Сысертский (насл. Турчанинова)	— [3])
Полевский (насл. Турчанинова)	— [4])
Северский (насл. Турчанинова)	— [5])
Алапаевский (насл. Яковлева)	634 [6])

[1]) А также казенных мастеровых 2.202 и непременных работников 1.520.
[2]) Казенных непременных работников—314.
[3]) Казенных мастеровых—1.458.
[4]) Каз. мастеровых—1.063, непр. работников—2.369.
[5]) Казенных мастеровых—377.
[6]) Каз. мастеровых—2.189, непр. работников—2.387.

Уинский и Щермянтский (насл. Яковлева) 585
Пожевский (Всеволожского). 3.215
Марвинский „ 110
Елизаветопожевский (Всеволожского 580
Александровский (Всеволожского). 1.840
Всеволодовильский (Всеволожского). 506
Никитоинвенский (Всеволожского) 1.294
Кизеловский рудник (Всеволожского). 182
Кислинский (наслед. Расторгуева) 1.652
Кыштымский » » 1.770
Назепетровский » » 1.503
Шемахинский и Сорокинский (наслед. Расторгуева). . . 315
Село Воскресенское (наслед. Расторгуева). 603
Село Рождественское (наслед. Расторгуева) 1.041

Вятская губерния

Бымышевский (Лебедева) . . 554
Шурманикольский (наследн. Мосолова). 160
Шурминский (насл. Мосолова). 265
Буйский „ „ 318
Залазнинский (насл. Мосолова) 433
Холуницкие » » 1.224
Кирсинский (Бобарыкиных) . 54
Песковский » . 12

Оренбургская губерния.

Архангельский (гр. Лаваль) . 1.453
Иштеряковский (куп. Ярцова). 242
Омутинский Вятской губ. (Осокина). 432
Пудожский Вятской губ. (Осокина). 63
Верхнетроицкий, Нижетроицкий и Усень-Ивановский (Осокина). 1.229
Благовещенский (Полторацкой) 1.026
Авзянопетровский (купцов Губиных) . . . . 1.019 [1])
Верхоторский (Пашкова) . . 1.588
Воскресенский » . . 2.167
Юризень-Ивановский (кн. Белосельской-Белозерской) . 2.540
Катав-Ивановский (кн. Белосельской-Белозерской) . . . 3.041
Архангельский (Красильникова). 170
Белорецкий (Пашкова) . . . 2.817
Преображенский (Гусятникова). 1.373
Симский и Миниярский (Бекетова) 3.245
Богоявленский (Бекетова). . 1.282
Кананикольский (Мосолова). 669
Богословский (Глазова) . . . 263
Казинский и Узянский (Демидова). . . . . 776 [2])
Шильвинский (купца Подьячева. 262

Казанская губерния.

Таишевский (купца Ярцова). 899
Мешинский (Осокина) . . . 327

Вологодская губерния.

Кажимский (Боборыкиных) . 26
Нювчимский (Боборыкиных). 51

Енисейская губерния.

Ирбинский (купца Патюкова):

«При сем последнем заводе на основании высочайше утвержденного 27 марта 1816 г. мнения Государственного Совета положено иметь рабочих людей из ссыльных 300 человек; но оных полного комплекта за делаемыми ссыльными побегами не имеется».

Сообщение Нины Платоновой. („Архив истории труда в России“, кн. 2 стр. 148—151).

[1]) Каз. непр. работников—205.
[2]) „ „ „ 213.

III.

Рабочие на частных горных производствах в 1850 г.

УРАЛЬСКИЕ ЗАВОДЫ.

ПОССЕССИОННЫЕ,

№№ по порядку.	Наименованне губерний и владельцев.	Казенных,	Крепостных. На поссессионном праве.	Крепостных. На владельческом праве.
	Пермской.			
1	Наследн. корнета Яковлева . . .	6.188	7.634	—
2	Наследн. колл. сов. Яковлева . . .	—	8.549	—
3	Наследн. тайн. еов. Демидова . .	—	22.467	17
4	Наследн. действ. ст. сов. Яковлева.	6.668	980	671
5	Полк. Демидова .	—	9.194	—
6	Наследн. Ярцева .	—	2.617	—
7	Наследн. гофмейстера Демидова.	—	11.523	—
8	Наследник. купца Расторгуева . .	—	14.021	—
9	Наследн. Турчанинова и Соломирского.	9.976	270	—
10	При золот. промыслах кн. Бутеро.	—	569	—
11	Компания Кнауфских заводов . .	—	7.357	—
12	Наследн. Губина .	668	10.719	—
	Оренбургской.			
13	Купца Гротена . .	462	1.745	—
14	Купца Под'ячева .	—	377	—
15	Надв. сов. Губина.	—	2.479	—
	Самарской.			
16	Наследн. Шелашникова	—	435	—
	Вятской.			
17	Майора Лебедева.	—	679	—
18	Поч. гр. Маликова.	—	149	—
19	Надв. сов. Пономаревой	—	2.234	—
20	Шт.-кап. Мосолова.	—	3.083	—
21	Купц. Пастуховых.	—	1.186	—
	Казанской.			
22	Купца Коровина . .	—	641	—
	Вологодской.			
23	Купца Маликова .	—	172	—
	ИТОГО . .	23.962	109.080	1.052

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ.

№№ по порядку.	Наименование губерний и владельцев.	Число крепостных на владельческом праве.
	Пермской.	
1	Действ. стат. сов. Лазаревых . . .	8.391
2	Действ. стат. сов. Александра Всеволожского. . .	4.219
3	Действ. стат. сов. Никиты Всеволожского. . . .	3.976
4	Княз. Голицыных.	2.667
5	Княз. Голицыных и княг. Бутеро .	1.617
6	Княгини Бутеро . .	6.350
7	Графини Строгановой	15.877
8	Графа Строганова.	1.750
	Оренбургской.	
9	Графини Косаковой	2 193
10	Действ. тайн. сов. Дашковой . . .	1.973
11	Насл. ген.-майора Маслова	1.236
12	Насл. Балашева .	7.290
13	Г-жи Сухозанет .	4.596
14	Наследн. кн. Белосельского-Белозерского	6.018
15	Поручика Бенардаки	2.029
16	Насл. обер-егермейст. Пашкова.	6.752
17	Ген.-лейтен. Пашкова	2.176
18	Наследн. подполк. Пашкова . . .	3 637
		82.747

Всего на Уральских заводах 216.841

ЗАМОСКОВНЫЕ ЗАВОДЫ.

ПОССЕССИОННЫЕ.

№№ по порядку.	Наименование губерний и владельцев.	Казенных.	Крепостных. На поссессионном праве.	Крепостных. На владельческом праве.
	Калужской.			
1	Купца Засыпкина	—	1.198	—
2	Г-жи Кавериной	—	478	—
3	Мещан. Лаврова	—	711	—
4	Купч. Масловой	—	406	—
5	Величковской и Мергасовой	—	1.210	—
	Тамбовской.			
6	Мещанки Очкиной	—	988	—
	Пензенской.			
7	Купца Манухина	—	1.222	—
8	Шт.-капит. Селезнева	—	641	—
	Рязанской.			
9	Надв. сов. Смольянинова	—	1.170	—
10	Поручика Полторацкого	—	1.060	—
	Орловской.			
11	Купца Мельникова	—	716	—
		—	9.740	—

ВЛАДЕЛЬЧЕСКИЕ.

№№ по порядку.	Наименование губерний и владельцев.	Число крепостных на владельческом праве.
	Владимирской.	
1	Наследник. Ивана Баташева	3.045
2	Шепелевых	1.411
	Калужской.	
3	Княг. Бибарсовой	213
4	Ген.-м. Мальцева	5.442
	Тамбовской.	
5	Шепелевых	593
6	Наследн. Силы Баташева	2.855
7	Губ. секрет. Петра Баташева	313
	Рязанской.	
8	Наследник. Ивана Баташева	473
	Тульской.	
9	Подпоручика Мосолова	330
	Нижегородской.	
10	Шепелевых	6.598
11	Губ. секрет. Петра Баташева	1.268
		22.541

Всего по Замосковным заводам 32.281

К *Олонецким* казенным горным заводам приписано крестьян . . 24.015

Сообщение А. В. Шебалова („Архив истории труда в России“, кн. 3, стр. 138—139).

IV.

Крепостные люди на фабрично-заводских предприятиях в помещичьих имениях в 1861 г. [1]).

	Число фабрик	Число рабочих
Виленская губ.		
Суконных	1	158
Писчебумажных	2	130
Механических	1	25
Стеклянных	1	16
	5	329
Витебская губ.		
Полотняных	1	6
Табачных	1	16
Кожевенных	3	54
Медных изделий	1	2
	6	78
Вологодская губ.		
Стеклянных	1	17
Сыроварных	5	12
	6	29
Владимирская губ.		
Бумагопрядильных	1	879
Писчебумажных	3	204
Железных	1	181
Стеклянных и хрустальных	11	784
	16	2048
Волынская губ.		
Кожевенных	5	853
Железных	5	53
Чугунных	3	61
Медных	1	5
Фарфоровых	2	38
Фаянсовых	1	19
Стеклянных	6	54
Экипажных	1	10
Суконных	2	41
Бумажных	3	326
	29	1462
Воронежская губ.		
Стеариновый	1	18
	1	18
Вятская губ.		
Бумагопрядильных	1	183
Писчебумажных	2	33
Суконных	1	28
Стеклянных	1	74
Кожевенных	1	4
	6	322
Гродненская губ.		
Суконных	2	535
	2	535
Казанская губ.		
Суконных	2	441
Бумагопрядильных	1	135
Стеклянных	1	356
	4	932
Калужская губ.		
Бумагопрядильных	4	260
	4	260
Киевская губ.		
Суконных	7	1181
Полотняных	1	30
Салфеточных	1	10
Механических изделий	1	65
Медноплавильных	1	4
Железоплавильных	1	2
	12	1292
Костромская губ.		
Полотняных	1	51
Писчебумажных	1	224
Механических	1	33
	3	308
Курская губ.		
Суконных	2	550
Писчебумажных	2	450
Кожевенных	1	2
	5	1002
Московская губ.		
Суконных	1	317
Бумагопрядильных	3	2088
Бумаготкацких	2	291
Стеклянных	1	61
Писчебумажных	2	340
	9	3097
Минская губ.		
Суконных	2	315
Стеклянных	1	20
Медных	2	10
	5	345

[1]) Архив гос. совета. Главный Комитет по крестьянскому делу. 1858—1862 г дело № 103.

	Число фабрик	Число рабочих
Могилевская губ.		
Писчебумажных	1	230
Стеклянных	9	198
Кожевенных	3	19
Чугуноплавильных	2	22
	15	469
Нижегородская губ.		
Суконных	3	1703
Писчебумажных	1	7
Стеклянных	5	187
	9	1897
Новгородская губ.		
Льнопрядильных	1	15
Стеклянных	4	50
Писчебумажн. и кровельн. толя	2	67
Железных изделий	2	456
Кожевенных	7	39
	16	627
Оренбургская губ.		
Суконных	2	730
Полотняных	1	10
	3	740
Орловская губ.		
Суконных	2	1487
Полотняных	1	5
Писчебумажных	8	193
Чугуноплавильных	2	240
Стеклянных	6	1140
Крахмальных	1	7
	20	3072
Пензенская губ.		
Суконных	24	8084
Полотняных	1	37
Писчебумажных	2	51
Стеклянных	2	416
	29	8588
Полтавская губ.		
Суконных	7	1120
Мыловаренных	1	2
Маслобойных	1	7
Полотняных	1	60
Кожевенных	1	6
Ковровых	2	21
	13	1216
Пермская губ.		
Стеклянных	1	7
Кожевенных	1	8
Суконных	1	37
Слесарных	1	62
Солеварных	5	1758
	9	1872
Подольская губ.		
Писчебумажных	1	25
	1	25
Псковская губ.		
Полотняных	2	83
Стеклянных	2	87
Фаянсовых	1	7
Кожевенных	1	6
	6	183
Рязанская губ.		
Суконных	4	1142
Писчебумажных	1	23
Стеклянных	1	385
Свечных	1	8
	7	1558
С.-Петербургская губ.		
Бумажных	4	1294
Чугунных	1	57
	5	1351
Самарская губ.		
Суконных	15	5592
Табачных	1	9
Медных изделий	1	16
	17	5617
Саратовская губ.		
Суконных	12	4217
Стеклянных	2	30
	14	4247
Симбирская губ.		
Суконных	27	8996
Ковровых	1	14
Полотняных	1	34
Рогожноткацких	1	18
Стеклянных	2	69
	32	9131
Смоленская губ.		
Суконных	1	118
Писчебумажных	3	75
Стеклянных	3	328
	7	521
Тамбовская губ.		
Суконных	8	1382
Ковровых	2	148
Писчебумажных	1	347
	11	1877

	Число фабрики	Число рабочих
Тверская губ.		
Полотняных	3	67
Писчебумажных	2	107
Картофельномучных	3	50
Стеклянных	3	192
	11	416
Тульская губ.		
Суконных	1	312
Бумагопрядильных	1	210
Бумажных	2	65
Картонных	1	14
	5	601
Харьковская губ.		
Суконных	7	1357
Ковровых	1	23
Полотняных	1	15
Писчебужажных	1	83
	10	1478
Херсонская губ.		
Суконных	1	70
	1	70
Черниговская губ.		
Суконных	4	767
Писчебумажных	5	446
Табачных	1	8
Механических и чугуннолитейн.	4	110
Мыловаренных	1	3
Стеклянных	4	151
Фарфоровых	2	116
Свечносальных	1	3
Кожевенных	4	14
	26	1618
Ярославская губ.		
Суконных	1	144
	1	144
Всего.	381	59375

Сообщение А. В. Шебалова („Архив истории труда в России", кн. 3, стр. 148—50).

22. Вербовка фабричных рабочих.

...Фабричные рабочие вербовались, главным образом, из кресьян. Так, по одному расчету конца 30-х годов, на московских фабриках работало не более 4—5 тысяч постоянных московских жителей — преимущественно мещан; все же остальные фабричные рабочие (которых на московских фабриках считалось более 40 тысяч) приходили из деревень. На фабриках работали по вольному найму как государственные крестьяне, так и помещичьи; характерно, что, несмотря на многие неудобства найма помещичьих крестьян, которые могли быть потребованы обратно помещиками, фабриканты предпочитали их государственным крестьянам...

Предпочтенье рабочих из помещичьих крестьян вольным иногда основывалось на том, что помещичьих крестьян фабриканты держали в полной зависимости от себя, уплачивая оброк за них помещику. Это были так называемые *кабальные рабочие*. Помещики иногда прямо отдавали на посторонние фабрики своих крепостных за определенную плату в свою собственную пользу. Само собою разумеется, эти рабочие работали очень плохо— но кабальный труд обходился так дешево, что в том случае, когда от рабочего не требовалось особенного искусства, фабриканты за отсутствием свободных рабочих охотно к нему прибегали.

По словам Погожева, отдача на фабрики таких «кабальных» рабочих широко практиковалась в Можайском уезде, причем приемщик получал за каждого отдаваемого им рабочего по 25 р. в год. На суконных фабриках Пушкина-Орфана, кн. Гагарина и других работало много кабальных рабочих из окрестных помещичьих деревень. По показанию некоего Щедрина, бывшего владельца бумагопрядильни в Клинском уезде, в до-реформенное время на его фабрике первоначально все рабочие были кабальными крестьянами Можайского уезда, и только впоследствии они были заменены местными клинскими рабочими. Погожев делает интересное указание, что на Вознесенской мануфактуре в Дмитровском уезде, которая еще в 40-х годах имела несколько тысяч рабочих, сохранились семь каменных корпусов, которые носят название «кабальных спален». Каждый корпус называется по фамилии того помещика, которому принадлежали кабальные рабочие, помещавшиеся в этом корпусе...

Ивановские фабриканты закабаляли за собой рабочих другим способом — уплачивая помещику Шереметеву оброк за своих недоимщиков-односельчан. Оброк в селе Иванове достигал огромной цифры от 75—87 р. ассигнациями в год с тягла (со всеми добавочными расходами). При этом одному крестьянину приходилось иногда платить по нескольким тяглам.

Во всяком случае, употребление на русских фабриках 40-х годов кабальных рабочих не может подлежать сомнению. Между тем, отдача помещиком своих крепостных в наем не-дворянам была запрещена законом. Так как сделки такого рода могли прикрывать собой приобретение крепостных лицами, не имевшими на то право, то отдача крепостных в наем разночинцам была запрещена указами 10 апреля 1823 г. и 28 августа 1824 г. Повидимому, закабаление крестьян фабрикантами и заводчиками особенно распространилось в начале 20-х годов.

В виду этого, комитет министров, высочайше утвержденным положением 16 июня 1825 г., признал нужным совершенно воспретить помещикам отдачу крепостных на заводские работы, с заключением условия от имени помещика; в случае нарушения этого закона помещиком, крепостной, отданный в работу, получал свободу. Но, как видно из предыдущего, помещики легко обходили закон.

По словам Гакстгаузена [1]), в 40-х годах практиковалась отдача в кабалу на фабрики преимущественно детей, на 7-летний срок в качестве учеников. Нередко фабриканты доставали нужных им детей и из Воспитательного дома, подобно тому, как их английские собратья получали малолетних рабочих из приходских домов для бедных...

Воспитанники Воспитательного дома отдавались на фабрики до совершеннолетия с возраста около 12 лет, причем фабрикант обязывался содержать их на свой счет и по истечении известного срока по их поступлению давать им определенную (впрочем, очень ничтожную—1 р. в месяц) плату.

[1]) Август Гакстгаузен (1792—1866 г.), путешествовавший по России в 1842—3 г.г., написал на немецком языке исследование о русской общине, обратившее на себя в России усиленное внимание.

По достижении совершеннолетия воспитанники получали от фабриканта пару платья и 100 р. денег. Какое значение для фабриканта имела возможность получения даровых (или почти даровых) работников из Воспитательного дома, видно из того, что иногда при самом учреждении фабрики заранее выговаривалось условие, что на фабрику будут определяться питомцы Воспитательного дома.

М. Туган-Барановский, Русская фабрика, т. I, стр. 91 и след.

23. Постепенный переход от принудительного к вольнонаемному труду.

...В 1798 г. было разрешено как дворянам, так и купечеству покупать к фабрикам и заводам крестьян, причем количество прикупаемых крестьян не должно было превосходить определенного Елизаветинским указом 1752 г. Купечество вновь получило возможность пользоваться на фабриках принудительным трудом. Это право имело очень большое значение в начале и середине 18 века; благодаря лишению купечества права покупки крестьян, самые важные фабрики—суконные, почти целиком перешли в руки землевладельческого класса—дворянства.

В 19 веке хозяйственное положение России было уже иное. То, что составляло необходимое условие фабричного производства в начале прошлого столетия, важное преимущество в половине 18 века, потеряло свое прежнее значение в начале 19 столетия... Капиталистическое производство было невозможно в Петровской России вследствие отсутствия первого условия такового — свободного рабочего. Правительство пыталось создать капиталистическую фабрику, но силою вещей создалась крепостная фабрика. По мере роста городского населения, распространения отхожих промыслов, вытеснения барщинной системы оброчной, пользование свободным трудом на фабриках возрастало. В начале 19-го века количество вольнонаемных рабочих на фабриках равнялось приблизительно 48% всех рабочих:

	Число фабрик.	На них рабочих.	В том числе вольнонаемных.
1804	2.423	95.202	45.625

По отдельным родам производства вольнонаемные и обязательные рабочие распределялись следующим образом:

	Число фабрик.	Всех рабочих.	В том числе вольнонаемных.
Суконные и шерстяные фабрики	155	28.689	2.788
Полотняные	285	23.711	14.327
Ситцевые и миткалевые.	199	6.566	5.436
Шелковые	328	8.953	6.625
Писчей бумаги	64	6.957	1.533
Стальные, игольные и железные	26	4.121	1.144
Кожевенные	850	6.304	6.115
Канатные	58	1.520	1.295
Стеклянные и хрустальные	114	3.937	1.685

Итак, принудительный труд в начале 19 века в некоторых производствах господствовал, в других же играл совершенно ничтожную роль. От чего это зависело?

Фабрики с преобладанием принудительного труда принадлежали к числу крупных, а с преобладанием свободного труда—к мелким. В этом отразилось различие условий, вызвавших к жизни фабрики того и другого рода. Наша фабричная промышленность имела, так сказать, два корня—с одной стороны, она была вызвана правительством для удовлетворения нужд государства, а с другой — она постепенно развилась в народной среде, удовлетворяя потребностям широких классов населения. Фабрики, возникшие под непосредственным влиянием государства,... не имели непосредственной связи с мелкой крестьянской промышленностью, а устраивались крупными капиталистами—купцами и дворянами, то естественно, что и размеры их были крупные.

Такой характер имели старинные фабрики 18-го века — суконные, писчебумажные, железные, отчасти полотняные. Принудительный труд в них продолжал преобладать и в начале 19 века, хотя условия производства и рабочего рынка изменились.

Напротив, ситцевое, бумаготкацкое, канатное и кожевенное производства развивались при совершенно иных условиях. Эти отрасли промышленности работали не на государство, а на народную массу. Они непосредственно сливались с крестьянскою промышленностью; производство на фабриках этого рода было более мелким, дворянство последних почти не устраивало и по этой причине они не пользовались крепостным трудом. Шелкоткацкое производство первоначально возникло в виде крупных фабрик, но уже в 18 веке оно начинает распространяться в крестьянской среде и переходить в руки мелких капиталистов; вместе с тем увеличивается и число вольнонаемных рабочих на шелковых фабриках.

Но именно фабрики с вольнонаемными рабочими быстро развивались в 19 веке... Поэтому и указ Павла (1798 г.) не оказал никакого влияния на строй нашей фабрики. Купечество пользовалось предоставленным ему правом прикупать крестьян к фабрикам не столько для снабжения фабрик рабочими, сколько, в обход закону, для приобретения дворовых и поместий.

Непродолжительное царствование Павла сменилось новой дворянской эпохой: на престол вступил «Екатеринин внук». Восстановление дворянских прав было одним из первых актов царствования Александра I. Вместе с тем уже в 1802 г. указом 3 июля право покупки крестьян к фабрикам было ограничено условием, чтобы при этом крестьяне не были переселяемы на другое место. В 1808 г. правительство Александра, нуждаясь в сукне, которого не хватало для потребностей войска, сделало попытку расширить область применения принудительного труда, выработало особые правила, на основании которых покупка крестьян к суконным фабрикам была разрешена и на свод и с переселением их в другое место; но крестьяне через двадцать лет получали свободу. Этими правилами, однако, никто не пожелал воспользоваться.

В 1816 г., указом 6 ноября, покупка крестьян к фабрикам и заводам вновь, и на этот раз уже окончательно, была запрещена [1])...

Уже в начале 19 века около половины всех фабричных рабочих работали по вольному найму. К сожалению, цифровых данных о распределении фабричных рабочих на вольнонаемных и несвободных после 1825 г. не имеется. В 1825 г. всех фабрик было 5.261, рабочих на них — 210.568, в том числе вольнонаемных — 114.515. По отдельным производствам вольнонаемные рабочие распределялись следующим образом:

Род производства.	Число фабрик.	Число всех рабочих.	В том числе вольнонаемных.
Суконные	324	63.603	11.705
Бумажных материй	484	47.021	44.535
Полотняное	196	26.832	18.720
Шелковое	184	10.204	8.481
Писчебумажное	87	8.272	2.019
Стальное, игольное, чугунное	170	22.440	4.970
Канатное	98	2.503	2.303
Кожевенное	1.784	8.001	7.460

Сравнительно с 1804 г. общее число рабочих на фабриках возросло более, чем вдвое, но распределение рабочих изменилось не очень значительно— в 1804 г. вольнонаемные составляли 48% всех рабочих, а в 1825 г.—54%.

В тех родах промышленности, в которых раньше преобладал крепостной труд (суконные, писчебумажные, стальные и железные фабрики), он остался преобладающим и в 1825 г.

Цифровых данных о числе вольнонаемных рабочих на фабриках после 1825 г. нет. Тем не менее, нет никакого сомнения, что относительное число несвободных рабочих на фабриках быстро падало в течение 30-х, 40-х и 50-х годов. Это видно, во-первых, из того, что за это время особенно развилась та отрасль промышленности, в которой вольнонаемный труд преобладал с самого ее возникновения — хлопчатобумажная. Число рабочих на бумаготкацких, бумагопрядильных и ситценабивных фабриках в 1836 г. было уже 105.878 (при общей цифре фабричных рабочих—324.203). В 1804 г. на хлопчатобумажных фабриках было занято 7% всего числа фабричных рабочих, в 1825 г.—21%, в 1836 г.—32%.

Вместе с ростом хлопчатобумажной промышленности должно было возрасти и число вольнонаемных рабочих. Затем в суконном производстве, в котором крепостной труд имел наибольшее применение, в 30-х и 40-х годах особенно усилилась выработка тонких и средних сукон, для которых употреблялся преимущественно свободный труд. В 40-х годах для вольной продажи изготовлялось около 9 милл. арш. сукна. а для казны — около 4 милл. арш. Крепостной же труд употреблялся почти исключительно на фабриках, рабо-

[1]) Указом 6 ноября 1816 г. была приостановлена покупка крестьян к предприятиям, подведомственным министерству внутр. дел, а не ко всем вообще, и таким образом запрет не распространился на горные заводы, находившиеся в ведении министерства финансов.

тавших солдатские сукна. Фабрики, работавшие сукна для вольной продажи, принадлежали преимущественно купцам и уже потому не могли пользоваться принудительным трудом.

Сокращение числа фабрик, работавших крепостными, непосредственно доказывается падением относительной численности дворянских фабрик...

Наконец, нам несомненно известно, что в 40-х годах целый ряд фабрик разного рода перешел от принудительного к свободному труду, в виду того, что работа по вольному найму оказалась выгоднее обязательной.

В виду сказанного, несмотря на отсутствие цифровых данных, можно положительно утверждать, что работа по вольному найму быстро распространялась на фабриках дореформенной России, хотя приискивать рабочих попрежнему было нелегко. Даже в конце 30-х годов фабриканты (бумагопрядильщики) заявляли правительству, что они не могут сокращать производство в случае кризиса по той причине, что каждый фабрикант употребляет долгое время на приучение своих рабочих к фабричной работе и распустить их—«значило бы прекратить производство навсегда».

М. Туган-Барановский, Русская фабрика, т. I, стр. 85 и след.

24. Женский и детский труд.

...В 1803 г. Мануфактур-Коллегией были собраны подробные сведения о поссессионных фабриках с общим числом рабочих в 29 тысяч человек. Из них видно, что женский труд был довольно значительно распространен на полотняных и суконных фабриках, но преимущественно по вольному найму.

«Из числа женского пола, — писал владелец полотняной фабрики в Калужской губ. Щепочкин, — употребляются наиболее без наряда»; не имея другого заработка, они «единственно от оных получаемою платою делают великое к содержанию домов и семейств их пособие, почему и работы требует каждая непременно, ибо без этого возроптали бы они на содержателей фабрики и лишились бы всякого пропитания, а получая годовую всегда работу, всякий большой и малый, муж, жена и дети, кто и что только может работать, вообще семейству приносят заработок денег всякую неделю довольно видное число».

Когда в начале 19-го столетия стала быстро распространяться у нас хлопчатобумажная промышленность, женский труд занял в ней очень видное место. Так, на Гусевской бумагопрядильной фабрике в середине 50-х годов из 893 рабочих женщин было 551, т. е. 62%. На Фряновской шелковой фабрике из 800 рабочих в 1818 г. женщин насчитывалось не менее половины. На полотняной и писчебумажной фабрике Яковлева в Ярославле в это же время насчитывалось 1.048 мужчин и 1.323 женщины.

После текстильной промышленности женский труд нашел себе значительное применение еще в свеклосахарной промышленности: в 1849 г. здесь действовало 307 заводов, на которых употреблялось 26.810 мужчин и

13.668 женщин; последние составляли таким образом 30% общего количества.

В горнозаводской промышленности вследствие трудности работ женщины обычно к ним не привлекались. Впрочем, на Алтайских заводах для «смирения строптивых» их посылали на канатную фабрику, в прядильню и другие цеха, где их держали на работе до исправления, т. е. сколько вздумается начальству. Некоторые из управляющих пробовали сделать обязательными для женщин и другие работы, напр., мытье полов в казенных квартирах, но уже не в виде наказания, а как общую повинность. Но мастеровые охраняли женщин от этих попыток, и дело доходило даже до убийства управляющих, хотевших ввести женскую повинность. Что касается вспомогательных работ по нагрузке и возке дров, угля, руд и т .п., то здесь женщины заменяли мужчин как на Алтае, так и на Урале.

В Жиздринском уезде Калужской губ., где добычей руд осенью и зимой бывает занято до 10.000 человек главным образом из государственных крестьян, «промывка руд производится на заводских прудах на плотах особого устройства... Этой работой преимущественно бывают заняты незамужние женщины, которые и получают за то определенную плату. От подобного распределения работы происходит то, что заводские люди имеют больше довольства, нежели прочие крестьяне. В то время как взрослые мужчины занимаются собственно заводскими работами, женщины промывают руду; даже дети получают небольшие деньги, собирая в шлаке куски чугуна».

Развитие крупной промышленности выдвинуло на очередь также вопрос о применении детского труда [1]...

С общим регулированием в законодательном порядке положения детей мы встречаемся впервые в указе 14 мая 1799 г. Им предписывается отпускать казенным мастеровым уральских заводов и их женам паек по 2 пуда хлеба (муки), а детям до 12 лет по одному пуду в месяц по пониженной расценке. Дети мужского пола, достигнувшие 12-лет. возраста, должны употребляться к разбору руды и другим работам соответственно силам каждого, получая полный паек и обыкновенную доныне плату. Детей же женского пола в отношении употребления к работам оставлять на усмотрение их родителей, отпуская хлеб им до 18 лет.

Из этого указа видно, что применение детского труда ниже 12-летнего возраста без согласия родителей не предусматривается законодателем.

Согласно Горному Положению 1806 г., дети мастеровых и рабочих, состоящие в школе, должны получать, кроме пайка, еще жалованье в размере 50 к. в месяц.

Если же они будут находиться на работах, свойственных их возрасту, то вознаграждение выдается в размере 50—75 к., «покуда, придя в надлежащий возраст, поступят на 12 рублевый годовой оклад и так далее». Хуже обстояло дело на Алтайских заводах, где вообще режим был значительно

[1]) О труде подростков—см. выше.

суровее. В то время как применение женского труда предоставлялось всецело усмотрению родителей, дети мужского пола уже с самых ранних лет подвергались муштровке, подготовляющей их к последующей обязательной службе. С семилетнего возраста мальчики привлекались в заводские школы, причем период обучения в школах не означал совершенного освобождения их от работ.

По словам Н. Зобнина, все мальчики горнозаводского населения, начиная с 7-летнего возраста, подлежали заводской повинности. «Начиная с ранней весны, происходили набор и отправка детей на заводы и рудники. Центром сбора этих рекрут были Змеиногорск и Салаир, откуда их распределяли по рудникам и заводам. В Змеиногорске собиралось ежегодно до 500—800 мальчиков. Весну, лето и осень они должны были заниматься рудоразборными и прочими легкими работами; на зиму те из них, родители которых могли учить их у себя дома, отпускались месяца на четыре к родителям; остальные же до 10-летнего возраста, а с 1828 г.—до 12-летнего возраста должны были ходить в заводские школы... Сироты и те, кто не имеют родственников, помещались обыкновенно в казармах, где им давался дядька и кашевар». Находясь на работе, малолетки и подростки получали жалованье. В 1765 г. оно составляло в Алтайском округе 6 рублей в год для детей до 15 лет и 12 руб. для подростков старшего возраста; продовольственного же пайка они в то время не получали. Последний был введен здесь только Положением 1828 г. в размере 1—1½ пуда муки в месяц; но это вовсе не означало повышения вознаграждения за труд, так как денежная плата с этого времени понизилась: по штатам 1849 г. она равнялась 3 р. 50 к. для детей ниже 13 лет, 4 руб.— от 13 до 15 лет и 5 руб. для тех, кто находился в возрасте 15—18 лет.

Казенной одежды не полагалось, и дети, не получающие помощи из дому, должны были для приобретения ее работать по праздникам.

Практиковалось также и поденное вознаграждение; по распоряжению начальника заводов, оно было установлено в 1789 г. в размере 2—3 коп. для местных детей с 7-летнего возраста, а для подростков, прибывших из других мест,—6 коп.

В 1847 г. было издано новое положение для казенных заводов Уральского хребта, которое внесло некоторое улучшение в участь малолетних. Принадлежа заводскому ведомству, дети мужского пола должны были по рождении заноситься в общий список заводских людей и по достижении 8-летнего возраста определяться в заводские школы, которые должны быть устроены при каждом горнозаводском селении. Курс обучения продолжался два года, и, таким образом, к десяти годам дети выходили из школы. После этого наиболее способные из них определялись в окружную школу высшего типа или в контору по письменной и искусственной части; остальные же возвращались родителям для выполнения домашних работ до 15 лет, но в случае нужды могли употребляться и в легкие заводские работы, с тем, однако, чтобы последние происходили днем и не превышали 8 часов. Через два года это положение с незначительными изменениями было распространено на Алтайские заводы.

Согласно штатам 1849 г., на последних из общего количества 19.522 рабочих на долю несовершеннолетних или подростков приходилось 2.267 человек, что составляет около 12%. При этом подростки от 15 до 18 лет составляли 546, от 13 до 15—603 и ниже 13 л.—1.118 чел. Таким образом, численно детский труд в горном деле применялся в довольно широких размерах. Но, повидимому, он носил не постоянный, а спорадический или сезонный характер. Так, на рудниках Змеиногорского и Салаирского края, где, согласно штатам, предполагалось привлечь к работам по разборке и обогащению руд до 1.200 подростков, на выдачу им порционных денег, по 1½ коп. сер. в день на каждого, назначена сумма в 938 руб. Но этой суммы могло хватить на их оплату только в течение 52 дней...

Что касается продолжительности рабочего дня для малолетних и подростков, то в течение долгого времени она оставалась неурегулированной законом. В источниках не говорится также о какой бы то ни было регламентации этого вопроса местными административными органами. Очевидно, нормы применялись общие для всех. Только положением 1847 г. было установлено, что малолетки до 15-летнего возраста должны употребляться на легкие дневные работы не более, как по 8 часов в сутки. Подростки первой степени, т. е. с 15 до 18 лет, употреблялись уже на все работы, а с 18 лет они окончательно поступали в команду мастеровых людей, и с этого времени начиналась их настоящая служба.

Что касается фабрично-заводской промышленности, то, хотя точных цифр нет, но все же можно думать, что детский труд пользовался здесь относительно меньшим распространением. Казенных фабрик было очень немного, и государство не было заинтересовано в поощрении эксплоатации детского труда. Из обследования поссессионных фабрик, произведенного Мануфактур-Коллегией в 1803 г., видно, что детский труд был развит на суконных фабриках менее женского: о нем упоминается лишь на четырех фабриках Воронежской губ. Но на полотняных фабриках он употреблялся гораздо чаще; как велико бывало иногда число малолетних, можно судить по тому, что на фабрике Угличанова в Ярославле, насчитывающей 528 душ мужского пола, при ткачах находилось до 90 шпульников в возрасте от 9 до 12 лет. Употреблялись дети также на бумажных шелковых и ситцевых фабриках и некоторых стекольных заводах Средний заработок детей и подростков равнялся 1 р. 80 к. в месяц...

На всех вообще московских фабриках детский труд применялся довольно широко. Так, на 23 бумагопрядильных фабриках работало до 3.000 детей обоего пола, работа продолжалась круглые сутки, причем в ночной смене принимали участие как взрослые, так и дети от 10 лет. При этом работа производилась таким образом, что после 5½ или 5¾ часа труда следовал 6 часовой отдых...

Точных цифр об общем количестве детей, занятых в промышленности, у нас не имеется; но отдельные данные показывают, что в некоторых случаях применение их достигало значительных размеров, при том в возрасте еще более юном, чем на горных заводах и промыслах. При описании сукон-

ной фабрики наследников Лиона, где на 2.000 душ мужского пола и 1.150 женского приходилось до 800 малолеток, упоминается о работе детей в возрасте от 8 до 15 лет. На вотчинной суконной фабрике Панкова в Екатеринославской губ. употреблялись от 10 до 12 лет. В шелководстве Реброва часть работ выполнялась детьми (50 человек) от 8 до 15 лет.

Большое распространение труд малолетних имел в табачной промышленности. В начале пятидесятых годов в Петербурге насчитывалось 55 табачных фабрик с 1.925 рабочими, из коих на долю детей обоего пола приходилось 399 человек, т. е. 21%.

Вообще малолетние отдаются и принимаются на фабрики очень редко моложе 11 лет, но иногда бывает и от 8 лет. Принимая к себе на фабрики малолетних по контракту обычно на пять лет, предприниматели обязуются снабжать их одеждой и пищей, сверх того платить родителям или помещикам деньгами от 10 до 42 руб. сер. в год (наиболее обыкновенная плата составляет 18 руб., как мальчикам, так и девочкам). Все рабочие без различия пола и возраста заняты 12 часов в день.

К. Пажитнов, Положение рабочего класса в России, I (1923 г.), 54 и след.

25. На казенной Екатеринославской суконной и шелково-чулочной фабрике.

Суконная Екатеринославская фабрика была заведена Потемкиным в Белоруссии в местечке Дубровне, а затем перешла в казну и в 1749 г. переведена в Екатеринослав. Когда фабрика принадлежала Потемкину, она вырабатывала тонкие сукна; с переходом же в казенное содержание—толстые, армейские сукна. В 1804 г. мастеровых, рабочих и низших служащих было 292 семейств с 679 душами мужского и 626 женского пола. Переведены они были сюда вместе с фабричными крестьянами из местечка Дубровны. *Шелково-чулочная* фабрика также сперва принадлежала Потемкину и находилась в Кременчуге; затем она стала казенной и была соединена с суконной. В 1789 г. была учреждена кожевенная фабрика (в мест. Купавна, Моск. губ.), для которой были куплены фабричные люди, продававшиеся с аукциона. За непригодностью к кожевенному делу, их перевели на суконную Екатеринославскую. Все они (бывшие преимущественно ремесленниками-суконщиками) с женами и детьми, в количестве 238 душ (121 м. и 117 ж.), были назначены в чулочное отделение, где и составили контингент рабочих. Сверх сего, к фабрике были приписаны крестьяне, поселенные на р. Суре особой слободой (Суровская или Дубровенская слобода) в составе 205 семейств (540 мужч. и 493 женщ.). Главным занятием их было сельское хозяйство (около 14 десятин на душу м. п.). Обязанности же их по отношению к фабрике состояли в исполнении вспомогательных работ.

Крестьяне жили особой слободой, где значилось 205 «жиловых изб» соразмерно количеству семейств; мастеровые же размещались в 22 деревянных казармах или флигелях вблизи фабрики. Размер казармы: в длину 20 саж. 2½ арш., в ширину 3 саж. 2¾ арш. и в высоту 3 арш. 15½ верш.; в каждой казарме 2 сеней с четырьмя крыльцами или выходами, дверей—20, окошек—24, русских печей—8 и покоев—16. Для летнего времени были устроены особые надворные кухни, по две на каждую казарму.

Мастера и служащие помещались в 8 флигелях меньшего размера: в длину 11 саж 2¾ арш., в ширину 4 саж. и в вышину 3 арш. 14½ верш.; в каждом по восемь покоев.

Из общего количества 1.305 душ рабочего населения, приписанного к суконной фабрике, при должности значилось 890; остальные приходятся на престарелых или увечных и детей моложе 8 лет или почему-либо негодных для работы, а также беглых (2). Таким образом, работающих в собственном смысле слова было 68%. Из этих 890 в возрасте от 15 лет было мужчин 422 и женщин 402; детей от 8 до 15 лет—66 (35 мальч. и 31 дев.).

Что касается чулочной фабрики, то из 244 приписанных к ней душ при должности или мастерствах находилось 163 человека (66%), из них в возрасте от 15 лет мужчин—77 и женщин—78; детей от 9 до 15 лет—8 (5 мальч. и 3 дев.).

Продолжительность рабочего дня на суконной фабрике по положению 1798 г. определена была в 15 часов... Некоторой компенсацией за такую чрезмерную продолжительность рабочего дня служило значительное количество дней отдыха: 117 при 248 рабочих днях в году.

Заработная плата, согласно положению 1798 г., составляла для сортировщиков и сновальщиков—29 р. 76 к. в год, скребольщикам и картовщикам—31 р., ткачам—51 р. 42½ к., ворсельщикам и стриговальщикам—57 р. 20 к. Женщины прядильницы, а также малолетние обоего пола и престарелые (бабинщики и бабинщицы, шпульники) получали 14 р. 26 к. и 14 р. 88 к. в год.

Нижеследующая часть рабочего персонала состояла на окладном жалованьи:

Профессия.	Число лиц.	Жалованья в год в рублях.	Профессия.	Число лиц.	Жалованья в год в рублях.
Мастерам:			Красильному при котлах	1	84
При ткачестве и прядении	1	84	Прессовому	1	60
„ „ „	1	72	Столярному	1	60
Писарям в прядильнях	2	по 48			
При набивании кнопом	1	36	**Работникам:**		
Шлифовальщику	1	60			
Помощнику его	1	36	Щеточнику	1	36
При плантаже ворсильных шишек	1	48	„	1	12
Токарному	1	48	При волах	1	24
Красильному	1	96	Погонщикам	2	по 18
Прессовому	1	84	Столярам	4	„ 36
Ворсильному и стригальному	1	72	Ученикам	2	„ 27
			Токарным ученикам	2	„ 33
Подмастерьям:			Работникам при делании скребел и нарт	10	от 15 до 48
Плотничному	1	72	Плотникам	4	по 42
Прядильному	1	48	Печникам	2	„ 36
„	1	36	Трубочистам	2	„ 30
			Сторожам в рабочих корпусах	5	„ 27

Профессия.	Число лиц.	Жалованья в год в рублях.	Профессия.	Число лиц.	Жалованья в год в рублях.
Ночным караульным . . .	4	„ 24	Красильщику	1	36
Истопникам	4	„ 24	„	1	24
При казенных лошадях .	2	„ 30	Пресовщикам.	5	по 42
Кузнецам	2	„ 48	Землебитным мастерам .	4	„ 54
„	1	36			
„	1	30	Не принадлежащим фабрике:		
Валяльщикам	5	по 39			
„	5	„ 36	Вольному столярному		
Ученикам	5	„ 27	мастеру	1	120
Красильщикам	5	„ 48	Инвалидам-солдатам . .	7	по 60

На чулочной фабрике положение, утвержденное Мануфактур-Коллегией в 1798 г., установило мастеровым задельную плату в размере от 35 до 63 р. в год и от 18 до 28 р. работнице. Ткач на двуигольном стану, коими занимались ученики и устарелые по слабости зрения их, мог выткать в год нитяных или здорового шелка чулок мужских 150 пар и женских 50 пар, за первые по 18 коп. и за последние по 16 к. за пару (в год 35 р.); на триугольном стану 32-го номера ткач мог выткать 120 пар мужских шелковых чулок по 52 коп. за пару (в год 63 р. 40 к.). Размотчицам сырцевого шелка—по 30 коп. за фунт (каждая могла размотать в год 1 п. 20 ф., что составляет 18 р.). Бродези, которые сшивают товары и нашивают стрелки, могли сшить по 280 пар муж. шелковых чулок 32-го номера (по 10 коп. за пару, что дает 28 р. в год). Страстильницы же и размотчицы крашеного шелка состояли на окладном жаловании.

Так как фабрики давали убытки, то в 1803 г. было предположено сдать их в частное содержание. Но в следующем году состоялось повеление об отдаче Екатеринославской суконной фабрики в ведомство Комиссариата для выделки гвардейских сукон. Это было мотивировано следующим образом: высочайше повелено, чтобы сукна для полков лейб-гвардии из чужих краев не выписывать, а получать с российских фабрик; но из вольных фабрикантов никто не согласился ставить сукна по штатным ценам. Поэтому необходимо обратить на выделку сукна Екатеринославскую казенную фабрику «как по удобности доставать в тамошних местах шленскую[1]) шерсть, так и по тому, что на фабрике сей находятся лучшие мастеровые, кои напред сего работали уже самые тонкие сукна, а с 1798 г. обращены стали на одно почти делание простых армейских сукон».

Было решено отдать фабрику в непосредственное ведение комиссариата на следующем основании: так как фабрика состоит из суконного и шелковочулочного производства и к каждому из них приписаны особые мастеровые (к суконному 1044 мужч. и 973 женщ. и к чулочному 138 мужч. и

[1]) Шленской называлась шерсть с особой породы овец, выписанных Петром I из Силезии.

133 женщ.), то одни первые должны поступить со всем принадлежащим к суконному производству строением, инструментами, материалами, готовыми и неготовыми изделиями в ведомство Комиссариата [1]). Что касается шелково-чулочной фабрики, составляющей совсем особенное заведение, из 40 станов, то она должна быть отдана в частное содержание, а если не отыщется желающих взять ее, тогда мастеровые и фабричные, на ней находящиеся, должны быть обращены на выделку сукон и поступить также в ведение Комиссариата.

Находящиеся при фабрике солдатские дети, положенные по ревизии с прочими фабричными в подушной оклад, должны быть исключены, на основании дарованных солдатским детям вообще законных преимуществ, «и в вящее ободрение тех, кои находятся в разных по фабрике должностях, предоставить им по службе линию к приобретению чинов».

Всем фабричным, с обращением их на выделку гвардейских сукон, обработка коих не столь успешна, как простых солдатских сукон, должна быть прибавлена задельная плата, соразмеряясь штатным ценам, существующим на гвардейские сукна. При этом устанавливается непременным правилом, чтобы «фабричные не более 12 часов в сутки работать были обязаны». Равным образом и состоящим на окладном жаловании мастеровым и прочим должна быть сделана некоторая годовая прибавка при выделывании гвардейских сукон. Если же выделываться будут со временем сукна «еще и тонее гвардейских», то задельная плата и окладное жалованье, соразмерно тонкости сукон, должны быть увеличены с тем, чтобы они были на уровне, на каком находились, когда на фабрике «тонкие сукна из иностранных шерстей работались».

Но так как может оказаться, что один фабричный выработает гораздо более, чем полагается по вышеупомянутому расчислению урока, а другой меньше, хотя и тот и другой с равным прилежанием занимаются, то Комиссариату предоставляется задельную плату увеличить и уменьшить, смотря по способности и расторопности мастеровых, с тем, однако, чтобы каждому приходилась в день та самая сумма денег, каковая в расчислении означена. Вообще задельная плата мастеровым и фабричным при выделке гвардейских сукон со временем, при возвышении цен на жизненные припасы, должна увеличиваться, и потому постановляется, что если через десять лет задельная плата окажется несоответственною ценам на хлеб и прочее продовольствие, то соответственно прибавлено должно быть к задельной плате, «держася сего правила и на предбудущее время, по истечении каждых десяти лет».

Таким образом, суконная фабрика перешла из ведения Мануфактур-Коллегии в ведение Комиссариата. С переходом на выделку гвардейских сукон рабочий день подвергся сокращению с 15 до 12 часов; заработная плата была повышена, как это видно из сопоставления.

[1]) Комиссариатом назывался отдел военного министерства, занимавшийся снабжением всеми необходимыми материальными запасами, кроме продовольствия.

Задельная плата за армейские сукна, из простой шерсти делаемые (в год 248 рабочих дней, а в день рабочих часов 15).	В день коп.	В год.
Сортировщику за пуд по 3 коп., а в день сортировать можно 4 пуда	12	29 р. 76 к.
Скребольщику за чесание шерсти по 1 коп. с фунта, обработать может $12^1/_2$ ф.	$12^1/_2$	31 „ — „
Картовщику равная с скребольщиком плата	$12^1/_2$	31 „ — „
Прядильщицам из женщин, девок и мальчиков за основу по 4 коп. с фунта; одна сработать может в день $1^1/_2$ ф.	6	14 „ 88 „
За уток с фунта по $1^3/_4$ к., напрясть может пряха в день $3^1/_2$ фун.	6	14 „ 88 „
Бабинщику и бабинщице из престарелых и малолетних за каждую основу, которых в день одну смотать может, по 3 коп.	3	7 „ 44 „
Сновальщику за каждую основу по 3 к., основать может в сутки 4 основы	12	29 „ 76 „
Ткачам от половинки по 1 р. 87 к., два человека соткут на одном стану в год 55 половинок, каждому приходится	$20^3/_4$	51 „ $42^1/_2$
Шпульник один мотает для двух станов, получая по 13 коп. с половинки	$5^3/_4$	14 „ 26 „
Ворсельщикам и стриговальщикам, двум человекам, кои обрабатывают в неделю 11 половинок, от половинки платится 22 коп., приходится одному	23	57 „ 20 „

За обработку гвардейских сукон из шленской шерсти (12 рабочих часов в сутки).	В день коп.	В год.
Сортировать может в день работник 1 пуд. 16 ф. с долями по $8^1/_2$ коп. за пуд	12	29 р. 94 к.
В день отчесать может работник $3^3/_4$ фун. по $3^3/_4$ коп.	$14^1/_{16}$	34 „ $87^1/_2$
Одна пряха напрясть может на основу в день до $^3/_4$ ф., полагая по $12^1/_2$ коп. с фунта	$9^1/_4$	22 „ 94 „
На уток напрясть может пряха в день до $1^1/_2$ ф. по $6^1/_2$ к.	$8^1/_8$	20 „ 15 „
Для 1000 берда длиною в 50 аршин смотать может женщина в два дня основу по 16 к. с каждой	8	19 „ 84 „
Показанной меры оснует в день сновальщик без малого $1^1/_2$ основы, по 9 к. с каждой	13	32 „ 24 „
Шленских сукон показанной меры два ткача в месяц соткать могут до $2^1/_2$ половинок; полагая по 4 р. 60 к. за каждую, приходится одному	$27^3/_4$	69 „ — „
Один шпульник смотает для трех станов, кои сделают в месяц до $7^1/_2$ половинок, полагая по 25 коп. с половинки.	9	22 „ 32 „
Шленских сукон в неделю можно обработать двум работникам ворошением и стрижением $2^1/_2$ половинки, за каждую по 1 р. 60 к., причитается одному	32	79 „ 36 „

Насколько можно судить по материалам, определенного срока для трудовой повинности мастеровых в рассматриваемое время не существовало, и только совершенная дряхлость, увечье, потеря или сильное ослабление зрения освобождали их от работ. Достаточно сказать, что среди суконщиков, состоявших при должности, находилось 32 в возрасте от 60 лет и выше (16 мужчин и 16 женщин); одной стригальщице было 81 и другой—88 лет.

Что касается чулочной фабрики, то на ней наиболее преклонным возрастом для мастеровых и мастериц было 58 и 60 лет; старше же в списках не встречались.

Увечные и престарелые, если не находили себе приюта у родственников, помещались в богадельню при лазарете, с назначением им содержания по 20 рублей в год.

К. Пажитнов, На казенной Екатеринославской суконной и шелково-чулочной фабрике (сборн. „Труд в России", кн. 2).

26. Тобольская частная полотняная фабрика.

Как кажется, фабрика эта была заведена еще в 1797 г., когда она называлась «Парусинной фабрикой советника Куткина».

То, что носило название фабрики, в действительности представляло три отдельных, территориально разделенных промышленных заведения. Заведения эти были небольших размеров, работа в них велась ручным способом, и поэтому правильнее было бы называть их не фабрикою, а *мануфактурой*.

Главное из этих заведений находилось в самом Тобольске, при доме Куткина. Оно занимало 25 $\times$ 20 саженей. Здесь были: мастерской корпус (на 6 саженях), в котором помещалось 16 ткаческих станов и 1 чулочный (работались бумажные чулки), две избы (на 6 саженях), вероятно, для рабочих и два сарая, в которых помещались катальная и прессовальная машины.

Второе заведение находилось в 4 верстах от Тобольска, в предместии, называемом «под Чувашами», при р. Иртыше. Оно состояло из мастерского корпуса (на 6 саж.) с тремя ткацкими станами, избы с пристройкой (на 6 саж.), пряжеварного сарая (на 12 саж.), кладовых амбаров (на 8 саж.). Здесь же находилось (на 100 саж.) обнесенное заплотами место, на котором производилось беление полотен.

Наконец, третье заведение находилось в 9 верстах от Тобольска, по нагорной стороне, на речке Коноваловке. Тут были: мукомольная мельница, в ней была устроена сукновальня с толчеями и пряжеварня с избою и сараем для сушки пряжи на 10 саженях. Ниже плотины при помощи каналов было осушено болотистое место. Место это было обнесено загородкою, и здесь производилось беление полотен, вода для чего была проведена из пруда. Для рабочих на Коноваловке имелись две избы, а для поклажи материалов—два амбара; кроме того имелся дом (на 8 саж.) в 2 этажа и 7 комнат, при

нем изба с кухнею-мазанкою, и вновь строился флигель (на 9 саж.) в одно жилье. Сооружение на Коноваловке новых построек вызывалось тем, что сюда предполагалось перевести фабрику из города.

На Коноваловке же было положено начало и земледельческому хозяйству. За речкою Коноваловкою находилось до 186 десятин земли, взятой Куткиным в оброк с 1803 г. Главною целью земледельческого хозяйства было возделывание льна...

На фабрике ежегодно вырабатывалось тонкого полотна 1000 аршин, тику разных сортов 1000 арш., равендуку 5000 арш., салфеток камчатных 50 дюжин, полотна скатертного 1000 арш. В 1797—99 годах для обмундирования войск было сработано лент косных до 7000 арш., тесем и басонов до 20.000 арш., кистей на шляпы с султанчиками до 1000 и разных мелочных потребностей из бели и шерсти до 1000 аршин.

Рабочими на фабрике были приписанные (сентябрь 1797 г.) люди из числа сосланных в работу. В 1803 г. этих рабочих значилось: сосланных 31, жен их 22 (в том числе вольные), детей обоего пола малолетних, приписанных тогда же и после того вновь рожденных—14 и женок из сосланных в работу 3. Помимо того на фабрике находились: состоявшие по ревизии 1795 г. при доме двое дворовых людей, вольнонаемный чулочный мастер и вольнонаемные же, жившие на фабрике и исправлявшие на ряду с приписными мастеровыми разные работы, 4 мужчин и 5 женщин. Всего при фабричных мастерствах и работах числилось 38 мужч. и 30 женщин, не включая сюда 14 малолетних детей, не употреблявшихся на работы.

По должностям и занятиям мужчины распределялись так: уставщик или мастер над ткачами, подмастерье, чулочный мастер, ученик его, ткачей — 19, красильщик, мастеровых при делании темляков, султанчиков и кисточек для полков—2, пряжеваров—2, при белении полотен—2, при мельнице за толчеями и сукновальней—1, столарей—2, при сеянии и выработке льна на иностранный манер и при овчарном заводе—1 и плотников—4 [1]).

Ткаческие работы продолжались с 1 сентября по 1 мая. На остальные четыре летних месяца «в рассуждении бываемых жаров» ткачам давалась свобода. В это время ткачи, большею частью, «упражнялись» в вольных работах, «кто к чему способен», а иногда употреблялись «по надобностям фабричным, при новых строениях и починке старых», причем на этих работах как ткачи, так и прочие работники «упражнялись в работе 12 час.». В зимний сезон ткачи работали ежедневно, кроме праздников и воскресных дней... Все ткачи и другие мастеровые получали плату поаршинно (вообще сдельно, «из числа вещей») и «следовательно, и в работе находятся по воле своей». Осенью и весной плотники и другие работники—не ткачи—рабо-

---

[1]) Помимо перечисленных мастеровых с 1797 г. находились „несколько времени" в работе также 6 посельщиков, 5 жен их и 4 малолетних детей обоего пола, но по распределении их Тобольской казенной палатой по волостям—в 1803 г. фабричных работ уже не исправляли.

тали по 10 часов в сутки, зимою по 8 часов, «а иногда по краткости дня и менее».

Не у всех мастеровых в течение года бывала постоянная беспрерывная работа; так бывало, напр., с плотниками, которые в свободное время занимались вольными работами. Точно также столяры, темляшники, пряжевары, белильщики полотна занимались в свободное время работами на вольный рынок.

Из ткачей в течение всего рабочего сезона «непременных при одних работах» были только двое: ткач камчатных салфеток с женою, которая стояла «у перебору», и один полотнянщик «среднего 5-го сорту», вырабатывавшие в 8 месяцев первый от 50 до 55 р. и второй до 35 р. Остальные ткачи находились при переменных работах, переменяясь по надобностям от полотен к другим работам, смотря по количеству требований и по сортам имевшихся материалов. Зарабатывали они в сезон от 25 до 40 руб., «не считая в то число бываемых платежей иногда за размотку и сновку, также за пронимки в ниты и бываемые внутри фабрики поденные работы».

Мастеру над ткачами годовой платы определено не было, а получал он плату «при новых установлениях по условиям», в прочее же время занимался теми работами при фабрике, «кои для его способнее и выгоднее». Подмастерье у ткачей (из дворовых людей) по временам употреблялся при новых установлениях и при делании берд, получая за установления поденно, а за берда: за новые камышевые по 10 коп. со ста, за старые, которые переделывались, по 5 коп. со ста; в остальное время занимался тканьем средних и тонких полотен за поаршинную плату.

Красильщик за крашение пряжи, бумаги и шерсти своими материалами работал за условленную цену на всякий сорт и цвет.

Пряжевару (вольному) была определена годовая плата в 40 р., помощнику его, когда бывала «нужда в пособии», платилось по 3 р. в месяц. Белильщик полотен (с 1 марта и по 1 августа) получал по 4 р. 50 к. в месяц, помощник его по 3 р. 50 к.

Чулочный мастер на том же стану, на котором работал бумажные чулки, обучал ученика, получая за выучку его по 50 р. в год. За сработанные им и учеником чулки платилось мастеру особо с пары, начиная с 15 коп. (малые детские чулки) и до 40 коп. (большие мужские). «Сверх того дается ученику, кои чулки выработаются им против окладу мастера столько же денег, дабы тем обоих их приохотить к работе и скорой выучке».

Темляшники получали сдельно: за вязание каждого темляка по 2 коп., за султанки с двумя кистями по 1 коп.; вырабатывали они каждый с женою от 1 р. 50 к. до 2 р. в неделю. Рабочий, находившийся при мельнице и за толчеями и сукновалкою, получал в году «противу бывшего вольнонаемного мельника» денег 30 р. и ржаной муки 30 пудов.

Столяры получали поштучную плату. Плотники получали поденно: летом по 20 коп., осенью и весною по 15 коп.

Наконец, рабочий при сеянии и выработке льна на иностранный манер получал, когда бывал занят, по 20 коп. в день, а за работу по овчарному заводу плата ему производилась по условию [1].

Вольнонаемные люди, употреблявшиеся в случае надобности или во время болезни ткачей, получали задельную поаршинную плату наравне с приписными ткачами; и на других работах, напр., на поденных, преимуществ они сравнительно с приписными рабочими не имели, довольствуясь тою же самой платою, как последние.

Приписные к фабрике женщины... плату за работу получали наравне с вольными мещанками, солдатками и крестьянками. За работу платилось: за льняной моток окружностью в 3 аршина, состоявший из 10 пасм (в каждом пасме по 120 ниток), и общей мерой в 3.600 аршин, за толстые сорта—по 12½ к. «Ежели у которых женщин пряжа тонее и годна в полотно», за работу делалось прибавление: при весе мотка в 30 зол.—1 коп.; 25 зол.—2 коп.; 20 зол.—3 коп.; 15 зол.—4 коп.; 10 зол.—5 коп. Таким образом, за самый тонкий моток платилось 17½ к. Прилежные прядильщицы выпрядали в неделю 3—5 мотков... За работу шерстяной пряжи за моток такой же меры платилось за пряжу из рунной и верблюжьей шерсти по 30 к. и из простой битой по 25 коп. Когда же женщины употреблялись на фабричные работы поденно, им платилось в день от 8 до 10 коп.

Из очерка Евг. Дюбюк — Тобольская полотняная фабрика в начале 19 столетия (сборн. „Труд в России", кн. 2).

27. На горном заводе купца Под'ячева.

Беспорядки среди рабочих.

Согласно полученным сведениям, крестьяне, приписанные к Шельвинскому и Александровскому заводам елабужского третьей гильдии купца Под'ячева (в числе 150 человек), находившиеся в Зайчешминских рудниках, по подговору семерых рабочих, самовольно оставили (1859 г.) горные работы и разошлись по домам, жалуясь на малое жалованье, чрезмерную трудность работ и проч.

---

[1]) Чтобы судить о реальном значении приведенных заработков, необходимо привести цены на жизненные продукты. В 1801 г. цены были следующие:

	По г. Тобольску.	*В уезде его.*
мука ржаная.	27 к.—32 к. пуд.	25 к.—45 к. пуд.
„ пшеничн. . . .	50 к.—1 р. пуд.	—
крупа ячная	60 к.—1 р. „	—
„ просовая. . .	1 р. 20 к.—1 р. 40 к. пуд.	—
„ гречневая . .	70 к.—1 р. пуд.	2 р.—4 р. 50 к. пуд.
ячмень.	2 р. 20 к.—3 р. 30 к. четв.	1 р. 60 к.—4 р. четв.
овес.	1 р. 60 к.—2 р. 40 к. „	1 р. 20 к.—3 р. 50 к. „
говядина.	1½ к.—4 к. фунт.	—
масло коровье . . .	13 к.—13½ к. фунт.	—
осетрина	10 к.—12 к. „	—
стерлядина	5 к.—10 к. „	—
нельма	2 к.—10 к. „	—

Заводский исправник предписал Шельвинскому заводоуправлению вызвать этих семерых рабочих из рудников на ближайший Александровский завод, чтобы, подвергнув их полицейскому исправительному наказанию, для устранения их дурного влияния на прочих рабочих в рудниках, оставить их на работах на заводе. Но, явившись на завод, эти рабочие отказались слушаться не только заводских служащих, но и самого заводовладельца, заявив, что «в настоящее время они должны быть вольны», почему они не позволят наказывать себя, не будут работать на заводе и уйдут к товарищам в рудники. Затем, когда заводский исправник потребовал их на Шельвинский завод, они отказались исполнить это требование, причем встретили поддержку со стороны прочих рабочих, заявивших, что они готовы защищать своих товарищей, хотя бы это повлекло за собою уголовные преступления. Выгнав затем нарядчиков и приказчика, рабочие оставили работы и на целые сутки уходили с рудников, неизвестно куда.

Сообщив таковые сведения министру внутр. дел, оренбургский губернатор Барановский прибавил, что волнения, вероятнее всего, являются следствием беспорядков заводоуправления на заводе Под'ячева, известного своей недобросовестностью и мелочностью в расчетах, неразумной скупостью и излишней требовательностью к крестьянам, которые «вообще по горным заводам Оренбургской губернии, получая самую незначительную за работу плату, вовсе не вознаграждающую труд, вынуждаются через то нередко к ропоту на обременительность заводских работ». Признавая, что «лучшим средством для успокоения умов является в настоящем деле соблюдение справедливости», губернатор решил непосредственно изучить на месте причину волнения...

Остановившись по пути на Шельвинский завод в г. Мензелинске и посетив местную тюрьму, губернатор нашел там среди арестантов одного из семерых «зачинщиков» заводских беспорядков Иванова, который показал, что ни он, ни его товарищи никакого ослушания не проявляли, а дело происходило так...

Получая за обременительную работу от 1 до 3 коп. сереб. в день и провиант, доведенные до совершенного изнурения, крестьяне были вынуждены просить горного приказчика прибавить им для исполнения большого урока еще одного подростка, но приказчик отказал, причем не выдал свечей и масла для освещения галлерей, что продолжалось два дня, в течение которых люди *не могли* выходить на работы. Тогда крестьяне послали его, Иванова, вместе с другими товарищами с той же просьбой к горному исправнику, который и отослал их в тюрьму. Все работавшие на рудниках люди подтвердили вышеприведенное заявление Иванова. Подтвердили и другие крестьяне, показавшие, что только крайность вынудила их товарищей к просьбе о прибавке по одному полуработнику для исполнения большого урока.

Все же губернатор признал нужным, для поддержания престижа власти, подвергнуть зачинщиков исправительному полицейскому наказанию (сечению розгами) и только после этого путем личного обследования ознакомился с положением крестьян. Вот что он сообщил министру.

Условия труда. На самом Шельвинском заводе живут одни лишь семейства крестьян и не более пятнадцати рабочих, из коих десять совершенно дряхлых, к труду неспособных стариков, сами же крестьяне, начиная с мальчиков 8 и 9 лет, работают в рудниках постоянно, бывая в домах своих в течение целого года не более трех раз: пару дней на рождество и пасху и в страдное время, когда им даются двадцать дней, из коих шесть дней уходит у них на дорогу с рудников к заводу и обратно.

Помещение для крестьян на рудниках устроено в тесных и душных землянках, так что люди, возвращаясь после тяжелой дневной работы из подземных сырых галлерей, не имеют сколько-нибудь сносного приюта даже в зимнее время. Печей для приготовления пищи в землянках нет, и крестьяне вынуждены печь хлеб в соседней деревне, платя за это свои трудовые деньги. Питаясь лишь хлебом и водою, истощаемые рудничной работой, одетые в плохую одежду, крестьяне имели такой изнуренный вид, который давал полное понятие «как о том тяжелом труде, который составляет единственное занятие в течение всей их жизни, так и о скудости средств в их домашней жизни», что, по выражению губернатора, само по себе «убивает и силы и дух человека».

При таком образе жизни среди крестьян постоянно развиваются болезни. Между тем больницы на заводе нет, и больных отправляют на рудничную работу. В нарушение закона *все* шельвинские крестьяне (как трудоспособные, так и нетрудоспособные, даже дряхлые и увечные), а не в половинном числе работают в рудниках. По выслуге установленных лет крестьяне в отставку не увольняются, а определяются на разные работы в рудниках.

Средний дневной урок, исполняемый полным работником, состоит в выломке 260 куб. четв. рудного камня или откатке на поверхность земли, на расстоянии более 200 саж., 145 куб. четв. породы, тогда как по урочному положению, представленному заводовладельцем и не имевшему, в виду подчисток и поправок, несомненной достоверности, полный рабочий должен выработать в день никак не более 180 куб. четв. или откатать 166 куб. четв. на расстоянии 120 саж. Независимо от этого, крестьяне, занимающиеся откаткой, должны отобрать руду от пустой породы и доставить со двора для укрепления галлереи потребное количество деревянных стоек.

Труд этот, увеличенный Под'ячевым более чем на половину из корыстных видов, он вознаграждает платой в 3 коп. сер. в день и провиантом, выдаваемым не всегда в полном количестве. Больше владелец для крестьян ничего не делает, и они вынуждены все свои остальные домашние потребности удовлетворять за свой счет. «Таким образом, заключил губернатор рапорт министру, жалоба крестьян на их стеснительное положение и ходатайство их о прибавке исполнителей урока, по чрезмерному увеличению сего последнего, подтвердились вполне». А во всеподданнейшем отчете губернатор более определенно подчеркнул основательность жалобы крестьян, указывая, что, лично осмотрев подземные галлереи, он убедился, что даже по тому урочному положению, которое было в свое оправдание пред'явлено ему Под'яче-

вым, возлагаемый на крестьян урок не только не сообразен с этим урочным положением, но положительно неудобоисполним, и что крестьяне имели право требовать прибавки для выполнения урока не одного полуработника, *а двух полных работников.*

Меры к улучшению положения рабочих.

Указывая далее, что он предписал произвести следствие как о зачинщиках беспорядка, так и о злоупотреблениях заводовладельца, губернатор присовокупил, что в отношении зачинщиков он полагал бы достаточным ограничиться наказанием, которому они были подвергнуты, не удаляя их с места жительства, как просил заводовладелец. Что же касается заводовладельца, то губернатор предложил принять следующие меры: заводы Под'ячева, на время производства следствия, взять в казенное управление, а Под'ячева, «из личных выгод дозволившего себе стеснять крестьян работами до изнурения и совершенно разорить их домашний быт», выселить в Екатеринбург или в Уфу; по окончании же дела заводы Под'ячева закрыть, а безземельных крестьян приписать к сословию государственных крестьян или к другим поссессионным заводам, или же обратить на казенные заводы, назначив вознаграждение заводовладельцу за отчуждаемых от него крестьян, согласно закону, или же определение размера предоставить Комитету по улучшению быта горнозаводских людей. Этими только мерами крестьяне заводов Под'ячева, в числе 388 душ муж. пола, избавятся от невероятно тяжелого положения, в котором они находятся и которое губернатор «по долгу верноподданнической присяги и совести» изображает следующим образом: «Не имея ни земли, ни лугов, ни скота, получая один только хлеб, необходимый, чтобы не умереть с голоду, не получая ни приварка, ни мяса, ни чарки вина для подкрепления сил, употребляя на одежду более, чем скудное жалованье, согреваясь в зимнее время похищенными в чужих дачах дровами, живя в землянках лето и зиму, они (крестьяне) в расстоянии 80 верст от семейств свыше сил отягчены работами, не знают ни жизни семейной, ни помощи в болезнях, ни даже религиозного утешения».

О своих донесениях министру внутренних дел губернатор Барановский осведомил самарского и оренбургского генерал-губернатора Катенина, и, подобно Барановскому, Катенин обратил серьезное внимание на общее положение горнозаводских крестьян в вверенном ему крае. Вступив в переписку с министром внутренних дел по поводу других заводов, утверждая, что заводовладельцы угнетают крестьян, Катенин заявил, что сведения о положении крестьян на заводах Под'ячева лишний раз показывают, до каких пределов может дойти «безнаказанный произвол заводовладельцев над их крестьянами и в каком порабощении находятся последние». И поэтому Катенин предложил командировать лицо, пользующееся особым доверием государя, для обследования событий на заводе Под'ячева и выяснения, вообще, положения горнозаводских крестьян в Оренбургском крае.

Взятие завода в опеку.

На заводы Под'ячева был командирован флигель-ад'ютант, замененный, впрочем, другим лицом, по указанию генерал-губернатора. Между тем оренбургский губернатор продолжал зорко следить за частными заводами, привлекшими его внимание. В марте 1859 г. он уведомил министра внутренних дел, что крестьяне Под'ячева продолжают исправно выполнять свои работы и что Под'ячев из'явил готовность за «приработку уроков» — для чего крестьяне должны удлинить рабочий день на 50%—увеличить плату и платить кайловщикам в больших квершлагах — по 70 к., в малых — по 60 к., а откатальщикам в тех и других квершлагах — по 50 к. ассиг., чем прежняя плата будет увеличена почти в семь раз. В этом предложении Под'ячева, которого губернатор вновь характеризовал как человека грубого, жестокого и необразованного, губернатор усмотрел лучшее доказательство того, что внимательное отношение со стороны местных должностных лиц к причинам, вызвавшим ропот крестьян, и удовлетворение их справедливых жалоб — единственное средство привести владельцев к сознанию их прямых обязанностей и к убеждению, что злоупотребление властью, доставляющее заводовладельцам временно выгоды, должно в конечном результате разорить их; что же касается крестьян, то при строгом соблюдении справедливости к ним возможно сохранить среди них спокойствие; «поддержание злоупотребляющей власти во что бы то ни стало если и может восстановить нарушенное спокойствие, то не надолго».

Так как дальнейшие исследования подтвердили факт злоупотребления Под'ячева своей властью по отношению к крестьянам, то по настоянию Катенина и губернатора заводы и рудники Под'ячева были взяты в опеку, причем пребывание Под'ячева вообще в пределах Оренбургского края было признано нежелательным, и он, по высочайше утвержденному положению комитета министров, был выслан в Архангельскую губернию...

Не следует полагать, будто подобная кара всегда постигала заводчиков, угнетавших крестьян. Далеко не так решительно, как по отношению к елабужскому третьей гильдии купцу Под'ячеву, действовали представители власти тогда, когда заводовладельцы были сильны своими связями, своим общественным и служебным положением. Дела о помещике Загряжском и генерале Сухозанете служат тому яркими примерами [1]).

Из очерка Л. М. Айзенберга—Быт крестьян на частных горных заводах и рудниках в Оренбургском крае накануне освобождения от крепостной зависимости („Архив истории труда в России", кн. 3, стр. 23—27).

[1]) См. „Архив истории труда в России", кн. 3, стр. 28—39.

28. Из летописи рабочих волнений.

Большая Ярославская мануфактура. Из числа волнений, происходивших в девятнадцатом веке, обращают на себя особое внимание волнения на Большой Ярославской мануфактуре, бывшей в начале 19 столетия самой крупной в России (около 2½ тыс. рабочих). Главным основанием к недовольству была низкая заработная плата. Рабочие подали несколько прошений в ярославское губернское правление, но в ответ последовало требование, чтобы они «с должным повиновением пребывали спокойными, ожидая от содержателей немедленного рассмотрения показуемого ими», и чтобы поверенные рабочих дали соответствующую подписку (1803 г.). Но поверенные отказались и были наказаны плетьми. В следующем году рабочие послали двух ходоков в Петербург для подачи жалобы царю, но их не допустили к нему и подвергли телесному наказанию, а «для внушения повиновения прочим рабочим людям» многих рабочих публично наказали на фабрике. Однако, рабочие отправили к царю новых депутатов. Дело дошло до сената, который и об'явил рабочим, «чтобы впредь неосновательными жалобами высшее правительство утруждать не отваживались, пребывали в положении своем спокойными и в должном повиновении, в противном же случае подвергнут себя неослабному по законам наказанию».

Это, правда, не помешало рабочим подать (в 1806 г.) царю новую жалобу по поводу жестокого наказания их поверенных и низкой заработной платы. Однако, и последние депутаты были тоже наказаны розгами и отправлены обратно в Ярославль. И тем не менее, рабочие вновь подали жалобу в 1817 г. министру внутренних дел [1]). Назначенная тогда особая комиссия нашла, что заработную плату следует повысить, но при этом отметила, что рабочие устраивают «в работное время сходбища и возмущения» и что следует удалить с фабрики зачинщиков и агитаторов. С другой стороны, командированный для расследования положения рабочих чиновник указал, что «праздность (!), в которой люди сии пребывают [2]), ведет их к своевольным мыслям, — от чего бывают у них беспрестанные сходки, на которых сочиняются жалобы правительству, собираются со стана деньги на хождение по делам».

Чтобы успокоить рабочих, министерство внутренних дел выработало для фабрики особое «Положение», которым была немного повышена заработная плата, установлен 14-часовой рабочий день и введена небольшая пенсия для престарелых и увечных рабочих. Но «Положение» не удовлетворило рабочих. В 1823 г. их поверенные подали лично Александру I жалобу на притеснения фабриканта и низкую заработную плату. Министру финансов Канкрину было предписано вызвать рабочих депутатов в Петербург, и, несмотря

[1]) Поссессионные фабрики находились тогда в ведении министерства внутренних дел.

[2]) Это при 16-часовом рабочем дне.

на его протесты, депутаты были (в 1824 г.) опрошены в особом заседании под председательством директора департамента мануфактур и внутренней торговли. Председатель делал все возможное, чтобы побудить рабочих отказаться от своих показаний, но они стояли крепко на своем. В результате заработная плата была повышена на 7%, рабочий день сокращен летом до 13 часов и зимою до 12 часов. Но вместе с тем фабричной конторе было предоставлено право «самых неисправных и буйных, а также зачинщиков беспорядков и скопищ представлять во всякое время в рекруты».

Заводы Яковлева. Исключительным упорством со стороны крестьян отличались длительные волнения в Вологодской и Новгородской губ., в селениях, проданных владельцами крупному заводчику Яковлеву. Он стал принудительно переселять крестьян на свои отдаленные Холуницкие железные заводы (в Вятской губернии). Эта мера разоряла крестьян, значительная часть которых обладала денежными средствами и мечтала выкупиться на свободу. Крестьяне отказывались подчиняться приказам о переселении на заводы, посылали ходатаев в Петербург и к губернатору, а молодые люди выразили желание лучше итти в солдаты [1]), лишь бы избавиться от заводских работ. Новгородские и вологодские крестьяне, принадлежавшие Яковлеву, действовали сообща, послав в Петербург двух депутатов; последние жаловались на жестокое обращение яковлевского приказчика, выразившееся в том, что он немилосердно высек сто пятьдесят человек, у многих разрушил дома и отобрал имущество или скот, запретил производить сельские работы и т. д. Жалобщики указывали также на то, что Яковлев хочет перевести всех крестьян на завод, а землю продать, хотя закон воспрещает куплю и продажу крестьян без земли.

Между тем в возмутившиеся селения были посланы воинские силы. Введенные в селения (Новгородской губернии) башкиры притесняли крестьян: избивали и грабили их, насиловали их жен и дочерей. Ожесточенные крестьяне, вооружившись пиками, рогатинами, ружьями и даже пушками, выступили против своих притеснителей (1813 г.). Комитет министров предписал Яковлеву вернуть обратно крестьян, уведенных на заводы, и тогда волнение временно улеглось. Но когда возвратившиеся с заводов рассказали о пережитых ими муках и оказалось, что многие из крестьян умерли во время свирепствовавшей там эпидемии, селения снова заволновались. Дело кончилось кровавым столкновением с войсками. Возмущение было подавлено, крестьяне убежали из селения, но через некоторое время большинство вернулось обратно.

Потерпев неудачу с переводом крестьян, Яковлев купил новые деревни в Вятской же губернии, надеясь, что перевод крестьян из этих деревень, сравнительно близко расположенных к заводу, не встретит препятствий. Однако, крестьяне, попавшие в тяжелые условия заводской жизни и оторванные от своего хозяйства, не могли долго мириться со своей участью [2]).

[1]) Т. е. на ту службу, хуже которой, кажется, ничего не могло быть!

[2]) См. ниже, № 29.

Осокинская фабрика. На суконной фабрике Осокина в Казани было занято фабричными работами около тысячи рабочих. В 1796 г. рабочие просили ревизовавшего губернию сенатора Маврина об увеличении заработной платы, и она была повышена. Но позднейшие жалобы по поводу недостаточной заработной платы и притеснения владельца остались неудовлетворенными. С своей стороны, почти все рабочие отказались дать подписку, что будут ему повиноваться. В 1817 г. рабочие вновь подали жалобу, причем просили о даровании им свободы на том основании, что они происходят от свободных людей и не были куплены содержателем. Но просьба была отклонена, а обоих поверенных отправили обратно в кандалах (один из них, «претерпевши в пути неограниченное мучение, не смогши снести сего, умер»). Все же министерство внутренних дел выработало для фабрики Осокина «Положение», которым была повышена заработная плата и рабочий день сокращен с 14 до 12 часов.

В дальнейшем рабочие неоднократно возбуждали просьбы об освобождении их от зависимости и указывали на жестокое обращение владельца с ними, но их домогательства не удовлетворялись, а «зачинщики» подвергались наказаниям. Несмотря на это, рабочие не только не дали подписки в повиновении, но даже заключили между собой тайно письменное обязательство ни в каком случае не уступать требованиям начальства. Это вызвало особое судебное расследование, и по высочайшему повелению десять рабочих присудили к наказанию плетьми, а одиннадцатый рабочий, Михайло Мясников, должен был присутствовать при наказании его товарищей, причем ему было об'явлено, что если он выдаст лицо, составившее соглашение, то будет избавлен от наказания, если же нет, то будет наказан тяжелее других. Приговор был приведен в исполнение; Михайло Мясников присутствовал при наказании, причем его отец был засечен до смерти, но товарищей своих он не выдал.

Подача жалоб продолжалась. Во время смотра войскам в Нижнем-Новгороде рядовой из бывших рабочих Осокина подал жалобу Николаю I на неправильную отдачу его в рекруты (1834 г.). Для расследования положения рабочих на фабрике была назначена особая комиссия. Она отвергла просьбы рабочих об их освобождении от зависимости, несмотря на то, что Осокин, по их словам, засек до смерти трех фабричных, 55 рабочих были им сосланы в Сибирь на поселение, 14 чел. отправлены на Иркутскую суконную фабрику и 76 отданы в рекруты. Рабочие вновь отказались дать подписку в повиновении и в 1836 г., во время пребывания царя в Казани, толпой подали ему новую просьбу об освобождении с жалобами на притеснения Осокина. За это почти все рабочие были жестоко наказаны розгами, а 51 человек удалены с фабрики, из числа которых годных отдали в солдаты, а прочих сослали в Сибирь. Вместе с тем министр финансов разрешил Осокину отсылать на фабричные работы женщин и детей из семейств рабочих. Лишь в 1849 г. осокинские рабочие получили свободу, за которую они так долго и так упорно боролись.

Бумажная фабрика Гагарина.

Отзвуком восстания декабристов были волнения крестьян бумажной фабрики князя Гагарина близ Ярославля (в 1826 г.), на которой работало около пятисот человек. Когда более трехсот крестьян этой фабрики явились к губернатору с жалобою на недостаточность выдаваемого им из фабричного магазина хлеба, на чрезмерную продолжительность рабочего дня и на принуждение их к барским работам в праздничные дни, губернатор наказал зачинщиков. О священнике их прихода Михаиле, служившем молебен об избавлении крестьян от тягостных господских работ и увещевавшем их стоять друг за друга, губернатор сообщил в духовную консисторию с предложением впредь до расследования отстранить его от должности как лицо, оказывающее вредное влияние на фабричных людей.

Потеряв надежду на губернатора, крестьяне отказались от повиновения и послали двух ходоков в Петербург, а прибывшему исправнику заявили, что не вернутся к работе до тех пор, пока не получат от царя ответа на их жалобу. По мнению исправника, главной причиной возмущения были распространившиеся между крестьянами слухи об ожидаемой к весне свободе. Против крестьян были посланы войска, и многие из бунтовавших жестоко пострадали. Крестьяне снова заволновались, когда узнали, что, согласно высочайшему повелению, зачинщики подлежат ссылке в Сибирь.

Губернатор тщетно убеждал крестьян вернуться к повиновению. Они упорно отказывались, ожидая возвращения ходоков, посланных в Петербург, но при этом держались мирно, чтобы не подать повода к обвинению их в бунте. Когда, несмотря на это, некоторые крестьяне были наказаны розгами, остальные потребовали, чтобы их также наказали, так как все они действуют заодно и дали друг другу слово не покориться до тех пор, пока не вернутся ходоки. Тогда губернатор заключил многих крестьян в тюрьму. Вместе с ранее арестованными общее количество посаженных в тюрьму превышало двести человек.

Дело арестованных крестьян было в спешном порядке рассмотрено палатою уголовного суда. Главные зачинщики были наказаны плетьми и отправлены в Сибирь, а остальным об'явили «всемилостивейшее» прощение со внушением впредь пребывать в должном повиновении. Но крестьяне решительно отказались дать подписку в повиновении, и их вновь заключили под стражу. Посланные в Петербург ходоки были арестованы и высланы на место жительства.

Между тем в имении князя Гагарина крестьяне снова заволновались, а некоторые из них убежали. Посланная туда воинская команда водворила порядок. Главнейшие виновники были наказаны кнутом или плетьми, а крестьяне, отказавшиеся дать подписку в повиновении, были сосланы на крепостные работы.

Шелковые фабрики.

На шелковой фабрике в селе Фрянове (Московской губернии), где числилось более 500 рабочих мужского пола, начиная с 1771 г. раздавались жалобы на притеснения фабриканта, на низкую заработную плату и на неправильное

прикрепление к фабрике. За попытку подать прошение Екатерине II наиболее виновные были наказаны плетьми и сосланы в Сибирь. Несмотря на это, рабочие подают просьбу Павлу I во время его пребывания в Москве, и мануфактур-коллегия предложила (1802 г.) владельцу фабрики увеличить плату рабочим. Но в 1815 г. рабочие жаловались, что владелец не выполнил постановления мануфактур-коллегии, и просили, чтобы за порядками на фабрике и за платежом денег следили выборные от рабочих. Тогда сенат (1820 г.) принудил владельца фабрики увеличить заработную плату и выплатить часть разницы за прошлое время, а рабочим было разрешено выбрать из своей среды старост. Однако, более сорока рабочих, замеченных в «буйстве», были по просьбе владельца переведены на Екатеринославскую казенную суконную фабрику. А затем были отосланы туда и все выборные. Лишь в 1837 г. вследствие жалобы московскому ген.-губернатору было велено (1837 г.) не препятствовать выбору старост. Тогда же заработная плата была несколько повышена.

На другой крупной шелковой фабрике в селе Купавне (Московской губернии), где числилось около семисот рабочих мужского пола, рабочие, жалуясь в 1834 г. на низкую заработную плату, просили сравнять ее с платою вольнонаемных. Вскоре после этого начались беспорядки. Не согласившись дать подписку в повиновении, рабочие неоднократно подавали жалобы, но не добились никаких результатов [1].

Гарденинская фабрика. Более крупные волнения произошли в 1811 г. на суконной фабрике Гарденина в селе Бондарях Тамбовского уезда. Поводом послужили прекращение уплаты заработной платы и отобрание владельцем в свою пользу пашенной земли. Рабочие «отреклись от работы» и «с грубостью об'явили, что работать на фабрике не будут». Когда исправник хотел арестовать «главных буянов», рабочие ударили в набат. Чиновники поспешно уехали, но вскоре прибыли воинская команда и следственная комиссия. Комиссия нашла, что главнейшей причиной беспорядков было то, что рабочие, видя, что на соседней фабрике производство прекратилось, «возомнили, что и они могут удалиться от работы». Несколько рабочих были подвергнуты телесному наказанию, а остальные дали подписку «впредь повиноваться неуклонно».

На Урале. Терпя голод, крепостные рабочие Кислинского завода, принадлежавшего купцу Расторгуеву, ушли (1822 г.) в количестве более пятидесяти с завода в Екатеринбург, где заявили, что, получая незначительную плату, не могут даже купить сухого хлеба. В том же году отлучились еще сто с лишним рабочих из Кыштымского завода, принадлежавшего тому же Расторгуеву, которые также отправились в Екатеринбург и отказались вернуться на завод. Комитет министров постановил главных зачинщиков предать суду, а остальных, ушедших в Екатеринбург, наказав по усмотрению пермского губернского правления, водворить с семействами на казенных Богословских заводах. Назначенные к переводу

[1]) См. ниже № 31.

рабочие были собраны на площади. Когда им прочитали указ о том, что они присуждены к двадцати пяти ударам палками и к переводу на казенные заводы, они заявили, что не признают этого указа, и угрожали поджечь заводы. Ночью рабочие в числе четырехсот задержали заводского исправника и приставили к нему караул. События стали быстро развиваться, и вскоре к движению присоединились рабочие соседних заводов. По сообщению берг-инспектора, мастеровые, а также крестьяне принадлежащих к заводам сел и деревень «учредили свои конторы и, расставя по всем дорогам караулы, простирают наглые свои поступки далее». Рабочие арестовали заседателя земского суда, советника пермского горного правления и др. Движением руководил рабочий Косолапов. В пользу рабочих и крестьян собирались деньги, которые направлялись руководителю движением. Но все же восстание было усмирено.

Через некоторое время заволновались крепостные Ревдинского завода (1825 г.), занимавшиеся вспомогательными работами по поставке угля. Поводом послужило изменение меры короба, по которой производилась сдача угля. Крестьяне послали поверенных в Екатеринбург, чтобы выяснить истинную меру короба. Но когда среди них прошел слух об аресте ходоков, они отправились в город толпою в числе свыше трехсот человек. Все они были отведены под караулом на монетный двор, где с них была взята подписка о повиновении начальству, после чего их отпустили домой. Однако, рабочие не успокаивались и самовольно перевозили уголь маломерными коробами. С переходом завода в казну волнения не прекращались. Зачинщики были отправлены в Екатеринбург, после чего большинство рабочих согласилось возить уголь по старой мере.

Но волнения на том же заводе повторились в 1841 г. Главной причиной были распространившиеся среди рабочих слухи о существовании нового «штата» (т. е. уменьшенной меры по сдаче угля) для Ревдинского завода, который скрывается местным управлением. Действительно, по приказу горного управления с 1840 г. угольный короб на всех заводах имел определенную меру в 22 тыс. куб. вершков, в то время, как на Ревдинском заводе прием угля производился коробом, вмещающим в себе 27 тыс. куб. вершков. Но контора медлила ввести новый указ; крестьяне же узнали о приказе от одного писаря, который тайно снял с него копию и прочитал одному крестьянину. Кроме того, крестьянам стало известно, что мастеровые соседних заводов уже перешли на штатное казенное положение, по которому работы исполняются в меньшем размере, чем на Ревдинском заводе. К толкам о штате присоединилось еще озлобление, вызванное жестоким обращением со стороны администрации, и слухи, что в случае выступления будет поддержка со стороны рабочих соседних заводов.

Когда крестьяне Ревдинского завода обратились к исправнику с просьбою об'явить им «штат», последний раз'яснил, что закон воспрещает приносить просьбы скопом; тогда крестьяне выбрали шесть депутатов, которые и подали на высочайшее имя прошение, в котором указывали на слишком высокий вычет из платы за выдаваемый провиант и просили ввести по всем

цехам штат Златоустовских казенных заводов. Но это была уловка. Депутатов арестовали. Когда две недели спустя двести крестьян явились к исправнику, требуя освобождения арестованных и об'явления нового «штата», арестованные разломали загородку в полиции и присоединились к толпе. На другой день крестьяне задержали приказчиков, угрожая им смертью в случае, если они будут наблюдать за ними. «Затем по прибытии на завод советника горного правления Карпова, командированного для поверки претензии углежогов и приведения их к повиновению, они, собравшись на горе против церкви», поклялись быть единодушными и никого не выдавать. Попытка Карпова произвести аресты встретила сопротивление, причем некоторые углежоги бросали камнями.

Тогда прибыли войска. Толпа в пятьсот чел. явилась на площадь, вооруженная палками и камнями. Рабочие об'явили, что не боятся войск, что в них не посмеют стрелять, что они не сдадутся. Увещевавшего их священника они называли грабителем и душепродавцем. Один из бунтовавших на угрозы стрельбою «с дерзостью» ответил: «Еще посмотрим, чья возьмет». На другой день к толпе присоединились женщины и дети, которые собирали колья и камни. Когда полицейские пытались отогнать женщин и детей, в толпе раздавались крики: «Не тронь, они наши жены и дети и с нами умрут». Войска открыли огонь. Бунтовавшие пустили в солдат град камней и обломков чугуна и кинулись на войска. Но выстрел из орудия картечью расстроил толпу. Из бунтовавших было убито 33 чел. (в том числе 8 женщин) и ранено 114 чел. Военный суд присудил четырех главных зачинщиков к каторжным работам. Многие были отданы в рекруты и подвергнуты телесным наказаниям.

Из книги М. Гордона—Очерк экономической борьбы рабочих в России.

29. Возмущение помещичьих крестьян, принудительно обращенных в горнозаводские рабочие.

Закон 1802 г. разрешил заводчикам покупать деревни только в местах, находящихся вблизи завода, дабы избегнуть перевода крестьян на дальние заводы, что лишало крестьян возможности продолжать свое сельское хозяйство. Но в 1807 г. было сделано из'ятие для Урала, куда заводчики могли на известных условиях переводить крестьян, купленных в отдаленных губерниях. Таковым правом, отнюдь не распространявшимся на Вятскую губернию, воспользовался при попустительстве властей надворный советник Александр Иванович Яковлев, владелец Холуницких железных заводов в Слободском уезде Вятской губернии.

Покупка крестьян для перевода на завод.

Горное правление позволило Яковлеву приобрести в Вятской губернии четыре деревни, в расстоянии 350 верст от заводов, с 514 душами мужского пола. Прежде всего были куплены у помещиц Свешниковой и Рехенберг деревни Аристова и Шишилева в Ярославском уезде с 361 мужч. Крестьянам было об'явлено (13 октября 1815 г.), что они проданы Яковлеву, и они обязались при первом требовании перейти на заводы. Очевидно, они дали такую подписку или по невежеству, или ра-

считывая, что их будут отправлять на заводы лишь для временных работ. По словам их ходока Петрова, они «предполагали быть в рабстве все равно, как у прежних помещиц». Вот почему, когда 1 декабря им заявили, что их тотчас отправят на заводы, они пришли в крайнее смятение. Крестьяне были зажиточны, хорошая земля, скот в достаточном количестве, избы, крытые тесом—все это создавало благоприятные условия жизни. Крестьяне послали в Москву к Яковлеву двух ходоков, чтобы, опираясь на закон 1802 г., запрещавший перевод на дальние заводы, выпросить отмену распоряжения или, по крайней мере, отсрочку до умолота хлеба и продажи имущества (приказчик Ведерников уменьшал при описи цену имущества, дабы поживиться крестьянским добром!). Но Яковлев отказал и велел наказать выборных.

Губернатор потребовал, чтобы крестьяне немедленно перешли на заводы, но крестьяне не хотели покидать деревни, о чем уведомили губернатора письменно в торжественных выражениях, заявив, что готовы отдать в военную службу всех своих мужчин в возрасте от 17 до 40 лет, лишь бы не пойти на заводы.

Губернатор ясно сознавал, в какое отчаяние должно было привести крестьян требование расстаться навсегда с деревней, где они жили из поколения в поколение, покинуть привычный труд, разрушить отчий дом. В частном письме к министру полиции Вязмитинову (24 января 1816 г.) он указывал: «Яковлев впредь предвидеть был должен, что общая привычка крестьян к земледелию, приемлемая ими еще от прадедов своих, оставить свое водворение и переместиться в заводские работники не есть маловажная перемена, а когда бы господин Яковлев брал работников только для работы, оставя старых и малых в своих положениях, то верно сего бы быть не могло. Когда же сих крестьян силою водворять в заводы, не ручаюся, чтобы оные не чинили побегов и разных злодеяний».

Возмущение крестьян.

Поощряемые депутатами от вологодских и новгородских крестьян, вышедших победителями из борьбы с Яковлевым[1]), вооруженные дубьем и ружьем, яранские крестьяне, к которым присоединились также женщины, а равным образом чужие крестьяне, принудили земского исправника отозвать приведенных им солдат и понятых в числе всего трехсот человек. Тогда был вызван воинский отряд в сто штыков под командой полковника. Начальник высланной вперед команды поручик Захаров, встретившись (21 января 1816 г.) с 500 крестьянами, приказал солдатам стрелять, но крестьяне бросились на них и смяли: Захаров, избитый крестьянами, бежал; из его отряда один был убит, девять тяжело ранены, пятнадцать легко. Со стороны крестьян оказалось девять раненых, из коих вскоре двое умерли... Было вытребовано подкрепление из Костромы и Нижнего-Новгорода. Набралось 483 солдата при 8 офицерах под командою бригад-

[1]) См. „Архив истории труда в России“, кн. 1, стр. 50—54.

ного начальника; на место происшествия поспешил также окружный генерал; был вызван архимандрит Феофилакт. Губернатор, по болезни, доехал лишь до Яранска. Оттуда он отправил (30 января) через драгуна «об'явление» крестьянам, предлагая им прислать выборных для переговоров, гарантируя им личную неприкосновенность и оставляя драгуна в заложники. Явились 5 выборных, которые и стали просить отложить переселение до распоряжения из Петербурга. Но губернатор приказал им раз'яснить собратьям, что они должны немедленно покориться. Тогда крестьяне отвергли всякие сношения с местными властями. Они возложили свои надежды на государя. Им казалось, что вот-вот придет желанная бумага, которая вернет их к прежней жизни. Они не знали, что сенат вскоре вернул ходокам прошение без последствий и что прошло не мало дней, пока им удалось, дождавшись государя у под'езда дворца, передать ему лично прошение...

В деревне Аристовой каждая минута была дорога... Ни проповедь Феофилакта, ни воззвание бригадного начальника не могли склонить крестьян к повиновению... . . . .

Однако, обе стороны не хотели дойти до пролития крови, а потому между ними состоялось соглашение: крестьяне впустили военную команду, а окружный генерал дал три недели сроку, чтобы ждать решения из Петербурга.

Перевод крестьян на завод.

Между тем осведомившись, что вооруженное столкновение было предотвращено миролюбием крестьян, комитет министров (22 февраля) постановил: *воздержаться от переселения крестьян* впредь до рассмотрения их ходатайства. Но это решение комитета опоздало. Исправник «под видом следствия по земскому суду» вызвал 16 «самых возмутителей» и отправил их на завод, а потом еще 5 человек; после этого, в виду истечения трехнедельного срока, губернатор приказал принудить прочих к переселению, и все покорились, несомненно расчитывая, что их вернут домой, когда выяснится благоприятный исход ходатайства. К 1 марта в деревне остались лишь те, кого Ведерников не велел переводить. А известие о постановлении комитета министров воздержаться от переселения было послано губернатору лишь 3 марта.

Комиссия прошений, рассмотрев ходатайство крестьян, нашла, что, дозволив Яковлеву переселить вятских крестьян на заводы в качестве «непременных работников», горное правление имело в виду закон 1807 г., но он относится лишь к Уральскому хребту, а не к Вятской губ., а потому водворение крестьян на заводы в Вятской губ. являлось неправильным. Однако, комитет министров отверг это толкование, так как Вятская губерния, почти лишенная помещичьих имений, была включена в отношении заводов к Уральскому хребту. Поэтому, приняв во внимание, что почти все крестьяне уже переведены на заводы, где они остаются спокойными, комитет министров постановил (28 марта) не возвращать крестьян домой, выслать на заводы оставшихся в деревнях.

В деле Яковлева сыграли роль казенные интересы, тесно связанные с выгодами заводчика: горные заводы доставляют припасы военному и морскому ведомствам и изготовляют металлические изделия, нужные обществу и государству, а потому, раз в местах расположения горных заводов нет вольных рабочих, нельзя запретить переводить туда крестьян.

В мае 1817 г. от ходока Петрова прибыло новое[1]) всеподданнейшее прошение. Увидя, как страдают его товарищи, и сам испытав ужасы заводской жизни, он ушел с завода без вида; из Софии (по соседству с Царским селом) он отправил «нарочитою эстафетою» прошение. Петров имел мужество поведать со всей правдивостью о том, что сделал Яковлев с крестьянами, пользуясь поддержкой местных властей. Комитет министров (15 мая) нашел необходимым для совершенного прекращения дела послать на заводы кого-либо из «доверенных чиновников», дабы узнать истинное положение крестьян и с ним послать Петрова, которого предать суду, если его жалоба окажется неосновательной. Государь согласился, но приказал командировать туда флигель-ад'ютанта Никиту Панкратьева.

„Каторжная“ жизнь.

Ниже приводимый доклад Панкратьева (18 июля 1817 г.) свидетельствует, что Панкратьев заглянул вглубь жизни крестьян как материальной, так и духовной; он раскрыл правду о несчастной участи крестьян, переведенных в непривычную им заводскую обстановку. Возможно, что тут сказалось общение с Петровым в пути из Петербурга на заводы.

«Привыкши с давних лет обрабатывать поля свои и жить в счастливом избытке, они внезапно лишены были всякой собственности и погнаны, как стада скотов, из мирных жилищ своих *в каторжную работу,* — я говорю каторжную, ибо работа на Холуницких заводах столько же трудна, как и на Нерчинских.

«Ужасный переход сей от сельской жизни к заводской столь труден, что из бедных переселенцев сих 77 душ обоего пола умерли в течение одного прошлого года, что составляет шестую часть целого. Работают они ежедневно по 10 и 12 часов в сутки, имея в виду всегда единообразную тяжкую работу; и хотя плата, им производимая, кажется довольно велика, но контора, снабжая их провиантом и одеждою и имея совершенный монополь сих предметов, высчитывает за оные деньги из следующих за работы, так что выработка остается весьма малая. Я смотрел счетные листы переселенцев, в коих пишется то, что они зарабатывают, и то, что должны экономии, и нашел, что по сих пор почти никто из них еще ничего не заработал, но напротив многие должны экономии. Сие тем менее удивительно, что контора даже и на вольных работниках считает большие недоимки, что видно из приложенной ведомости. К сему прибавить надобно, что отпускаемый конторою провиант состоит в одной

[1]) Несколько ранее ходоки Петров с товарищем прибыли в Петербург хлопотать о принятии крестьян Аристовой и Шмелевой в казну, но им отказали в просьбе и велели отправиться на завод.

муке и соли, и иногда в солоде, отчего и происходит, что переселенцы, не имеющие у себя огородов, питаются весьма скудно. Сие должно быть им тем ощутительнее, что они в прежней жизни своей имели привычку к избытку; хотя контора и старается о заведении им огородов, но они имеют столь сильное отвращение от заводской жизни, что не хотят за оные приняться. Также заметить надлежит, что хотя плата мастерам и изрядная, но может ли иметь каждый дарование отличиться в мастерствах.—Во время переселения их отняты у них конторою все лошади и деньги из опасения побегов, и хотя контора и ведет счет следующим за сие деньгами так, как и за проданный хлеб в деревне Аристовой, но деньги по сих пор переселенцам не возвращаются, и они не имеют теперь никакой собственности, а в виду одна только тяжелая работа. В похвалу конторе надобно сказать, что она дает теперь некоторым семействам по корове.

«Рассматривая все сии обстоятельства, хотя и нельзя особенно ничего опорочить в действиях г. Яковлева, но нельзя не согласиться, что состояние сих несчастных переселенцев весьма бедственно и что участь их весьма похожа на участь негров, кои томятся в Американских плантациях. Переселенцы сии об'яснили мне, что лучше желают быть взяты все в солдаты или пойти на поселение в Сибирь, чем оставаться на заводах Яковлева. Будучи очевидным свидетелем несчастного положения крестьян сих, я осмеливаюсь возбудить внимание правительства вообще на систему насильственного правления (отправления?) на заводы. Жестокая мера сия столь же противна известным чувствам человеколюбия и милосердия государя императора нашего, сколь и пользе государственной.

«Посланный со мной крестьянин Евдоким Петров оставлен мною на Холуницких заводах; мне предписано было отдать его под суд, в случае, ежели найду просьбу его неосновательною. Но уверясь, на самом деле, что он точно был поверенным всего общества аристовских крестьян и что он ничем более других не виновен, я не счел себя вправе сделать его несчастным. При сем поставляю себе обязанностью представить, что наказание так называемых зачинщиков бунта аристовских крестьян должно быть произведено весьма осторожно, ибо в деле сем виновны не некоторые буйные люди, но вообще отчаяние».

При обсуждении доклада Панкратьева комитет министров стал на ту точку зрения, что горное производство, «как необходимая и знатная отрасль внутренней и внешней торговли», должно быть поддерживаемо, а потому мысль о возвращении крестьян в деревню была отвергнута, «по крайнему недостатку в людях» на заводах.

Экзекуция.

Губернатор частным образом узнал, что на Холуницких заводах готовится экзекуция над крестьянами, для чего заводской исправник вытребовал на завод слободской земский суд, а вместе с тем обратился в вятскую городскую полицию за катом. Губернатор заволновался. Ему было известно содержание доклада Панкратьева, столь чутко отнесшегося к печальной доле крестьян, к тому же губернатор получил предписание позаботиться об улучшении их поло-

жения. Надеясь предотвратить не только самую экзекуцию, но даже оглашение судебного приговора, он немедленно отправил на завод находившегося в Вятке слободского земского исправника с предписанием не подвергать крестьян наказанию до получения распоряжения от него, губернатора. Но когда слободской исправник прибыл на другой день на холуницкий завод, то оказалось, что уже были наказаны из числа приговоренных те шестнадцать крестьян, которые жили на холуницком заводе, так как слободской земский суд был вынужден поспешить на завод в виду угрозы заводского исправника, что он и без присутствия суда подвергнет крестьян наказанию. Лишь в день экзекуции губернатор получил от горного правления уведомление о приговоре, вынесенном вторым департаментом горного правления и утвержденном берг-инспектором; одновременно о приговоре известил губернатора заводский исправник, заявив, что, получив указ горного правления, он остановил работы заводов, дабы одних крестьян взять под стражу, а других под присмотр, вследствие чего на Чернохолуницком заводе уже не работают три дня; длить такое состояние нельзя, но и отпустить арестованных он не может, так как, зная об ожидающей их участи, они способны, впав в отчаяние, совершить злодеяние как над собою, так и над заводами. Губернатор оказался в затруднительном положении; у него не было никакого формального повода вмешаться в дело, так как оно было подсудно горному правлению, которому в таких случаях были обязаны подчиняться местные судебные установления. Губернатору пришлось приказать довести экзекуцию до конца.

Главными виновниками буйства были признаны двое старост, которые внушали крестьянам, что их переводят на заводы вопреки закону 1802 г., и трое ходоков, разглашавшие, будто их ходатайство было высочайше удовлетворено, и еще один крестьянин, склонивший некоторых других к побегу с завода; их приговорили к наказанию кнутом и ссылке в Нерчинские каторжные работы (с вырезанием ноздрей и наложением клейма), но двое из них, в том числе Петров, столь потрудившийся для спасения своих односельчан, бывшие в бегах, подлежали преданию суду, когда будут пойманы; что касается прочих, то, принимая во внимание, что они не были вожаками и что нельзя лишать заводы людей, суд применил к ним меньшую кару: 34 человека, в возрасте от 40 до 70 лет, наказать тридцатью ударами плетью; 20 человек, в возрасте от 30 до 40 лет, двадцатью-пятью ударами батожьем; 23 человека, в возрасте от 20 до 30 лет, тридцатью-пятью ударами палками; крестьян, включенных в последние три отделения, наказать не всех, а третьего по жребию.

Комитет министров был потрясен описанной экзекуцией. Он решил (1 декабря) довести обо всем до сведения государя, а председатель комитета предложил на будущее время, чтобы по делам, по которым к наказанию присуждается много людей, приговоры приводились в исполнение не прежде, как сенат рассмотрит дело, а министр юстиции испросит высочайшее повеление на исполнение приговора. Государь повелел сенату сделать надлежащее распоряжение.

Положение рабочих на Яковлевских заводах.

Губернатор представил подробный доклад (26 ноября 1817 г.) о положении вятских крестьян на заводах, причем коснулся и прочих рабочих на Яковлевских заводах. Из числа вятских крестьян только четыре семейства получили денежный заработок за первый год пребывания на заводе, причем не более 33 рублей на семью, но на 55 семействах накопились долги заводской конторе, достигшие у одного семейства до 228 рублей; долги числились и на старых рабочих; из крепостных крестьян, поселенных на заводах ранее вятских крестьян, 111 семейств имели заработок, достигший у некоторых до 154 р. (максимум), а 106 вошли в долги, причем у иных долг возрос до 139 р.; из государственных крестьян, издавна живших на заводе, 84 семейства имели заработок (максимум 153 р. на семью), а 109 семейств впали в долги, доходившие у некоторых до 159 руб. Эти цифры являлись разницей между суммой, причитавшейся рабочему за выполненный труд, и тем, что рабочие брали в конторе с'естными припасами и одеждой, а изредка и наличными деньгами. Контора об'ясняла слабый заработок одних рабочих и задолженность других тем, что вятские крестьяне не хотели работать, надеясь вернуться домой, а некоторые из них были в бегах, между тем как контора выдавала продукты их семьям; долги же старых мастеровых происходят от неприлежания, от пьянства, недозволенных отлучек, а также благодаря случаям смерти кормильца семьи, долговременной болезни, когда на семьях накопляются долги за выдаваемые им припасы и одежду. Губернатор был склонен удовольствоваться внешней правильностью счетов, а потому он, например, не остановился подробнее на вопросе о ценах, по которым рабочим отпускались продукты и одежда; но выраженное свыше желание, чтобы рабочие помимо пропитания и одежды имели также деньги, заставило губернатора критически отнестись к слабому заработку одних и к задолженности других рабочих, и набросать проект тех изменений, которые должны быть внесены в способы расплаты с рабочими, установленные конторой (напр., отменить вычет за продовольствие во время болезни). Затем губернатор произвел расчет между конторой и вятскими крестьянами по ликвидации их имущества; крестьянам следовало уплатить 20809 рублей. Но в конторе не оказалось всей суммы, а потому им уплатили только 5900 р.; на остальную сумму каждому крестьянину была выдана соответствующая расписка конторы.

Эпилог.

Доклад губернатора о выработанных им правилах был заслушан комитетом министров, и дело на этом остановилось. Только два с половиною года спустя вновь назначенный на пост министра внутренних дел В. Кочубей освежил дело. Он запросил губернатора (7 июня 1820 г.), не следует ли внести изменения в его правила и роздал ли Яковлев крестьянам их собственные деньги?

Губернатор отправился на завод, но не для того, чтобы проверить требуют ли предложенные им правила изменений, а чтобы побеседовать

с заводчиком. Губернатор узнал, что горное правление самостоятельно собирает сведения об оплате труда рабочих для представления в особую комиссию, учрежденную комитетом министров. Что касается собственных денег крестьян, то оказалось, что, игнорируя высочайшее повеление, Яковлев в течение трех лет не роздал их, мотивируя это тем, что крестьяне, плохо работая, покушаются целыми десятками к побегу, а другие проматывают деньги, а потому, мол, в целях предотвращения побегов и мотовства, Яковлев не отдал денег крестьянам. Только теперь, по требованию губернатора, был произведен расчет. Получив об этом донесение губернатора, Кочубей предложил комитету министров об'явить Яковлеву через губернское начальство, чтобы он не смел в будущем повторять нечто подобное, что он должен в положенные сроки и полностью выдавать крестьянам припасы и деньги, в противном случае его заводы будут взяты в опеку, а он сам предан суду. Вместе с тем Кочубей указал на необходимость передать выработанные губернатором правила министру финансов, которому поручено совместно с государственным советом составить правила к улучшению положения крестьян, приписанных к заводам. Комитет министров одобрил эти предложения и довел о них до сведения государя (14 июня 1821 г.). И все же дело не двинулось вперед. Шесть лет спустя, покидая должность государственного секретаря, Оленин сообщил (20 мая 1827 г.) своему преемнику, что, разбирая бумаги, накопившиеся за 15 лет, он нашел дело о переселении крестьян, которое остановилось в своем движении в виду того, что оно было поставлено в связь с вопросом о продаже крестьян одиночками и без земли, а этот вопрос не был разрешен из-за того, что члены государственного совета не представили своих мнений.

Когда же, наконец, в 1829 г. государственный совет обсудил вопрос о продаже крестьян врознь и без земли, то, желая затянуть дело, он предложил образовать для рассмотрения вопроса особый комитет из лиц, назначенных государем, так как затрагивались права дворян на крепостных. Такой комитет был учрежден, и этим решение вопроса о заводских крестьянах было отложено.

Из очерка Юл. Гессена—Принудительное обращение помещичьих крестьян в горнозаводские рабочие („Архив истории труда в России", кн. 1).

30. Из письма заводчика Яковлева к его приказчику (1815 г.).

Купив крестьян для перевода их на свои далекие заводы, Яковлев чрезвычайно торопил переселение, не считаясь с тяжелыми переживаниями крестьян, которые должны были покинуть насиженные места, свое сельское хозяйство и привычный труд, чтобы перейти в далекий край для тяжкой работы, лишившись почти всего своего имущества[1]). Недовольный нераспорядительностью приказчика, заподозрив его в покровительстве крестьянам из личной корысти (хотя в действительности приказчик сильно угнетал крестьян), он послал ему грозное письмо, в котором, между прочим, говорилось:

Душевно скорблю, что за дальним расстоянием не имею столько силы и власти, чтобы сию минуту быть бы мне так близко возле тебя, чтобы руки мои на голове твоей не оставили ни одного волоса, а спину твою сделали мягче брюха... Скажи мне, изверг человечества, какой имеешь ты в голове гнусный план против меня, что в течение шести недель не можешь ты купленных мною крестьян на заводы перевести?.. Предписываю тебе, что если ты хочешь поберечь своей головы, чтобы она не была поставлена в станок, то с получением сей эстафеты купленных мною крестьян, руководствуясь посланным к тебе наставлением в рассуждении которых оставить следует, всех до единого на заводы отправляй...

Сборник „Столетие Вятской губернии", т. II (1881 г.), в главе „Волнения между крестьянами, купленными заводчиком Яковлевым и т. д.".

31. Бунт на Купавинских фабриках.

В 1803 г. казенные Купавинские суконные и шелковые фабрики (в Московской губернии) были отданы в потомственное владение князю Н. Б. Юсупову. А в 1833 г. Юсупов передал свои права московским купцам Петру и Илье Бабкиным. Вслед затем среди рабочих начались волнения.

Первые недоразумения между Бабкиными и рабочими начались из за хлеба, цены на который, вследствие неурожая, поднялись высоко. Фабричные, не занимавшиеся хлебопашеством, питались покупным хлебом, забирая его под работу в лавке Бабкиных и, благодаря низким расценкам заработной платы, не выходили у них из долгу (по показанию самих Бабкиных, данному ими впоследствии военно-полевому суду, фабричные задолжали им до 40 т. руб. на ассигнации). Бабкины систематически повышали цену на отпускаемый рабочим хлеб, а расценки на труд оставляли старые. Наконец, в самый разгар повышения хлебных цен, Бабкины об'явили рабочим, что хлеб из фабричной лавки будет отпу-

---

[1]) См. выше № 29.

скаться только по мере заработка; иными словами, население в несколько тысяч душ обрекалось на голодное существование, причем Бабкины отказывались выдавать паек и неспособным к труду. Фабричные заволновались.

28 июля 1834 г., собравшись перед домом Бабкиных, фабричные потребовали выдачи провианта на август, так как июльский срок был уже с'еден.

— Что вы, с голоду хотите уморить?—кричали рабочие.

Ткач Родион Пешников, обратившись к Илье Бабкину, сурово спросил его:

— Кто ты? Наш помещик, али владелец? Почему нас имеешь, покажи указ!

— Да, да! Покажи указ!—потребовала толпа.

О начавшихся волнениях Бабкины известили богородского исправника Евреинова. Исправник, прибыв в Купавну, приказал сотскому Чуркину арестовать Пешникова.

Сотский передал собравшимся рабочим распоряжение исправника и спросил:

— Что делать?

— Не смей трогать Пешникова!—закричали из толпы,—а то голову оторвем.

— Ладно,—согласился сотский.—Как мир указал, так и будет.

Сотский не исполнил приказания Евреинова, и Пешников только 4-го августа был арестован в Купавне дворянским заседателем Говеманом, отправившим его под присмотром того же сотского в г. Богородск. Но фабричные, узнав об аресте товарища, догнали арестованного по дороге и приказали сотскому освободить его, что тот и сделал.

Когда же исправник потребовал к допросу в Богородск, как зачинщиков, троих рабочих, «оказавших буйство» заседателю Говеману, то все фабричные, собравшись толпою изо всех корпусов, бросились к исправнику с криками:

— Не дадим людей!

— Допрашивай ежели хочешь, в Купавне, при народе.

— У нас нет зачинщиков. Мы все зачинщики!

— Брать, так бери всех.

Евреинов, выехав из Купавны, доложил о беспорядках московскому гражданскому губернатору Небольсину, а последний—военному генерал-губернатору кн. Д. В. Голицыну. По докладу Евреинова, волнения в Купавне представлялись в высшей степени опасными для общественного спокойствия, почему князь Голицын, командировав в Купавну советника губернского правления Васильчикова,—на которого возлагалось выяснение мотивов волнения и умиротворение рабочих,—на всякий случай потребовал поставить в Купавне на экзекуцию 4-й батальон Тарутинского егерского полка. Между прочим, в этом батальоне находился известный поэт унтер-офицер А. И. Полежаев.

Прибыв в Купавну вместе с батальоном, Васильчиков, следуя данной ему инструкции, арестовал 8 человек «зачинщиков» и потребовал от фабричных, чтобы они дали подписку в повиновении их законным владельцам.—«Но при всех моих убеждениях,—писал Васильчиков в рапорте кн. Голицыну,—они не согласились, а изустно единогласно об'явили совершенную покорность».

Между прочим, Васильчиков писал: «Общего своеволия в мастеровых и возмутительного духа я не заметил. Один голос фабричных был: недостаток хлеба. Все на сходке с кротостью, со слезами, единодушно об'явили, что пред каждой выдачей провианта, производимой два раза в месяц, они по нескольку дней остаются без хлеба, ибо семейные по низким задельным ценам и высоким на жизненные припасы не могут заработать себе даже и на пропитание».

Ссылка фабричных на низкую задельную плату подкреплялась представленною Васильчиковым «Сравнительной ведомостью» на задельные платы, получаемые рабочими на соседних с Купавною фабриках купца Турубаева в сельце Чудинках, где расценки труда были действительно выше расценок на Купавинских фабриках.

Князь Голицын командировал в Купавну гражданского губернатора Небольсина, но и он имел не больше успеха, чем Васильчиков. Фабричные упорно отказывались дать требуемую от них подписку и стояли на одном, что они повиновались и повинуются своим владельцам и мастерам, а просят лишь об одном, чтобы их не морили голодом. При этом Небольсину удалось выяснить, что Бабкины отпускали людей,—музыкантов, живописцев, певцов и пр.,—как полновластные помещики своих крестьян—на оброк от 50 до 100 р. с души, хотя по смыслу положения о правах владельцев поссессионных фабрик делать этого они не имели права.

После доклада Небольсина, в виду упорства фабричных, не желавших дать требуемую от них подписку, кн. Голицын назначил над ними военно-полевой суд, который и собрался в Купавне в сентябре, избрав для заседаний, за недостатком просторных помещений, открытую степь.

Пред судом предстало 243 человека. Все они обвинялись в отказе дать подписку, а затем, в частности, в составлении сходок в лесу, на которых были избраны: в головы—прядильщик Епифанов, в земские—его сын Яков, пятеро старшин, сотский, сборщик денег и доверенный—для подачи прошения на высочайшее имя. Обвинялись также фабричные в том, что на этих сходках сделали «заручные записи, чтобы всем миром стоять друг за друга накрепко».

На рассмотрении суда находилось и всеподданнейшее прошение фабричных, переданное генерал-ад'ютантом Бенкендорфом на заключение князя Голицына. Но, к сожалению, это прошение, на которое фабричные ожидали ответа, явилось для них на суде не защитою, а скорее обстоятельством, усугублявшим их ответственность перед судом.

— Еще смели государю жаловаться!—ворчали судьи.—Вот всыпят, так узнаете, как жаловаться.

Суд решил дело быстро, приговорив: «Наказать кнутом через заплечного мастера на месте жительства в с. Купавне, в присутствии остальных фабричных: Пешникова 15-ю ударами, Епифанова и Лесникова—10-ю ударами, а потом сослать в каторжные работы; из 20 человек десятого, по жребию, наказать также кнутом через заплечного мастера и, кому достанется жребий, дать каждому, имеющему до 40 лет, по 15 ударов, до 60 лет—по 10 ударов, до 69 лет—по 5 ударов, а свыше оных лет—оставить без наказания и, заклепав в кандалы, сослать в каторжные работы. Затем, за исключением 14 человек, оказавшихся малолетними, 210 человек наказать по жребию, десятого, коих выходило 21 человек, через заплечного мастера плетьми и, кому достанется жребий наказания, дав каждому, имеющему до 40 лет—20 ударов, до 60 лет—15, до 69 лет—10, а свыше оных лет оставя без наказания, вместе с наказанными сослать в Сибирь. 14 малолетних, сотского Чуркина и трех женщин наказать через нижних полицейских чинов розгами по двадцати пяти ударов. Сотского Чуркина из службы исключить.

Суровый приговор суда, по рассказам купавинских старожилов, сохранивших воспоминания отцов и дедов, произвел на купавинцев подавляющее впечатление и был встречен истерическими воплями и плачем детей. Обезумевшие от горя женщины лезли прямо на штыки солдат.

— Царю жалились!—вопили они.—И еще будем жалиться!

— Что-же мы? Душегубы, что ли, чтоб нас кнутом били да в Сибирь ссылали!

— Вот, они где, душегубы-то!—указывали женщины солдатам на дом Бабкиных.—Их надо стегать, а не нас.

Осужденные же выслушали приговор молча.

Приговор представили на конфирмацию кн. Голицына. Суд ожидал, что он конфирмирует его в полном об'еме. Однако, образованная для рассмотрения приговора специальная комиссия под председательством кн. Голицына нашла «меру наказания свыше вины фабричных» и постановила: наказать плетьми лишь шестерых, из них двух сослать на поселение в Сибирь, а четверых «представить г. министру финансов устранить их на другую фабрику; сотского же Чуркина наказать розгами при полиции и, как неблагонадежного, от должности удалить; затем, прочим приговоренным военным судом к наказанию сделать внушение, что требование их о прибавке платы за работу и вообще об улучшении их благостояния передано рассмотрению установленного на то правительства, до разрешения же оного и издания нового положения они должны производить работы за ту плату, какая была им производима по существующему положению».

Таким образом, приговор военно-полевого суда, хотя и не в полном об'еме, был конфирмован, но в виду того, что фабричные подали прошение на высочайшее имя, кн. Голицын затруднился дать санкцию на приведение его в исполнение, так как виновность «шестерых» для некоторых членов комиссии, рассматривавшей приговор, казалась сомнительной. Кн. Голицын запросил министра внутренних дел графа Блудова, как ему

поступить, и получил ответ, что «решению военного суда должен быть дан на основании законов скорый ход».

Кн. Голицын распорядился отправить в Купавну заплечного мастера и находившихся в тюрьме шестерых купавинских мастеровых. Приговор был приведен в исполнение 11-го ноября 1834 г. Это была так называемая «торговая казнь». Такие казни в то время часто совершались в Москве, на Лобном месте, и на площадках в уездных городах, собирая толпы народа.

Один из купавинских старожилов, представитель столетнего рода ткачей, хорошо удержавший в памяти воспоминания отца, так рассказывал мне об этом событии:

— Сначала освободили всех в Купавне и оставили в остроге только шестерых. Полковник сказал, что их привезут в Купавну и будут наказывать через палача. Чтобы палач не застегал их до смерти,—мы решили подкупить его. Собрали двести рублей и отправили в Москву двоих уполномоченных. Пришли они к палачу, обсказали ему: так, мол, и так, возьми деньги, пожалей мужиков. Взял, разумеется. «Для кого, говорит, мой кнут—нож, а для них будет шелковый». Вот, привезли их, всех шестерых, на черных телегах, в арестантских халатах. Народу собралось в Купавну со всего уезда видимо-невидимо. Кругом войска. А палач уже ждет их. В красной рубахе, в плисовых штанах, в руке—кнут Вот, начал он хлыстать их на кобыле. Люди были крепкие, да и палач сдерживал удары. Пятеро сами сошли с кобылы, а шестой сдал. Слабый он был, да и побили его в остроге. Может, палач и не дюже шибко стегал, а ему и то было не в мочь. Он не вытерпел и крикнул палачу: «Пес, креста на тебе нету!» Палач от этой брани рассвирепел, даже зубами скрипнул, да как вдарит его со всего плеча. «Ожгу!—кричит.—Берегись!» Парень-то сразу и замолк. Замертво с кобылы сняли. Так от этого удара и помер в остроге, бедняга.

По поводу отправки осужденных в Сибирь между кн. Голицыным и генерал-губернатором Восточной Сибири началась длительная переписка относительно помещения четырех осужденных на каторжную Тельминскую фабрику в Иркутской губернии, рекомендованную графом Канкриным.

Ссылаемые просили кн. Голицына о разрешении следовать за ними их женам и детям. На их прошении князь положил резолюцию: «Исполнить просьбу сию». Но кн. Голицын был мало сведущ в законах, их раз'яснениях и дополнениях. Прочитав резолюцию князя, законники генерал-губернаторский канцелярии пришли в ужас. Канцелярия доложила князю, что вместе с родителями, ссылаемыми в Сибирь на поселение по судебным приговорам, а не по воле помещиков, законом постановлено отправлять детей мужского пола до 5 лет, а женского — до 10 лет; о тех же, кои отправляются в Сибирь по приговорам судебных мест, постановлений никаких нет. Что же касается женщин, то закон запрещает разлучать их с мужьями, если на следование с мужьями будут согласны. Князь, приостановив исполнение резолюции, затребовал от богородского

исправника Евреинова сведения о согласии жен осужденных следовать за мужьями в Сибирь и о летах детей. Евреинов донес, что жены согласны следовать за мужьями, даже сами просят об этом, но с детьми, детей же в семьях осужденных, в возрасте от одного года до 27 лет, оказалось 24.

Однако, граф Канкрин воспретил отправить взрослых детей, ссылаясь на то, что эта ссылка нанесет ущерб фабричному делу. Наконец, 13 сентября 1835 г. кн. Голицын предписал губернскому правлению: «отправить с ссылаемыми жен их и тех из малолетних детей, кои еще не употреблялись на фабрике в работы, тех же, кои достигли совершеннолетия, оставить на фабрике»[1]).

А. Дунин, Бунт в Купавне („Наша Старина", 1917 г., выпуск 1).

32. Характеристика рабочего законодательства.

I.

Принудительный труд.

Первая четверть 19 века.

В 1800 г. главный директор горных дел выдвигает проект замены приписных крестьян *непременными* работниками, указывая, между прочим, на следующие выгоды от такого рода замены: «Работы, производимые людьми безотлучными и привычными, пойдут успешнее» и «заводы, наполненные непременными работниками, будут иметь все средства приготовлять потребные запасы в удобное время, следственно с вящею для казны выгодою». Дальнейшее обсуждение вопроса выяснило созревшую необходимость покончить с системой массового прикрепления крестьян к заводам. Главные горные начальники в поданном ими мнении прямо заявляют, что «приписные крестьяне составляют главное затруднение для горного начальства», так как последнее, вместо того, чтобы заниматься непосредственно заводскими делами, должно заботиться о приписных крестьянах «вместо попечения о тысяче работников, кои могли бы заменить на заводе почти 20 тысяч приписных крестьян, ныне обязано иметь надзор за множеством волостей, рассеянных на великом пространстве»... Обер-гауптман Герман также полагает, что замена приписных непременными работниками «для заводов будет весьма полезна, особливо потому, что она обеспечит заводы во всех частях; работы будут совершеннее; горное начальство, избавившись от затруднительного управления крестьянами и других многих неудобств, беспрепятственно обратит все внимание свое на благоустройство заводов». Наконец, и министры финансов и внутр. дел, «убеждаясь столь сильными доводами, а паче того неопровергаемой истиной, что один непременный работник заменит 20 человек приписных и что набранные, имея постоянное пребывание при заводах, не будут отвлекаемы от жилищ своих и хозяйства, и следственно

---

[1]) По просьбе известного филантропа доктора Гааза двое из осужденных были освобождены от ссылки.

получат лучший жребий, — признали укомплектование заводов непременными работниками полезным и нужным»[1]).

Таким образом, массовая приписка крестьян оказалась обузой для заводов и тормозом повышения производительности труда. Поскольку не созрела возможность радикального лечения недугов промышленности путем замены принудительного труда вольнонаемным, — оставалась необходимость попытаться повысить производительность принудительного труда отказом от массовой приписки и отбором и приучением к работе непременных работников. Волнения приписных крестьян вскрыли зло и заставили обратить на него внимание...

Когда в 1806 г. возник вопрос, оставить ли Банковские Богословские медно-плавильные заводы за казной или сдать их частным лицам, выяснилась необходимость повысить производительность заводов... Проектируя увеличение числа рабочих, начальник завода Томилов, однако, этим не довольствуется и предлагает установить непрерывную работу тремя сменами; каждая смена одну неделю работает днем, другую—ночью, третью—отдыхает, но зато «в числе рабочих недель она не имеет уже никаких праздников»... В результате последовал указ: «Тройную смену мастеровых и рабочих людей на предположенном основании по тем работам, в которых она горными начальниками признана будет нужною, утвердить и ввести не только на Банковских, но и на прочих заводах, когда удобность к тому найдется и число людей дозволит»...

Такими же мотивами продиктовано было издание для отдельных заводов «Положений», которыми, между прочим, определялись условия работы. Так, в докладе министра морских дел об устройстве Ижорского завода указывается, что в виду «обширного круга заводских работ предстоит надобность: в назначении достаточного для производства их числа людей, изобретения способов для поощрения их к трудолюбию и всевозможному преуспеванию в искусствах и ремеслах, им принадлежащих». Для поощрения мастеров и подмастерьев, закон предоставляет первым иметь четырех учеников и вторым—трех, причем «все труды и выработки» этих учеников обращаются в «совершенную» их пользу. Вместе с тем закон заключает в себе и ряд других положений, определяющих условия труда. Продолжительность рабочего времени определяется в 12 часов («работу производить по 12 часов в сутки»), устанавливается праздничный и воскресный отдых, с допущением, однако, в эти дни спешных работ при дополнительной плате (мастеровым 10 к., подмастерьям 15 к. и мастерам 20 к. в день). Провиант мастеровым полагается в количестве: муки по 3 пуда и круп по 2 гарнца, малолетним по пониженной норме. При этом, если мастеровой будет просить об отпуске муки сверх положенного, то мука должна выдаваться ему по себестоимости, с вычесом из заработной платы. На случай болезни, а также для того, чтобы «отнят был бы всякой повод у склонных к праздности и лености облыжно сказывать себя больными»,

[1]) См. ниже, № 33.

при заводе должен быть лазарет. Семье больного, кроме провианта, должно быть выдано пособие из заводской суммы. Престарелым, увечным и страдающим неизлечимыми болезнями «в награду за беспорочную службу» полагается пенсия. Оставшимся после смерти «каждого из принадлежащих к ремесленной части завода» вдовам и малолетним детям должно быть выдано содержание по определению начальства.

Аналогичные постановления содержатся, с теми или иными изменениями, и в некоторых других Положениях об устройстве отдельных заводов. Так, положение об отдаче в потомственное владение кн. Юсупову казенной шелковой Купавинской фабрики[1]) требует, чтобы вместо 13 часов работы «назначить впредь по 12 только, и более сего времени отнюдь не требовать, чтобы фабричные работали». Заработная плата должна выдаваться в том же размере, что раньше, но со следующей, весьма существенной оговоркой: «Плата сия должна со временем при возвышении цен на жизненные припасы возвыситься; и для того постановляется, что если через 10 лет задельная плата окажется не соответственной ценам хлеба и прочим вещам, к продовольствию нужным, каковые тогда быть могут, то сколько процентов составлять будет в сложности 10 лет, возвышение тех цен против нынешних, столько же прибавить должно и к задельной плате, держася сего правила и на предбудущее время, по истечении каждых 10 лет». Иначе говоря, предусматривалось повышение платы в соответствии с «прожиточным минимумом», но только через каждые десять лет. Далее новому владельцу фабрики предписывалось, в виду того, что работники «не производят хлебопашества и питаются одною работою на фабрике», обеспечить фабрику сырьем, в противном случае он должен платить рабочим за прогул. Муку и крупу предоставляется подряжать самим фабричным с тем, чтобы вычеты делались из заработной платы; если же фабрикант найдет «лучшие способы» продовольствия рабочих, то он может применить их, но «чтобы на то была и собственная фабричных воля». Наконец, всем, кто за старостью, болезнью и малолетством работать не могут и не имеют пропитания, фабрикант «должен определить пристойное богаделенское содержание, не допуская их отнюдь до того, чтобы по миру ходили для испрашения милостыни». На фабрике лежит также забота о больных «как в рассуждении их содержания, так и пользования».

Положение о Сестрорецком оружейном заводе по вопросу о продолжительности рабочего времени гласит: «Работа производится ежедневно, кроме табельных и воскресных дней и одной недели для говенья, распределяя часы по усмотрению командира так, чтобы в сутки работали от 10 до 11 часов; в случае экстренных работ, «особый артиллерийский департамент по заводу» разрешает прибавку рабочих дней, по представлению командира завода «с ясным изложением необходимой надобности в сей прибавке». Командир завода «обязан наблюдать, чтобы домашнее состояние всех заводских людей не токмо не приходило в упадок, но,

[1]) См. выше, № 31.

напротив того, обязан всеми мерами стараться, чтобы хозяйственные их обороты год от году, умножаясь посредством трудолюбия и промышленности, улучшали собственное их состояние и сделали всех их исправными и надежными мастеровыми и работными людьми».

Изданное одновременно Положение о Тульском оружейном заводе также предусматривает продолжительность рабочего дня в 10—11 часов.

Законодательство этого периода первой четверти 19 века, как видим, воспринимает некоторые совершенно новые начала: продолжительность рабочего времени устанавливается в 12 и даже в 10—11 часов в сутки, признается принцип повышения платы в зависимости от вздорожания жизни, лечебная помощь, выдача пособий на случай потери трудоспособности и т. п

Вторая четверть 19 века.

С одной стороны, все увеличивавшееся применение вольнонаемного труда ставило по необходимости на очередь регулирование отношений между предпринимателями и рабочими. С другой стороны, условия, при которых воцарился Николай I—восстание декабристов—определили длительную полосу внутренней реакции. На волнения крестьян и рабочих устанавливается сугубо полицейская точка зрения, единственной и главной задачей является подавление всякого движения, всякой оппозиции, всякого намека на общественную самодеятельность. «Россия предана была в жертву преторианцам,—пишет об этом времени в своих воспоминаниях известный историк Соловьев,—военный человек, как палка, как привыкший не рассуждать, но исполнять, и способный приучать других к исполнению без рассуждений, считался лучшим, самым способным начальником везде... Фрунтовики воссели на всех правительственных местах, и с ними воцарилось невежество, произвол, грабительство, всевозможные беспорядки». В этой общей системе законодательство о фабрично-заводском труде не составляло, конечно, исключения.

Характерно, прежде всего, что «Положения» об отдельных заводах, вновь издаваемые, говорят больше о форме для рабочих, о разного сорта «галунах», чем об условиях работы, а, если говорят о последних, то по новому. Так, например, Положение для управления Тельминской казенной суконной фабрикой говорит уже не о 12-ти часовом рабочем дне, а о том, что рабочие «должны заниматься не менее 12 часов, т. е. 7 часов до полудня и 5 часов после полудня». В воскресенье и праздничные дни работа не производится; кроме того, рабочим дается два летних месяца для вольных или собственных работ, но «без содержания от фабрики». Дети всех фабричных с 10-летнего возраста «употребляются к занятиям, силам их свойственным», а с 15 лет зачисляются в комплект. Все рабочие, «как обыватели фабрики, состоят в полном заведывании полиции, подвергаются в маловажных делах ее разбирательству». За дурное поведение, маловажные проступки или «по мастерству порчу» рабочие наказываются в первый раз 25 лозами, во второй раз вдвое, убыток удерживается из платы; за побег полагается 50 лоз, причем при повторных по-

бегах наказание увеличивается, а за побег в четвертый раз следует ссылка на Нерчинские заводы. Положение предусмотрительно оговаривает, что так как богадельни учреждаются собственно для выгод рабочих, то из заработной платы полагается вычет по копейке с рубля в пользу богадельни. Рабочие должны находиться при фабрике без срока: «при необременительности занятий на фабрике—поясняет Положение—они употребляются к оным дотоле, пока телесные силы будут тому соответствовать». Только в 1846 г. срок пребывания рабочих на этой фабрике был сокращен до 20 лет, а малолетние должны были поступать в комплект с 18 лет...

Еще более определенно-твердый курс был взят по отношению к горным заводам, которые и раньше переводились на военное положение. Так, по «учреждению» об управлении Колывано-Воскресенскими горными заводами, изданному в 1828 г., «мастеровые содержатся в порядке и повиновении по воинскому уставу», разделяются на «команды», из которых каждая находится в заведывании горного офицера. За нарушение порядка, как и за все прочие преступления, мастеровые подлежат военному суду. Дети с 12 летнего возраста назначаются на легкие работы, а до этого возраста отдаются в заводские школы, но отец может их обучать и дома.

«Мастеровые, назначенные к работам горным в рудниках и плавильным в заводах, продолжают оные две недели сряду, не исключая воскресных и праздничных дней, а на третью неделю от всяких работ освобождаются»—так разрешался вопрос о непрерывной работе, без определения смен и продолжительности рабочего дня. Прочие работы в воскресные и праздничные дни не производятся. Все работы вообще происходят под надзором офицера. При назначении жалованья закон предписывает «сообразоваться с местными ценами на жизненные потребности» и, соответственно изменению их, пересматривать оклады. При каждом заводе должен быть госпиталь и богадельня для призрения бедных.

При пересмотре в 1847 г. Горного Положения последовало обобщение «милитаризации» принудительного труда на казенных заводах. По закону 1847 г., мастеровые, подмастерья, цеховые ученики и урочные рабочие (непременные работники), как причисленные «к сословию рабочих», «сравниваются с рядовыми военной службы». Дети мужского пола разделяются на малолетних (до 15 лет) и подростков (от 15 до 18 лет). Они «принадлежат заводскому ведомству» и с 8 лет поступают в заводские школы. Подростки с 15 лет определяются на работы, «возрасту их приличные»; малолетние могут употребляться в работу в случае нужды «с тем, однакож, чтобы работа сия была легкая, дневная и продолжалась не более 8 часов в сутки». За исключением уставщиков, мастеров, межевщиков и пробирщиков, все прочие рабочие от телесного наказания не освобождаются. В случае болезни, рабочие получают лечение в госпитале, но с удержанием за время болезни половины их жалованья.

Если раньше исчезали из законодательства указания на продолжительность рабочего дня и на повышение заработной платы в связи с ростом цен на жизненные припасы, то теперь исчезли и указания на

пенсии, назначаемые за увечье или за неизлечимую болезнь. По закону 1847 года, мастеровые, получившие увечье или «потерявшие от тягости казенных работ силы», если они при этом прослужили не менее 25 лет, определяются на легкие работы до выслуги сроков на пенсию, а совсем неспособные к работе, определяются в богадельни.

М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, т. I (1924), стр. 137 и след., 145 и след.

II.

Вольнонаемный труд.

Закон 1835 г.

Закон 24 мая 1835 г.—это первый закон, регулирующий отношения между капиталом и вольнонаемным трудом, закон, сохранявший силу в течение нескольких десятилетий [1]).

... Фабриканты, таким образом, добились, чего хотели. Помещики были лишены права отзывать своих крестьян до окончания срока найма, рабочие также не имели права уйти до истечения договорного срока, за фабрикантами же осталось право увольнять рабочих до срока с предупреждением за две недели и с уплатой только за прослуженное время. Остальные условия работы предоставлялись усмотрению хозяев, так что от их воли зависело и содержание тех правил, которые должны были быть вывешены в предприятии. В связи со всеми этими преимуществами не могла быть обременительной для фабрикантов обязанность вести книги для записи расчетов или выдавать рабочим расчетные листы, тем более, что требований этих можно было смело не соблюдать, так как наказания за несоблюдение этого правила закон не предусматривал.

Эта первая удача капитала показывала, что влияние его достаточно сильно, чтобы сказаться на содержании рабочего законодательства и определить его направление. Так и сложились обстоятельства на долгое время...

Закон 1845 г.

И вопрос о работе малолетних разрешился благополучно для фабрикантов. В 1844 г. на Вознесенской мануфактуре произошли крупные волнения рабочих, потребовавшие вмешательства военной силы. Московский губернатор в рапорте о состоянии губернии за 1844 год указал на «весьма отяготительные» для рабочих, особенно для малолетних, ночные работы. По резолюции Николая I на рапорте вопросом этим занялось министерство финансов, которое, в свою очередь, передало дело на обсуждение московского отделения Мануфактурного совета. Последний прежде всего установил, что «ночные работы производятся только на большей части бумагопрядильных и на немногих шерстопрядильных фабриках, которые существуют в Москве и ее губернии, пер-

1) Этот закон приводится ниже почти полностью, см. стр. 145—146.

вых—23, а последних—10, и на коих находится рабочих обоего пола малолетних от 2500 до 3 тысяч». Такое значительное число малолетных рабочих, повидимому, обратило на себя внимание Мануфактурного совета и для дальнейшего обсуждения вопроса, поднятого московским губернатором, совет пригласил «известнейших фабрикантов». Из числа последних два фабриканта, Лепешкин и Скуратов, представили совету следующее свое мнение: «1) Уничтожение на бумагопрядильных фабриках ночной работы нанесет равный вред как содержателям мануфактуры, так и рабочим; первым потому, что поставит их в необходимость работать только днем, или употреблять одних взрослых, а последним от того, что их лишат выгодной заработки. 2) На всех бумагопрядильных фабриках, где производится ночная работа, имеются две смены людей, которые занимаются работою в сутки не более 11 или $11^1/_2$ часов, сряду же—от $5^1/_2$ до $5^3/_4$ часов, после чего следует 6-ти часовой отдых; напротив того, на фабриках, имеющих одну смену, рабочие занимаются с 5 ч. утра до 8 часов вечера, т. е. около 15 часов, отдыхая только 1 или $1^1/_2$ часа во время работы; следовательно, предполагаемое вредное влияние ночной работы, ослабляемое привычкой, вполне вознаграждается сокращением рабочего времени и продолжительнейшим отдыхом. 3) Для вящего облегчения малолетних, производящих ночную работу, фабриканты могут распорядиться таким образом, чтобы детям, моложе 12 лет, не приходилось работать от полуночи до 6 часов утра».

Таким образом, московские фабриканты находили, что ночная работа легче дневной, потому что продолжительность ее меньше, и, под очевидным давлением власти, соглашались на запрещение работы детей по ночам лишь в промежутке от 12 час. ночи до 6 ч. утра. Мануфактурный совет, с своей стороны, подтвердил это мнение фабрикантов...

С таким заключением Мануфактурного совета согласились московский генерал-губернатор и министр финансов... С заявлением министра согласился комитет министров и мнение последнего, утвержденное 7 августа 1845 г., составило следующий закон: «Обязать подписками хозяев фабрик, на коих производится работа по ночам, чтобы они малолетних рабочих 12 лет и моложе не назначали в смену с полуночи до 6 ч. утра и наблюдение за сим предоставить местному начальству».

Таким образом, детям в возрасте до 12 лет ночная работа воспрещалась. Все это было бы хорошо, если бы закон этот издавался всерьез. Но этого-то и не было. Закон 7 августа 1845 года был напечатан в Полном Собрании Законов, но в Свод Законов, обязательный к исполнению, не попал и, таким образом, не только не применялся, но и впал, так сказать, в небытие: все последующие многочисленные комиссии, занимавшиеся вопросом о детском труде, не подозревали о его существовании... В чем разгадка такого небывалого происшествия? Конечно, в противодействии фабрикантов всякому ограничению эксплоатации детского труда...

В 1845 г. было издано новое уложение о наказаниях. Решительнее всего новое уложение откликнулось на рабочие волнения, приравняв фабриканта к правительственной власти: «В случае неповиновения фабрич-

ных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, оказанного целой артелью или толпой, виновные подвергаются наказаниям, определенным за восстание против властей, правительством установленных», а за восстание наказание полагалось от ареста до каторжных работ. Другая статья впервые устанавливает наказание за стачки рабочих: зачинщики— арест от 3 недель до 3 месяцев, прочие участники стачки—от 7 дней до 3 недель...

М. Балабанов, Очерки по истории рабочего класса в России, ч. 1 (1924.), стр. 150 и след.

„Тетрадь гр. Закревского".

... В 1850 году московский генерал-губернатор граф Закревский уведомил министра финансов, что «по случаю весьма многих жалоб, поступающих к нему от рабочих на фабрикантов за неправильный с ними расчет, а также по причине различной формы расчетных тетрадей, употребляемых на фабричных заведениях, и произвольных и несообразных с постановлениями условий найма, он признает необходимым, впредь до окончательного утверждения правил, определяющих взаимные отношения между фабрикантами и рабочими, установить единообразную форму расчетной тетради, экземпляр которой и доставил в министерство финансов».

Тетрадь эта обязывала рабочих являться на работу не позже 15 минут после звонка, под страхом штрафа в размере поденной платы. За прогул целого дня налагается штраф, равняющийся цене трех рабочих дней. Без разрешения хозяина или конторы рабочий не может отлучаться от работы под страхом штрафа. Рабочие, квартирующие в фабричных помещениях, обязаны в праздничные дни возвращаться летом не позже 10, а зимою—8 часов вечера, под страхом штрафа в размере поденного заработка в пользу бедных и больных рабочих. Без дозволения хозяина или конторы они не имеют права принимать у себя знакомых и родных для ночлега или на такой промежуток времени, который превосходит краткость обыкновенного свидания,—под страхом штрафа в размере 3-х дневной заработной платы. Этому штрафу подлежат также рабочие, у коих окажется на хранении чужое имущество, деньги и проч. Не дозволяется фабричным и мастеровым ходить со свечею вне заведения и в опасных местах без фонаря, а также курить табак и сигары ни во время работ, ни в застольных помещениях и на дворе фабрики, равно заводить кулачные бои и всякого рода вредные для других игры и шутки, игру в орлянку и в карты на деньги и на вещи, наконец, приносить в заведение вино и употреблять бранные и неприличные слова, под опасением взыскания, в пользу доказчика, 50 копеек серебром и наказания исправительного со стороны полиции. Рабочие и мастеровые обоего пола и всякого возраста должны ходить по воскресеньям и праздничным дням в церковь. Виновные в неисполнении сего подвергаются взысканию в пользу бедных и больных фабрики 10 коп. сер., а в пользу доказчика—5 копеек сер.

Эта расчетная тетрадь гр. Закревского распространилась широко за пределы Москвы и приобрела чуть не для всех русских фабрик силу непреложного закона. Когда в начале 80-х годов фабричные инспектора приподняли завесу тайны, прикрывавшую фабричные порядки,—они были поражены царившим там «диким произволом, бесчеловечной эксплоатацией и вопиющим самосудом» фабрикантов. Они не знали, что этот произвол, эксплоатация и самосуд были санкционированы правительственною властью. Курьезно то, что правила расчетной тетради гр. Закревского исполнялись несравненно строже, чем законы 1835 и 1845 годов. Статья закона о предупреждении рабочего, при его увольнении, за две недели не исполнялась почти ни на одном заводе или фабрике и была мало известна не только рабочим, но и фабрикантам. Штрафы взимались по самым разнообразным поводам—от рабочих требовалось беспрекословное повиновение: за неповиновение и ослушание, за неуважение, грубости, дерзости, за буйство, драку и ругань, за ложь, нечестное поведение и «худое качество», за несоблюдение чистоты и опрятности в жилых помещениях, за пение песен и непосещение в праздники церковной службы,—за все эти проступки рабочий подвергался штрафу.

С. Прокопович, К рабочему вопросу в России (Спб. 1905.), стр. 78—80.

33. Законодательные памятники.

I.

Приписные крестьяне.

Высочайше утвержденный доклад министра финансов: О наполнении горных заводов хребта Уральского мастеровыми и рабочими людьми, также непременными работниками взамен приписных к оным крестьян (1807 г.).

(Положение для непременных работников).

1) Непременные работники при заводах казенных и частных не делают никакого особенного состояния, но суть точно такие же мастеровые и рабочие люди, как и прочие служащие казенные люди при заводах казенных и как вечно отданные к заводам при заводах частных. Они несут на себе те же повинности, как и сии последние, и пользуются всеми теми правами, какие предоставлены вышеозначенным мастеровым и рабочим людям.

2) В непременные работники определяются люди здорового сложения и довольно крепкие. Малосильные, увечные, престарелые и малолетние не могут быть употреблены к сим работам. Но к возке руд малолетний, по согласию или по просьбе отца или родственника, может и должен определен быть с тем содержанием, какое положено непременному работнику.

3) Дети непременных работников принадлежат заводам и употребляются в работы и должности при оных, как дети прочих мастеровых и рабочих людей.

4) Все непременные работники при заводах казенных свободны от всех государственных повинностей так, как и прочие мастеровые и рабочие люди при оных. Но за непременных работников при частных заводах платят сами заводчики государственные подати сколько следует так, как они ныне платят за вечноотданных...

5) Непременные работники разделяются на пеших и конных. Пешие занимаются рубкою дров, сжением куч и всеми другими заводскими работами надворными и по мастерствам заводским. Конные же возят руду, уголь, флюсы, пески и другие нужные для завода вещи и припасы...

10) Если заводчик не будет иметь надобности в непременных работниках и не хочет их содержать, то об'являет о сем Горному Правлению, а сие переводит их на те казенные заводы, которые имеют в них надобность...

11) Относительно полиции, суда и расправы, так как и взыскания работ с непременных работников, их подчиненности и вообще относительно порядка по службе, они подвергаются всем тем узаконениям, заводским постановлениям, учреждениям и распоряжениям местных начальств, как и прочие мастеровые и рабочие люди при заводах казенных и как вечно отданные при заводах частных людей.

12) При заводах частных людей в особенности замечается, что непременные работники во всяком отношении зависят от заводчиков и их поверенных точно так, как и прочие казенные мастеровые и рабочие люди, вечно отданные заводам...

15) Все непременные работники при каждом заводе разделяются на сотни и десятки. Каждая сотня имеет своего сотника, а десяток десятника, все же общество одного старшину для пеших и одного старшину для конных непременных работников.

16) Старшины, сотники и десятники непременных работников избираются ежегодно: для пеших—в январе и феврале, а для конных—в апреле и мае. Выбор людей в сии звания предоставляется самим непременным работникам.

17) Старшины утверждаются Горным Начальником, а десятники и сотники управителем заводским [1]), при заводах казенных; при заводах же частных людей утверждение тех и других зависит от заводчика или его поверенного. При сем выборе непременные работники представляют 2 человека для каждого звания, дабы утверждающие их в оных могли определить того или другого.

18) Старшины из'емлются от всех работ; за сотников полагаемое на них количество работ исправляет все общество, но десятники должны исправлять оные на ряду с прочими работниками.

19) Где более 100 непременных работников, там сотня может состоять из большего числа людей, нежели изо ста; но не менее сего. Десяток может заключать в себе более десяти человек, но не менее.

---

[1]) Заведывающий заводской конторой.

23) Целый десяток отвечает за работы своего десятка, целая сотня отвечает за работы своей сотни и целые общества за работы своего общества. В случае невыполнения работы одним работником и более, десяток исправляет оную. В случае невозможности выполнить недоработки целому десятку, целая сотня исправляет оную; если же случится, что целая сотня не может выполнить своей работы, то исправляет оную целое общество. Посему в десятке всякий работник имеет право смотреть за другим, о лености или невозможности, замеченной в своих товарищах, доносить не только десятнику, но и сотнику и старшине. Также всякий десятник имеет право смотреть за выполнением работ другого десятка и представляет неисправности оного своему сотнику и старшине. Равным образом всякий сотник имеет право наблюдать за другой сотнею относительно выполнения работ и о неисправности оной доносить старшине...

24) Неисправный работник по своей лености, небрежению и худому поведению, состоящий в тягость обществу, сотне и десятку, исключается из сего состояния и употребляется к другим заводским работам, а на место его определяется другой... Но если таковой неисправный работник будет принят целым десятком в их общество, то он помещается в оное, и тогда сей десяток отвечает за выполнение его работ. Если же недоработка произойдет от какого-либо несчастного случая..., то работник не может признан быть небрегливым и не исключается из общества; а работа исправляется за него целым обществом. Старшина с двумя депутатами, избранный от целой сотни, к которой принадлежит неисправный работник, и с двумя депутатами, избранными со стороны сего работника, рассматривают дело и об'являют его виновным или невиновным.

25) Хотя непременные работники и назначаются собственно для исправления работ, доныне возлагаемых, по силе Манифеста 1779 года мая 21 дня, на приписных крестьян, но если местное горное начальство при заводах казенных и частных найдет кого-либо из них способнее к другим заводским и горным работам, или часть или все работы, исправляемые приписными крестьянами, может выгоднее исправить посредством вольного найма, или не будет иметь нужды в таком количестве сих работ, исправляемых ныне крестьянами, как число непременных работников может их выполнить; то во всех сих случаях они могут горным начальником при казенных и заводчиком или его поверенным при частных заводах употреблены быть к другим горным и заводским работам, притом на время или навсегда.

26) Если горный начальник при заводах казенных, а заводчик или его поверенный при заводах частных людей найдут ныне и будут находить впредь работников из ныне состоящих обыкновенных мастеровых и рабочих людей способнее для работ, исправляемых ныне приписными крестьянами, то они могут таковаго мастерового или рабочего человека поместить ныне и впредь помещать в число непременных работников; и вместо его определить и определять в работу заводскую или горную непременного работника по своему усмотрению.

27) Основываясь на вышеписанных правилах, конный работник может и должен не только возить уголь, руды и флюсы, но и всякие другие припасы и вещи, нужные и употребляемые при заводах и рудниках так, как и пеший работник, не только рубить дрова и жечь кучи, но и исправлять всякие заводские работы, притом не только заводские работы надворные, относящиеся до прислуги, но и настоящие заводские и горные; следовательно работать в рудниках, в плавильнях и разных других фабриках и прочих местах, точно так, как всякий мастеровой и рабочий человек: посему у такового непременного работника, употребляемого в настоящие заводские работы по мастерствам, не отнимается линия быть мастером, уставщиком и поступать в прочие должности по управлению; в каковом случае он уже исключается из списка непременных работников...

28) Количество работ для непременных работников по заводам казенным определяет горный начальник в Горном Совете каждогодно. При сем определении берутся в уважение местные обстоятельства, время года, состояние рабочих людей и качество работы.

31) По заводам частных людей—заводчик или его поверенный определяет количество работ на каждого непременного работника.

32) Расположив работы на непременных работников, заводская контора при частных заводах доносит о том Горному Правлению, представляя ясное расписание, каким образом и в каком количестве работы сии расположены; Горное же Правление возлагает обязанность на заводского исправника, чтоб он наблюдал, дабы люди не были отягощены свыше положения, не вмешиваясь однако ж ни малейше в распоряжение и управление сими людьми, ни в назначение лично работ непременным работникам, что предоставляется единственно самим заводчикам и их поверенным.

35) Под определением количества работ разумеется не то, сколько для какого завода нужно чего сделать, но главнейше то, сколько один непременной работник должен в год сработать. При том не относится до работ урочных и других, кои исправляются мастеровыми и рабочими людьми на обыкновенных и принятых правилах и сделанных постановлениях и учреждениях заводских, но в особенности до работ, исправляемых ныне приписными крестьянами.

36) В расчислении работ на конных работников должно полагать не более 8 месяцев, или 240 рабочих дней, по количеству даваемого им овса, кроме однако ж помощи в поставке сена, для заводской конюшни в страдное время, также кроме клажи куч осенью, в сентябре и октябре, если сия последняя работа так распоряжена будет, что конные работники должны помогать свозить и класть дрова в кучи пешим работникам.

37) Для уравнения конных работников с пешими можно на остающиеся праздные месяцы от конных работ полагать часть рубки дров на конных работников, живущих при заводе или в грани завода. Впрочем, замечается, что всякая работа, расположенная на конного работника свыше 8 месяцев по 36 и по сей 37 статье должна быть не более 2 месяцев и

притом по заводам частных людей заводские конторы должны об оной доносить Горному Правлению.

51) Непременный работник может быть на задельной плате, какая установлена будет, только бы была не менее положенного ему содержания или по крайней мере с согласия его определена.

52) Провиант непременным работникам выдается, как и прочим мастеровым, помесячно, так как и фураж, который, поелику не на весь год определен на одни только рабочие дни, то и выдавать на зимние месяцы одну половину и на летние другую. Но если на работника расположена работа на целый год и он исправил ее прежде сроку или исправляет ее более нежели по времени и положению требовать можно, то по мере исправления работы выдавать ему и фураж, также в большом количестве в число постановленное сим Положением, нежели по времени ему причитается.

Первое полное собрание законов, № 22498, стр. 1071 и след.

II.

На вотчинных предприятиях.

Секретный циркуляр министра внутренних дел предводителям дворянства от 26 декабря 1833 г.

... Государь император в 23 день сего декабря высочайше повелеть соизволил: поручить Губернским предводителям дворянства, дабы они сами и через уездных предводителей обращали особое постоянное внимание на состояние помещичьих людей и в особенности крестьян, употребляемых на фабриках и заводах, наблюдая: 1) чтобы при учреждении новых фабрик и заводов помещики по возможности избегали обращения пахотных крестьян, особенно же целыми селениями, к фабричным работам или по крайней мере приступали к сему не вдруг, а постепенно, приохочивая крестьян к сему новому роду занятий некоторыми, хотя маловажными выгодами и облегчениями и во всяком случае не расстраивая их собственного земледелия и хозяйства; 2) чтобы на фабриках и заводах, как существующих уже, так и вновь учрежденных, наблюдалось общее правило не требовать работ более трех дней в неделю или же работали брат на брата так, чтобы половина семейств оставалась всегда при своем собственном хозяйстве; там же, где работающие на фабрике или заводе не имеют своего земледелия, полагаема была вместо того соразмерная трудам задельная плата; 3) чтобы помещики пеклись о содержании и благосостоянии людей на их фабриках, не принуждая их к работам в воскресные дни, двунадесятые и храмовые праздники, не изнуряя трудами, слишком тягостными, и принимая в соображение пол, возраст и силы каждого.

Цитировано по книге К. Пажитнова—Промышленный труд в крепостную эпоху.

III.

Вольнонаемный труд.

Высочайше утвержденное мая 24 1835 г. мнение Государственного Совета об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму.

§ 1. Всякому лицу податного состояния, получившему от начальства или своего владельца узаконенный паспорт или установленный билет, дозволяется наниматься для фабричных работ на некоторое или на все время, на которое уволен по паспорту, но не далее назначенного в оном срока.

§ 2. Порядившемуся на сем основании для работ на фабрике или заведении воспрещается оставлять сии заведения до истечения договорного срока, без согласия на сие хозяина фабрики, равномерно не дозволяется ему требовать от него до того срока какой-либо прибавки задельной платы сверх условленной. Посему владельцы или начальства, выдавшие паспорты или билеты, не имеют права отзывать обратно или требовать с фабрики или заведения порядившегося работника до истечения назначенного в паспорте срока, или до окончания договорного срока, если оный истекает прежде паспортного, исключая прикосновенности их по делам следственным или уголовным и законных распоряжений в случае, еслиб назначен был рекрутский набор в необыкновенное время.

§ 3. От хозяина фабрики или заведения не от‘емлется право отпускать от себя работника до истечения договорного срока, по причине невыполнения сим последним его обязанностей или за дурное поведение, но для сего хозяин обязан об‘явить работнику за две недели до его отпуска. При чем должен удовлетворить его заработными деньгами по условию.

§ 5. Предоставляется на волю хозяев фабрик или заведений заключать с работниками и мастеровыми, на оные поступающими, письменные условия, или заменять оные выдачею от себя сим людям расчетных листов, в коих должны быть написаны условия найма и количества задельной, месячной или поденной платы. На сих листах записывать каждую выдачу денег, равно сколько по условию с работника должно быть взыскано и удержано за прогул или причинение вреда хозяину. Сверх сего хозяин обязан иметь особую книгу для записки производимых им расчетов и платежей фабричным рабочим и мастеровым.

§ 6. Дабы рабочие в подробности знали внутренний распорядок фабрик, хозяину оной вменяется в обязанность иметь на стенах рабочих комнат или конторы фабрики печатанные или писанные за его подписанием общие правила о порядке, который должен быть соблюдаем работниками на оной.

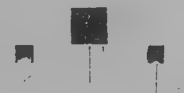
§ 7. Вышеписанные правила фабрик и заведений, расчетные листы и книги приемлются в основание при разборе споров между хозяевами фабрик и мастеровыми.

§ 8. Казенные всех именований крестьяне и мещане, поступившие по условию на фабрику или какое заведение для работ, в случае желания их и хозяина остаться на фабрике долее срока выданного им увольнительного вида или паспорта, если имеют право на получение оных на будущее время, не обязаны для сего являться сами в города, и хозяину, у коего живут, предоставляется самому относиться в подлежащее место для истребования новых видов. Для удобнейшего обновления билетов Адресных Контор дозволяется хозяину, с его ответственностью, посылать все билеты рабочих, на его фабрике занимающихся, коим сроки минули, с одним уполномоченным и с следующими деньгами в упомянутые конторы, коим не требовать для сего личной явки самих рабочих.

§ 9. Паспорта или билеты Конторы Адресов таковых людей хранятся у хозяина заведения, но он их обязан выдавать немедленно по принадлежности, коль скоро работник, по истечении условленного срока своего найма, сделав с хозяином расчет, не захочет долее у него оставаться, а сей не будет иметь к удержанию его законных причин.

§ 10. Настоящие правила предписываются на сей раз собственно для фабрик и заведений, в обеих столицах и в окрестностях оных находящихся, но впоследствии, по ходатайству Гражданских Губернаторов, могут быть распространяемы и на другие значительные мануфактурные города и большие фабрики, в уездах состоящие, по представлениям о том Министра Финансов в Комитет Министров.

Второе полное собрание законов, № 8157.



От падения крепостного права до зарождения с.-д. организаций.

34. Законоположения о фабрично-заводских рабочих, освобожденных от крепостной зависимости.

В силу специфических условий работы и быта крестьян, принудительно работавших на фабрично-заводских предприятиях, условий, отличных от жизни остальной крестьянской массы, при уничтожении крепостной зависимости (19 февраля 1861 г.) были изданы особые „дополнительные правила", касавшиеся: а) работавших на помещичьих предприятиях, б) приписанных к частным горным заводам, в) работавших на Пермских частных горных заводах и соляных промыслах. Ниже приводятся важнейшие постановления о первых двух группах, при чем опущены правила, относящиеся к сельским работникам.

I.

„О крестьянах, отбывающих работы на помещичьих фабриках"[1]).

1. На крестьян, постоянно отбывающих обязательную работу (барщину) на помещичьих фабриках, заводах и вообще мануфактурах, распространяются, как относительно приобретения теми крестьянами прав личных, имущественных и по состоянию, так и в отношении к их поземельному устройству, изданные для прочих, вышедших из крепостной зависимости, крестьян, общие и местные Положения, с теми из‘ятиями и дополнениями, которые излагаются в нижеследующих статьях.

2. По невозможности составить урочное положение для отправления фабричных работ барщиною, фабричные и заводские крестьяне переводятся на денежный, в пользу помещика оброк, немедленно по составлении уставной на имение грамоты и, во всяком случае, не позже, как через два года по утверждении Положений о крестьянах. Оброк сей определяется за отведенные означенным крестьянам от помещика усадебные и полевые земли и угодья; при чем, как размер отводимого тем крестьянам надела, так и размер следующего за оный оброка, установляются на том же осно-

[1]) Исключены поссессионные и приписные, для которых составлялись особые правила.

вании, как для прочих крестьян, вышедших из крепостной зависимости, и в той же местности поселенных, по правилам, изложенным в местных Положениях о поземельном устройстве крестьян.

3. В течение первых двух лет со времени действительного перевода фабричных и заводских крестьян на оброк, им предоставляется вносить этот оброк вперед не за целое полугодие (как сие установлено для прочих, вышедших из крепостной зависимости крестьян), а ежемесячно. По истечении означенных двух лет, заводские и фабричные крестьяне подчиняются, относительно сроков и порядка платежа оброка, тем же правилам, какие установлены в местных Положениях для прочих крестьян, вышедших из крепостной зависимости.

Примечание. По переводе фабричных и заводских крестьян на денежный оброк, они не иначе могут быть употребляемы в работу как по вольному найму.

4. Если фабричные и заводские крестьяне не были, до сего времени, наделены полевыми угодьями, и имеют только усадебную оседлость, то они, сохраняя усадьбы в постоянном пользовании, уплачивают за них помещику, по составлении уставных грамот, денежный оброк...

5. Если фабричные и заводские крестьяне, кроме усадебной оседлости, имеют еще, в своем пользовании, одни только покосы, то сии последние остаются, на общем основании, в их постоянном пользовании, в тех размерах и с соблюдением всех тех правил, какие установлены в местных о поземельном устройстве крестьян Положениях. За совокупность сих покосных и усадебных земель крестьяне отбывают, в пользу помещика, повинности, на основаниях, определенных теми же местными Положениями.

6. Фабричные и заводские крестьяне, не имеющие ни полевых наделов, ни своей усадебной оседлости, и живущие в помещичьих при фабрике или заводе строениях, подчиняются общим правилам, установленным Положением об устройстве дворовых людей.

7. Заводские и фабричные крестьяне, имея, на общем основании, право на выкуп своей усадебной оседлости, могут, по взаимному с владельцем соглашению, приобретать в собственность, вместе с усадьбами, и полевые земли и угодья, на основании Положения о выкупе усадебной оседлости крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, и о содействии Правительства к приобретению сими крестьянами в собственность полевых угодий...

9. Значительное промышленное селение, образовавшееся при заводе или фабрике, может, с согласия владельца и крестьян, быть обращено в посад или местечко, узаконенным для того порядком. В сем случае, крестьяне, к тому селению приписанные, обращаются в городское сословие, а вся мирская земля, остающаяся за отводом из нее нужного под поселение и выгон пространства, возвращается, навсегда, в непосредственное распоряжение помещика.

11. Со дня обнародования Положений о крестьянах, и впредь до введения в действие уставной грамоты, фабричные и заводские крестьяне, в

отношении к пользованию землею и к отбыванию повинностей, а равно в отношении к задельной плате и содержанию (где они получают таковые), остаются при том порядке, какой ныне в каждом имении существует, с соблюдением при этом постановлений, изложенных в Правилах о приведении в действие Положений о крестьянах. Впрочем, крестьянам этим предоставляются те же права, личные, по имуществу и по состоянию, какие предоставлены прочим, вышедшим из крепостной зависимости, крестьянам.

12. Дворовые люди, приписанные к помещичьим фабрикам и заводам, подчиняются общему о дворовых людях Положению. На сем основании, они отправляют, в течение двух лет со дня утверждения настоящих Правил, прежнюю обязательную работу (барщину) на фабриках и заводах.

II.

Приписные к частным горным заводам.

1. На горнозаводское частных заводов население, в ведомстве министерства финансов состоящее, распространяются, как относительно приобретения прав личных, по имуществу и по состоянию, так и в отношении к поземельному устройству, изданные для прочих, вышедших из крепостной зависимости, людей, общие и местное для Великороссийских губерний Положения, с теми из'ятиями или дополнениями, кои излагаются в нижеследующих статьях.

2. Все вышеозначенное, принадлежащее частным горным заводам, население, состоящее из мастеровых, рабочих, непременных работников и заводских крепостных, числящихся на праве поссессионном или владельческом, образует два сословия: 1) *мастеровых* и 2) *сельских работников*.

3. Заводские мастеровые суть те, кои занимаются исполнением технических горнозаводских работ, а сельские работники—те, которые, исполняя для заводов различные вспомогательные работы, занимаются и хлебопашеством. К первому из сих разрядов относятся и заводские служители по разным техническим и хозяйственным должностям.

5. Всему горнозаводскому населению предоставляются усадьбы и, сверх того, земельный в пользование надел, в размере и на основаниях, ниже означенных...

6. Те из мастеровых и рабочих, на частных горных заводах состоящих, которые числятся данными от казны, сохраняют безвозмездно свою усадебную оседлость на основании ст. 446-й Устава Горного (т. VII Свода Зак. 1857 г.), подобно мастеровым на казенных заводах горных; прочие же заводские люди, как мастеровые, так и сельские работники, коим усадьбы не будут предоставлены заводовладельцами в собственность безвозмездно, могут выкупать свои усадьбы на основании нижеследующей ст. 9-й Положения о выкупе усадебной оседлости крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости.

9. Мастеровым частных горных заводов, состоявшим при оных на крепостном праве и имеющим там усадебную оседлость, оставляется она

в настоящем своем размере, в постоянное пользование. Если усадьбы сии не предоставлены мастеровым безвозмездно, как упомянуто в ст. 6-й, то заводовладелец может взимать за нее повинность денежную, по количеству земли, под усадьбою состоящей, и считая по шести рублей в год с десятины.

10. Заводским мастеровым, имеющим оседлость и пользующимся ныне покосами, предоставляется, при составлении уставной грамоты, узаконенной общим Положением о крестьянах, в пользование, за повинность, покосной земли по одной десятине на душу в тех имениях, где ныне надел сей составляет столько же, или превышает такое количество: В имениях, где по ограниченности покосной земли, состоит в пользовании мастеровых менее одной десятины покоса на душу, остается надел покоса, ныне существующий.

11. Если, за отделением в пользование мастеровых покосной земли в количестве, определенном в пред'идущей 10-й статье, останется в непосредственном распоряжении заводовладельца менее одной трети общего в имении количества покосной земли, то заводовладелец имеет право удержать в своем непосредственном распоряжении до одной трети совокупности покосных земель в имении.

12. Те из оседлых заводских мастеровых, которые, по местным обычаям, пользуются ныне участками пахатной земли, сохраняют их в своем пользовании за повинность, но не более того количества, какое составляет высший душевой размер надела, положенный в той местности для крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Если бы такие участки стесняли действие завода, то они могут быть обменены на другие, на основании общих правил о разверстании и обмене крестьянских угодий. Заводские мастеровые, не пользующиеся ныне таковыми участками полевой земли, не имеют права на надел оною.

13. Заводские мастеровые, как все вместе, так и каждый домохозяин отдельно, не обязаны принимать в пользование за повинность участки покосной земли, и могут отказаться от всего, определенного по ст. 10-й, количества ее, или от части оного. На том же основании они могут отказаться от пользования теми участками пахатной земли, о коих упомянуто в пред'идущей статье 12-й.

14. При составлении уставной грамоты, повинность с мастеровых, за предоставленные им усадьбы, вместе с покосами и другими угодьями, определяется денежным оброком, на том основании и в том размере, как сие постановлено для крестьян, вышедших из крепостной зависимости, в той же местности поселенных...

15. В течение первых двух лет со времени перевода на оброк, за предоставленные усадьбы и другие угодья, заводские мастеровые вносят оброк ежемесячно, за месяц вперед; по истечении же означенных двух лет, они подчиняются, относительно сроков платежа оброка, тем же правилам, кои установлены в местном Положении для крестьян, вышедших из крепостной зависимости.

16. Каждый мастеровой, если он не в состоянии выплатить положенного оброка, обязан отработать свою недоимку в заводских или рудничных работах, ему обычных; при чем поденный или урочный труд рассчитывается по тем ценам, которые в том же году установлены заводом для однородных работ вольнонаемных.

34. В тех горнозаводских имениях, где заводские мастеровые наделены пахотною землею и заняты попеременно рудничными или заводскими работами на владельца, а хлебопашеством для себя, там распространяются на сих мастеровых правила[1]) о порядке отправления издельной (барщинской) повинности и о замене оной деньгами. Со введением уставной грамоты, люди сии должны быть отнесены положительно к одному из сословий, указанных в ст. 2-й сих Правил.

36. Со дня обнародования Положений о крестьянах, и впредь до введения уставной грамоты, мастеровые и все прочие заводские люди остаются при том порядке, какой ныне в каждом имении существует... Впрочем, всем заводским людям предоставляются ныне же те права личные, по имуществу и по состоянию, какие предоставлены вышедшим из крепостной зависимости крестьянам.

> *Примечание 1-е.* Те из мастеровых и рабочих, при горных заводах состоящих, которые числятся данными от казны и выслужили по настоящее время сроки на пенсии по ст. 341 и 446-й Устава Горного (т. VII Свод. Зак. 1857 г.), им следующие, сохраняют право на оные; а те, которые не дослужили до сего срока не более двух лет, имеют право на получение узаконенной пенсии по дослужении на заводе недостающего срока.
>
> *Примечание 2-е.* Увечные и неспособные к работам заводские люди, пользующиеся ныне призрением от завода, продолжают получать от оного то же самое содержание.

37. Все казенные подати и повинности, кои ныне уплачиваются заводовладельцем за заводских людей, продолжает уплачивать заводовладелец же, на прежнем основании, до введения уставной грамоты. За сим, по введении уставной грамоты, подати и повинности сии обращаются на ответственность самих заводских людей.

38. Каждый заводовладелец, и по введении уставной грамоты, обязан иметь, на основаниях, ныне существующих, не менее годового запаса провианта на все количество работающего при его заводе населения мастеровых. Выдача провианта производится, соразмерно числу душ в семействе, за наличные деньги, или зачитается в счет рабочей платы, по цене, обходящейся заводоуправлению; рабочие могут получать провиант из заводского магазина по означенной цене, или приобретать оный в другом месте.

> *Примечание.* С переходом горнозаводских людей на оброк, безденежная выдача провианта, на многих частных заводах доныне существующая и подлежащая тогда отмене, сохраняется, в виде необходимой льготы, на два месяца и после сего перехода.

---

[1]) Изложены в предшествующих §§ 18—33, здесь опущенных.

39. По каждому заводскому управлению должны быть постановлены правила: о порядке найма и увольнения рабочих; о роде, времени и месте работ; об уплате за оные; об ответственности и подчиненности во время работ; о призрении увечных, и о прочих главных взаимных обязательствах. Равным образом имеют быть постановлены правила, в видах упрочения связи между заводами и рабочими, об учреждении для сих последних особых горнозаводских товариществ для устройства вспомогательных касс, больниц, школ и вообще взаимного пособия, к упрочению благосостояния и нравственности горнозаводских мастеровых и привязанности их к горному промыслу. Главные основания для сих правил должны быть определены по представлению министра финансов в установленном законодательном порядке; составление же на сих началах подробных правил, к местным потребностям каждого завода примененных, предоставляется самому заводоуправлению, и вводится в действие, с согласия заводовладельца, по надлежащем рассмотрении и утверждении Горным Правлением.

40. Каждому работающему при заводе мастеровому, пробывшему в горнозаводской работе не менее трех лет, или заключившему на сию работу условие с заводоуправлением на три года, предоставляется, при наступлении рекрутской его очереди, внесть за себя триста рублей вместо рекрутской повинности натурою. Сверх того, на первые десять лет с издания сих правил, по всем тем горным заводам, где владельцы предоставят мастеровым своим усадебную их оседлость безвозмездно, там все мастеровые, действительно на заводе или в рудниках работающие не менее трех лет и заключившие с заводоуправлением условие на дальнейшее продолжение горнозаводских работ еще на три года, освобождаются от выполнения рекрутской повинности, как натурою, так и деньгами...

35. Развитие крупной промышленности.

Падение крепостного права и переход к свободному труду первое время болезненно отразился на некоторых отраслях или районах, которые не обнаружили достаточной гибкости, чтобы приспособиться к новым условиям деятельности. Так, напр., на Урале производство чугуна с $14^{1}/_{2}$ милл. пудов в 1860 г. упало до $10^{1}/_{2}$ милл. пудов в 1862 г. и затем стало возрастать лишь чрезвычайно медленно. Еще сильнее пострадал Алтайский горный округ. В 1860 г. было добыто Кабинетом 1060 пудов серебра, $33^{1}/_{4}$ пуда золота, 32 тысячи пудов меди, 98 тысяч пудов чугуна; благодаря сделанным при даровом труде запасам руды, флюсов, угля и проч., в течение целых восьми лет производство поддерживалось на прежнем уровне, но затем с некоторыми перерывами стало неуклонно падать, и в 1883 г. добыча серебра понизилась уже до 368 пудов, золота — до $4^{3}/_{4}$ пуд., меди—до 14 тыс. и чугуна—23 тысяч пудов...

Но в общем и целом реформы шестидесятых годов очень скоро обнаружили свое благотворное действие на усиление предприимчивости и

повышение производительности страны. Вместо закрывшихся или сокративших свои операции предприятий стали открываться новые, более крепкие; рядом с районами, обнаружившими признаки захирения, как Алтай и Урал, возникают другие, проявившие небывалый до сих пор размах предпринимательской деятельности. Донецкий и Домбровский бассейн становятся центрами добычи каменного угля, а добыча железной руды сосредоточивается в Криворожском районе. Малоизвестный доселе Апшеронский полуостров приобретает громкую известность своими нефтяными источниками и становится центром тяготения даже международного капитала...

Разложение натурального хозяйства и усиление товаро-обмена придало исключительное значение развитию новой отрасли транспорта—железнодорожным путям сообщения. Рост железнодорожного строительства представляется в следующем виде:

1860—65 г.г. . . .	2021 верст	1876—80 г.г. . . .	3387 верст
1866—70 » . . .	6801 »	1881—85 » . . .	3117 »
1871—75 » . . .	7558 »	1886—90 » . . .	4338 »

Что касается обрабатывающей промышленности, то переход к вольнонаемному труду только в исключительных случаях имел здесь своим последствием сокращение производства. Сюда относится, напр., суконная промышленность, опиравшаяся главным образом на помещичьи фабрики, работавшие руками своих крепостных; число их с 432 в 1860 г. упало до 365 в 1863 г., а количество рабочих—с 94721 до 71797 чел.

Остальные же отрасли уже и раньше пользовались преимущественно вольнонаемным трудом, а потому подобных задержек в своем развитии не обнаруживали...

Точное начертание картины роста фабрично-заводских предприятий чрезвычайно затрудняется или даже делается просто невозможным вследствие крайне неудовлетворительного состояния нашей статистики прежнего времени. Основным источником ее служили ведомости, доставляемые ежегодно заводчиками и фабрикантами в министерство финансов. Но при этом инструкции, которая давала бы ясное определение того, что нужно считать фабрикой или заводом, выработано не было; поэтому в разных местах они понимались различно, и в общую ведомость вошло, таким образом, большое количество мелких предприятий ремесленного или кустарного типа.

Сообразно с этим статистическим материалом общее количество фабрик и заводов (исключая горно-заводскую промышленность) исчислялось для 1863 г. в 16.695 и для 1865 г.—в 23.500. Но если выделить из них те предприятия, которые имеют не менее 16 рабочих, то таковых окажется—по подсчетам Н. Ленина—только $2^1/_2$ - 3 тысячи. Дальнейший рост этого типа предприятий выражается следующими цифрами: в 1879 году—около $4^1/_2$ тысяч, в 1890 году—около 6 тысяч, в 1894—1895 г.г.—около 6,4 тыс. и в 1903 г.—около 9 тыс.

Из книги К. Пажитнова—Положение рабочего класса в России, т. II (изд. 3-ье, 1924.), стр. 9 и сл.

36. Концентрация капитала и рост пролетариата.

Половинчатость, незавершенность крестьянской реформы порождала ряд хозяйственных последствий,—приводила к хищничеству в области предпринимательской и в сфере государственного хозяйства. Аферисты и грюндеры всякого рода, т. е. ловкие финансовые дельцы и основатели дутых новых предприятий, путем разных происков, протекции, подкупов и взяток выхлопатывали себе разрешение на постройку железных дорог, учреждение акционерных компаний для устройства фабрик, заводов, разработки рудников и т. д. Не имея часто гроша за душой, грюндеры продавали акции, обещая огромные барыши. Жадные до наживы, мелкие капиталисты шли на эту приманку, покупали акции и сначала получали проценты. Цены на акции повышались, грюндеры продавали их все и обогащались, а потом оказывалось, что железная дорога не приносит дохода, иногда даже дает убыток, фабрика, завод или банк прогорают, рудники оказываются бедными. Масса легковерной публики разоряется. Таково грюндерство, широко распространившееся в России особенно в 70-х и 80-х годах XIX века.

Грубая эксплоатация в области государственного хозяйства производилась различными способами. Самый невинный из них — это покровительственная система или протекционизм; затем сюда же относились железнодорожные гарантии, т. е. приплаты из казны владельцам бездоходных железных дорог, выкуп железных дорог в казну на выгодных для прежних владельцев условиях, установление выгодных для капиталистов железнодорожных тарифов, разные казенные подряды и поставки и т. д.

Понятно, что в результате всего этого, особенно под влиянием грюндерства и протекционизма, а также разорения массы населения высокими ценами на товары, высокими пошлинами и акцизами, отработочно-испольной системой и низкой заработной платой в России второй половины XIX в., сильно развился пауперизм, т. е. усилилась народная бедность. Признаком этого были частые и большие голодовки в деревне, завершившиеся небывалым голодом 1891 года, огромная безработица, дурное питание и дурные жилища рабочих. . . . .

И все же, несмотря на то, что господствующие классы своим способом проведения крестьянской реформы достигли того, что русский капитализм надолго—на целые полвека—пошел в своем развитии болезненным для широких масс населения путем,—самое развитие капитализма во второй половине XIX века и в начале XX не подлежит сомнению.

Русская торговля — внутренняя и внешняя—достигла огромного развития... . . . .

Не менее быстро шел вперед и капитализм промышленный. Кустарные промыслы оказались не в силах бороться с фабрикой и стали отступать на второй план. Там, где они сохранились, они подчинились влиянию скупщиков или более богатых кустарей. Фабрики и заводы росли и по количеству и по размерам... . . . .

Вследствие развития капитализма в устройстве общества основное, главное значение приобрело *деление на классы,* различающиеся между собою определенным положением в народном хозяйстве. Здесь особенно важно появление и сильнейшее развитие в России нового общественного класса—пролетариата или класса наемных рабочих, не имеющих собственных средств производства, не обладающих ни орудиями труда, ни землей и живущих продажей на рынке своей рабочей силы. Этот класс, если считать и семьи рабочих, составлял, по всероссийской переписи 1897 года, крупную цифру в 22 миллиона человек, из которых 12 миллионов были фабричными рабочими или принадлежали к семьям фабричных рабочих, 3 миллиона—сельско-хозяйственные рабочие, столько же было прислуги, остальные были заняты в торговле и ремеслах.

Пролетариат выделился главным образом из крестьянства, но в значительной степени также из городской бедноты. Разложение крестьянского сословия на отдельные, различные по своему хозяйственному положению группы видно прежде всего из того, что всех лиц, принадлежащих к крестьянскому сословию, было в 1897 г. 100 миллионов человек, что составляло 78% всего населения, а крестьян в экономическом смысле этого слова, т.-е. земледельцев, обрабатывающих собственную землю личным трудом своим и членов своей семьи, было только 80 миллионов или 64% всего населения, менее двух третей. Значит, до 20 миллионов крестьян (считая и их семьи) перешло в пролетариат, отчасти также пополнило собою ряды городской буржуазии.

Н. А. Рожков, Город и деревня в русской истории (Изд. 5-е, Петроград, 1919 г.), стр. 109 и след.

37. Труд и быт в 70—80 г.г.

Рабочий день. Как общее правило, рабочий день продолжался 12 часов. Такой рабочий день существовал в текстильном производстве (бумагопрядильни, шерстопрядильни и ткацкие и суконные фабрики), химической промышленности (свеклосахарные, стеклянные и маслобойные заводы, писчебумажные и спичечные фабрики) и в некоторых отраслях механической промышленности. На рогожных фабриках, на некоторых ситцевых и в Московской губернии и в остальной России работа продолжалась от 16 до 18 часов. В Харьковском, Казанском и Московском округах рабочий день продолжался от 16 до 19 на множестве фабрик и заведений: в булочных, на льно-прядильнях, на ситцевых фабриках и т. д. При этом нельзя забывать, что работали не только мужчины, но и женщины и дети, и рабочий день и для них продолжался так же долго, как и для взрослых. В Казанском округе малолетние работали на льно-прядильнях 13½ часов. Но это было уже в восьмидесятых и начале девяностых годов, а в семидесятых годах дети, по словам самих же

135 фабрикантов, сообщивших эти сведения, работали столько же, сколько и взрослые, т. е. те же 14—16 часов и днем и ночью, и при том иногда дети моложе десяти лет. В Московской губернии из 151 фабрики, о которых фабричный инспектор Янжул получил сведения, только на 55 работа шла 12 часов, на остальных ⅔ фабрик рабочий день продолжался более 12 часов, а на 3 он длился 18 часов. Ужас такого продолжительного рабочего дня увеличивался оттого, что работа была очень часто ночная и сменная. Смены располагались так, что рабочий совсем не имел времени. Несмотря на то, что и производительность труда при ночной работе низка, фабриканты цепко держались за нее, и еще в 90-ые годы в Московской губ. 31% всех рабочих текстилей работало на сменах, а в Петербургской губ. процент этот доходил до 83%.

Стоит только посмотреть распределение работы по сменам, чтобы убедиться в губительности такой системы, как ее практиковали русские фабриканты:

1 смена работает от 5 ч. до 10 ч. пополуночи.
2 „ „ „ 10 „ пополуночи до 4 ч. пополудни.
1 „ „ „ 4 „ пополудни „ 9 „ пополуночи.
2 „ „ „ 9 „ пополуночи „ 5 „ „

Но это еще смена терпимая, а вот еще пример ночной смены, которая может убить самого здорового человека:

с 8 ч. вечера до $4^1/_2$ ч. утра.
„ 8 „ утра „ $8^1/_2$ „ вечера.
„ $12^1/_2$ ч. дня „ $1^1/_2$ „ ночи.

Остальные часы суток заполняются дневной сменой.

Заработная плата.

Сколько же получал рабочий за свой каторжный труд? В Петербургской губернии средний месячный заработок для мастеровых (механические и машино-строит. зав.) равнялся 25-30 руб., для фабричных—15-17 руб. и для чернорабочих не выше 15 р. В Московской губ. для мастеровых 30 р., для фабричных-текстилей 12 р. Во Владимирской губ. те же 25 р. для механических рабочих. Механические рабочие оплачивались дороже других, но и они в провинции получали уже меньше,—так в Харьковской губ. 22 р. 50 к. В других производствах плата еще ниже; так, в Москве на позументных фабриках получали 7 р., во Владимирской губернии кожевенники—11 р., овчинники—12 р. 83 к.; в Харьковской губ.: рабочие сахарных заводов—10 р., гончары—7 р. 50 к. Женщины, конечно, получали значительно меньше мужчин, обыкновенно вдвое, а дети втрое.

Заработная плата русского рабочего неизмеримо ниже, чем рабочего иностранного: в среднем английский рабочий получал вчетверо, а американский впятеро больше, чем русский.

Вот для сравнения цифры заработка механического ткача, как их приводит фабричный инспектор Янжул:

Америка.	Англия.	Москва.
72—72,6 р.	48 р.	15 р.

Даже в Польше рабочий получает больше, чем в России. В текстильном производстве получали:

	В центральном районе.	В Польше.	Больше на
Мужч.	15,2	20,1	32,2%
Женщ.	8,8	15,3	73,9%
Дети	5,5	8,8	60%

Но было бы хорошо, если бы русские рабочие получали хотя бы эти деньги на руки: они их в большинстве случаев не получали.

Не получали же они их потому, что 1) с них брали всякого рода штрафы, 2) производили вычеты, 3) платили не аккуратно и 4) очень часто вели расплату продуктами из заводской лавки. Можно смело сказать, что штрафные деньги в России составляли не менее трети заработной платы, а иногда эта цифра доходила и до 40—50%, как это было на фабрике Морозовых в Орехове-Зуеве.

История же расплаты при помощи продуктов из хозяйской лавки есть одна из самых печальных страниц жизни рабочего класса в России: продукты продавались иногда дороже, чем на рынке, на 50 и даже на 100%, так что рабочий страшно переплачивал за них; продукты представляли самую страшную заваль и очень часто предметы, которые рабочему не требовались; хозяин, наживаясь при помощи лавки, имел в ней могучее средство нажима на рабочих в случае протеста,—переставал во время стачки выдавать продукты, и голодные рабочие шли на уступки. Таким образом, русский рабочий ко всем своим бедам прибавлял еще одну: он страшно плохо питался, и хотя просвещенный немецкий профессор, писавший о русской промышленности, Шульце-Геверниц уверяет в своей книге, что питание русского рабочего лучше, чем иностранного, это неверно: картофель, капуста и черный хлеб—вот главные предметы питания русского рабочего, почти не видевшего сахара, масла и мяса.

Если ко всему сказанному прибавить, что огромная масса рабочих были безграмотные крестьяне, что никаких культурных учреждений (библиотек, клубов, театров, всякого рода обществ, часто даже просто книг и газет) при русских фабриках за редкими исключениями не существовало, что издевательству мастеров над рабочими и особенно работницами не было конца (побои были не редкость) и что рабочему, например, в праздник оставалось итти или в церковь или в кабак, то положение русского рабочего станет ясным.

В. Невский. Очерки по истории РКП (б), т. I (1924 г.), стр. 139—141.

Штрафы. До 1886 года не было никаких законов о штрафах. Фабриканты могли брать штрафы, за что хотели и в каком угодно количестве. Фабриканты брали тогда штрафы в безобразных размерах и наживали на штрафах громадные доходы.—Штрафы назначались иногда просто «по усмотрению хозяина», без указания причины штрафа.—Штрафы доходили иногда до *половины заработка,* так что рабочий из заработанного рубля отдает хозяину пятьдесят копеек в виде штрафа.— Бывали такие случаи, что сверх штрафов назначалась еще неустойка; например, 10 рублей за оставление фабрики. Всякий раз, когда у фабриканта дела шли плохо,—ему ничего не стоило сбавить плату вопреки условию.— Он заставлял мастеров строже брать штрафы и браковать товар: выходило на то же, как если бы рабочему сбавили плату.

Долго терпели рабочие все эти притеснения, но по мере того, как более и более развивались крупные заводы и фабрики, особенно ткацкие, вытесняя мелкие заведения и ручных ткачей,—возмущение рабочих против произвола и притеснений становилось все сильнее. Лет десять тому назад [1]) в делах купцов и фабрикантов наступила *заминка,* так называемый кризис: товар не шел с рук; фабриканты имели убытки и стали еще сильнее налегать на штрафы. Рабочие, заработки которых и без того были плохи, не могли уже снести новых притеснений, и вот в губерниях Московской, Владимирской и Ярославской начались в 1885—1886 годах рабочие бунты. Выведенные из терпения рабочие прекращали работу и страшно мстили притеснителям, разрушая фабричные здания и машины, иногда поджигая их, избивая администрацию и т. п.

Особенно замечательна из всех этих стачек — стачка на известной Никольской мануфактуре Тимофея Саввича Морозова [2]). С 1882 года Морозов стал сбавлять плату, и до 1884 года было пять сбавок. В то же время становились все строже и строже штрафы: по всей фабрике они составляли почти четверть заработка (24 копейки штрафов на заработанный рубль), а иногда доходили у отдельных рабочих до половины заработка. Чтобы скрыть такие безобразные штрафы, контора в последний год перед погромом поступала так: тех рабочих, у которых штрафы достигали половины заработка, она заставляла брать расчет, а потом хоть в тот же день рабочие эти могли опять поступать на работы и получать новую книжку. Посредством этого книжки, где были записаны очень уж большие штрафы, уничтожались.—При прогулах вычитали 3 дня за один прогульный день, за курение штрафовали по 3, 4 и 5 рублей за раз. Выведенные из терпения, рабочие 7 января 1885 г. бросили работу...

Эта громадная стачка произвела очень сильное впечатление на правительство, которое увидало, что рабочие, когда они действуют вместе, представляют опасную силу, особенно когда масса совместно действующих рабочих выставляет прямо свои требования. Фабриканты тоже почуяли силу

1) Статья написана в 1895 г.

2) См. № 56.

рабочих и стали поосторожнее.—В газете «Новое Время» сообщали, напр., из Орехово-Зуево: «Прошлогодний погром (т. е. погром в январе 1885 г. у Морозова) имеет то значение, что сразу изменил старые фабричные порядки как на Орехово-Зуевских фабриках, так и в окрестностях». Значит, не только хозяева морозовской фабрики должны были изменить безобразные порядки, когда рабочие сообща потребовали их отмены, но даже соседние фабриканты пошли на уступки, боясь у себя погромов. «Главное—то,—писали в той же газете,—что теперь установилось более человеческое отношение к рабочим, чем прежде отличались немногие из фабричных администраторов».

Даже «Московские Ведомости» (эта газета всегда защищает фабрикантов и винит во всем самих рабочих) поняли невозможность сохранить старые порядки и должны были признать, что произвольные штрафы—«зло, ведущее к возмутительнейшим злоупотреблениям», что «фабричные лавки—сущий грабеж», что необходимо, поэтому, установить закон и правила о штрафах...

В июне 1886 г. вышел новый закон о штрафах, который указал случаи, когда позволительно брать штрафы, определил крайнюю величину штрафов и постановил, что штрафные деньги должны итти не в карман фабриканта, а на нужды самих рабочих.

Многие рабочие не знают этого закона, а те, которые знают, думают, что облегчение в штрафах вышло от правительства, что надо быть благодарным за это облегчение начальству. Мы видели, что это неправда. Как ни безобразны были старые фабричные порядки,—начальство ровно ничего не сделало для облегчения рабочих, покуда рабочие не начали бунтовать против них, покуда озлобленные рабочие не дошли до того, что стали ломать фабрики и машины, жечь товары и материалы, бить администрацию и фабрикантов. *Только тогда правительство испугалось и уступило.*

Из статьи Н. Ленина.—„Как прежде налагались штрафы и чем были вызваны новые законы о штрафах"?—(Н. Ленин. Статьи и речи по вопросам профессионального движения. Изд. ВЦСПС, 1924, стр. 385 и сл.).

Жилища. ...Специальные жилые помещения, за ничтожным исключением трех или четырех фабрик [1]), по своим качествам везде одинаковы. На мелких фабриках, а иногда и на крупных, как добавочные к монументальным казармам, они встречаются в виде небольших отдельных домиков или в виде одной или нескольких комнат (нередко в сырых подвальных этажах), выделенных в зданиях, назначенных для производства. На всех же больших мануфактурах жилые помещения представляют типические громадные многоэтажные казармы с центральными, сплошь и рядом чрезвычайно узкими, кривыми и темными коридорами с ком-

[1]) Речь идет о фабриках Серпуховского, Коломенского и Бронницкого уездов, Московской губернии.

натками—«каморками» по сторонам, за кое-как сколоченными дощатыми перегородками, обыкновенно не доходящими до потолка. Встречаются фабрики, где все казармы разбиты на каморки, в которых помещаются и семейные, и одинокие рабочие. На иных же число каморок бывает сравнительно ограничено, и большая часть рабочих, в том числе и семейные—размещаются в общих спальнях.

Устройство каморок, очевидно, вытекает из желания сколько-нибудь обособить семью. Но было бы ошибочно думать, что в каждой каморке помещается действительно одна семья. Если это и случается, то крайне редко, в особо-маленьких каморках. Обыкновенно же совершенно напротив; в каждой каморке помещается две, три и до семи семей, и, кроме того, на многих фабриках одинокие рабочие, мужчины или женщины, все равно, обязательно рассовываются по тем же каморкам. В конце концов, большая часть каморок, а на многих фабриках и все каморки — превращаются в общие спальни, отличающиеся от типических общих спален лишь меньшею величиной...

...Единственным пределом расселения служит лишь физическая невозможность втиснуть еще семью или одинокого. Только в виде исключения встречаются фабрики, где администрация, при размещении рабочих, до известной степени, вместе с другими соображениями, принимает во внимание также и то обстоятельство, работает ли помещаемый в той же смене, что и прочие его сожители по каморке, или в другой. Этим дается фактическая возможность рабочим располагаться на отдых, но нисколько, в сущности, не уменьшается вред переполнения, ибо каморка, населенная работающими в разных сменах, следовательно всегда, круглые сутки имеющая спящих, уже никогда не проветривается и не может проветриваться. Как бы то ни было, но на большинстве фабрик найдено *страшное переполнение* каморок жильцами. Без сомнения, встречаются и каморки не особенно набитые, но число их настолько незначительно, число же переполненных настолько велико, что в средних цифрах по каждой фабрике относительная величина каморок, т. е. кубическое пространство, приходящееся на каждого живущего, в огромном большинстве случаев ниже одной кубической сажени. Фабрики, где средняя относительная величина каморок равна 1 кб. саж.— положительная редкость. По многим фабрикам средняя относительная величина каморок спускается даже до ½ кб. с. Понятно, что при таком переполнении минимальные их относительные величины доходят до невозможного—до ⅕ (0,21) кб. с.; переполнению их как будто нет предела: по выражению рабочих, они «живут друг на дружке».

Картина, представляемая общими спальнями, почти ничем не отличается от каморок. Иногда они представляют совершенно отдельные помещения, часто очень больших размеров, до 60 куб. саж. вместимостью, иногда же сравнительно небольшие комнаты, в общем ряде каморок, отличающиеся от последних лишь вдвое или втрое большею величиной. Они населены нисколько не менее тесно, чем каморки, и кубическое пространство, приходящееся на каждого живущего в них, в средних величинах вообще совер-

шенно то же, что и в каморках. Но так как многие из этих спален, благодаря сменной работе, набиты двойным комплектом жильцов, заменяющих друг друга на одних и тех же нарах, то в этих случаях действительность гораздо хуже, чем говорят цифры. Так, например, для спален, где с известною вероятностью можно было установить, что число живущих распадается на две, более или менее равные части работающих в разных сменах, вычисление кубического пространства на каждого жителя делилось нами на половину всего числа живущих. При таком вычислении это пространство выходило иногда равным всего ¼ кб. саж.; между тем как при счете на все количество жильцов, в действительности иногда и скопляющееся в спальнях, количество воздуха, приходящееся на каждого, падает до невозможной величины—до 0,13 куб. саж.

...Рабочие обыкновенно спят на нарах в виде сплошных дощатых помостов без всяких разгородок на отдельные места в повалку друг возле друга. Очень часто такие нары делаются в два яруса, так что при обычной высоте комнат в 3—4 арш. верхний ярус отстоит от потолка всего на ¾ арш. Разделение полов по отдельным комнатам вовсе не составляет правила, и на преобладающем большинстве фабрик царит полное смешение полов и возрастов: в одной и той же спальне, на одних и тех же общих нарах спят и дети и взрослые, и мужчины и женщины, и женатые и холостые. Понятно, что семейные рабочие всячески стараются выгородить себя от остальных и с этой целью отделяют свои места на нарах какими-нибудь занавесками, часто просто из разного грязного тряпья. Иногда фабриканты идут на встречу этому естественному стремлению рабочих и на помосте нар делают дощатые перегородки вышиною в 1½ арш., так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стойл на каждую «пару». На некоторых фабриках в общих спальнях, для семейных рабочих, а иногда и для одиноких, по каким-либо причинам пользующихся предпочтением перед остальными, где-нибудь в углу, чаще у печки, тесовыми перегородками выгораживаются каморки, обыкновенно в 2—2½ арш. шириною и в 2⅓—3 арш. длиною. Кубическая вместимость подобных каморок нередко менее 1 кб. с., и в большинстве случаев окон в них не бывает. И в эти-то шкафы на ночь кладутся человеческие тела, как бы вовсе не нуждающиеся в воздухе.

...Понятно, что о чистоте в спальнях говорить не приходится; за чрезвычайно редкими исключениями они до крайности грязны и зловонны, в особенности населенные исключительно мужчинами. Таким образом, с одной стороны, налицо все условия сильной порчи воздуха, с другой — отсутствие всегда и везде правильной искусственной вентиляции. Не говоря уже о каких-либо серьезных и надежных вентиляционных приспособлениях, в огромном большинстве случаев нет даже простых оконных форток, а в тех случаях, когда они есть, число и величина их всегда недостаточны; но и эти фортки обыкновенно тщательно забиты и замазаны... Работая в сильно испорченном воздухе мастерских, рабочие, живущие в фабричных казармах, тотчас переходят в еще более испорченный воздух своих спален. Такие рабочие *всегда* дышат отравленным воздухом...

Таковы жилые помещения для рабочих при фабриках. Наемные помещения нисколько не лучше, но и не хуже заурядных, сплошь и рядом встречающихся фабричных спален...

Питание. Артельное продовольствие *по количеству* пищи никак не может быть названо недостаточным, но оно в высшей степени низко *по качеству,* как крайне грубая растительная, с чрезвычайно малым количеством животных веществ, и однообразная пища. Она состоит из черного хлеба, щей из кислой капусты, гречневой или пшенной каши с говяжьим салом, картофеля, кислой капусты в сыром виде с конопляным маслом или квасом и огурцов — вот буквально вся пища рабочих изо дня в день, круглый год, без малейшего разнообразия; лишь в постные дни, составляющие до 190 дней в году, говядина или солонина в щах, потребляемая в ничтожном количестве (от ½ ф. на человека в мужских артелях до 19 золотн. в женских и детских) заменяется снитками или селедкой, а говяжье сало—конопляным маслом.

Продовольствие рабочих на наемных квартирах еще хуже и в количественном, и в качественном отношении. Здесь всю пищу составляет черный хлеб и пустые щи. Мясо употребляется в совершенно ничтожном количестве: в среднем из всех 13 наших записей квартирного довольствия в день потребляется всего лишь 10 золотников (с костями) на человека, и в постные дни оно уже не заменяется ничем; а у женщин и детей даже гречневая каша считается не всякий день позволительною роскошью. Очевидно, следовательно, необходимость платить за жилье вынуждает рабочих ухудшать свое и без того плохое продовольствие, чтобы не выйти из пределов своего бюджета, 63% которого у мужчин уходит на все остальные потребности: на платье, на обувь, на подати и повинности, на покрытие недочетов в заработке во время болезни и на развлечения и удовольствия, состоящие и у мужчин, и у женщин единственно и исключительно из чая и водки в трактире по праздникам.

Е. Ф. Дементьев, Фабрика, что она дает населению и что она у него отнимает (изд. 2-ое, 1897 г.), стр. 175—180. Приведенные выше данные относятся к 1884—85 г.г.

38. Жизнь на Кренгольмской мануфактуре (1872 г.).

Товарищество Кренгольмской мануфактуры было основано в 1856 г. с капиталом, громадным для того времени (2 милл. рублей), в Эстляндской губернии (Вирляндском уезде) при водопаде близ г. Нарвы. Задумано оно было по широкому плану. Впервые в России насаждалась крупная капиталистическая промышленность в таком масштабе и при таких условиях. В скором времени мануфактура, достигнув громадных размеров заняла первое место среди подобных фабрик не только России, но и Зап. Европы. Дивиденд, получаемый акционерами, доходил до 35%.

По своему устройству мануфактура представляла как бы маленькое государство, так как управлялась, независимо от общих правительственных учреждений, на основании собственного *полицейского устава*, составленного в 1857 г., которым фабричному управлению присвоялись полицейские права. На мануфактуре были учреждены две инстанции фабричной полиции. Первую составлял *старшина*, который должен был выбираться рабочими, а на самом деле был ставленником мануфактуры, а вторую—управляющий мануфактурой. Эта полиция имела право подвергать рабочих следующим взысканиям: 1) денежному штрафу в размере заработной платы от 1 до 10 дней, 2) телесному наказанию от 1 до 50 ударов розгами, 3) содержанию под арестом до 2 суток. Сверх того, в из‘ятие из общего законодательства, рабочая полиция (точнее, полиция самой мануфактуры) могли разбирать дела по обманам и кражам не свыше 5 руб. серебра, а по гражданским делам производить взыскания по долговым обязательствам рабочих и назначить, в случае смерти рабочих, их детям опекунов.

Обороты мануфактуры в 1872 г. дошли до семи милл. в год при 6000 рабочих. При этом паи поднялись с 5 тысяч рублей до 15 тысяч.

Вот размеры месячного заработка в мастерских:

Прядильное отделение.	Мужчины.	Женщины.	Дети.
Трепальная	от 9 до 10 р.	от $6^1/_2$ до 7 р.	—
Кардная	$10^1/_2$—$12^1/_2$ р.	—	от 6 до 8 р.
Ровничная	—	7—12 р.	—
Ватерная	—	—	$3^1/_2$—$8^1/_2$ р.
Мюльная	20—30 р.	—	—
Мотовильная	—	7—14 р.	—
Ручные прессы	25—30 р.	—	—
Гидравлич. прессы	10—14 р.	—	—
Ткацкое отделение.			
Катушечная	—	$12^1/_2$ р.	—
Спова́льная	—	15 р.	—
Шлихтовальная	35—45 р.	—	—
Пом. шлихтовал.	16—20 р.	—	—
Продевальная	—	—	7 р.
Помощн. продев.	—	—	4 р.
Ткацкая при 1 станке	$7^1/_2$—9 р.	$7^1/_2$—9 р.	—
Ткацкая при 2 станках	15—18 р.	15—18 р.	—
Браковщики	18—23 р.	—	—
Помощники	10 р.	—	—
Паковальщики	10—15 р.	—	—
Ремизная	—	$10^1/_2$ р.	—

Интересны соотношения между различными группами рабочих в 1871 г.

а) *По времени службы*: а) от 5 до 10 лет работало мужчин 496, женщин 297,—всего 793 чел.; б) 10 и более лет работало мужчин 314, женщин 117,—всего 431 чел.; остальные работали меньше 5 лет.

б) *По национальностям:* 1) эстонцев — мужчин 1351, женщин 985, детей 908; 2) русских — мужчин 807, женщин 333, детей 260; остальные разных национальностей.

в) *По специальностям:* 1) рабочих прядильного отделения было 2900 чел., из них прядильщиков мужчин было 200 чел., мальчиков более 1000, остальные были заняты подготовительными для прядения работами, напр., размоткой и укупоркой пряжи; 2) рабочих ткацкого отделения было до 1470 чел., в числе их ткачей—мужчин и женщин 900 чел., все другие находились при подготовке работ и при укупорке товара и др. побочных работах; 3) чернорабочих—число их колебалось.

Среди малолетних рабочих особенно плохо было положение *детей, взятых мануфактурой из Воспитательного дома.* В 1870 г. работало до ста мальчиков и ста десяти девочек в возрасте от 11 лет. Они представляли собой в полном смысле белых рабов. Мануфактура принимала их на особых условиях, заключенных с начальством Воспитательного дома. Мануфактура брала на себя полное их содержание до достижения 21 года питомцами и 18 питомицами. Жалование полагалось им от 3 до 8 рублей в месяц. Но эти деньги, *за вычетом из них расходов на содержание и одежду,* сохранялись до их совершеннолетия в фабричной кассе. Этот порядок был до крайности тяжел для взрослых, которые были вынуждены воровать и заниматься проституцией[1])...

Кроме этих детей, были на мануфактуре и другие, нанимаемые *мюльщиками* за 5—6 рублей в месяц. Обязанности этих маленьких подручных заключались в присучивании обрывающихся концов выпрядаемой нити, другие должны были выметать пыль с машины, а третьи заменяли отработанные катушки ровницы (т. е. полупряжи, поступающей на мюль-машины)—новыми. Детский труд вообще применялся широко. За детьми следили взрослые (мюльщики). Особенный режим был установлен для питомцев Воспитательного дома. Ближайший надзор за ними осуществляли сторожа, щедро рассыпая им наказания (работы по воскресеньям и праздникам, карцер и розги до 10 ударов).

Так как местность, где учреждена была мануфактура, была безлюдной, то для того, чтобы набрать себе рабочих и больше привязать их к мануфактуре, учредители *повысили поденную заработную плату* сравнительно с другими фабриками и пригласили на выгодных условиях опытных рабочих из-за границы и внутренних губерний. Когда же предложение стало превышать спрос, мануфактура начала сокращать льготы, предоставленные рабочим.

Начало работ было в 5 час. утра, окончание перед обедом—в 12 ч. дня, начало послеобеденных работ в 12 ч. 55 м. и окончание в 8 часов. Таким образом, рабочий день длился 14 часов. Он был одинаков как для взрослых, так и *для детей.* При этом последние должны были, кроме того, еще от 8½ ч. до 10 ч. вечера учиться в школе. На завтрак времени не уделялось; мало того, администрация штрафовала, если рабочие при-

[1]) Потрясающие подробности из жизни детей, присылавшихся на фабрику Воспитательным домом, сообщается в записках Василия Герасимова, который сам был из числа этих детей (Жизнь русского рабочего полвека тому назад. Издательство „Красная Новь“, 1923 г. С предисловием Р. Кантора).

носили с собой на фабрику припасы для еды. Надо прибавить, что расстояние жилищ большинства рабочих требовало ходьбы более 15 минут. Поэтому большинство рабочих на обед не ходили, чтобы не подвергаться штрафу за опоздание. В то время как на других фабриках России, напр., на Самсониевской мануфактуре, на фабрике Торшилова в СПБ., был двенадцатичасовой рабочий день, Кренгольмская мануфактура упорно держалась за свой гораздо более продолжительный рабочий день. Правительственная комиссия, назначенная в 1872 г. для обследования условий труда на Кренгольмской мануфактуре, обратила внимание на изнурение рабочих таким долгим рабочим днем; особенно истощены были дети, терявшие к концу дня даже голос. Комиссией была предложена следующая мера. Для детей до 14-летнего возраста назначить только дообеденную или же только послеобеденную работу, т. е. иметь *две* смены малолетних рабочих. Такой порядок существовал тогда в большинстве фабрик России (напр., на фабрике Штиглица). Мануфактура категорически отказалась это сделать, заявив, что это для нее будет невыгодно, так как повлечет за собой удорожание изделий...

Жилища рабочих служили двум целям, которые преследовались мануфактурой: они закабаливали рабочего и эксплоатировали его. Так как мануфактура, как сказано было выше, основывалась в мало населенном крае и расчитана была на пришлый элемент, то правление мануфактуры выстроило жилища для рабочих и отдавало их в наем на условиях, которые были тягостны для рабочих. Для рабочих же был выстроен мануфактурой и трактир, приносивший доход.

Рабочие дома Кренгольмской мануфактуры представляли собою казарменные постройки или отдельные дома на два, четыре и восемь семейств.

Холостые казармы были двухэтажными, и в каждом из этажей были устроены рядами нары. Кубическое содержание воздуха было очень незначительным. Духота достигала невероятных размеров. Щели нар кишели паразитами. Для подстилки служила собственная одежда, а иногда мешки, набитые соломой. С каждого артельного номера, где помещалось от двадцати до тридцати человек, мануфактура брала шесть рублей в месяц.

Казармы для семейных имели двоякое устройство. При одном из устройств казармы заключали в себе отдельные номера на 6 семей с 4 комнатами и 2 углами. Имелась общая кухня с русской печкой и плитой. При другом устройстве в казарме был коридор, шедший по длине всего здания и разделявший казарму на две половины, из которых каждая имела в себе отдельные комнатки для семей. Для всех комнаток имелась или одна общая кухня в особой пристройке или же 3 печи с плитами, в каждом коридоре. Плата за номер была от 75 коп. до 1 руб. в месяц. Зимой она увеличивалась на 50 коп.—на дрова. Всех казарм было 11, от 40 до 90 номеров в каждой. Они приносили чистого дохода мануфактуре 10%. Здесь рабочие должны были подчиняться режиму, выработанному мануфактурой. Величина комнат 7 $\times$ 4 арш.; в среднем в каждой казарме

жило до 350 чел. В некоторых комнатках жило по 5 взрослых—не считая подростков.

Всего хуже содержались питомцы Воспитательного дома, при чем мальчики не были хорошо изолированы от девочек. Грязь и неимоверное переполнение домов рабочими превосходили всякое вероятие. При осмотре домов во время холеры 1872 г. было обнаружено, что в одной и той же комнате помещались как умершие и больные, так и здоровые, которые «походили более на двигающиеся тени, чем на живых людей». В комнатах, расчитанных на 5 чел., помещалось от 25 до 30 челов.

Предметом эксплоатации мануфактуры было и *питание рабочих*. Мануфактурой были устроены две кухни со столовыми, где рабочие харчевались с платою по 4 рубля в месяц. Получилось довольно доходное предприятие при дешевизне продуктов того времени и при скудости обедов, отпускаемых мануфактурой. Доходным предприятием была и *баня*, где мылись мужчины и женщины вместе за особую плату. Источником эксплоатации была и *школа*, за которую малолетние платили по 20 коп. в месяц. От этой платы никто не освобождался, даже и те, кто не мог ходить в школу.

На содержание больницы отчислялось с рабочих по 2%, но лечение было неудовлетворительно. Большая часть заболеваний были простудными и желудочными. Причиной этого была краткость обеденного перерыва (55 мин.) и обыск рабочих, выходивших из фабрики в более или менее разгоряченном виде на мост, через водопад, где всегда происходил обыск, несмотря на ветер, дождь и т. д. При среднем числе 5000 рабочих было в 1869 г.—64,418 заболеваний, в 1870 г.—24,596, в 1871 г.—19,234 и в 1872 г. с января по октябрь 24,196. Эпидемии среди рабочих почти не переводились. В 1869 г. была эпидемия возвратной горячки, от которой заболело 2080, умерло 176, в 1872 г. от холеры — заболело 430, умерло 189[1]).

С. Фарфоровский, Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре („Архив истории труда в России", кн. 2).

39. На горных заводах в Оренбургском крае.

Частные горные заводы Оренбургского края находились в ведении двух министерств—внутренних дел и финансов, которые нередко противодействовали друг другу из опасения ослабить предоставленную каждому власть, что печально отражалось на крестьянах. Обыкновенно их судьбой власть начинала интересоваться лишь тогда, когда они, доведенные до крайности, выходили из своего обычного состояния тупой рабской покорности и допускали нарушение «установленного порядка». В таких случаях крестьяне-ослушники

[1]) См. ниже, № 42.

становились предметом сугубого внимания не только местных, но и центральных властей. Но как только порядок восстанавливался, об элементарных нуждах крестьян забывали впредь до нового напоминания каким-нибудь из ряда вон выходящим случаем. Этим обстоятельством можно об'яснить следующее явление. В архиве министерства внутренних дел за предшествовавшие крестьянской реформе годы имеются богатые материалы по делам тех частных горных заводов, где крестьянам тогда жилось особенно тяжело, о тех же заводах, на которых положение крестьян было тогда сравнительно лучше, почти не упоминается. После же крестьянской реформы, изменившей весь уклад жизни горнозаводских крестьян, картина меняется: центром внимания правительства становятся те именно заводы, которые раньше не причиняли ему беспокойства. Повидимому, более угнетавшиеся при крепостном праве крестьяне менее сильно чувствовали крушение тех надежд, с которыми у них связывалось представление о воле, и потому слабее реагировали на гибель этих надежд, чем крестьяне относительно лучше обставленных заводов, в роде Благовещенского, Симского и др., разочарования которых обнаружились с особенной яркостью вскоре по введении «уставных грамот» и протесты которых поэтому были особенно упорны.

Уставные грамоты были теми актами, в которых, по словам закона, должны быть определены постоянные поземельные отношения между помещиком и крестьянами. Составление грамот было предоставлено помещику, от которого зависело приглашение крестьян к участию в их разработке. По каждому имению грамота должна была быть составлена и представлена в течение года со дня получения на месте Положений о крестьянах. В Оренбургской губернии этот срок истекал 15 марта 1862 г. Окончательным же сроком введения в действие грамот вообще было установлено 19 февраля 1863 г.

Оренбургский губернатор Барановский и возглавлявшееся им губернское по крестьянским делам присутствие, обнаружившие кипучую деятельность по проведению в жизнь крестьянской реформы, выдвинули вопрос о скорейшем — до истечения года — введении уставных грамот по горнозаводским имениям. Губернатор представил об этом министру внутренних дел. Оренбургский и самарский генерал-губернатор Безак заявил министру, что «скорейшее введение уставных грамот, устраняя произвол заводовладельцев в вознаграждении крестьян за их труд и в предоставлении им дарованных льгот, может служить самым надежным средством к прочному обеспечению быта заводского населения». Убаюкиваемый этими многообещающими уверениями, министр сделал соответствующее представление в главный комитет об устройстве сельского состояния, и в ноябре 1861 г. оно было утверждено. Сообщая об этом губернатору, министр выразил надежду, что введение уставных грамот будет закончено к 15 марта 1862 г.

Но действительность не оправдала надежд ни на быстроту исполнения, ни на благодетельные последствия введения уставных грамот. Власти, очевидно, не учли целого ряда чрезвычайно важных обстоятельств и, главным образом, того, что грамоты знаменовали собою резкий перелом во всем жизненном укладе горнозаводского населения. Ведь горнозаводское дело в

Оренбургском крае возникло не вследствие выгодности местных условий, а «произволом землевладельцев, которые, выстроив заводы на доставшихся им от башкир за бесценок, богатых рудой и лесом землях, заселяли их людьми, выведенными издалека против их воли». Большинство горнозаводских имений лежало в местностях, по бесплодию почвы и суровости климата неудобных для земледелия. Население в значительной своей части имело одни усадьбы и покосы, а у иных не было и покосов. Лишь при некоторых заводах имелись пахотные участки — чаще всего незначительные. При крепостном праве на полевые работы горнозаводскому населению давалось не более 2—3 месяцев в году, ибо остальное время поглощали заводские и рудничные работы [1].

Таким образом главный источник обеспечения населения заключался не в землепользовании, а в заводских заработках. До введения уставных грамот заводчик обязан был давать своим людям заработную плату и провиант в счет этой платы или в дополнение к ней, а также платить за них подати и повинности. Уставные грамоты открыли в этом отношении новую эру в жизни населения: на него возложена была обязанность платить: владельцу—оброк за усадьбы и земельные наделы, казне — подати и повинности, мирские сборы на содержание общественного управления, лазаретов, школ, церквей и проч. На население легли и заботы о продовольствии той его части, которая не работала на заводах. Средства на покрытие всех этих нужд при вышеуказанном состоянии земледелия должны были черпаться преимущественно из вознаграждения «за вольный» отныне труд. Между тем вследствие хронического безденежья заводов, кризиса горно-заводской промышленности, дурного хозяйства и многих других причин большинство заводчиков начали сокращать, а некоторые и прекращать действие заводов. Вообще же, с заменой крепостного труда вольнонаемным и, следовательно, более производительным, на всех заводах естественно должен был обнаружиться значительный избыток рабочих рук. В этом отношении имела влияние и обнаружившаяся к тому времени тенденция к замене ручного труда машинным. С потерей заводского заработка, при невозможности обратиться к хлебопашеству, как к надежному источнику к существованию, население неминуемо должно было оказаться в крайне тяжелом положении.

---

[1]) О количестве земельных угодий, которыми обладали местные частные горные заводы, ср. нижеследующие цифры, получающие особое значение, если принять во внимание, что заводы находились в местностях с земельным наделом от $4^{1}/_{2}$ до 6 дес. на душу.

Название завода.	На душу десятин: пашни.	покоса.	Название завода.	На душу десятин: пашни.	покоса.
Архангельский	1,8	1,9	Троицкие	0,35	2,3
Благовещенский	1,9	2,8	Усень-Ивановский	0,2	4,9
Белорецкий и Тирлянск.	2,1	1,4	Юрюз. и Минский	1,3	4,1
Верхоторский	2,7	3,4	Азвенопетровские	не было	1.9
Катав-Иванов. и Усть-Катавский	0,99	5,1	Каноникольский	„	не было
Преображенский	5,1	5,8	Когинский и Узянский	„	„
Симский и Миньярский	1,8	2,9	Шильвинский	„	„

На Воскресенском и Богоявленском заводах крестьяне занимались хлебопашеством, но размер угодий неизвестен.

Все эти обстоятельства, не в достаточной мере взвешенные властями, напомнили о себе, когда приступлено было к проведению уставных грамот [1]). Ближайшими последствиями этого явились крестьянские волнения и беспорядки, охватившие значительную часть горнозаводских имений.

Волнения эти, представляя каждое в отдельности известные особенности, в зависимости от местных условий, все же в существе своем имели много общего, ибо вызывавшие их причины были большей частью одни и те же. И внешние формы, в которых волнения проявлялись, равно как и меры, которые принимались для подавления их, были чаще всего одинаковые. Общая картина такова.

При составлении помещиками грамот, особенно первых, осенью 1861 г. крестьяне, очевидно, плохо понимая значение совершавшейся перемены, слабо реагировали на происходившее. Затем, уже при введении грамот, а в некоторых случаях и позднее, когда крестьяне *почувствовали* практическое значение возлагавшихся на них грамотами обязанностей, они стали указывать на неприемлемость условий грамот в виду незначительности наделов, недоброкачественности почвы, суровости климата, обременительности оброка и других повинностей и т. д. Вскоре стало все чаще и чаще обнаруживаться недовольство полученной «волей», возникло сначала желание, затем надежда и, наконец, вера в получение в недалеком будущем иной, настоящей воли—без оброка и повинностей в пользу помещика. Эту веру охотно поддерживали как те, которые сами искренне верили в эти «бессмысленные мечтания», так и те, которые в ней искали забвения от серой, неприглядной действительности. Недовольство крестьян питалось также причинами, коренившимися в их внутренней жизни. Таковы: преобладающее влияние более зажиточных и давление их на более бедных, образование элемента кулачества и, как неизбежный спутник этого явления, неравномерная, в ущерб беднейшим, раскладка повинностей, разверстание угодий и т. д.

Главной заботой властей при ликвидации волнений было скорейшее восстановление внешнего порядка, а отнюдь не справедливости в отношении к крестьянам. С требованиями справедливости считались лишь постольку, поскольку они не шли в разрез с «порядком» в виде своевременной уплаты оброка, податей и т. д. Уездные исправники и мировые посредники охотно начинали восстановление порядка с «увещаний», которые—по их уверениям—никогда не выходили за пределы «кротости», а по жалобам крестьян—нередко принимали со стороны исправников форму «своеручных расправ». Эти увещания оставались обыкновенно безрезультатными. Тогда исправники доносили губернатору (Аксакову, сменившему Барановского), у которого просили содействия. Губернатор рекомендовал вразумление ослушников, а при безуспешности более решительные меры воздействия. В случае особого упор-

---

[1]) Впоследствии Оренб. губ. присутствие, поняв свою ошибку, стремилось искусственно замедлять ход введения в действие грамот в отдельных случаях, чтобы продлить обязательное для заводчиков снабжение заводских людей провиантом.

ства крестьян губернатор лично появлялся в месте волнений. Начинал губернатор тоже с увещаний и вразумлений, затем переходил к угрозам, обыкновенно завершавшимся военной экзекуционной командой, арестом наиболее упорных и активных, которых до отсылки в тюрьму нередко наказывали розгами [1]). Случалось, что уже после экзекуции губернатор вступал в разговоры с крестьянами и, по его словам, убеждался в полной основательности их недовольства. Обо всех событиях на заводах губернатор доносил министру внутренних дел и государю. «Верхи», повидимому, одобряли способы прекращения крестьянских волнений.

Только в одном случае министр вн. дел счел нужным отнестись критически к действиям местных властей. Усмотрев из рапорта губернатора, что он предоставил крестьянам право посылать делегатов к государю с прошениями, министр поспешил указать губернатору на «неуместность и неудобство» этого разрешения. Губернатор принял это указание своего шефа к точному руководству и исполнению, как бы желая искупить свою излишнюю снисходительность к крестьянам. Обо всех крестьянских делегатах, отправлявшихся в Петербург от имени своих обществ с просьбами и жалобами о своих нуждах, губернатор немедленно доносил министру, который в срочном же порядке давал надлежащие распоряжения Петербургскому военному генерал-губернатору, и в результате крестьянские ходоки едва успевали прибыть в Петербург, после долгого и утомительного путешествия, на которое они тратили трудовые мирские гроши, как их отправляли на родину по этапу...

Л. М. Айзенберг, К трагедии горнозаводских крестьян в Оренбургском крае („Архив истории труда в России", кн. 6—7).

40. Из летописи рабочих волнений.

Тяжелое положение и эксплуатация фабрикантов вызывает рабочих на экономическую борьбу, которая сразу приобретает политический характер, благодаря вмешательству правительства в пользу капиталистов. Несмотря на отсутствие политических требований, рабочие все же боролись против царского правительства, поскольку они оказывали сопротивление войскам или полиции. Экономическая борьба носила, по преимуществу, стихийный характер, так как еще не существовало массовых рабочих организаций. С другой стороны, экономическая борьба усиливалась в зависимости от роста капитализма.

Если не считать волнений рабочих в шестидесятых годах и мелких стачек в петербургских мастерских (в 1868 г.), первая забастовка в современном смысле этого слова произошла на Невской Бумагопрядильне в Петербурге 22 мая 1870 года [2])...

[1]) Впоследствии эти приемы стали применять и уездные исправники, а также командированные губернатором жандармские офицеры.

[2]) См. № 41.

Забастовка на Невской бумагопрядильне послужила началом для забастовочного движения в России. Промышленный под'ем (в начале 70-х годов) вызывает рост экономической борьбы рабочих.

Так, в июле 1870 года произошла забастовка доковых рабочих в Кронштадте в виду отказа подрядчика платить за «дождливые дни и часы»... Далее, пару месяцев спустя, в одном заведении для выделки мехов в Вологодской губернии двадцать рабочих об'явили забастовку, требуя, чтобы хозяин отпускал им мягкий хлеб вместо черствого (двое рабочих были высланы в этапном порядке, хотя забастовка продолжалась всего один день). Тогда же бастовали ткачи в Белостоке, портные в Петербурге и суконщики в селе Сетунь (под Москвою). В следующем году происходили новые волнения в Орехове-Зуеве и забастовка извозчиков в Одессе. Забастовка извозчиков, вызванная введением таксы и охватившая до четырех тысяч человек, привела к тому, что действие циркуляра 1870 г.[1]—т. е. административная высылка— было распространено сверх фабрично-заводских рабочих также на участников всяких других забастовок. Рабочие Холуницких заводов (Вятской губ.) выступили против владельца, требуя аккуратной выдачи заработной платы (рабочим платили раз в месяц и реже). Благодаря вмешательству властей, движение было ликвидировано и зачинщики высланы.

Большими размерами и бурным характером отличались происходившие в 1872 г. волнения на Кренгольмской мануфактуре (близ Нарвы)[2].

Из позднейших выступлений отметим забастовку на солеварных промыслах Баскунчакского озера (в 1873 г.), вызванную неаккуратными расчетами. Во время забастовки об'ездчики по приказанию управляющего замучили одного рабочего на смерть, но жандармские власти замяли дело.

Солидарность рабочих разных предприятий особенно выявилась при забастовке рабочих на табачной фабрике Дурунча в Вильне (в 1875 г.), требовавших повышения заработной платы и «передачи рабочей кассы в ведение выборных от рабочих». Рабочие вошли в соглашение с рабочими других трех табачных фабрик, обещавшими им поддержку. Однако, забастовка была ликвидирована полицейскими мерами, причем рабочие Дурунча получили общий расчет. В следующем году происходила забастовка морозовских рабочих в Орехове-Зуеве из-за штрафов (в 1876 г.). Штрафы достигали нередко таких размеров, что даже не покрывались заработком; подобный невыработанный штраф вычитался обыкновенно с родных этих фабричных, которые работали на той же фабрике. Борьба кончилась победою рабочих.

За период с 1870 по 1877 г.г. пресса отметила двадцать одну забастовку— около двадцати тысяч участников.

Непродолжительный застой (в середине 70-х годов) сменился новым промышленным под'емом с 1878 года; тогда и забастовочная волна поднимается выше, чем за предыдущий период. «Стачки в большинстве случаев продолжают носить оборонительный характер, в отличие от стран с развитым и

[1]) См. № 41.
[2]) См. № 42.

организованным рабочим движением, где периоды промышленного под'ема являются периодами агрессивного движения рабочих». Но, с другой стороны, благодаря промышленному под'ему, рабочие легче, чем в предыдущий период, добивались удовлетворения своих требований, несмотря на усиление полицейских репрессий. При этом, в связи с большей легкостью, с которой стачечники добивались успеха, стоит менее значительное, чем в предыдущий период, количество случаев, когда мирная стачка осложнялась разгромом зданий и подобными явлениями.

Всякий раз, когда рабочие выступали на защиту своих материальных интересов, они попрежнему сталкивались с царизмом, защищавшим интересы хозяев.

Уложение о наказаниях (изданное еще в 1845 г.) карало за стачку арестом: зачинщиков — сроком от трех недель до трех месяцев, а прочих участников — от семи дней до трех недель. Это показалось правительству слишком «мягким», и тогда (в 1870 г.) был издан циркуляр об административной высылке. Вскоре (в 1874 г.) в уложение был внесен новый пункт, угрожавший за принадлежность к сообществу, имеющему целью «возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбуждение к устройству стачек», наказанием, начиная с заключения в крепость на восемь месяцев до ссылки на жительство в Сибирь с лишением всех особых прав и преимуществ.

Начало промышленного под'ема (1878 г.) ознаменовалось грандиозной забастовкой рабочих на Новой Бумагопрядильне в Петербурге, где работало свыше двух тысяч чел... Рабочие (16 марта) вывесили на фабрике свои требования в следующей редакции: «1) Почти 15-ти часовая в течение дня на ногах работа — непосильна; она убивает здоровье даже самого сильного человека, а на фабрике, кроме мужчин, работают и женщины и дети. Рабочие требуют сократить рабочее время на два часа. Начинать работу они хотят в 6 час. утра и кончать в 7 час. вечера, уделяя из этого времени полтора часа на обед. 2) Теперь начальство само сознало, что брать одну копейку в день за вонючую и не всегда кипяченую воду несправедливо, и обещается давать эту воду даром. Но это не подачка, а уступка необходимости. Теперь рабочие требуют, чтобы эти копейки, составляющие в год три рубля, были выданы рабочим обратно... ведь их брали не по правилам и даже в рабочих книжках о них не было упомянуто. 3) Инструменты и машины, а также части машин хозяева всегда выбирают сами и выбирают потом с лихвой затраченные на них деньги с рабочих. Но машины и инструменты не вечны: они постоянно ломаются, как и всякие другие вещи, и нас, рабочих, заставляют, кроме того, платить и за эту неизбежную порчу, взваливая на нас обвинения в умышленной их порче. Но кто же будет в этих случаях решать спор между рабочими и хозяином? Мы требуем уничтожения § 3 правил, чтобы за поломку челноков, вилок и щеток не взималась с нас плата. 4) Мы требуем непременно отмены штрафов за дурное поведение, так как *хозяин или его наемные холуи не могут быть беспристрастными судьями нашей нравственности»*.

Далее шли требования об уменьшении штрафов за прогульные дни, о повышении расценок на 10% и освобождении арестованных.

Уже эти требования, толково составленные, выделяют забастовку из ряда других. Дело в том, что активную роль в движении играла революционная организация «Земля и Воля». На фабрике существовал небольшой революционный кружок. Но в общей своей массе рабочие, вчерашние выходцы из деревни, наивно верили в царя и начальство... Рабочие, вопреки уговорам революционеров, решили отправиться к наследнику[1]), чтобы лично подать ему жалобу. За составлением петиции рабочие обратились к революционерам. Несмотря на то, что те были против этого обращения, пришлось уступить просьбам рабочих, и петиция была составлена. В петиции рабочие жаловались на притеснения хозяев и полиции и просили допустить в следственную комиссию (для расследования жалоб) представителей рабочих.

Конец петиции напоминает текст той, которая была составлена в январские дни 1905 г., — возможно, что она послужила образцом для составителей последней. «Мы, — заявляют рабочие, — обращаемся к Вам, как к отцу. Если не будут удовлетворены наши справедливые требования, то мы тогда будем знать, что нам не на кого надеяться, что никто не заступится за нас и что мы должны положиться на нас и на свои руки».

Петиция была принята градоначальником, обещавшим передать ее по назначению. Но никакого ответа на нее не последовало.

Такой же характер (т. е. с хождением в полицию и к наследнику) носило выступление рабочих прядильной фабр. Кенига (в Петербурге, 1878 г.). Бастующие потерпели поражение, и на фабрику были наняты новые рабочие. В том же году бросили работы табачницы двух фабрик (Мигри и Шапшала) из-за понижения расценок; борьба кончилась в пользу работниц.

Нередко стачки прекращались воинскими частями. Так, например, вооруженной силой была ликвидирована забастовка на металлургическом заводе Юза в Юзовке (в 1878 г.), где рабочие бастовали из-за неаккуратной выдачи заработной платы. Полицейскими репрессиями была задавлена вторичная стачка на Новой Бумагопрядильне (в 1879 г.), которая возобновилась в виду увольнения многих участников первой стачки. Бросив работы, забастовщики пред'явили требования, аналогичные прошлогодним. К забастовке примкнули рабочие Нарвской бумагопрядильни. Забастовщики действовали организованно: они обратились с просьбой о материальной поддержке к рабочим всех фабрик, рассылали воззвания[2]), собирались на сходки. Волнение передалось на все текстильные фабрики. Но власти на десятый день подавили забастовку; был произведен ряд арестов и высылок, а все малолетние стачечники наказаны розгами.

Следует особо отметить, что во время забастовки лавочникам запрещено было выдавать стачечникам продукты в долг.

---

[1]) Будущему Александру III.

[2]) Эти воззвания, составленные рабочими, заканчивались лозунгом: „Все за одного, один за всех!“

В том же году произошел ряд забастовок, направленных к улучшению разнообразных сторон экономического быта: за повышение заработной платы (около четырех тысяч рабочих в Серпухове и полторы тыс. в Иваново-Вознесенске; обе окончились победой рабочих), против удлинения рабочего дня с 10 до 11 ч. (две тысячи мастеровых железно-дорожных мастерских в Киеве), против понижения расценок (в Серпухове четыре тыс. рабочих на фабрике Коншина и в Петербурге на Семянниковском заводе, причем обе забастовки окончились победою рабочих). Невыдача заработной платы в срок вызвала на Семянниковском заводе перед пасхой «бунт» в виде разгрома заводских помещений; прибывшие казаки избили рабочих нагайками...

Всего, по приблизительным подсчетам, было с 1878 по 1880 г.г. до тридцати забастовок, в которых участвовали от тридцати до тридцати пяти тысяч рабочих.

Экономическая борьба была прервана кризисом; последний начался в 1880 г., усилился в следующем году и продолжался вплоть до 1887 г. В Петербурге крупные заводы начали распускать рабочих. Заработная плата сильно упала. Крупные фабриканты, не сократившие заработной платы, уменьшили ее в скрытой форме путем увеличения штрафов [1]).

В течение 1881—86 г.г. произошло около пятидесяти стачек, захвативших более 80 тысяч рабочих. Борьба носила оборонительный характер; она была направлена против понижения расценок и увеличения штрафов как скрытой формы понижения платы. Забастовки эти отличались как многочисленностью участников, так и острым характером борьбы. Кроме того, забастовки носили более организованную форму.

В начале этого периода (1880 г.) вспыхнула большая стачка на Хлудовской мануфактуре (в Смоленской губернии). Положение рабочих было очень тяжелое, в особенности жилищные условия. По официальным данным, «квартиры рабочих — ужасные вертепы нищеты, насквозь пропитанные миазмами отхожих мест и всяческих нечистот. В одной девятиаршинной избе — 27 рабочих, половину избы занимает огромная русская печь, углы завалены мешками с мукой, а под полом хранятся запасы картофеля. Вместо столов — бочки из под селедок и грязные доски из неструганных досок»... Поводом к возмущению послужило уменьшение заработной платы (на 10%), а также большие и произвольные штрафы и вычеты.

Более ожесточенный характер имела знаменитая забастовка в Жирардове (1882 г.), положившая начало забастовочному движению в Польше. Она была об'явлена в знак солидарности бастующим шпульницам, потребовавшим сохранения старой нормы оплаты труда и сокращения рабочего дня на один час. Дело дошло до столкновения восьми тысяч стачечников с войсками, причем первым же залпом было убито трое и ранено тринадцать рабочих....

---

[1]) Подробное описание этого кризиса см. у С. Приклонского. Хроника рабочего труда („Дело", 1883 г., № 1).

Следует также отметить организованный характер забастовки 70 еврейских ткачей в Белостоке (в 1882 г.). Она происходила при поддержке со стороны небастовавших еврейских рабочих, которые обложили себя определенным сбором в пользу забастовщиков, и при бойкоте мест забастовщиков со стороны ткачей-немцев. Забастовка кончилась победой рабочих.

В Александровских железнодорожных мастерских путем «саботажа» (загромождение железнодорожного пути) происходила борьба против системы сдачи работ подрядчикам. Когда жандрамские власти привлекли к суду одиннадцать рабочих, все стачечники (двести ч.) явились в камеру мирового судьи, требуя, чтобы и их привлекли к ответственности.

Вышеприведенные примеры достаточно выпукло иллюстрируют солидарность рабочих масс в их борьбе против эксплуатации. Особенно рельефно это выявилось в грандиозной, на фабрике Саввы Морозова (Т-во Никольской мануфактуры), стачке в Орехове-Зуеве (в 1885 г.), которая признается классической в истории рабочего движения в России: она выделяется организованностью, солидарностью и упорством рабочих [1]).

Пример Морозовской стачки ободрил иваново-вознесенских рабочих. Происходившая в сентябре 1885 г. забастовка пяти фабрик привлекла шесть тысяч рабочих. Они требовали повышения расценок и добились успеха. Ноябрьская забастовка на фарфоровом заводе Кузнецова в том же году была подготовлена на тайном собрании рабочих.

Чем дальше, тем более организованный характер носило рабочее движение. Осенними забастовками 1886 г. руководили уже кружки рабочих-социалистов, имевших связи с народовольческими кружками интеллигенции....

В последующие годы (1887—89) рабочее движение несколько затихло. Из этого периода особенно любопытна происходившая в течение июля и августа 1887 г. забастовка ткачей Белостока: пока одни мастерские бастовали, другие продолжали работать и поддерживать бастующих. Рабочие победили и добились увеличения расценок.

Из книги Макса Гордона—Очерк экономической борьбы рабочих в России.

41. Первая стачка среди фабричных рабочих (1870 г.) и ее последствия.

22 мая 1870 г. в Петербурге произошло событие, с виду совершенно незначительное, которое, однако, повлекло за собою серьезные последствия.

На Невской бумагопрядильной фабрике прядильщики, в числе 63 человек, об'явили, что не станут продолжать работать, если размер задельной платы не будет увеличен. Фабричная контора не признала возможным удовлетворить это требование, вследствие чего в одной части фабрики, в которой насчитывалось до восьмисот рабочих, производство приостановилось. Не-

[1]) См. № 56.

сколько дней спустя уполномоченные от рабочих представили директору фабрики проект новой расценки труда, но безуспешно. Тогда от имени восьмисот рабочих была подана жалоба (без подписей) петербургскому обер-полицеймeстеру на действия фабричной администрации. Прибывший (28 мая) на фабрику помощник обер-полицеймейстера и директор фабрики пытались убедить рабочих вернуться к станкам, но уполномоченные ответили отказом, а их примеру последовали и прочие рабочие.

Вот и все, что случилось. Не было никаких эксцессов, ни малейшего беспорядка. Все прошло бесшумно, без какого-либо нарушения «общественного спокойствия».

Однако, напряженно прислушиваясь к тишине, улавливаешь в ней странные звуки. И в тишине, царившей в майские дни на Невской фабрике, общественная мысль и правительство уловили неведомые ранее звуки. То были звуки *стачки*...

Нельзя сказать, чтобы само слово «стачка» было ново. Нет. Еще за двадцать пять лет до того законодатель впервые произнес его, признавая соответствующее деяние заслуживающим известной кары. «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», изданное в 1845 г., постановило: За *стачку* между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры *прекратить работы* прежде истечения условленного с содержателями сих заведений времени, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой ими платы, виновные подвергаются аресту при полиции: зачинщики сроком от трех недель до трех месяцев, прочие от семи дней до трех недель [1]).

Быть может, этот закон, сохранивший силу и в 1870 году, применялся на деле в течение протекших двадцати пяти лет. Но если это и бывало, то вероятно лишь по отношению к стачкам в небольших производствах [2]) и притом в таких условиях, когда стачка представлялась лишенной всякого не только политического, но даже серьезного социально-экономического значения.

Как бы, впрочем, ни было, конфликт между рабочими и капиталом, разыгравшийся на Невской фабрике, несмотря на то, что он все время оставался в мирной обстановке, сразу обратил на себя пытливый, а вместе с тем

---

[1]) Второе полное собрание законов № 19283, ст. 1792.—Предшествующая статья приравняла явное неповиновение рабочих владельцу или управляющему предприятием оказанное цельной артелью или толпой, „к восстанию против властей, правительством установленных". Дальнейшая статья, № 1794, установила: „В случае *стачки меж содержателями* фабрик, заводов и мануфактур, в намерении непомерно понизить плату своих работников, или-же заставить, вместо следуемой им платы деньгами, получать товарами, хлебом или другими какими-либо предметами", виновные подвергаются штрафу и обязаны вознаградить рабочих за понесенные ими убытки.

В законопроекте стачкой было названо вообще прекращение работы с целью повышения заработной платы; комиссия же, учрежденная для рассмотрения законопроекта, внесла выражение „прежде истечения условленного... времени".

[2]) В 1868 г. произошли стачки в некоторых петербургских мастерских. „Русские Ведомости", 1870 г., № 115 (передовая статья).

тревожный взор общества, как *первая* в России стачка фабричных рабочих, несомненная предвестница дальнейших подобных событий.

«Рабочие стачки — заявила московская газета «Русские Ведомости» — явление еще новое в России, и в таких размерах, как стачка невских рабочих, можно сказать — небывалое. «И у нас случилась стачка — воскликнула либеральная в то время петрбургская газета «Новое Время»—и нас не оберег бог. Дело об этом первом протесте в сфере нашего фабричного труда, совершившееся на Невской бумагопрядильной фабрике, несмотря на всю свою неполность, вызвало, однако, весьма много толков».

Естественно, что пред обществом стал важный вопрос: как отнесется к невской стачке правительство?

Стачка — читаем мы в «Русских Ведомостях» — это «своего рода генеральные битвы, на которые время от времени капитал бывает вызываем трудом»; исход борьбы зависит от материальной устойчивости каждой из сторон; но возникает вопрос о той позиции, которую может занять между двумя враждующими лагерями правительственная власть, без вмешательства которой невская стачка, вероятно, не обойдется; надо преследовать беспорядки,—продолжала газета—но справедливо ли видеть в одном лишь факте нежелания людей работать за известную плату и требующих повышения ее, справедливо ли видеть в этом нечто почти преступное и заслуживающее кары? Нельзя пожелать правительству роли усмирителя уподобляемой бунту стачки, помощью войск, для понуждения рабочих продолжать работу.

Невская стачка, как было выше отмечено, прошла внешне совершенно спокойно, не дав повода для физического столкновения полиции с рабочими. Петербургский обер-полицеймейстер генерал-ад'ютант Трепов доложил (26 мая) министру вн. дел, что «рабочие никакого беспорядка не произвели»; но так как, согласно правилам, утвержденным в 1862 г. обер-полицеймейстером, рабочие на фабриках не имели права оставлять работу, не предупредив об этом за месяц, а с другой стороны — по силе Уложения о наказаниях стачка каралась, то о поступке рабочих на Невской фабрике он сообщил судебному следователю.

Дело было рассмотрено 13 июня 1870 г. в петербургском окружном суде. Судебное следствие не обнаружило зачинщиков. Из 63 рабочих, привлеченных к ответственности, пятеро были оправданы; четверых: Семена Владимирова, Федора Петрова, Бориса Потапова и Василия Акулова, суд приговорил к аресту при полиции сроком на семь дней, а остальных—на три дня.

Этот исход судебного процесса не удовлетворил, как видно, либеральную часть общества, которая, судя по мнению, высказанному «Новым Временем», хотела, чтобы стачка была рассматриваема как нарушение гражданских интересов сторон, а не уголовного кодекса.

Что касается правительственной власти, то, заглянув столь же пытливо и тревожно, как общество, в глубь невского события, она негодующе встретила судебный приговор; незначительная кара, наложенная на главных деятелей стачки, была принята правительством за дерзкий вызов, порожденный тлетворными веяниями времени.

Донеся 1 июля управляющему министерством внутренних дел кн. Лобанову-Ростовскому, что суд приговорил упомянутых выше четырех «руководителей действиями других рабочих» к семидневному аресту, обер-полицеймейстер Трепов заявил: «Имея в виду, что Владимиров, Петров, Потапов и Акулов постоянных занятий ныне не имеют, а потому находя дальнейшее пребывание их в С.-Петербурге, по роду совершенного ими проступка, весьма вредным для общественного порядка, считаю долгом представить о вышеизложенном на благоусмотрение вашего сиятельства, испрашивая вашего разрешения на *высылку означенных четырех лиц из столицы на родину,* по приведении над ними судебного решения в исполнение, с нарочными городовыми, с тем, чтобы над высланными местное начальство имело особый надзор»...

Мысль об административном преследовании зачинщиков стачек вообще возникла еще до 1-го июля, причем высылка должна была иметь целью не усугубить кару, наложенную судом, а предотвратить малейшее вмешательство судебной власти в таковых случаях.

Еще 30-го июня управляющий министерством внутр. дел Лобанов-Ростовский послал конфиденциально управляющему делами третьего отделения собственной его величества канцелярии, генералу Мезенцову, нижеследующий проект секретного циркуляра губернаторам:

«В начале текущего лета вольнонаемные фабричные люди, занимающиеся работами на одной из самых обширных фабрик близ Петербурга, устроили между собою стачку, для того, чтобы вынудить хозяев фабрики увеличить заработную плату. По этому поводу назначено было следствие, и затем дело обращено было к судебному разбирательству, исход коего в свое время был опубликован в столичных газетах.

«Стачка рабочих Невской бумагопрядильной фабрики, как явление совершенно новое, до сего времени еще не проявлявшееся в среде нашего рабочего населения, обратило на себя высочайшее внимание, и государю императору благоугодно было повелеть мне поручить г.г. губернаторам, чтоб они имели самое строгое и неослабное наблюдение за фабричным и заводским населением, и в особенности за всеми теми неблагонамеренными личностями, которые могут иметь вредное влияние на толпу, так как, без сомнения, возникновение стачек между рабочими должно быть положительно приписано влиянию лиц, стремящихся перенести эту чуждую русскому народу форму выражения неудовольствия на нашу почву, с целью поселять смуты и производить беспорядок и волнения. Но, независимо от этого общего наблюдения, государю императору благоугодно было также повелеть, чтобы при первом полученном вами известии о стачке рабочих на каком-либо заводе и фабрике вверенной вам губернии, ваше превосходительство, *не допуская дела до судебного разбирательства* [1]), немедленно, по обнаружении полициею главных зачинщиков между фабричными людьми, *высылали* таковых, *не испрашивая предварительно на то разрешения Министерства Внутренних Дел,* в одну из

---

[1]) **Курсив принадлежит автору статьи.**

нижепоименованных губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Самарскую.

«О таковой высочайшей воле сообщая вашему превосходительству к руководству и исполнению, имею честь покорнейше просить вас, милостивый государь, в случае, если бы вы были вынуждены прибегнуть к применению предоставляемого вам ныне полномочия, уведомлять меня о сем по телеграфу, а вслед за сим, с первою же почтою, сообщать подробные сведения о всем ходе дела».

В тот же день, т. е. 30 июня, Мезенцев ответил, что с его стороны «никаких замечаний по настоящему вопросу не имеется», после чего проекту был дан ход: 3 июля он был представлен государю, который и утвердил его, а 6 июля означенный циркуляр (за № 1906), с отметкой «конфиденциально», был разослан губернаторам Европейской России, за исключением Царства Польского, Кавказа и Финляндии.

Юл. Гессен,—К истории стачек среди фабричных рабочих („Архив истории труда в России", кн. 3).

42. Волнения на Кренгольмской мануфактуре (1872 г.).

I.

По архивным материалам.

Такое положение рабочих [1]) постоянно вызывало их недовольство, но строгий режим и общая забитость удерживали их от борьбы с мануфактурой. Приходилось ждать того времени, когда какая-либо случайность даст возможность заявить свои требования. Мало-по-малу, вследствие перемены в фабричном управлении, падал авторитет фабричного начальства, вместе с тем рос произвол отдельных лиц в области наложения штрафов. Это вызывало глухое недовольство рабочих, и брожение усиливалось вследствие прилива новых рабочих из внутренних губерний России, которые приносили с собою вести о новых порядках, о реформах и о *новом суде,* где не было такого произвола, как в суде при мануфактуре.

Начавшееся брожение поддерживалось ткачами, которые по своему умственному развитию, квалифицированности и некоторой обеспеченности, оказывали влияние и на других рабочих. В возникших волнениях ткачи и были руководителями рабочих.

В июле 1872 г. Кренгольмская мануфактура приступила к углублению каменистого русла рукава реки Наровы, наняв до 800 каменщиков. В конце июля в г. Нарве и его окрестностях стала свирепствовать холера, унося много жертв. Кренгольмская мануфактура, вследствие антигигиеничности жизни рабочих и их истощенности, представляла удобную почву для развития этой болезни. Первыми жертвами ее сделались каменщики. Условия

[1]) См. выше, № 38.

труда их были еще хуже, чем рабочих. Ежедневные зрелища покойников, провозимых по главным улицам Кренгольма, мимо рабочих казарм, действовали до того потрясающе, что остальные каменщики решили уйти на родину. 2 августа они явились в количестве 200 чел. в г. Нарву к жандармскому офицеру и просили его позволения оставить мануфактуру. Управление мануфактурой воспротивилось их уходу, но они ушли самовольно, оставив свои паспорта и не получив расчета. Уход каменщиков отразился на настроении рабочих.

14 августа заволновались ткачи, которые просили разрешения заявить свои просьбы. В зале конторы их собралось до 500 чел., они выбрали 10 уполномоченных и подали через тех свою записку, с указанием тех льгот, которые были обещаны мануфактурой при их найме, а потом отняты. Прочитав записку, администрация мануфактуры об'явила, что некоторые просьбы (маловажные) будут удовлетворены, другие же удовлетворены быть не могут (напр., сократить рабочее время на ½ часа на обед). Ответ был выслушан мирно, но рабочие не доверяли обещаниям, хотя разошлись спокойно, попросив администрацию мануфактуры пригласить в конце недели на фабрику директоров из Петербурга. Администрация обещала. Рабочие же требовали, чтобы была дана подписка в том, что директора будут приглашены.

Вся неделя прошла спокойно. Рабочие ходили на работу в определенные часы. Между тем холера не прекращалась. 18 августа, после обеда, 12 ткачей заявили фабричному начальству, что они в субботу на работу не пойдут, если не приедут директора. На фабрике ни уполномоченного, ни его поверенного не было. В субботу рабочие вышли на работу, хотя директоров не было. В воскресенье 20 августа приехал начальник жандармского управления и уполномоченный правления, которому сделалось известным, что на следующий день рабочие *решительно отказываются итти на работу*. В понедельник приехал в Кренгольм эстляндский губернатор; по его распоряжению было предложено толпе рабочих, собравшись в зале конторы, избрать выборных—40 человек из ткачей и 20 человек из прядильщиков. Наконец, приехали директора и приступили к разбору заявлений рабочих [1]).

Самое главное требование о регулировании штрафов и прекращении произвола мастеров даже и не рассматривалось. Были сделаны лишь небольшие уступки, но главное осталось без удовлетворения, и в сущности положение дел на мануфактуре почти не изменилось. Этот «акт» все-таки был

[1]) Начинать работать утром в 5½ часов; на обед 1½ часа; за кусок материи в 50 арш. платить 40 коп. за работу; за испорченные части машин вычитать только стоимость их в готовом виде, а не по произволу управления фабрики; за малую выработку не штрафовать, а дать расчет или удалить с машины; давать записки на временную отлучку домой по болезни или по другим необходимым обстоятельствам; удалить из больницы фельдшера Палкина; старосту Петра Сека сменить и разрешить на будущее время выбирать старосту обществом фабрики; за детей, которые в школу не ходят, не высчитывать денег; не взыскивать двух проц. в пользу больницы и церкви (последняя уже не существовала); церковного старшину К. Сека, работников Густ. Брунса и Кареля Пакальски удалить из фабрики за разные противозаконные действия.

некоторой моральной поддержкой рабочим, которые увидели, что мануфактура не является той незыблемой силой, какой она казалась рабочим. Рабочие вели себя тихо, претензии не заявляли и благодарили губернатора и уполномоченного правления за участие к ним. Порядок был восстановлен. Между тем фабричное управление, сделав уступки, старалось отобрать назад все льготы. Староста Петр Секка, о смещении которого особенно просили рабочие, остался и придирался к рабочим на каждом шагу.

9 сентября разнесся слух, что двое рабочих Брунс и Пиккамяги с одобрения заведывающего полицейской частью мануфактуры составили прошение об отмене льгот и приглашают некоторых рабочих, по их выбору, в трактир на Кренгольме, обещая угостить водкой за подписание бумаги. Тогда толпа из 15 человек явилась в трактир и потребовала бумагу. Брунс и Пиккамяги бежали.

10 сентября шестеро рабочих явились в Нарву к жандармскому офицеру с заявлением, что они хотят отправиться к губернатору и просить его о расследовании дела Брунса и Пиккамяги. Жандармский офицер направил их *к гакенрихтеру*. Последний явился на фабрику по вызову мануфактуры, произвел дознание и приговорил четырех рабочих за самоуправство и буйство к аресту на семь дней при нарвской полицейской тюрьме. Гакенрихтер стал разыскивать бунтовавших рабочих. Тогда ткачи в числе 200 чел., оставив работу, ворвались в контору, требуя освобождения арестованных.

После отказа ткачи об'явили, что они никого не пустят на работу, и в 12½ ч. дня толпа ткачей загородила узкий мост, ведущий на мануфактуру, и угрожала дубинами тем, кто хотел итти на работу. Все усилия убедить их отказаться от этого были напрасны. Часть рабочих стала собираться против квартиры уполномоченного, часть же отправилась в Нарву освобождать товарищей. Гакенрихтер стал арестовывать рабочих дальше, но получил несколько ударов камнями. Толпа расположилась в поле, где водрузила шест с флагом. Собралось до 1000 человек. Взяв камни, толпа окружила дом управляющего, выломала двери и освободила арестованных. В это время появилось войско, которое одним натиском, не употребляя оружия, разогнало толпу. На другой день, 12 сентября, волнение возобновилось, рабочие бросали в патрули камнями и отказывались встать на работу.

В помощь отряду в 220 человек было вытребовано губернатором подкрепление из Ямбурга. Беспорядки прекратились. Мануфактура была закрыта на пять дней для выяснения происшествия.

Особая правительственная комисси выяснила необходимость улучшить положение рабочих, подчинив их общеимперскому законодательству.

В ответ на это управление мануфактуры об'явило, что оно закроет фабрику, ссылаясь на постановления, напечатанные в рабочих книжках, предоставляющие ей судебно-полицейское право. Но по рассмотрении этих постановлений оказалось, что они никем не были утверждены, напечатаны бесцензурно и главное—противоречат законам.

В результате сложной и долгой переписки фабрично-полицейский устав мануфактуры был отменен, гражданские дела рабочих предоставлены для раз-

бора Вайварскому кирочному судье; были также сделаны частичные улучшения быта рабочих.

С. Фарфоровский, Жизнь рабочих на Кренгольмской мануфактуре („Архив истории труда в России", кн. 2).

II.

По воспоминаниям рабочего-участника.

В 1872 году у нас была сильная холера, так что каждый день умирало 45—50 чел. С больными начальство обращалось бесчеловечно. Так, например, одного рабочего тащили в покойницкую будку, но на пути оказалось, что он был еще жив. Таких примеров было много, и они естественно усиливали негодование рабочих. Но сигналом к стачке, как это часто бывает, послужил сравнительно мелкий факт. Дело в том, что директор, вероятно, ради гигиенических целей, приказал отворить на фабрике все окна и при этом заявил, что если кто запрет окно, то тот подвергнется пятирублевому штрафу. В фабрике стало так холодно, что не было никакой возможности работать. Мы целой толпой направились к директру. Директор встретил нас довольно ласково и спросил о причине нашего прихода. Мы прежде всего заявили наш протест насчет окна, на что директор очень вежливо ответил, что он желал нам только одного добра и ради нашей же пользы велел провентилировать фабрику, но что если нам это не нравится, то он прикажет затворить окна. Но мы этим не удовлетворились. Мы значительно расширили свои требования и стали настаивать, чтобы хозяин восстановил те условия работы, которые существовали при основании фабрики. Директор задумался. Минут через десять он вышел к нам и об'явил, что так как он такой же подневольный человек, как и мы, то он от себя много сделать не может, что пока он нам разрешит только начинать работу позднее на ¼ часа, прибавит нам на обед 15 минут и дозволит носить с собой завтрак на фабрику, что нам строго запрещалось. О наших же требованиях обещался об'явить хозяевам. В заключение он просил нас подождать неделю; мы согласились и отправились на работу.

Миновала неделя, а ответа от наших хозяев все еще не было. Вновь мы собрались толпой и, придя к директору, стали требовать своих прав. Но на этот раз директор совершенно изменил свою тактику; он закричал на нас, говоря, что мы должны быть довольны тем, что уже получили от него, и приказал нам итти работать. Но рабочие отказались повиноваться его приказанию, продолжали настаивать на своих требованиях. Директор рассердился и ушел, оставив нас в конторе. Между тем движение наше разросталось все больше и больше. До сих пор в стачке участвовали одни ткачи, но в этот день прядильщики, узнав наши требования, остановили свои машины и присоединились к нам. Таким образом мы все вместе, ткачи и прядильщики, дожидались в конторе. Часов в 12 к нам явилось начальство: директор и жандармский полковник с жандармами. Они просили нас заявить им о своих

требованиях, что и было нами исполнено. После этого Кольбе [1]) стал просить нас итти на работу, обещая дать нам 2 часа на обед, а об остальном известить нас через неделю. Мы согласились ждать. Через неделю к нам действительно приехал из Ревеля губернатор. Он пошел по фабрике и давал нам рукой знак следовать за ним в контору. Мы остановили станки и отправились вслед за ним. Губернатор просил нас выбрать из своей среды сорок человек, чтобы переговорить с ним о нашем деле. Мы исполнили эту просьбу, и губернатор удалился с нашими выборными в директорскую контору, а мы остались в хозяйской конторе в ожидании результата переговоров. Через некоторое время совершенно нежданно для нас к нам снова явился губернатор и, приняв суровый вид и топнув ногой, закричал на нас громким голосом: «Марш на работу», но в ответ на это раздались свистки, насмешки... Губернатор сильно разгневался, говоря, что он поедет в Петербург и, приведя три полка солдат, накажет всех бунтовщиков. Но все было напрасно — рабочие смеялись на его угрозы. Губернатор, видя, что это не помогает, переменил свой тон и стал нас расспрашивать о причинах нежелания итти работать.

Мы заявили ему о своих желаниях и потребовали освобождения наших выборных, которые были заперты в конторе, так как мы боялись, чтобы они не были арестованы. Последнее наше требование было немедленно исполнено. Отпуская наших выборных, губернатор просил их уговорить других рабочих итти на работу. Просьба их подействовала, и мы ушли работать, между тем выборные остались, чтобы совещаться с губернатором. К вечеру совещания кончились, и наши выборные об'явили нам те льготы, на которые согласился и губернатор. Правила, данные нам, были следующие: 1) ткач должен сработать в день 90 аршин полотна на двух станках, т. е. 45 арш. со станка; 2) работа должна начинаться утром в ¼ шестого, но рабочие могут приходить и в ½ шестого, не подвергаясь штрафу; 3) на обед давать 1¼—с 12 до 1¼, но мы могли приходить и в ½ второго; 4) за повреждение машин не взыскивать штрафа; 5) завтрак дозволить носить на фабрику. Этими новыми правилами мы остались довольны. Но Кольбе они не понравились и он, желая повредить нашему делу, подкупил десять человек прядильщиков и, дав им по 10 рублей, заставлял их подписать какую-то бумагу. Дело это велось, конечно, в глубочайшей тайне, но ткачам, однако, удалось во время проведать о нем. Ткачи, первые узнавшие об измене, бросились в трактир, где собрались предатели. Но им не удалось захватить врасплох изменников, которые, заметив их приближение, успели уничтожить бумагу, содержание которой так и не узнали.

Этот случай послужил поводом к возобновлению стачки.

На другой день утром мы выбрали шесть человек и отправили их в город к жандармскому полковнику. Полковник, выслушав их, велел им притти к себе в 6 часов вечера, но когда они явились в назначенное время, полковник принял их сурово и велел арестовать одного из них; остальные пять человек

[1]) Уполномоченный Кренгольмской мануфактуры.

заявили полковнику, что он должен арестовать и их, что они не оставят своего товарища и не уйдут без него.

Полковник арестовал и их. Все они были посажены в тюрьму. Об этом происшествии на фабрике узнали только на второй день. Тотчас же все машины были остановлены, и рабочие бросились к Кольбе и стали требовать освобождения товарищей. Он сперва об'явил, что ничего не знает об их судьбе, но потом, после долгих наших требований, прибавил, что товарищи наши не возвратятся. Услышав это, мы немедленно все ушли с фабрики с твердым намерением не возвращаться на работу до тех пор, пока не выпустят арестованных товарищей.

После обеда мы все собрались у моста, через который ходили на фабрику. Уже было 2 часа, когда к нам явилось начальство. То были: Кольбе, исправник и директор. Они стали уговаривать нас итти на работу, но мы отказались исполнить их просьбу до возвращения арестованных товарищей. По уходе начальства мы решились итти в город, чтобы требовать освобождения наших выборных.

Когда мы пришли туда, то увидели своих товарищей. Они сидели в полиции. Мы стали требовать, чтобы их выпустили, но нам отказали, и жандармский полковник, явившийся к нам, заявил, что они будут отправлены в Ревель. Так как уже наступил вечер и рабочие чувствовали усталость, то они не стали ломать полицию и воротились домой.

На возвратном пути из города нас встретил мальчик, который сообщил нам, что хозяин с жандармами, воспользовавшись нашим отсутствием, били женщин и детей и посадили их в карцер и подвалы, заставляя их работать. Мы поспешили к ним на выручку. Слова, сказанные мальчиком, оправдались.

Это возмутило нас всех до крайности, и мы, не помня себя от гнева, начали бить все, что только попалось под руки. Первым пострадал карцер, потом подвалы, где были посажены женщины; затем мы проникли в хозяйский дом и переломали там мебль, выбили окна. Мы искали хозяина, но не могли найти; как потом мы узнали, он спрятался в городе.

Для нашего усмирения скоро явились войска... Мы приготовились к защите и разделили свои силы на три партии: первая партия состояла из 2.000 человек и должна была отправиться на вокзал и следить там, чтобы арестованных товарищей не увезли в Ревель; вторая партия должна была стоять на мосту и не пускать никого на фабрику; она состояла из 4.000 человек; наконец, третья партия состояла из 6.000 человек и обязана охранять женщин и детей от солдат.

Так мы провели ночь...

На другой день солдаты, по приказанию начальства, стали гнать нас на работу. Начались схватки между нами и солдатами. Хотя солдат был целый полк, но так как им не приказано было стрелять, то они не могли с нами справиться. Их били камнями, ломали их ружья... Схватки продолжались целый день.

Вечером к нам опять приехал губернатор и с ним еще полк солдат. На третий день губернатор стал производить следствие. На следствие привлекли

тех, кого заметили во время схватки с солдатами, привлекли сорок выборных, о которых я говорил выше, и других выборных, шесть арестованных в городе и двух изменников, державших сторону хозяина. Через 7 дней следствие кончилось.

Последствия были следующие: 1) Кольбе велено было оставить Нарву навсегда; 2) фельдшер, который дурно обращался с больными во время холеры, тоже должен был оставить Нарву; 3) введены были те правила, которые дал губернатор в первый раз нам и о которых я уже говорил; 4) 63 человека были арестованы и отданы под суд, в числе их были арестованные в городе. Из них суду были преданы только 26 человек. Дело их разбиралось в старом суде в Ревеле. Трое из них были приговорены к каторжным работам на восемь лет, в числе их был один питомец [1]) Николай Богданов; ему оставалось всего 16 дней до выхода из разряда питомцев. Через 16 дней он был бы вольным человеком, но он ударил часового и за это пошел на каторгу.

Остальных подсудимых сослали в Архангельскую губернию, некоторых на один год, других—на полгода.

Ткачи, несмотря на аресты, хотели продолжать стачку, но прядильщики взялись за работу, и ткачи должны были последовать их примеру.

Фабрика простояла только неделю.

Из воспоминаний Василия Герасимова, присланного на фабрику Воспитательным домом („Жизнь русского рабочего полвека назад. Записки рабочего-социалиста Василия Герасимова". Изд. „Красная Новь", 1923 г. С предисловием Р. Кантора).

43. Забастовки в Кинешемско-Юрьевецком фабричном районе (70-80 годы).

I.

Тяжелое положение фабричных рабочих Кинешемского района в 70 и 80 годах достаточно известно. Длинный рабочий день, система перепряжек (работа в две смены с четырехкратным чередованием смен в течение суток), низкие заработки, расплата товаром, отсутствие самых элементарных гигиенических условий работы (в фабричных помещениях) и вне ее (в рабочих казармах и на вольных квартирах), непомерные штрафы, произвол и грубое обращение со стороны фабричной администрации — все это на фоне общегражданского бесправия делало жизнь тогдашнего рабочего труднопереносимой, беспросветной. На почве этой беспросветности в широких размерах происходила деградация рабочего класса: процветали в массах бесшабашный пьяный разгул, азартные игры, половая распущенность с ее неизбежным спутником — сифилисом, царило глубокое невежество.

Было разлито в массах также широкое глухое недовольство своим положением, но оно тлело внутри под спудом, сравнительно редко прорываясь наружу — в форме отдельных забастовок или стихийных бунтов.

---

[1]) Т. е. подросток, присланный на мануфактуру из Воспитательного дома.

Первая известная нам забастовка в Кинешемском районе имела место на механической миткалево-ткацкой фабрике Зубкова в ноябре 1874 г. Фабрика эта была основана в 1873 г. и находилась в с. Далматове Никольской волости Кинешемского уезда при р. Мере, в 12 в. от Кинешмы. Видимо, на фабрике этой было неспокойно и в следующем 1875 г., потому что к кинешемскому исправнику поступило прошение купца Александра Зубкова об учреждении жандармского поста на Долматовской фабрике.

В начале 1879 г. забастовка на Долматовской мануфактуре, принадлежавшей тогда уже Миндовскому и Кокореву, повторилась. «Поводом послужили взыскания с рабочих долга по артели, вместе с тем рабочие заявили требование о прибавке. По обыкновению сообщили полиции — прибыл исправник. Когда бухгалтер об'яснил рабочим основания вычета за долги артели, они согласились, что вычет правилен, но настаивали на прибавке. Тогда исправник предложил фабричному управлению расчитать рабочих. Предложение это было исполнено, и когда приступили к расчету, рабочие возобновили работу».

Забастовка эта сопровождалась репрессиями. Исправником было привлечено несколько рабочих к судебной ответственности; губернатор же предложил сослать трех зачинщиков. Повидимому, состоялось последнее, так как министр вн. дел указал на недопустимость привлечения к суду. Министр опирался при этом на конфиденциальный циркуляр от 6 июля 1870 г. всем губернаторам, разосланный после известной стачки на Невской бумагопрядильной фабрике в Петербурге, которым предлагалось губернаторам при первом получении известия о стачках рабочих, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении полицией главных зачинщиков между фабричными высылать их, не спрашивая предварительно на то разрешения министра вн. дел, в одну из следующих губерний: Архангельскую, Астраханскую, Вологодскую, Костромскую, Новгородскую, Олонецкую и Симбирскую [1]).

В 80-х годах в Кинешемском районе, по нашим сведениям, были две стачки рабочих; обе относятся к 1888 году.

Первая стачка — 17 июня 1888 г. на фабрике Никанора Алексеевича Разоренова в с. Тезино Кинешемского у.—возникла вследствие общего недовольства рабочих «на разные неправильности против них со стороны фабричной администрации».

Повидимому, эту забастовку имеет в виду Вл. Миндовский [2]), говоря: «Самые условия работы на фабриках были таковы, что в результате их время от времени вспыхивали массовые выражения протеста. Один из таких протестов, стихийно разросшийся в грозный и тяжелый «бунт» (в 1888 г.), закончился пожаром большого фабричного села Тезино. Был вызван из Костромы батальон солдат, и «бунтовщики» усмирены. Свыше ста человек ра-

---

[1]) См. выше, № 42.

[2]) Вл. Миндовский. Вичугская фабричная старина (Труды Костромского научного общества, вып. XIII).

бочих подверглись жестокой экзекуции. Расправа эта чинилась публично среди села у церкви, при большом стечении народа».

Был ли упомянутый пожар связан с июльской забастовкой, это надо еще установить. От одного из вичужан нам пришлось слышать, что бунт 1888 г. выразился не в поджоге фабрики, а в битье стекол. С другой стороны, еще 10 мая 1879 г. в с. Тезино найдено было письмо с угрозой, что на 29 июня с. Тезино будет выжжено.

Что касается упомянутой выше экзекуции над рабочими при подавлении бунта, то, вероятно, ее имеет в виду автор «Записок фабричного инспектора»[1]), говоря об исправнике, который, по распоряжению губернатора, «с полным усердием выпорол рабочих бастовавшей фабрики и любил вспоминать об этом с особенным восторгом».

Вторая забастовка 1888 г. произошла в октябре на фабрике в Наволоках. Впрочем, и о ней также имеются лишь весьма скудные сведения.

Из очерка Евг. Дюбюка—Рабочее движение в Кинешемско-Юрьевецком фабричном районе. („Труд в России", 1925 г.).

44. „На какую сторону встать?"

Участившиеся забастовки вызвали в правящих кругах вопрос о политическом значении этого явления, в связи с чем возникло сомнение, следует ли всегда становиться на сторону хозяев. Когда в 1874 г. на фабрике купца Шибаева (в Московской губ.) временно приостановились работы, местный вице-губернатор донес об этом в Петербург как о незначительном случае, но начальник губернского жандармского управления генерал Слезкин обратил особое внимание на упомянутое происшествие и об'яснил вице-губернатору, что имеются „злонамеренные люди, стремящиеся возбудить в среде рабочих на фабриках, при каждом удобном случае, стачки и произвести затем особые, выходящие из ряда беспорядки", в виду чего необходимо удовлетворять справедливые требования рабочих.

Мысль о необходимости итти навстречу материальным нуждам рабочих высказана и в донесениях Слезкина 3-му отделению.

Слезкин писал, что полиция ничего не предприняла для удовлетворения ткачей, вследствие чего они не приступали к работе, а между тем фабрикант стал отказывать им в продовольствии, дабы принудить их согласиться на старую плату. Это сообщение побудило товарища главного начальника 3 отделения графа Левашева снестись с министром внутренних дел: указав на бездействие полиции, Левашев раз'яснил, что поступок шибаевских рабочих «имеет характер стачки только в том смысле, что совершен ими скопом. Они не буйствовали, а имея претензии на фабричное управление, пришли искать защиты у полицейской власти. Несмотря, однако, на мирный характер этой стачки, все подобные явления настолько важны сами по себе, что требовали бы особенного внимания со стороны местных полицейских органов». Одновременно Слезкину было поручено принять меры к возможно тщательному обследованию этого дела, «вносящего новый факт в летопись

---

[1]) С. Гвоздев. Записки фабричного инспектора (Москва, 1911 г.).

«рабочего вопроса», возникающего и у нас, в России, хотя, к счастью, при других условиях и из других причин, чем в Западной Европе»—надо выяснить, родилась ли у ткачей мысль о прекращении работы сама собою и внезапно, или же внушена какими-либо вожаками из среды самих рабочих или посторонних лиц?

К этому времени Слезкин уже успел дать знать 3-му отделению, что никакой стачки не было, беспорядки произошли лишь вследствие неправильных действий фабричной администрации, а затем сообщил, что посторонних подстрекателей не было; если же из числа рабочих и выделились некоторые своими протестами, то, по словам Слезкина, их нельзя назвать подстрекателями к беспорядку, так как неудовольствие в среде рабочих было общее «и каждый из них высказывал таковое по своему — кто как умел».

Следует, однако, отметить, что 3-е отделение, имея основание брать рабочих под свою защиту, не решалось итти в этом направлении прямолинейно. Оно колебалось, опасаясь, что такого рода действие окажется обоюдоострым. В записке по делу шибаевских рабочих, составленной 5 мая 3 отделением, повидимому, для главного начальника (и доложенной, судя по пометке, 18 мая государю в Эмсе), был лишь поставлен, но отнюдь не разрешен вопрос о том, на чью сторону должна власть становиться — рабочих или хозяев: «Положение как местной полиции, так и высшей полицейской власти в подобных случаях — гласит записка — крайне затруднительно. *На какую сторону встать?* Поддерживать рабочих против фабриканта и тем внушить им на будущее время строптивость,—так же трудно, как и принудить их строгими мерами к продолжению работ на условиях, которые на их взгляд несправедливы и действительно могут оказаться несправедливыми. Нельзя упустить из виду и то, что если упомянутая забастовка и не была результатом агитации в духе так называемого «рабочего вопроса», то во всяком случае рабочее население, находящееся в возбужденном состоянии против своего нанимателя-капиталиста, представляет восприимчивую среду для агитаторов».

И. Сидоров. Материалы по истории стачек в начале семидесятых годов 19 века („Архив истории труда в России", кн. 5, ч. II, стр. 19).

45. Революционная деятельность народников среди рабочих.

I.

Пропагандисты и пропагандируемые.

...Пропаганда среди рабочих началась довольно рано, — повидимому, еще в конце 50-х годов прошлого столетия.

Уже в 1863 году правительство обнаружило ее следы и приговорило одного из первых таких пропагандистов, офицера Ушакова к расстрелу «за распространение вредных идей между фабричными рабочими посредством чтения и передачи им сочинений возмутительного содержания с преступной целью возмущения их против правительства». Смертная казнь Ушакову была заменена каторгой.

Позднее, к началу 70-х годов, стали возникать целые кружки пропагандистов, которые, на ряду с работой в деревне, уделяли силы и время для пропаганды среди городских рабочих. Самым влиятельным из таких кружков был кружок «чайковцев»; его члены, в числе которых были такие выдающиеся революционеры, как Софья Перовская, Крапоткин, Кравчинский (Степняк) и др., не мало потрудились над созданием прочных связей в рабочей среде и над выработкой из самих рабочих сознательных революционеров. Из их кружков вышли многие из выдвинувшихся впоследствии революционных деятелей рабочих.

Позднее их сменили новые кружки народников, но преемственная связь почти не прерывалась: зароненное семя пропаганды дало такие прочные ростки, что вырвать их без следа правительство оказалось не в состоянии, несмотря на все свои усилия.

Первоначальная пропаганда таких народнических кружков велась следующим образом. Чтобы завязать прочные связи с рабочими, молодые девушки и юноши надевали на себя крестьянское платье и отправлялись наниматься на фабрики заурядными рабочими. Им приходилось спать на грязных нарах, дышать промозглым казарменным воздухом, питаться впроголодь, страдать от насекомых и работать по 15—17 часов в сутки, чтобы после тяжелого трудового дня иметь возможность поделиться со своими изнуренными товарищами по работе крупицами своих знаний, пробудить в них стремление к свету, знанию и борьбе за улучшение своего подневольного положения. Первые годы этой мирной пропагандистской работы среди рабочих были очень далеки от революционности; их скорее следует отнести к области чисто культурной работы, так как зачастую пропагандистам приходилось начинать с азбуки в буквальном смысле слова. Но правительство боялось допустить даже и это; оно понимало, что за просвещением рабочих неизбежно наступит сплочение их для борьбы за улучшение своего положения, а за сплочением последует и революционная борьба во имя осуществления социалистического идеала; и оно свирепо обрушилось на первые же пропагандистские кружки народников, стремясь с корнем вырвать крамолу.

Вот как рисует одно из распространенных в то время стихотворений, посвященное В. Фигнер, настроения первых пропагандистов:

Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский
Суди, судья, попроще, поскорей,—
Без мишуры, без маски фарисейской,
Без защитительных речей...
Крестьянские вериги вместо платья
Одев и сняв «преступно» башмаки,
Я шла туда, где стонут наши братья,
Где вечный труд, где бедняки.
Застигнута на месте преступленья,
С поличным я на суд приведена...
Зачем же тут свидетели и пренья?
Ведь я кругом уличена!

Оставь, судья, ненужные вопросы,
Взгляни: я вся в уликах: на плечах
Мужицкая одежда, ноги босы,
Мозоли видны на руках;
Тяжелою работой я разбита,
Но знаешь ли?—в душе моей, на дне,
Тягчайшая из всех улик сокрыта:
Любовь к родимой стороне!..

В короткое время народникам, работавшим среди петербургских рабочих, удалось завести широкие связи, и число рабочих, спропагандированных ими к середине 70-х годов, достигло довольно крупной цифры—несколько сот человек. В Москве революционная работа велась кружками Долгушина и Джабадари, в который входили: С. Бардина, Фигнер, Каминская и др. В Одессе действовал кружок Ф. Волховского, в Киеве и Харькове—кружки «бунтарей». На пропаганду же среди городского и сельского пролетариата расчитывала и заграничная группа анархистов, начавшая в 1875 г. издавать в Женеве газету «Работник». Во время «процесса 50» на суде было обнаружено, что помимо Москвы социалистическая пропаганда велась также в Иванове-Вознесенске и Туле.

Но в пропаганде народников было много существенных недостатков.

В Петербурге в это время действовали главным образом две революционные группы народников: бунтари-землевольцы и лавристы. Обе эти группы расходились между собой главным образом по вопросам тактики: в то время, как землевольцы шли «в народ» с проповедью бунтов, которые, по их мнению, одни могли воспитать народную массу и подготовить ее к социальному перевороту, лавристы к подобной тактике относились отрицательно; в отдельных случаях, как, напр., во время петербургских стачек в 1878 г., они считали ее даже реакционной и склонялись к мирной пропагандистской тактике подобно той, какую около этого времени применяли германские социал-демократы у себя на родине. Но собственно только этим и ограничивались разногласия лавристов с землевольцами-бунтарями и их сходство с немецкими социал-демократами. Что же касается программы, то здесь и те, и другие сходились в большинстве пунктов. Во главу угла их миросозерцания было положено народническое представление о русской деревенской общине, как наиболее совершенной общественной форме, способной привести народ к социализму. Они считали поэтому Россию стоящей гораздо ближе к социальной революции, чем все западно-европейские страны, где успел уже развиться капитализм, разложивший общинные устои жизни. России,—говорили они,—достаточно свергнуть гнет государства и организовать взамен его вполне свободную федерацию общин, чтобы создать все предпосылки для социализма. Главной революционной силой, способной уничтожить современное государство, они считали крестьянство, на него они возлагали все свои надежды и ему уделяли большинство своих сил.

Отношение же их к городским рабочим было каким-то двойственным и непоследовательным. В своих программах они не отводили проле-

тариату никакой самостоятельной политической роли. Но, возлагая все свои надежды на пропаганду среди крестьян и на крестьянские «бунты», они все-таки считали нужным заниматься с рабочими; они шли к ним, так сказать, вопреки своей теории, так как не могли не видеть, что на этой почве их семена дают лучшие плоды, чем «поселения» в народе.

Но вследствие этих же причин их пропаганда должна была давать очень мало положительного рабочим. Прежде всего сами народники, смотревшие на все окружающее глазами своего учителя Бакунина, в торжестве капитализма и в развитии пролетариата видели лишь величайшее зло России. Эти взгляды народников не могли не передаваться и рабочим, и среди последних можно было в то время встретить не мало последовательных сторонников народнической программы, громивших с чужого голоса «развращенность и буржуазность» городских рабочих и мечтавших итти в деревню, где только и можно найти «настоящий народ». Но такое самооплевание было уделом далеко не всех рабочих. Более чуткие и самостоятельные из них должны были чувствовать внутреннюю фальшь подобного рода; эти-то рабочие, не находя для себя места в программах народников, должны были, в лице Степана Халтурина, Виктора Обнорского и др., притти в конце концов к идее самостоятельного рабочего движения, которому они и отдались со всей энергией. Но даже и те из рабочих, которые не умели противопоставить аргументации народников-интеллигентов свои собственные доводы, должны были на практике убедиться, что они сами стали уже неспособными удовлетворяться всеми прелестями «народной» жизни. За время жизни в городе у них уже успели выработаться новые привычки и потребности, отрешиться от которых им было не так-то легко. В большинстве случаев они оказывались еще более непригодными для работы в деревне, чем народники-интеллигенты. Побродив по деревням и не сумев нигде пристроиться, они обыкновенно кончали тем, что возвращались в города и принимались за агитацию среди своего же брата.

Что же могла дать такая пропаганда рабочим? Она, конечно, поднимала общий уровень рабочего, но была совершенно неспособна будить в нем классовое самосознание; если же в отдельных случаях и получался подобный результат, то происходило это помимо воли народников; сознательно они никогда не ставили себе целью выяснить и развить перед рабочими «идею четвертого сословия»...

Задуматься над всем этим пришлось довольно таки скоро. В воздухе уже пахло приближающимся периодом упорной стачечной борьбы. Эта борьба не замедлила разразиться и привела в движение широкие рабочие массы; тут-то и должны были обнаружиться все недочеты прежних приемов деятельности. Но эта борьба рабочих содействовала не только уяснению ошибок тогдашней революционной интеллигенции, она пробудила мысль и в рабочей массе, содействуя нарастанию классового самосознания. Перед более же развитыми рабочими эта борьба поставила ребром вопрос о необходимости создать самостоятельную рабочую партию, которая

была бы выразительницей классовых стремлений пролетариата и руководительницей в его классовой борьбе. Из числа рабочих, входивших в организацию «Земля и Воля», следует отметить: Степана Халтурина, Виктора Обнорского и Петерсона, оставшегося активным деятелем рабочего движения до последних лет. Кроме того, целый ряд рядовых рабочих, попавших на скамью подсудимых во время политических процессов 70-х годов, выступали на суде как убежденные социалисты и были присуждены к каторге, в том числе ткачи П. Алексеев [1]), Агапов, Александров, Герасимов, Крылов, умерший в тюрьме Малиновский, Союзов, Тефтул и многие другие.

А. Ельницкий, История рабочего движения в России (2-е изд. 1923), стр. 21—25.

II.

Пропаганда среди петербургских рабочих в начале 70-х годов.

Небольшие группы пропагандистов начали (в начале семидесятых годов) селиться по городам и деревням. Тут устраивали кузницу, там маленькую ферму, и молодые люди, принадлежавшие к зажиточным классам, работали в этих кузницах и на фермах для того, чтобы быть в ежедневном соприкосновении с трудящимися массами. В Москве несколько молодых девушек (из богатых семей), которые раньше учились в цюрихском университете и устроили затем отдельную организацию, поступили на ткацкие фабрики, где они работали по 14—16 часов в сутки и жили в фабричных зданиях, разделяя вполне жалкую жизнь русских фабричных работниц. Это было широкое движение, в котором, по меньшей мере, принимали участие от двух до трех тысяч лиц, между тем как вдвое и втрое большее число сочувствующих оказывали разного рода помощь этому активному авангарду. Наш петербургский кружок был в правильных сношениях с доброй половиной всей армии, при чем переписка велась, разумеется, при помощи шифров.

Той литературы, какую можно было тогда издавать в России, когда, благодаря строгости русской цензуры, запрещалось делать самые отдаленные намеки на социализм—скоро оказалось недостаточно, и мы устроили свою типографию за границей. Приходилось писать брошюры для рабочих и крестьян, и наш маленький «литературный комитет», к которому принадлежал и я, был завален работой. Сергей (Степняк-Кравчинский) тоже написал две таких брошюры: одну в духе Ламенэ и другую, излагавшую социализм в форме сказки; обе брошюры имели широкое распространение. Печатавшиеся за границей книги и брошюры ввозились в Россию контрабандным путем в тысячах экземпляров, складывались в известных местах и оттуда рассылались местным кружкам, которые уже распространяли их

[1]) Его речь на суде—см. № 48.

между крестьянами и рабочими. Все это требовало обширной организации, постоянных раз'ездов и колоссальной переписки, особенно в виду предохранения от полиции наших помощников и книжных складов. У нас были отдельные шифры для различных провинциальных кружков, и часто, после того, как шесть или семь часов было проведено в обсуждении всех подробностей ответов товарищам, женщины, не доверявшие нашей аккуратности в шифрованной переписке, просиживали целые ночи, испещряя листы бумаги кабалистическими цифрами и дробями.

На наших собраниях всегда царила полная сердечность. Председательство и всякого рода формализм до такой степени ненавистны русскому характеру, что у нас ничего подобного не бывало, и хотя по временам наши дебаты отличались крайней горячностью, особенно когда обсуждались «программные вопросы», нам удавалось, тем не менее, недурно обходиться без помощи западно-европейских формальностей. Полной искренности, всеобщего желания уладить возможно лучшим образом все затруднения и откровенно выражавшегося презрения ко всему, что хоть малейшим образом напоминало театральничанье,—было вполне достаточно для этого. Если кто-нибудь из нас пускался в риторику с целью произвести эффект, дружеские шутки по этому поводу скоро напоминали ему, что произнесение речей тут не у места. Часто во время этих собраний мы обедали, и обеды наши состояли из ржаного хлеба с огурцами, куска сыра и обильного количества слабого чая для утоления жажды. И это не потому, что не хватало денег; их всегда у нас было достаточно, хотя излишка в них и не приходилось испытывать, в виду все разраставшихся расходов на печатание и перевозку книг, на укрывательство друзей, разыскиваемых полицией, и на выполнение постоянно возникавших новых предприятий.

Незадолго до описываемого времени мы завязали обширные связи в среде петербургских рабочих. Сердюков, молодой человек с блестящим образованием, приобрел множество приятелей среди рабочих-механиков, большинство которых работало на правительственном артиллерийском заводе, и устроил кружок человек из тридцати, которые собирались для совместных чтений и дебатов. Плата на механических заводах в Петербурге довольно хорошая, и те из рабочих, которые не обременены семьями, могут порядочно существовать. Они вскоре вполне ознакомились с радикальной и социалистической литературой той эпохи. Бокль, Лассаль, Милль, Дрепер, Шпильгаген,—все это были имена, известные им; да и по своему внешнему виду эти рабочие мало отличались от студентов. Когда Кельниц (псевдоним), Сергей и я присоединились к кружку, мы часто посещали их собрания и читали им лекции по разным вопросам. Однако, наши надежды на то, что эти молодые люди превратятся в ревностных пропагандистов в среде менее привилегированных классов рабочих, не вполне оправдались. В свободной стране они сделались бы постоянными ораторами публичных митингов, но они, подобно привилегированным часовых дел мастерам в Женеве, относились к обыкновенным фабричным с некоторого рода

презрением и не обнаруживали особенной поспешности в желании пострадать за дело социализма. Только после того, как им пришлось быть арестованными и просидеть по три и четыре года в тюрьме за то, что они смели мыслить в социалистическом направлении и, таким образом, испытать вполне силу русского деспотизма, многие из них стали горячими пропагандистами, главным образом, политической революции.

Что касается меня, то меня всегда особенно привлекала к себе среда ткачей и других рабочих ткацких фабрик. В Петербурге есть между ними тысячи таких, которые работают там в течение зимы, а на три летние месяца возвращаются в свои родные деревни обрабатывать землю. Наполовину крестьяне, наполовину городские рабочие, они в общем сохранили характер жителя русской деревни. Движение охватывало их подобно пожару. Часто приходилось охлаждать рвение наших новых друзей, иначе они приводили бы к нам сотни людей зараз, и старых, и малых. Большинство их жило артелями, по 10—12 человек, нанимавших себе помещение и живших сообща, при чем каждый ежемесячно уплачивал приходившуюся на его долю часть расходов. На эти-то артельные квартиры мы и ходили обыкновенно; ткачи вскоре познакомили нас и с другими артелями—каменщиков, плотников и т. п. В некоторых из этих артелей Сергей, Кельниц и еще двое из наших приятелей были совершенно как у себя дома и проводили там целые ночи, толкуя о социализме. Кроме этого, в разных частях Петербурга у нас были специальные квартиры, нанимавшиеся кем-нибудь из наших, куда каждый вечер являлось человек по 10—12 рабочих, чтобы учиться читать и писать, а потом и поболтать немного. От времени до времени то один, то другой из нас отправлялся в родные деревни наших городских друзей и проводил там неделю-другую, занимаясь почти открыто пропагандой среди крестьян...

П. Кропоткин, Пропаганда среди рабочих в начале 70-х годов (переиздание заграничного журнала „Былое"),—„Русская историческая библиотека", кн. 4 (Ростов н/Д 1906 г.), стр. 20—22.

III.

Петербургские рабочие в 70-х годах.

...Чем больше знакомился я с петербургскими рабочими, тем больше поражался их культурностью. Бойкие и речистые, умеющие постоять за себя и критически отнестись к окружающему, они были *горожанами* в лучшем смысле этого слова. Многие из нас держались тогда того мнения, что «спропагандированные» городские рабочие должны итти в деревню, чтобы действовать там в духе той или иной революционной программы. Мнение это разделялось и некоторыми рабочими... Такой взгляд был непосредственным и неизбежным плодом нарождавшегося тогда народничества, с его презрением к городской цивилизации, с его идеализацией крестьянского быта. Господствовавшие в среде революционной интеллигенции народнические идеи естественно налагали свою печать также и на *взгляды*

рабочих. Но *привычек* их они переделать не могли, и потому настоящие городские рабочие, т. е. рабочие, совершенно свыкшиеся с условиями городской жизни, в большинстве случаев оказывались непригодными для деревни. Сойтись с крестьянами им было еще труднее, чем революционерам-«интеллигентам». Горожанин, если только он не «кающийся дворянин» и не совсем проникся влиянием дворян этого разряда, всегда смотрит сверху вниз на деревенского человека. Именно так смотрели на этого человека петербургские рабочие. Они называли его *серым* и в душе всегда несколько презирали его, хотя совершенно искренно сочувствовали его бедствиям...

Когда сложившееся в 1876 году общество «Земля и Воля» стало заводить свои революционные поселения «в народе», нам удалось склонить к переезду в Саратовскую губернию некоторых петербургских рабочих. Это были испытанные люди, добрая воля которых не могла подлежать сомнению. Но попытки их устроиться в деревне не привели ни к чему. Побродив по деревням, с целью высмотреть подходящее место для своего поселения (причем некоторые из них были приняты крестьянами за немцев), они махнули рукой на это дело и кончили тем, что вернулись в Саратов, где завели сношения с местными рабочими...

Прошу читателя иметь в виду, что я говорю здесь о так называемых *заводских* рабочих, составляющих значительную часть петербургского рабочего населения и сильно отличающихся от *фабричных* как по своему сравнительно сносному экономическому положению, так и по своим привычкам. Фабричный работает больше (12—14 часов в день) и получает меньше заводского (18—25 р. в месяц). Он носит ситцевую рубаху и долгополую поддевку, над которыми подсмеивается заводский рабочий. Он не имеет возможности нанимать отдельную квартиру или комнату, а живет в общем артельном помещении. У него более прочные связи с деревней, чем у заводского рабочего. Он знает и читает гораздо меньше, чем заводский, и вообще он ближе к крестьянину. Заводский рабочий представляет собою что-то среднее между «интеллигентом» и фабричным, фабричный—что-то среднее между крестьянином и заводским рабочим. К кому он ближе по своим понятиям, к крестьянину или к заводскому—это зависит от того, как долго прожил он в городе. Только что пришедший из деревни фабричный, разумеется, остается в течение некоторого времени настоящим крестьянином. Он жалуется не на хозяйскую прижимку, а на тяжелые подати, да на крестьянское малоземелье. Пребывание в городе кажется ему временной и притом очень неприятной необходимостью. Но мало-помалу городская жизнь подчиняет его своему влиянию: незаметно для себя он приобретает привычки и взгляды горожанина. Проработав в городе несколько лет, он уже плохо чувствует себя в деревне и неохотно возвращается в нее, в особенности, если ему удалось столкнуться с «умственными» людьми и он заинтересовался книжкой... Едва ли нужно об'яснять, где причина лучшего экономического положения рабочих. Она заключается в свойствах их труда. Можно легко и скоро выучиться хорошо

работать на фабрике, на прядильном или ткацком станке. Для этого достаточно нескольких недель. Но для того, чтобы сделаться столяром, токарем или слесарем, нужно, по крайней мере, около года. Рабочий, знающий одно из этих ремесл, считается уже «мастеровым человеком», и именно такие мастеровые нужны для заводов [1]). Несомненно также, что не остаются без влияния в этом случае и наши знаменитые «устои». Нужда и необходимость платить подати, часто во много раз превышающие доходность крестьянских наделов, ежегодно выгоняют из деревень массу «общинников», которые со всех сторон стремятся на фабрики, своим соперничеством страшно понижая заработную плату. На заводах этот наплыв менее ощутителен, так как туда редко удается попасть человеку без специальной подготовки...

В качестве коренных горожан, многие заводские рабочие с детства имеют гораздо больше средств к образованию, чем фабричные. Между знакомыми мне заводскими рабочими я не встречал людей, совершенно не бывших в школе... Некоторые из заинтересовавшихся книжкой рабочих не прочь были иногда и сами взяться за перо. На Василеостровском патронном заводе в течение некоторого времени рабочими велся рукописный журнал, — род резкой сатирической летописи заводской жизни. Доставалось в нем больше всего заводскому начальству, но иногда бич рабочей сатиры хватал и выше...

Рабочая молодежь—подростки и дети—насколько я заметил, отличается гораздо большею самостоятельностью, чем молодежь высших классов. Жизнь в более раннем возрасте и с большею суровостью толкает их на борьбу за существование, чем и налагает особую печать находчивости и закаленности на тех из них, которым удается спастись от преждевременной гибели. Я знал тринадцатилетнего мальчугана, круглого сироту, который, работая в Галерной Гавани на заводе Макферсона, жил один-одинешенек, повидимому, не чувствуя ни малейшей нужды в какой-либо посторонней поддержке. Он сам расчитывался с конторой и сам, без чужих указаний, умел соблюдать равновесие в своем маленьком бюджете...

Столкновения с мастерами и хозяевами развивают в рабочей молодежи замечательное единодушие. Весною 1878 года, во время стачки на Новой Бумагопрядильне, было арестовано и посажено в участок несколько малолетних фабричных. Товарищи их, такие же малолетние и такие же «бунтовщики», как и арестованные, немедленно отправились толпою в участок, требуя их освобождения. Вышла своеобразная детская демонстрация. Взрослые рабочие не принимали в ней никакого участия... Когда на обширном дворе Бумагопрядильни происходили большие собрания стачечников, малолетние играли обыкновенно роль казачьих раз'ездов. Они каким-то чутьем узнавали о приближении неприятеля и немедленно дово-

[1]) Т. е. для механических заводов. О кирпичных, сахарных и т. п. я не говорю. На них работают настоящие крестьяне.

дили о нем до сведения старших. «Пристав едет!»—со всех сторон кричали звонкие детские голоса, и извещенное во-время собрание расходилось. Когда пристав появлялся на место действия, то хватать было уже некого. Взрослая полиция страшно злобилась на эту малолетнюю полицию рабочих. Многие из этих маленьких стачечников были подвергнуты тогда «исправительному наказанию при полиции».

Г. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (1922 г.), стр. 9 и след.

46. Южно-российский союз рабочих.

I.

Возникновение союза.

...Можно считать установленным, что первая рабочая социалистическая организация получила свое начало на юге России в г. Одессе. Организатором ее был Евгений Осипович Заславский и группа его учеников рабочих.

Еще в 1872 году Е. О. Заславский, дворянин по происхождению, начал пропаганду среди рабочих, для чего и организовал кружок, в который вошли рабочие завода Белино-Фендериха: Осуховский, Изотов, Сергей и Николай Наддачины, Гренко, Сикочин, Федоров, Эрманов и Вишневецкий. В кружок, кроме того, входили железнодорожники,—Павлов и Кравченко, телеграфист Власенко, рабочий завода Фалька и Ян Ревицкий, рабочий-литейщик чугунно-литейного завода Гулье-Бланшард. Заславский лично вел пропаганду среди этих рабочих, и эта его работа характеризуется двумя чертами — характером, содержанием пропаганды, отличной от обычной бунтарской пропаганды того времени, и характером самой организации, отличающейся от заговорщического оттенка даже рабочих народнических организациий того времени. Прежде всего обращают на себя внимание те книжки, какие читались в кружках Заславского, это были не только обычные агитационные брошюры в роде «Хитрой механики» или «Сказки о четырех братьях» или «Сказки о Мудрице Наумовне», но и книжки и газеты, посвященные или исключительно рабочему вопросу или важнейшим проблемам рабочего движения. Так, в кружках Заславского читались лондонская газета «Работник», «Очерки фабричной жизни», «Паровая машина», «Артели рабочих», «Историческое развитие Интернационала» и т. п. Затем, по словам участника «Союза» Сквери, Заславский сторонился от существовавших в то время народнических кружков.

«Если кто-либо из интеллигентов случайно попадал к нам на сходки,— говорит М. П. Сквери,—он начинал волноваться, утрачивать свое обычное спокойствие, и сходка каким-то непонятным и неожиданным образом наполнялась шумным и горячим спором. Он обвинял интеллигентную молодежь в ребяческой склонности к ненужной конспирации и таинственности. «Они своими переряживаниями только обращают на себя внимание,— говорил он возмущенно,—снуют без надобности с квартиры на квартиру,

с явки на явку, и всегда не просто, а с предосторожностями, с оглядкой, переряживаясь несколько раз в день, и тем только выдают себя и других!».

Не говоря уже о несомненном принципиальном и программном расхождении, причины этого разлада лежали, полагаю, в характере и личных качествах Е. О. Заславского и той молодежи, которую он так недолюбливал. И жандармы уловили эту обособленность и оторванность Заславского и его кружков от обычных в то время народнических организаций.

В самой организации Заславского было глубокое отличие от современных революционных организаций. Прежде всего он организовал или, вернее, под его влиянием его ученики организовали библиотеку. Библиотека эта содержалась на взносы (по 7 коп. с пользующегося книгами), и управлялась самими рабочими. Такие же библиотеки организовывали или пытались организовать ученики Заславского потом и в других городах (напр., в Ростове на Дону). Но организацией библиотеки не ограничивалась практическая деятельность Заславского: он шел дальше и организовывал сам и через своих учеников кассы, кооперативы и даже кооперативную баню и типографию...

В 1873 г. Заславский и его основной кружок расширяют свои связи, ведут агитацию и пропаганду среди рабочих других заводов и фабрик. Книжки и брошюры для этой агитации и пропаганды печатались в собственной типографии Заславского, легальной и прекрасно оборудованной. Впрочем, эту типографию можно назвать скорее общественно-революционной, так как Заславский печатал в этой типографии и революционные брошюры и книги, которые потом распространялись в народнических кружках пропагандистами-народниками. Наборщики этой типографии, без сомнения, были, в большинстве случаев, учениками, а некоторые, вероятно, и членами «Союза» (напр. Наумов и Соколов). К концу 1873 года на многих предприятиях Одессы имелись уже кружки Заславского. В 1873 году, в числе учеников Е. О. Заславского оказывается В. Обнорский... В этот кружок, кроме того, входили рабочие Баранцов, Страхов и Дицман, а при помощи слесаря Масловского и слесаря Егорова этот кружок завел связи и с рабочими водопровода.

К концу 1873 года или не позже, чем к началу 1874 года, и относится уже организация отдельных кружков, а «Союза», т. е. соединения всех действовавших кружков как в Одессе, так и в других южных городах,—к 1874 году, хотя некоторые участники «Союза» узнали о его существовании только в 1875 году...

...Рабочие из кружков Заславского из Одессы направились в другие южные города с целью организовать и там отделения «Союза»,—в Харьков, Ростов на Дону и в Таганрог... В Одессе же образовалось, говорит Сквери, «6 или 7 групп... Число членов трудно поддавалось учету. В каждой группе было 5—6 преданных делу рабочих, принимавших деятельное участие в делах Союза, посещавших все собрания и сходки, читавших и распространявших «литературу» и находившихся в постоянном взаимном

общении. Таких в Союзе было, вероятно, 50—60 чел., составлявших устойчивое ядро Союза, около которого было во всяком случае не менее 150—200 чел., которые считались членами Союза, но манкировали взносами и посещениями сходок, хотя и пользовались «литературой» и разделяли наши убеждения».

«Союз» был, действительно, настоящей хорошо организованной рабочей организацией. Члены Союза вносили еженедельный взнос по 25 к. Деньги собирал депутат кружка, а от депутата поступали к кассиру. Депутаты вводили новых членов в свой кружок, следили за членами своих кружков, раз'ясняли им их обязанности и занимались пропагандой. «Пропаганду вели сами рабочие,—говорит Сквери,—у нас не было особых пропагандистов,—и дело у них спорилось; не может быть никакого сравнения с неумелыми попытками интеллигентной молодежи, поступавшей тогда на фабрики для пропаганды. Сыск еще не был так усовершенствован, как впоследствии; в своей среде рабочие действовали свободно, и пропаганда в короткое время захватила большие круги в особенности в железнодорожных мастерских». Из интеллигентов занимался пропагандой только Е. О. Заславский, который еще с 1872 г. читал рабочим лекции, охватывающие обширный круг знания,—естествознание, историю, историю рабочего движения на Западе; говорил об Интернационале, о профессиональном движении...

Кроме пропаганды и агитации, «Союз» или, вернее, его организатор и вдохновитель Заславский... провел две, а может быть и больше, стачки в 1875 году, — на заводе Гулье Бланшард и на заводе Беллино - Фендриха, причем стачкам предшествовала агитация и разброска прокламаций [1]).

II.

Устав южно-российского союза рабочих (1875 г.).

I. Сознавая,

что установившийся ныне порядок не соответствует истинным требованиям справедливости относительно рабочих;

что рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и преимущества и поставит труд основою личного и общественного благосостояния;

что этот переворот может произойти только при полном сознании всеми рабочими своего безвыходного положения и при полном их об'единении, мы, рабочие, Южно-Российского края соединяемся в один союз под названием: «Южно-Российского Союза Рабочих», поставляя себе целью:

во-первых: Пропаганда идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов;

во-вторых: Об'единение рабочих Южно-Российского Края;

[1]) В 1875 г. деятели союза были арестованы. Заславского приговорили к 10-ти летней каторге. Он умер в петербургской тюрьме.

в третьих: Для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком.

II. При союзе находится касса, суммы которой в первое время предназначаются для пропаганды идей освобождения рабочих, а впоследствии и для борьбы за эту идею.

III. Членом Союза может быть каждый *трудящийся* человек, ведущий близкие сношения с рабочими, а не с привилегированными классами и сочувствующий своими поступками основному желанию рабочих—борьбе с привилегированными классами во имя своего освобождения.

IV. Обязанности личности каждого члена к союзу и союза к личности обусловливаются следующими: *Один за всех и все за одного.*

V. Член союза, проговорившийся постороннему лицу о существовании союза или не исполняющий в точности своих обязанностей к союзу, считается изменником.

VI. Каждый член должен быть готовым на всякую жертву, если эта жертва требуется для спасения союза.

VII. Каждый член должен распространять между своими товарищами основные идеи нашего союза и побуждать их присоединиться к нашему делу освобождения рабочих.

VIII. Каждый член обязан вносить в кассу еженедельно по 25 коп. (в продолжение года).

IX, Член, не вносивший в продолжение пяти недель никакого взноса и не представивший никаких уважительных причин, должен быть исключен из союза.

X. Каждый кружок имеет право давать разные льготы своим членам относительно взносов в кассу.

XI. Внесенные деньги делаются принадлежностью целого общества. Ни один член не имеет права взять свои деньги обратно.

XII. Распределение денег и расход их может быть производим с согласия всех членов союза.

XIII. Для хранения денег общество избирает из своей среды кассира, который по требованию общества обязан давать подробный отчет о деньгах.

XIV. Первые шесть месяцев со дня устройства кассы деньги не должны быть расходуемы.

XV. Союз разделяется на общества, которых два: Одесское и Ростовское; общества на кружки; каждый кружок имеет своего депутата (представителя), который избирается на один месяц. Обязанности депутата следить за взносами в кассу, заботиться, чтобы все правила союза были в точности исполнены в его кружке, заботиться о нуждах союза и присутствовать каждое воскресенье при собрании депутатов.

XVI. Устав этот может быть изменяем и дополняем с согласия всех членов союза.

В. И. Невский. Очерки по истории РКП (большевиков), т. I (1924 г.), стр. 159--62; 571—572.

47. Рабочие и „Казанская“ демонстрация в Петербурге (1876 г.).

...Уже к концу 1876 г., когда землевольцы только еще приступали к устройству революционных «поселений в народе», пропаганда между рабочими приняла довольно широкие размеры как в Петербурге (в Галерной Гавани, на Васильевском Острове, на Петербургской и на Выборгской сторонах, на Обводном канале, за Невской и Нарвской заставами), так и в его окрестностях (в Колпине, на Александровской мануфактуре, в Кронштадте и т. д.). Но я уже сказал, что бунтари не довольствовались пропагандой и во что бы то ни стало хотели *агитировать.* Наше настроение увлекло, наконец, и рабочих. В то время у всех была в памяти демонстрация, ознаменовавшая весною 1876 года похороны убитого тюрьмою студента Чернышева. Она произвела очень сильное впечатление на всю интеллигенцию, и все лето того года мы, что называется, бредили демонстрациями. Но в Чернышевской демонстрации рабочие не принимали участия, так как произошла она в будни, да и подготовители ее как-то не вспомнили о рабочих. И вот, рабочим захотелось сделать *свою* демонстрацию, и притом такую, которая своим резко революционным характером совершенно затмила бы демонстрацию «интеллигенции». Они уверяли нас, что если хорошо взяться за дело и выбрать для демонстрации праздничный день, то на нее соберется до 2000 рабочих. Мы сомневались в этом, но бунтарская жилка заговорила в каждом из нас, и мы сдались. Так произошла известная казанская демонстрация 6 (18) декабря 1876 года... Рабочих пришло немного: 200—250 человек. И это было совершенно понятно. Если для принадлежавших к революционным кружкам рабочих демонстрация имела смысл агитационной попытки, то для их незатронутых пропагандой товарищей она могла быть интересна разве лишь как новое, невиданное зрелище. Для деятельного участия в ней у них не было никакого осязательного повода. Поэтому они и не пошли на нее. Еще за несколько дней до демонстрации мы увидели, как несбыточны были розовые надежды задумавших ее революционных рабочих кружков. Но отступать было уже поздно... Вечером 4 декабря собрание, на котором, кроме нас, землевольцев, были влиятельнейшие рабочие с разных концов Петербурга, почти единогласно решило, что демонстрация должна состояться, если на нее соберется хоть несколько сот человек. На этом же собрании была предложена и одобрена мысль о красном знамени, о котором прежде никто не думал...

Но как произошла сама демонстрация? Я сказал, что собрание четвертого декабря решило не откладывать ее, если соберется хоть несколько сот человек. Весь следующий день был посвящен нами на беготню по рабочим кварталам. Утром 6 декабря на место действия пришли все «бунтарские» рабочие кружки (лавристы были, разумеется, против демонстрации). В особенности хорошо были представлены гаванские рабочие: с одного из гаванских заводов пришла в полном составе целая мастерская в 40—45 человек. Но посторонних рабочих совсем не было. Мы видели, что сил у нас слишком

мало, и решились выжидать. Рабочие разошлись по ближайшим трактирам, оставив у соборной паперти только небольшую кучку для наблюдения за ходом дела. Между тем, учащаяся молодежь подходила большими группами...

До властей, вероятно, дошли слухи о наших приготовлениях. Но на Казанской площади [1]) полицейских и жандармов было немного. Они смотрели на нас и «ждали поступков». Когда раздались первые слова революционной речи [2]), они попытались было протискаться к говорившему, но их сейчас же оттеснили назад. Все участники демонстрации пришли в страшное возбуждение. Рабочие плотным кольцом сомкнулись вокруг говорившего. «Ребята, держись тесней, не выдавай, не подпускай полиции», командовал рабочий Митрофанов, между тем как полицейские свистки оглашали площадь. Когда речь была окончена, развернули красное знамя, раздались крики: «Да здравствует социальная революция, да здравствует Земля и Воля!» Митрофанов быстро сдернул шапку с говорившего и, надевши на него какую-то фуражку, закутал башлыком его голову. «Теперь пойдем все вместе, иначе будут арестовывать», — закричали какие-то голоса, и мы толпой двинулись по направлению к Невскому. Но едва мы сделали несколько шагов, как полиция, подкрепленная сбежавшимися на свистки городовыми и околоточными, стала хватать шедших в задних рядах. Тут общее возбуждение дошло до последней степени. Кто-то скомандовал: «Стой, наших берут», и толпа бросилась отбивать арестованных. Полицейские были смяты и побежали за собор, в Казанскую улицу. Если бы, отразив этот первый неприятельский натиск, революционеры выказали больше самообладания, то они, вероятно, смогли бы отступить без потерь и в полном порядке. Землевольцы понимали это, и как только арестованные были отбиты, они закричали, чтобы публика снова сомкнулась в тесные ряды. Но кому из принимавших когда-нибудь участие в подобных столкновениях не известно, как трудно ввести в надлежащие границы раз прорвавшиеся наружу страсти. Публика продолжала преследовать обращенную в бегство полицию. Произошел страшный беспорядок, наши ряды совсем расстроились; между тем к полицейским явилось новое и сильное подкрепление... Началась жесточайшая свалка. Силы полиции ежеминутно возрастали. Революционеров окружали со всех сторон. Стройное отступление сделалось для них совершенно невозможным. Хорошо было уже и то, что они могли отступать более или менее значительными кучками. Такие кучки по большей части успешно, хотя и не без значительных телесных повреждений, отбивались от нападавших. Но зато тех, которые действовали в одиночку, тотчас хватали и после зверских побоев тащили в участки.

У меня нет охоты воспевать подвиги чьих бы то ни было кулаков. Но в виду зверства, проявленного тогда полицией, я не без удовольствия замечу, что и ей досталось порядочно...

---

[1]) Ныне—*Площадь Плеханова.*

[2]) Оратором выступил Г. Плеханов.

Когда по произнесении речи развернули красное знамя, его схватил молодой крестьянин Потапов и, поднятый на руки рабочими, некоторое время держал его высоко над головами присутствующих...

Тем не менее, суд приговорил Потапова лишь к заключению в монастырь «на покаяние». Сравнительная мягкость этого странного приговора об'яснялась будто бы молодостью Потапова. Но известно, что в русских политических процессах судьи не стеснялись осуждать на каторжные работы, а потом в военных судах даже на смерть очень молодых подсудимых. В данном случае умысел был другой. Правительство решило щадить рабочих. На скамью подсудимых из них попало 10—12 человек, и всем им вынесен был довольно мягкий приговор: некоторых, подобно Потапову, приговорили к монастырскому покаянию, других к ссылке на поселение в Сибирь, подсудимые же из интеллигенции пошли по большей части в каторгу и притом на очень долгие, неслыханные до тех пор сроки...

Казанская демонстрация была первой попыткой практического применения наших понятий об агитации. Понятия эти были в то время еще слишком отвлеченны, и уже по одному этому не могло быть удачным их практическое применение. Казанская демонстрация наглядно показала, что мы всегда будем оставаться одни, если в своей революционной деятельности будем руководствоваться лишь своим отвлеченным пристрастием к «агитации», а не существующим настроением и данными насущными нуждами той среды, в которой собираемся агитировать.

Г. Плеханов. Русский рабочий в революционном движении (1922 г.), стр. 23 и след.

48. Речь рабочего Алексеева на суде.

Рабочий Петр Алексеевич Алексеев, принадлежа к народническому кружку, вел энергичную пропаганду среди московских рабочих. Кружок был обнаружен и все его участники арестованы (1875 г.), а затем преданы суду сената. В суде Алексеев произнес (10 марта 1877 г.) речь, в составлении которой участвовали его товарищи по этому „процессу 50-ти". Эта речь была отпечатана нелегально и быстро распространилась среди молодежи, производя на нее громадное впечатление. Алексеев был приговорен к каторжным работам, но, продержав в харьковской тюрьме, его в 1880 г. отправили на поселение в Сибирь, на Кару, где его убили (1891 г.) два якута с целью грабежа [1]).

«Мы, миллионы людей рабочего населения, чуть только станем сами ступать на ноги, бываем брошены отцами и матерями на произвол судьбы, не получая никакого воспитания, за неимением школ и времени от непосильного труда и скудного за него вознаграждения. Девяти лет — мальчишками нас стараются с хлеба долой на заработки. Что же нас там ожидает? Понятно, продаемся капиталисту на сдельную работу из-за куска черного хлеба, поступаем под присмотр взрослых, которые розгами и пинками при-

[1]) Из воспоминаний Э. К. Панкратова („Былое" № 19, 1922 г.).

учают нас к непосильному труду; питаемся кое-чем, задыхаемся от пыли и испорченного, зараженного разными нечистотами воздуха. Спим, где попало — на полу без всякой постели и подушки в головах, завернутые в какое-нибудь лохмотье и окруженные со всех сторон бесчисленным множеством разных паразитов. В таком положении некоторые навсегда затупляют свою умственную способность, и не развиваются нравственные понятия, усвоенные еще в детстве; остается все то, что только может выразить одна грубо воспитанная, всеми забытая, от всякой цивилизации изолированная, мускульным трудом зарабатывающая хлеб рабочая среда. Вот что нам, рабочим, приходится выстрадать под ярмом капиталиста в этот детский период! И какое мы можем усвоить понятие по отношению к капиталисту, кроме ненависти! Под влиянием таких жизненных условий с малолетства закаляется у нас решимость до поры терпеть, с затаенной ненавистью в сердце, весь давящий нас гнет капиталистов и без возражений переносить все причиняемые нам оскорбления.

Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; из этого заработка все капиталисты без зазрения совести стараются, всевозможными способами, отнимать у рабочих последнюю трудовую копейку и считать этот грабеж доходом. Самые лучшие, для рабочих, из московских фабрикантов— и те, сверх скудного заработка, эксплоатируют и тиранят рабочих следующим образом. Рабочий отдается капиталисту на сдельную работу, беспрекословно и с точностью исполнить все рабочие дни и работу, для которой поступил, не исключая и бесплатных хозяйских чередов. Рабочие склоняются перед капиталистом, когда им, по праву или не по праву, пишут штраф, боясь лишиться куска хлеба, который достается им 17-ти часовым дневным трудом. Впрочем, я не берусь описывать подробности всех злоупотреблений фабрикантов, потому что слова мои могут показаться неправдоподобными для тех, которые не хотят знать жизни работников и не видели московских рабочих, живущих у знаменитых русских фабрикантов: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и других.

Председатель сенатор Петерс. Это все равно. Вы можете этого не говорить.

Петр Алексеев. Да, действительно все равно, везде одинаково рабочие доведены до самого жалкого состояния. 17-ти часовой дневной труд—и едва можно заработать 40 копеек! Это ужасно! При такой дороговизне с'естных припасов приходится выделять из этого скудного заработка на поддержку семейного существования и уплату казенных податей! Нет! При настоящих условиях жизни работников невозможно удовлетворять самым необходимейшим потребностям человека. Пусть пока они умирают голодной, медленной смертью, а мы, скрепя сердце, будем смотреть на них до тех пор, пока освободим из-под ярма нашу усталую руку, и свободно можем тогда протянуть ее для помощи другим! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти как-то прискорбно, а в особенности сидеть на скамье подсудимых человеку, который чуть ли не с самой колыбели всю свою жизнь зарабатывал 17-ти часовым трудом кусок черного хлеба. Я несколько знаком с рабо-

чим вопросом наших собратьев-западников. Они во многом не походят на русских: там не преследуют, как у нас, тех рабочих, которые все свои свободные минуты и много бессонных ночей проводят за чтением книг; там этим гордятся, а об нас отзываются, как о народе рабском и полудиком. Да как иначе о нас отзываться? Разве у нас есть свободное время для каких-нибудь занятий? Разве у нас учат с малолетства чему-нибудь бедняка? Разве у нас есть полезные и доступные книги для работника? Где и чему они могут научиться? А загляните в русскую народную литературу. Ничего не может быть разительнее того примера, что у нас издаются для народного чтения такие книги, как «Бова Королевич», «Еруслан Лазаревич», «Ванька Каин», «Жених в чернилах и невеста во щах» и т. п. Оттого-то в нашем рабочем народе и сложились такие понятия о чтении: одно—забавное, а другое—божественное. Я думаю, каждому известно, что у нас в России рабочие все еще не избавлены от преследований за чтение книг, а в особенности если у него увидят книгу, в которой говорится о его положении — тогда уже держись! Ему прямо говорят: «ты, брат, не похож на рабочего, ты читаешь книги». И страннее всего то, что и иронии не заметно в этих словах, что в России походить на рабочего то же, что походить на животное. Господа! Неужели кто полагает, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слепы, немы и глупы, что не слышим, как нас ругают дураками, лентяями, пьяницами? Что уж как будто и на самом деле работники заслуживают слыть в таких пороках? Неужели мы не видим, как вокруг нас все богатеют и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можем сообразить и понять, почему это мы так дешево ценимся и куда девается наш невыносимый труд? Отчего это другие роскошествуют, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуем, как тяжело повисла на нас так называемая всесословная воинская повинность? Неужели мы не знаем, как медленно и нехотя решался вопрос о введении сельских школ для образования крестьян, и не видим, как сумели это поставить? Неужели нам не грустно и не больно было читать в газетах высказанное мнение о найме рабочего класса? Те люди, которые такого мнения о рабочем народе, что он нечувствителен и ничего не понимает, глубоко ошибаются. Рабочий же народ, хотя и остается в первобытном положении и до настоящего времени не получает никакого образования, смотрит на это, как на временное зло, как и на самую правительственную власть, временно захваченную силою и только для одного разнообразия ворочающую все с лица да на изнанку. Да больше и ждать от нее нечего! Мы, рабочие, желали и ждали от правительства, что оно не будет делать тягостных для нас нововведений, не станет поддерживать рутины и обеспечит материально крестьянина, выведет нас из первобытного положения и пойдет скорыми шагами вперед. Но увы! Если оглянемся назад, то получаем полное разочарование, если при этом вспомним незабвенный, предполагаемый день для русского народа, день, в который он, с распростертыми руками, полный чувства радости и надежды, думал обеспечить свою будущую судьбу, благодаря царя и правительства, — 19-го февраля. И что же? И это для нас было только одной мечтой и сном! Эта крестьян-

ская реформа 19-го февраля 1861 года, реформа «дарованная», хотя и необходимая, но не вызванная самим народом, не обеспечивает самые необходимые потребности крестьянина. Мы попрежнему остались без куска хлеба, с клочками никуда негодной земли и перешли в зависимость к капиталисту. Именно, если свидетель, приказчик фабрики Носовых, говорит, что у него, за исключением праздничного дня, все рабочие под строгим надзором и не явившийся в назначенный срок на работу не остается безнаказанным, а окружающие ихнюю, сотни подобных же фабрик набиты крестьянским народом, живущим при таких же условиях, — значит — они все крепостные! Если мы, к сожалению, нередко бываем вынуждены просить повышения пониженной самим капиталистом заработной платы, нас обвиняют в стачке и ссылают в Сибирь, — значит, мы крепостные! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать расчета, вследствие перемены доброты материала и притеснения от разных штрафов, нас обвиняют в составлении бунта и прикладом солдатского ружья приневоливают продолжать у него работу, а некоторых, как зачинщиков, ссылают в дальние края, — значит, мы крепостные! Если из нас каждый отдельно не может подавать жалобу на капиталиста и первый же встречный квартальный бьет нас в зубы кулаком и пинками гонит вон, — значит мы, крепостные!

Из всего мною вышесказанного видно, что русскому рабочему народу остается только надеяться самим на себя и не от кого ожидать помощи, кроме от одной нашей интеллигентной молодежи.

Председатель (вскакивает и кричит). Молчите! Замолчите!

Петр Алексеев (возвысив голос, продолжает). Она одна братски протянула к нам свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голос на все слышанные крестьянские стоны Российской Империи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значит, и отчего это отовсюду слышны крестьянские стоны. Она одна не может холодно смотреть на этого изнуренного, стонущего под ярмом деспотизма, угнетенного крестьянина. Она одна, как добрый друг, братски протянула к нам свою руку и от искреннего сердца желает вытащить нас из затягивающей пучины на благоприятный для всех стонущих путь.

Она одна, не опуская руки, ведет нас, раскрывая все отрасли для выхода всех наших братьев из этой лукаво построенной ловушки, до тех пор, пока не сделает нас самостоятельными проводниками к общему благу народа. И она одна неразлучно пойдет с нами до тех пор, пока (говорит, подняв руку) подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда...

Председатель (волнуется и кричит). Молчать!

Петр Алексеев (возвышая голос)... и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!..

Э. Пекарский. Рабочий Петр Алексеев („Былое“, № 19, 1922 г.).

49. Северный союз русских рабочих.

Союз образовался в конце 1878 г. в Петербурге при ближайшем участии В. Обнорского, работавшего в южно-российском союзе, и Степана Халтурина. Союз успел об'единить до 200 рабочих, но вскоре он погиб, когда его виднейшие деятели и подпольная типография были захвачены (благодаря предательству) властями. После этого Халтурин отдался террористической деятельности—устроил взрыв в Зимнем дворце (1879 г.), а затем принял участие в убийстве прокурора Стрельникова, за что был казнен (1882 г.).

I.

Программа союза.

Сознавая крайне вредную сторону политического и экономического гнета, обрушивающегося на наши головы со всей силой своего неумолимого каприза, сознавая всю невыносимую тяжесть нашего социального положения, лишающего нас всякой возможности и надежды на сколько-нибудь сносное существование, сознавая, наконец, более невозможным сносить этот порядок вещей, грозящий нам полнейшим материальным лишением и парализацией духовных сил, мы, рабочие Петербурга, на общем собрании от 23 и 30 декабря 1878 года пришли к мысли об организации общерусского союза рабочих, который, сплачивая разрозненные силы городского и сельского рабочего населения и выясняя ему его собственные интересы, цели и стремления, служил бы ему достаточным оплотом в борьбе с социальным бесправием и давал бы ему ту органическую внутреннюю связь, какая необходима для успешного ведения борьбы.

Организация Северного Союза Русских Рабочих должна иметь строго определенный характер и преследовать именно те цели, какие поставлены в ее программе.

В члены этого союза избираются исключительно только рабочие и через лиц, более или менее известных, числом не менее двух.

Всякий рабочий, желающий сделаться членом Союза, обязан предварительно ознакомиться с нижеследующей программой и с сущностью социального учения.

Все члены Союза должны сохранять между собою полную солидарность, и нарушивший ее подвергается немедленному исключению. Член же, навлекший на себя подозрение, изобличающее его в измене Союзу, подвергается особому суду выборных.

Каждый член обязан вносить в общую кассу Союза известную сумму, определяемую на общем собрании членов.

Делами Союза заведывает комитет выборных, состоящий из десяти членов, на попечении которого лежат также обязанности по кассе и библиотеке. Общие собрания членов происходят раз в месяц, где контролируется деятельность комитета и обсуждаются вопросы Союза.

Собрания уполномачивают комитет только в действиях, являющихся непосредственно в интересах всего Союза. На обязанности комитета лежит

также право сношения с представителями провинциальных кружков и фракций рабочих России, принявших программу Северного Союза.

Провинциальные фракции Союза удерживают за собою автономное значение в сфере деятельности, определяемой общей программою, и подчиняются только решениям общих представительных собраний.

Центральная касса предназначается исключительно на расходы. необходимые для выполнения планов Союза, и на поддержку рабочих во время стачек. Библиотека имеет целью бесплатно удовлетворить потребностям столичных рабочих, даже не принадлежащих к Союзу.

Расходы на ее содержание и на выписку книг идут из кассы Союза и из сумм, жертвуемых рабочими.

Северный Союз Русских рабочих, тесно примыкая по своим задачам к социально-демократической партии Запада, ставит своей программою:

1. Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.

2. Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.

3. Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.

4. Правильную ассоциационную организацию труда, предоставляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства.

Так как политическая свобода обеспечивает за каждым человеком самостоятельность его убеждений и действий и так как ею прежде всего обеспечивается решение социального вопроса, то непосредственными требованиями Союза должны быть:

1. Свобода слова, печати; право собраний и сходок.

2. Уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям.

3. Уничтожение сословных прав и преимуществ.

4. Обязательное бесплатное обучение во всех школах и учебных заведениях.

5. Уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением.

6. Право сельской общины на решение дел, касающихся ее, как то: размера податей, надела земли и внутреннего самоуправления.

7. Уничтожение паспортной системы и свобода передвижения.

8. Отмена косвенных налогов и установление прямого, сообразно доходу и наследству.

9. Ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда.

10. Учреждение производительных ассоциаций, ссудных касс и дарового кредита рабочим ассоциациям и крестьянским общинам.

Вот в главных чертах та программа, руководиться какою поставило себе задачею общее собрание петербургских рабочих от 23 и 30 декабря.

Путем неутомимой и деятельной пропаганды в среде своих собратьев, Северный Союз надеется достичь тех результатов, которые выдвинут и у нас

рабочее сословие и заставят его заговорить о себе, о своих правах; посему на обязанности каждого члена этого Союза лежит священный долг вести посильную агитацию в угнетаемой и отзывчивой на требования справедливости рабочей массе. Услуга его не останется забытой потомством, и славное имя его, как апостола евангельской истины, занесется в летописи истории.

Рабочие! Вас зовем мы теперь, к вашему голосу совести и сознанию обращаемся мы. Великая социальная борьба уже началась—и нам нечего ждать; наши западные братья уже подняли знамя освобождения миллионов—и нам остается только примкнуть к ним. Рука об руку с ними пойдем мы вперед и в братском единении сольемся в одну грозную боевую силу...

На нас, рабочие, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощавшего наши силы, — и мы должны дать его. Вспомните, кто первый откликнулся на великие слова Христа, кто первый был носителем его учения о любви и братстве, перевернувшего весь старый мир—простые поселяне... Мы тоже зовемся к проповеди, мы тоже призываемся быть апостолами нового, но в сущности только непонятого и позабытого учения Христа. Нас будут гнать, как гнали первых христиан, нас будут бить и издеваться над нами, но будем неустрашимы и не постыдимся их поруганий, так как одно это озлобление против нас уже покажет нам их бессилие в борьбе с нравственным величием идей, в борьбе с той силой, какую мы представим собою.

«Вы развращаете мир, скажут нам, вы разрушаете семью, вы попираете собственность и оскверняете религию». «Нет, будем отвечать им, не мы развращаем мир, а вы; не мы причина зла, а вы. Напротив, мы идем обновить мир, возродить семью, установить собственность, как она должна быть, и воскресить великое учение Христа о братстве и равенстве»...

Рабочие! Становитесь смело под наше знамя социального переворота, сомкнитесь в дружную братскую семью и, опоясавшись духовным мечом истины, идите проповедывать свое учение по городам и селам! Ваше будущее лежит в этой спасительной пропаганде, и ваш успех зависит от нравственной силы вашей; с нею мощны вы, с нею вы покорите мир.

Знайте, что в вас заключается вся сила и значение страны, вы—плоть и кровь государства, и без вас не существовало бы других классов, сосущих теперь вашу кровь. Вы смутно сознаете это, но у вас нет организации, нет идеи, которой бы руководились, нет, наконец, нравственной поддержки, столь необходимой для дружного отпора врага. Но мы, рабочие-организаторы Северного Союза, даем вам эту руководущую идею, даем вам нравственную поддержку в сплочении интересов и, наконец, даем вам ту организацию, в какой нуждаетесь вы.

Итак, за вами, рабочие, последнее слово, от вас зависит участь великого Союза и успех социальной революции в России.

Петербургская Вольная типография. 12 января 1879 г.
Печатано по просьбе рабочих.

В. И. Невский. Очерки по истории РКП, т. I (1924 г.), стр. 573—75.

II.

Отклик „Земли и Воли“.

Из статьи в № 4 „Земли и Воли“ (от 20 февраля 1879 г.).

...По мере того, как растет неурядица наших правителей и защитников порядка, семьи и собственности, революционные элементы русского общества все более и более проникаются сознанием необходимости сплоченной организации для борьбы за свои идеи и—знаменательный факт—русские рабочие являются пионерами этого движения.

Манифест их об основании «Сев. Союза Рус. Рабочих» доказывает нам, что социализм нашел среди русского пролетариата не только убежденных сторонников, но и людей, способных без всякой посторонней помощи организоваться в борющуюся партию, способных на самостоятельную инициативу...

Мы приветствуем этот первый опыт самостоятельной социалистической организации русских рабочих, гласно выступивших на борьбу с эксплоататорами.

Теперь мы можем уже сказать, что великая истина: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих» — отныне становится для русского рабочего не только теоретическим положением, но и лозунгом его практической революционной деятельности.

Движение петербургских рабочих, выразившееся в последнее время весьма недвусмысленно в многочисленных стачках, общее критическое положение дел в нашем отечестве — все это заставляет нас сказать нашим дорогим товарищам, основателям и членам «Сев. Союза»: — вы выступаете теперь на политическое поприще как нельзя более своевременно, как нельзя более кстати.

Недалек тот момент, когда русскому трудящемуся классу придется не только пред'являть свои права, но и коллективно их отстаивать среди открытой политической и экономической борьбы.

Признавая всю серьезность совершившегося на наших глазах явления, мы, вместе с тем, считаем себя обязанными и высказаться откровенно и серьезно по поводу него...

В теоретической части программы «Сев. Союза» мы не видим, к сожалению, полной последовательно развитой системы воззрений, а скорее смешение программ различных западных социалистических партий.

Отрицание государства и требование коммунальной автономии зачисляет наших товарищей в лагерь социалистов-революционеров, каковыми мы и сами желали бы видеть членов «Сев. Союза», — а последующие параграфы программы прямо взяты из катехизиса немецких социал-демократов.

Вопросу о влиянии политической свободы в деле борьбы эксплоатируемых с эксплоататорами посвящается слишком много времени, и решается он в программе слишком категорически в утвердительном смысле — а положения революционной программы о значении пропаганды фактами, об активной борьбе, даже не дебатируются.

О воззрениях «Сев. Союза» на этот предмет можно догадываться только потому, что он включил стачки в число признанных орудий борьбы и пропаганды.

Статьи программы, касающиеся городских рабочих, развиты весьма подробно (по программе немецких социал-демократов); говорится и об отмене женского и детского труда, и о нормальном рабочем дне, — аграрные же вопросы оставлены втуне. Неизвестно, намерен ли «Сев. Союз» требовать всеобщего крестьянского передела земли или же он думает подойти к этому вопросу путем последовательных реформ, в роде отмены выкупных платежей за землю, переразверстки наделов и т. д.[1])...

Теперь два слова по поводу самого изложения и слога манифеста.

Очевидно, он предназначается для рабочих; но едва ли он сослужит большую службу делу в этом смысле. Написан он крайне вычурным и кудреватым слогом. Без словаря иностранных слов, которыми он испещрен совершенно без надобности, его почти невозможно читать: мудреные обороты затемняют смысл дела и не придают изложению ни серьезности, ни доказательности. Это тем более досадно, что, судя по некоторым местам, авторы могут писать просто, увлекательно с неподдельною страстью и искренностью, трогающими за сердце.

Между прочим, обращаясь в первый раз к собратьям с печатным словом, «Сев. Союзу» не грех бы помянуть и тех из своих предшественников рабочих, которые своими страданиями, жизнью и смертью положили первые камни социально-революционного движения на Руси. Мы говорим о Крылове, Малиновском, Петре Алексееве, Зарубаеве и др.

Кто же будет помнить их, когда их не вспомнят рабочие?

Сделав эти замечания, нам остается только снова приветствовать наших товарищей в их благом начинании...

Нам нет надобности напоминать вам, что столбцы «Земли и Воли» открыты для ваших заявлений и для вашего сотрудничества[2]).

Революционная журналистика семидесятых годов. Второе приложение к сборникам „Государственные преступления в России" (Русская историческая библиотека № 7, стр. 200—202).

50. Взгляд на роль рабочих в грядущем социальном перевороте.

(Из статьи в № 4 „Земли и Воли" от 20 февраля 1879 г.).

В № 3 нашего органа мы высказывали наш взгляд на практические цели социальной партии в России, сводя их к созданию боевой народно-революционной организации под знаменем земли и воли. Волнения фабричного населения, постоянно усиливающиеся и составляющие теперь злобу дня, заставляют нас раньше, чем мы расчитывали, коснуться той роли, которая должна принадлежать нашим городским рабочим в этой организации.

[1]) Далее идут указания на дефекты в организационной части.

[2]) В № 5 „Земли и Воли" (Революц. журналистика 70-х годов) появилось ответное „Письмо в редакцию от рабочих Северного союза".

Вопрос о городском рабочем принадлежит к числу тех, которые, можно сказать, самою жизнью самостоятельно выдвигаются вперед, на подобающее им место, вопреки априорным теоретическим решениям революционных деятелей. В прошлом, не без некоторого основания, мы обращали все свои надежды, употребляли все свои усилия на деревенскую массу. Городской рабочий занимал второстепенное место в расчетах революционеров, ему посвящалась, можно сказать, только сверхштатная часть сил. В городе пропаганда велась между делом, в минуты, когда деревня почему-либо была недоступна для пропагандиста, и велась притом исключительно с целью выработать из городского рабочего пропагандиста для деревни же. Такое отношение к делу естественно исключало возможность как настойчивой, систематической пропаганды, так и, в особенности, организации городских рабочих, и в настоящее время дает себя чувствовать очень плачевными результатами.

Городской рабочий, несмотря на сравнительную незначительность затраченных на него сил, проникся идеями социализма в довольно сильной степени. Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую, где нельзя было бы найти рабочих социалистов. Но как ни отрадны подобные явления, они, однако, лишаются огромной доли своего значения, когда мы начинаем ближе присматриваться к положению этих спропагандированных рабочих в среде их товарищей. В течение минувшего года мы видели несколько крупных стачек на разных фабриках и заводах. Где в это время были наши социалисты, какую роль играли они в этих движениях? Почти никакой...

И это вполне понятно. Наши рабочие-социалисты даже между собою не связаны, не сорганизованы. «Северный Союз» представляет первую попытку организации. До последнего же времени рабочие-социалисты были разбиты на мелкие кружки, задававшиеся почти исключительно целями самообразования, имевшие иногда кассы, библиотеки и в практической деятельности не шедшие дальше пропаганды. Рабочая масса относилась к рабочим-социалистам, как к чему-то чуждому, относилась часто насмешливо, иногда даже враждебно, и это—факт такого рода, в котором, к прискорбию, не может не сознаться всякий, знакомый с делом. Интересно, что масса даже сразу окрестила рабочих-социалистов именем «студентов», как бы намекая на их отчужденность, и эта кличка лишь в самое последнее время начала заменяться названием «социалиста». Понятно, что при таком взаимном отношении самая пропаганда не могла иметь большого успеха и вылавливала только отдельных личностей, не увлекая за собою массы...

А между тем, масса все это время жила своей жизнью, боролась за свои интересы и иногда практически ставила довольно радикальные решения социальных вопросов. Социалистам стоило только принять участие в этой жизни, в этой борьбе, обобщить решения и направить ее частные проявления в одно общее русло—и масса ясно увидела бы, что социалисты—ее друзья, ее помощники; тогда им не трудно было бы приобрести доверие и влияние, недостающие им теперь. Эта задача легко могла быть исполнена совокупными

усилиями интеллигенции социалистов рабочих, если бы первоначальная ложная постановка городского вопроса не сбивала их с пути. Надо было относиться к городским рабочим, как к целому, имеющему самостоятельное значение, надо было изыскивать средства влиять на всю их массу, а это было невозможно до тех пор, пока в городских рабочих видели только материал для вербовки отдельных личностей.

Серьезному отношению к городским рабочим всегда мешал взгляд на их значение, по которому им отводилось самое второстепенное место. Справедлив ли этот взгляд? Действительно ли городской рабочий остается без крупной роли в будущем социальном перевороте? Нам кажется, что это мнение совершенно ошибочно.

Наши крупные промышленные центры представляют нам скопление десятков, иногда даже сотен тысяч рабочего люда. В огромном большинстве случаев — все это те же крестьяне, что и в деревне. Фабрика для них является только видом отхожего промысла и, отвлекая их от деревни, хотя бы на целые годы, не уничтожает, однако, их деревенских связей и симпатий. Вопрос аграрный, вопрос общинной самостоятельности, земля и воля, одинаково близки сердцу рабочего, как и крестьянам. Словом, это не оторванная от крестьянства масса, а часть того же самого крестьянства. Дело их одно— одна у них может и должна быть борьба. А между тем, в городах собирается цвет деревенского населения; более молодые, более предприимчивые по своему подбору, они, сверх того, устранены в городе от влияния более консервативных и боязливых членов крестьянской семьи; они, наконец, более видели и слышали, более широко наблюдали все общественные отношения. Не представляя западно-европейской оторванности от земледельческого класса, наши городские рабочие, одинаково с западными, составляют самый подвижной, наиболее удобовоспламеняющийся, наиболее способный к революционизированию слой населения. Благодаря этому, они явятся драгоценными союзниками крестьян в момент социального переворота. Тактическое же значение подобного союзника очевидно для каждого. Как бы ни было единодушно восстание деревень, оно, однако, рискует быть подавленным централизованными силами государства, если только не будет поддержано восстанием в самом центре, в самом средоточии правительственной власти. Городская революция должна и может отвлечь силы правительства и дать крестьянскому восстанию время окрепнуть и развиться до степени непобедимости. Только при подобном условии и мыслим успех социального переворота. Разойдясь по селам и деревням средней части России, из которой пополняется главным образом их контингент, городские рабочие сыграют роль «воровских прелестников», оказавших столько услуг Разинскому и Пугачевскому движению, они подготовят почву для приближающейся лавины революционного движения; это вторая не менее важная служба, которую может сослужить город в общем ходе революционных событий в России.

Но для исполнения подобной миссии нужна именно масса городских рабочих, нужны революционизирование *всей* массы и организация, влияющая

на *всю* массу. Осуществить как то, так и другое возможно лишь путем агитационной деятельности...

Революционная журналистика семидесятых годов. Второе приложение к сборникам „Государственные преступления в России" (Русская историческая библиотека № 7, стр. 194—196.).

51. Программа рабочих, членов партии „Народной Воли".

Общество „Земля и Воля", возникшее в 1876 г., распалось в 1879 г., когда на Воронежском с'езде обнаружилось, что разногласия между „политиками" и „деревенщиками" устраняют возможность дальнейшей совместной работы. Деревенщики создали группу „Черный передел", имевшую задачей работать в крестьянской среде, а политики образовали Партию Народной Воли, главной целью которой стала террористическая борьба с правительством. К началу 1881 г. народовольцы имели в Петербурге и во многих других местах правильно действовавшие кружки рабочих. „Программа" была напечатана в ноябре 1880 г. Один экземпляр был послан Марксу, который сделал на нем много пометок[1]). Программа печатается здесь с сокращениями.

А.

Исторический опыт человечества, а также изучение и наблюдение жизни народов убедительно и ясно доказывают, что народы только тогда достигнут наибольшего счастья и силы, что люди тогда только станут братьями, будут свободны и равны, когда устроят свою жизнь согласно социалистическому учению, то-есть следующим образом:

1. Земля и орудия труда должны принадлежать всему народу, и всякий работник в праве ими пользоваться.

2. Работа производится не в одиночку, а сообща (общинами, артелями, ассоциациями).

3. Продукты общего труда должны делиться, по решению, между всеми работниками, по потребности каждого.

4. Государственное устройство должно быть основано на союзном договоре всех общин.

5. Каждая община в своих внутренних делах вполне независима и свободна.

6. Каждый член общины вполне свободен в своих убеждениях и личной жизни; его свобода ограничивается только в тех случаях, где она переходит в насилие над другими членами своей или чужой общины.

Если народы перестроят свою жизнь так, как мы, социалисты-работники, этого желаем, то они станут действительно свободны и независимы, потому что не будет более ни господ, ни рабов. Каждый может тогда работать, не попадая в кабалу к помещику, фабриканту, хозяину, потому что этих тунеядцев не будет и в помине. Землею станет пользоваться каждый желающий заниматься хлебопашеством. Фабрики и заводы будут в руках тех

[1]) См. „Русская историч. библиотека", № 4 (переиздание загран. „Былого"), стр. 165—167.

общин, которые пожелают пристать к фабричному труду. Каждый будет иметь все, что ему нужно для жизни, а потому не станет продавать себя, свой труд, свои убеждения, да и покупать-то будет некому.

Работа общиною, артелью даст возможность широко пользоваться машинами и всеми изобретениями и открытиями, облегчающими труд; поэтому у работников, членов общины, производство всего нужного для жизни потребует гораздо меньше труда, и в их распоряжении останется много свободного времени и сил для развития своего ума и занятия наукою. Такая жизнь даст работнику много наслаждений, о которых он теперь и понятия не имеет; даст ему научное знание и сделает его самого способным служить дальнейшему развитию науки, облегчению труда и улучшению жизни. Число всяких улучшений сделается бесконечно больше, чем теперь, и люди-работники достигнут высокой власти над природой.

Личная свобода человека, т. е. свобода мнений, исследований и всякой деятельности снимет с человеческого ума оковы и даст ему полный простор.

Свобода общины, т. е. права ее вместе со всеми общинами и союзами вмешиваться в государственные дела и направлять их по общему желанию всех общин, — не даст возникнуть государственному гнету, не допустит того, чтобы безнравственные люди забрали в свои руки страну, разоряли ее в качестве разных правителей и чиновников и подавляли свободу народа, как это делается теперь.

Б.

Мы глубоко убеждены, что такой общественный и государственный порядок обеспечил бы народное благо, но мы знаем также по опыту других народов, что сразу и в самом близком будущем невозможно добиться полной свободы и прочного счастья народа. Нам предстоит долгая и упорная борьба с правителями и расточителями народного богатства — постепенное завоевание гражданских прав. Слишком долго, целые века правительство и все прихвостни его, которым теперь хорошо и тепло живется, из сил выбивались, чтобы держать русский народ в послушании и забитости. Им это почти всегда удавалось. Действительно, темные люди в большинстве случаев не сознают и не чувствуют, что они граждане своей родной страны и не должны дозволять, чтобы страною распоряжались коронованные проходимцы и всякие охотники до чужого труда и кармана; бедным, голодным людям слишком часто приходилось дрожать и унижаться перед сильными и богатыми, даже мошенничать и продаваться, и все из-за насущного куска хлеба... Потому люди настоящего времени не могли бы устроиться и жить в ладу при таких хороших и справедливых порядках, где нет ни богатых, ни бедных, ни господ-тунеядцев, ни слуг-работников, где все равно обеспечены, все трудятся, все свободны. Унывать, однако, не приходится. Если в наше время такие порядки нам не по плечу, то следует к ним приближаться постепенно, добиваясь, если не полной свободы и счастья, то во всяком случае большей свободы и значительного улучшения своей жизни. При лучших порядках и

лучшей жизни люди станут умнее, нравственнее, поймут, наконец, что они граждане, т. е. полноправные хозяева своей страны, и пойдут далее, т. е. устроят свою жизнь еще лучше, еще справедливее. При этом тот общественный и государственный порядок, которого желаем мы, социалисты работники, должен служить людям путеводною звездою, чтобы они не сбились и не попали в новые цепи, в еще худшую кабалу... Все мы должны добиваться таких порядков, где бы сам народ стал господином страны, где бы не правительственные чиновники, а он сам решал, какой путь приведет его к благоденствию и свободе. Необходимо сделать первый шаг!

В.

Но этот шаг следует обдумать. Следует прежде всего выяснить себе, кто наши враги, кто наши друзья и каких изменений в теперешних порядках следует добиваться. Мы должны знать, что:

1. Все, кто живет теперь на счет народа, т. е. правительство, помещики, фабриканты, заводчики и кулаки, никогда по доброй воле не откажутся от выгод своего положения, потому что им гораздо приятнее взваливать всю работу на спину рабочего, чем самим приняться за нее. Эти господа смекают, что рабочий народ будет служить им лишь до тех пор, пока он темен, задавлен нуждою и разорен, пока он не понимает, что сила его в союзе всех работников. Поэтому бесполезно ждать от этих господ улучшения теперешних порядков. Правда, они устраивают иногда комиссии для улучшения быта рабочих на фабриках и заводах, но все заботы их напоминают заботы хозяина о содержании рабочего скота. Никогда не станут они думать о поднятии народного образования, никогда не позволят рабочему человеку устроиться так, чтобы он перестал в них нуждаться. Стало быть, рабочий народ должен расчитывать на свои силы: враги ему не помогут.

Но народ всегда может расчитывать на верного союзника — социально-революционную партию... Кроме нее у народа нет других верных союзников; однако во многих случаях он найдет поддержку в отдельных лицах из других сословий, в людях образованных, которым так же хотелось бы, чтобы в России жилось свободнее и лучше. Их не очень тревожит то обстоятельство, что русский крестьянин в кабале у хозяина и кулака, потому что этот гнет им незнаком, но они испытали на своей шкуре произвол полицейский и чиновничий и охотно помогли бы народу с ним покончить... Нужно только, чтобы рабочие не забывали, что их дело на этом не остановится, что вскоре придется расстаться с этим временным другом и итти далее в союзе с одною социально-революционной партией...

2. Перемены в порядках, которые мы желаем совершить, должны быть понятны народу и согласны с его требованиями, иначе он не станет их вводить и поддерживать, на другие же сословия, как мы сказали, расчитывать нельзя, потому что они сделают не то, что выгодно для народа, а то, что выгодно им самим.

3. Перемены в порядках должны приближать жизнь к социалистическому строю.

Г.

Принимая все это во внимание, мы признаем, что в ближайшее время мы можем добиваться следующих перемен в государственном строе и народной жизни:

1. Царская власть в России заменяется народоправлением, т. е. правительство составляется из народных представителей (депутатов); сам народ их назначает и сменяет; выбирая, подробно указывает, чего они должны добиваться, и требует отчета в их деятельности.

2. Русское государство, по характеру и условиям жизни населения, делится на области, самостоятельные во внутренних своих делах, но связанные в один общерусский союз. Внутренние дела области ведаются Областным Управлением; дела же общегосударственные — Союзным Правительством.

3. Народы, насильственно присоединенные к русскому царству, вольны отделиться или остаться в обще-русском союзе.

4. Общины (села, деревни, пригороды, заводские артели и пр.) решают свои дела на сходах и приводят их в исполнение чрез своих выборных должностных лиц— старост, сотских, писарей, управляющих, мастеров, конторщиков и пр.

5. Вся земля переходит в руки рабочего народа и считается народной собственностью. Каждая отдельная область отдает землю в пользование общинам или отдельным лицам, но только тем, кто сам занимается обработкой ее. Никто не вправе получить больше того количества, которое он сам в силах обработать. По требованию общины устанавливаются переделы земель.

6. Заводы и фабрики считаются народной собственностью и отдаются в пользование заводских и фабричных общин, — доходы принадлежат этим общинам.

7. Народные представители издают законы и правила, указывая, как должны быть устроены фабрики и заводы, чтобы не вредить здоровью и жизни рабочих, определяя количество рабочих часов для мужчин, женщин и детей и пр.

8. Право избирать представителей (делегатов) как в Союзное Правительство, так и в Областное Управление, принадлежит всякому совершеннолетнему; точно также всякий совершеннолетний может быть избран в Союзное Правительство и Областное Управление.

9. Все русские люди в праве держаться и переходить в какое угодно вероучение (религиозная свобода); в праве распространять устно или печатно какие угодно мысли или учения (свобода слова и печати); в праве собираться для обсуждения своих дел (свобода собраний); в праве составлять общества (общины, артели, союзы, ассоциации) для преследования каких угодно целей; в праве предлагать народу свои советы при избрании представителей и при всяком общественном деле (свобода избирательной агитации).

10. Образование народа во всех низших и высших школах даровое и доступное всем.

11. Теперешняя армия и вообще все войска заменяются местным народным ополчением. Все обязаны военной службой, обучаются военному делу, не отрываясь от работы и семьи, и созываются только в случае определенной законом надобности.

12. Учреждается Государственный Русский Банк с отделениями в разных местах России для поддержки и устройства фабричных, заводских, земледельческих и вообще всяких промышленных и ученых общин, артелей, союзов...

...Городским рабочим следует только помнить, что отдельно от крестьянства они всегда будут подавлены правительством, фабрикантами и кулаками, потому что главная народная сила не в них, а в крестьянстве. Если же они будут постоянно ставить себя рядом с крестьянством, склонять его к себе и доказывать, что вести дело следует за одного, общими усилиями, тогда весь рабочий народ станет несокрушимой силой [1])...

Если бы правительство из боязни общего бунта решилось сделать обществу кое-какие уступки, т. е. дать конституцию, то деятельность рабочих не должна от этого измениться. Они должны заявлять себя силой, должны требовать себе крупных уступок, должны вводить своих представителей в парламент (т. е. законодательное собрание) и, в случае надобности, поддержать их требование массовыми заявлениями и возмущениями.

Напирая таким образом постоянно на правительство, набираясь сил в борьбе с ним, партия Народной Воли выжидает лишь удобного момента, когда старый негодный порядок окажется неспособным противостоять требованиям народа, и совершает переворот с полной надеждой на успех.

В. Невский, Очерки по истории РКП (большевиков), т. I, стр. 576 и след.

52. Из „Рабочей газеты" (№ 1 от 15 декабря 1880 г.).

„Рабочая газета" издавалась в летучей типографии „Народной Воли" при ближайшем участии Желябова, Коковского и др. Газета была тесно связана с боевой рабочей дружиной. Это был первый орган, печатавшийся в России для рабочих. В 1875—76 г.г. в Женеве вышли 15 номеров „Работника" [2]).

I.

Передовая.

9 декабря 1880 г.

Испокон веков не любили цари правды и всегда гнали ее нещадно. Награждали лесть да коварство, а за слово разумное, правдивое—терзали тело и душу. Но не удавалось им задушить правды в сердце человека: всегда находились смелые люди, для которых истина и справедливость были всего дороже. Не страшили их в старину царские тюрьмы, пытки и костры, не

[1]) В дальнейшем, под буквою Д, говорится об образовании тайных рабочих обществ (кружков) для агитационных целей, а под Е—о том, каким путем следует совершить насильственный переворот.

[2]) См. „Русская историч. библиотека", № 4 (переиздание заграничного „Былого" за 1900—1902 г.г.), стр. 62 и сл.; № 5, стр. 62 и сл.

страшат их ныне виселицы. Правдивое, смелое слово их становится слышнее и грознее, и не унять его царской своре.

Печатались и расходились запрещенные книжки и газеты по всей земле русской, и больно тревожили они царя с его сворой, потому—правда глаза колет. Печатались они поневоле за границей, а не у нас в России. Но вот третий год, как основана в Петербурге тайная типография (книгопечатня). Вольное слово раздается под самым носом у царя, и мечется он, как черт от ладана.

Полюбилось вольное печатное слово русским людям, и читают его на перебой; читают не только люди ученые (интеллигенция), но и много грамотного рабочего люда. Трудно часто рабочим понимать вольные газеты и книжки, как они писались по сей день, а для народа знать правду всего важнее.

Вот почему мы и порешили выпускать «Рабочую Газету». В «Программе рабочих, членов Партии Народной Воли», что вышла недавно, мы подробно говорили, какие порядки считаем мы справедливыми, и чего следует нам добиваться [1]).

Поэтому теперь мы повторяем вкратце главные наши требования.

Не царь, а весь русский народ должен быть хозяином страны. Поэтому царская власть должна быть уничтожена, а все государственные и общественные дела переданы в руки выборных от народа, избираемых на срок.

Земля, фабрики и заводы должны принадлежать всему народу; всякий, по желанию, может получить земельный надел по расчету или пристать к фабричному труду.

Для охраны свободы и благосостояния народа постоянное войско должно быть заменено народным ополчением.

При таком порядке, по нашему мнению, народ был бы действительно свободен и счастлив. То ли мы видим вокруг себя? У нас царь значит все, а народ—ничто. Вместо выборных народных всем орудуют царские чиновники, и распоряжаются то они, как в покоренной стране. Живет всласть, кто не трудится, а кто трудится—в кабале состоит у хозяина. Все, что минует хозяйскую мошну, попадает в казну, а куда расходится, про то спрашивать не приказано. Держат армию в миллион человек; отрывают от хозяйства лучших работников — все молодец в молодца. А для чего? Чтоб держать в покорности свой же народ. Таковы-то царские распорядки! Всякий видит, сколько в них справедливости. Силой царь держит русский народ в нищете да в невежестве. Скоро доведет до голодной смерти. Уже бедствия народа начинают превышать всякую меру, и недалеко то время, когда народ произнесет свой приговор над притеснителями.

Наша задача — выяснить народу, кто друг его, кто враг, выяснить, как свергнуть иго и при каких порядках народ будет счастлив и свободен.

---

[1]) См. выше, № 51.

II.

Рабочее житье-бытье.

Ну и времячко же, братцы, наступило. Куда ни глянешь, где ни посмотришь — везде одна песня про голод, да безработицу. Голодает вся матушка Россия. Неурожай ноне был чуть-что не в половине ее, а в Саратовской, Самарской, Екатеринославской и других южных губерниях и семян не собрали. Земля, кормилица наша, не уродила, ну, а жить тоже нужно и подати подай.

Вот и плетутся все крестьяне голодных губерний в города, да на промыслы. Народу навалило много. Хозяева и рады беде народной и сейчас понизили заработную плату до того, что приходится из-за куска хлеба работать. А все же много народу без работы осталось; вот с нужды и пошли баловать: разбои, грабежи да нищество разрослись, как никогда.

В голодных губерниях оборванные голодные мужики, бабы и дети толпами ходят по дорогам и просят у проезжих милостыни.

Так-то вот живется народу в провинции.

Теперь поглядим, лучше ли нам, столичным рабочим.

Первым делом зайдешь на какой-нибудь завод, либо фабрику; всюду только и слышишь, что расчитывают. Например,—у Голубева, у Леснера расчитали четвертую часть всех рабочих; у Путилова, у Нобеля, на Балтийском—третью часть; у Растеряева, на Патронном, у Петрова—половину; завод Берда совсем стал, а было в нем 1500 рабочих. То же и на фабриках. Выходит, значит, что и постоянным питерским рабочим некуда деться, а тут на несчастье неурожай нагнал из провинции не мало рабочего люда. Как теперь поглядишь на все на это, так тебе и видно станет, почему на некоторых улицах проходу нет от нищих, почему полиция, хоть и высылает нищих тысячами из города, все же не может очистить улиц от них. От этой же безработицы, да от того, что много рабочих из провинции наехало, стала сильно заработная плата понижаться, а наше заводское начальство обращаться хуже чем со скотом. Нынче заработная плата чуть не вдвое меньше, чем было прежде, а коли возьмешь в расчет, что хлеб и другие припасы чуть-что не вдвое дороже, то и выйдет, что иной раз и работу имеешь, а мало: не одним хлебом да пустыми щами живешь.

А про заводское начальство и говорить нечего. Оно так и говорит: «вас, мол, за воротами, как собак! чуть-что—сейчас расчет!» Ну и не стесняется с нашим братом. Ругательства, подзатыльники да вымогательство денег, это дело теперь обычное. Бывало, правда, что и не вытерпит рабочий подлости, да прижимки: своим судом расправится с подлецом, расправ таких нынешней зимой было больше, чем когда-нибудь. Например:—у Розенкранца рабочий в мастерской ножом зарезал мастера при всем народе; на Александровском рабочие накинули на голову мастера мешок и раскроили ему голову; у Симон-Гальского рабочий пустил в догонку мастера 4 тяжелых куска железа; его товарищи кричали ему «браво!» и щедро угостили в трактире; у Петрова

так двинули писарю камнем в спину, что тот, почитай, с неделю ходил скрючившись.

Кроме таких расправ с отдельными подлецами, было у нас и несколько забастовок. Хоть рабочий и понимает, что теперь не время тягаться с хозяином, забастовку делать, а все же иной раз и не втерпеж от бессовестной хозяйской подлости да корысти. Дружная забастовка была в конце ноября в Серпухове, в Московской губернии, на фабрике Сухорукова за сбавку с платы. Хозяин сейчас им всем расчет да новых набирать, а чтобы даром хозяйским теплом не грелись, вынул рамы из окон казарм. Забастовавшие, увидевши, что приходится лишиться и куска хлеба, стали просить хозяина, что они де готовы работать на всей его воле. Другая стачка была на Голубевском заводе 29 ноября. Хозяин, вишь, получки во время выдать не хотел. Рабочие забастовали. Хоть хозяин и уступил, ну, а все же эта удача не дешево заводу обошлась: лучших 10 рабочих, что за общий интерес стояли твердо, на другой же день расчитали.

Таково-то наше житье-бытье!

Русская историческая библиотека (перепечатка заграничного журнала „Былое"), кн. 4 (Ростов н/Д., 1906 г.), стр. 52—53, 55—57.

53. Прокламация рабочих, членов партии „Народной Воли" по поводу убийства Александра II (2 марта 1881 г.).

Русский рабочий люд!

Сего 1 марта Александр II, мучитель всего народа, убит нами, социалистами. Об'являем об этом всенародно. Он убит за то, что не заботился о своем народе, тяготил его невыносимыми податями, обделил мужиков землей, отдал рабочего на разоренье всякому грабителю и мироеду. Он не давал народу воли, не слушал слезных мужицких жалоб; он защищал только одних богатых, а сам пировал и роскошествовал в то время, когда народ помирает с голоду. Царские слуги — урядники, становые, полицейские разоряли и грабили народ, мучили и убивали крестьян, а царь за это награждал, а не наказывал их. Мирских людей, которые стоят за народ и за правду, царь вешал и ссылал на каторгу, в Сибирь. За все это он теперь убит. Царь должен быть пастырем добрым, душу свою за овцы полагающим; Александр II был лютым волком, и страшная смерть покарала его.

Русские рабочие! Теперь вступает на престол новый царь, Александр III. Нужно, чтобы он не пошел в отца. Пусть он призовет народных выборных от всех деревень, заводов, фабрик, пусть узнает мужицкое горе и нужду и вперед царствует по правде. Пусть у него советниками в Сенате будут народные выборные. Тогда царь даст мужику и землю, и подати уменьшит, и волю даст народу. Подавайте все прошения об этом из городов, из деревень. Если же царь не послушает народного голоса и начнет, как его батюшка, вешать и ссылать в Сибирь всякого, кто стоит за рабочих, тогда нужно и его сменить. Помните, братья ,что покоряться мучителю—тяжкий грех, чрез это тер-

пит горе весь народ. Братья рабочие! Довольно мучилась вся Русская земля! Настала пора, когда правда воцарится на земле. Нужно только, чтобы рабочий народ действовал смело, как действовали Петр Алексеев, Пресняков, Тихонов, Ширяев, Окладский. Все эти наши братья социалисты—из крестьян и мещан—не убоялись никакой муки, ни каторги, ни самой смерти, стоя за правду. Так и все должны делать, и тогда все пойдет хорошо и не будет на русской земле ни нищеты, ни слезного горя.

Историко-революционная хрестоматия, т. I (1923 г.), стр. 188—89.

54. Официальное сообщение о „преступной пропаганде в среде С.-Петербургских рабочих".

Печатаемое ниже сообщение извлечено из дознания, начатого в марте 1881 г., о 26 лицах, прикосновенных к агитации среди рабочих.

Еще летом 1880 г. вожаки террористической партии принялись за систематическую агитацию в среде петербургских рабочих. С этой целью была выработана и напечатана особая программа «Рабочих членов партии Народной Воли» [1])...

К принятию оснований этой программы петербургские рабочие должны были быть приготовляемы постепенно. На сходках, происходивших летом и осенью 1880 г. и на которых вместе с членами партии участвовали и некоторые рабочие, была выработана целая рабочая организация, поставленная в близкую связь с организацией партии Народной Воли и в прямую зависимость от нее.

Рабочие должны были группироваться в кружки, разделившиеся на три разряда. В кружках 1-го (низшего) разряда рабочих обучали грамоте, начальным основаниям арифметики и географии, причем учитель кружка, обыкновенно выбиравшийся из университетской молодежи, лишь вскользь и в общих чертах проводил революционные идеи. Кружок состоял из 5—6 человек и собирался поочередно на квартирах своих членов.

Рабочие, достигшие путем некоторого образования и знакомства с революционными началами, собирались в кружки 2-го разряда. В них уже читались им лекции по истории и развивалось учение о социализме в тех формах, в каких оно выработалось на Западе.

Наконец, прошедшие через эти обе подготовительные инстанции рабочие образовывали из себя «Центральную агитационную группу». Таких групп предполагалось учредить по одной в каждой из петербургских городских частей. Местом собрания агитационных групп должны были служить «рабочие квартиры», где хозяином являлся рабочий, а жильцом студент, преподаватель и руководитель кружка. Кроме того, при каждой из этих групп имел состоять агент партии Народной Воли, через которого происходили сношения группы с вожаками партии...

[1]) Далее идет краткое изложение программы. Она приведена выше (№ 51) в более полном виде.

Студенты-учителя рабочих собирались в особые учительские кружки. Для охраны рабочей организации предполагалось сформировать «боевые рабочие дружины».

Организация эта начала осуществляться с осени 1880 г. Главные деятели партии Народной Воли руководили ею лично. Так, Желябов читал рабочим лекции об Ирландском восстании. Агентами при центральных группах состояли: София Перовская, Рысаков, Гриневицкий. Собирались они на квартирах рабочего Гаврилова и студента Подбельского [1])...

Рабочая организация имела свой отдельный орган—«Рабочую газету», второй и последний № которой вышел 28 янв. 1881 г.

Впрочем, рабочая организация не успела получить того развития, которое предполагали дать ей вожаки террористической партии. В начале марта 1881 г. она была обнаружена, благодаря показаниям Рысакова, и главные участники ее взяты под стражу. Имена привлеченных по сему делу неперечисленных выше лиц помещены в приложенном у сего алфавитном списке.

Но этим, однако, не был положен конец социально-революционной пропаганде среди петербургских рабочих. Несколько молодых людей, большею частью студентов петербургского университета, продолжали ее в течение всего мая и июня на сходках, собиравшихся в пустынных местах, в окрестностях города. Главным агитатором являлся на них Осип Нагорный, читавший рабочим Лассаля, побуждавший их устроить общую кассу и разъяснявший им вышеприведенную программу рабочих членов Народной Воли.

По наущению Нагорного 27 июня 1881 года рабочим Евсеевым, при содействии рабочих Хохлова и Кузюмкина, убит агент петербургской сыскной полиции Прейм...

Дело о преступной пропаганде в среде с.-петербургских рабочих („Былое", 1907 г., кн. 1).

55. Пропаганда среди рабочих в Ростове на Дону (1882-84 г.).

В 1882—84 г.г. организованные силы партии Народной Воли в Ростове на Дону представлены были «группой» партии, находившейся в подчиненном отношении к ней. В состав группы входили как *нелегальные* деятели (элемент пришлый), так и *легальные* (элемент местный, но имевший за собою революционное прошлое и обладавший более или менее обширными связями)... С течением времени потребность в новых силах подала мысль местной группе о создании «подгруппы». Один из членов группы, обладавший большими связями и большим влиянием среди местной интеллигенции и молодежи, и создал в то время такую подгруппу. Только один этот член группы сносился с вновь организованной им подгруппой, а члены подгруппы знали только его и только через него входили в сношения с группой...

[1]) Далее приводятся данные о 26 лицах, обвиненных в причастности к пропаганде среди рабочих.

Начну с того, что мы, т. е. я и мои товарищи, вступившие одновременно в организацию в качестве членов подгруппы, только с того момента стали себя считать активно и полезно действовавшими членами партии, когда нам открыли доступ к рабочим и стали поручать вести пропаганду среди них. Оно и понятно; ни работа среди молодежи (образование революционных кружков), ни денежный сбор, ни добывание адресов, квартир и проч., ни даже добывание шрифта, паспортов и т. п. не могло нас удовлетворить, так как, во-первых, это достигалось нами без особенного усилия и затраты энергии, а во вторых—не давало идейного удовлетворения, как работа более или менее механическая и подсобная. Суть революционной деятельности, по нашему тогдашнему пониманию, заключалась... в создании как в обществе, так и в рабочей массе сознательных революционных сил, как главной силы подготовления будущего социального переворота. Весьма возможно, что в описываемый период это стремление работать среди городских рабочих заступило у нас место хождения в народ в предшествовавший период—в 70-х г.г. Вести пропаганду и агитацию среди интеллиценции и молодежи казалось для нас делом весьма легким и определенным,—это как бы делалось само собою, попутно. Другое дело—работа среди рабочих. Тут не только требовалась известного рода подготовка, запас знаний как теоретических, так и фактических (так, необходимо было знакомство с положением рабочих у нас и в Европе), но известного рода личные качества, например, талант пропагаторский. Необходимо было создать, выработать у себя эти качества...

В те годы в Ростове насчитывалось до 10000 рабочих всяких категорий. Большую часть составляли рабочие железнодорожного депо и сталелитейных, чугуннолитейных и механических заводов вообще... Главной средой для революционной пропаганды служили, конечно, квалифицированные рабочие железнодорожных и механических заводов; меньше были распропагандированы рабочие других фабрик. Пропаганда велась лично членами группы и подгруппы, конечно не массовая, т. е. не в массе, а среди отдельных групп. Массовой пропагандой занимались лишь те члены ростовской группы, которые сами были рабочими. Пропаганда и агитация велись таким образом. Более или менее выдающиеся рабочие и распропагандированные раньше и находившиеся в постоянных сношениях с членами местной группы, путем пропаганды среди массы рабочих, намечали и выбирали наиболее отзывчивых из них и составляли из них группы или кружки, иногда из 5—6, иногда из 10 и более лиц, смотря по обстоятельствам. После нескольких предварительных бесед на собраниях или чтений, рабочий-пропагандист вводил в свою группу члена партии, на обязанности которого и лежала дальнейшая работа среди этой группы. Сама группа эта не оставалась замкнутой так навсегда; каждый из членов этой группы по собственной инициативе старался привлечь новых адептов, ведя пропаганду на заводе за станком или в ином месте, и потом вводил их в группу. Если группа разрасталась, она распадалась на 2 или 3 новых группы, которые тогда поручались новым членам группы или подгруппы. Таким обра-

зом, у нас одновременно существовало несколько различных групп. Группы эти образовывались часто независимо друг от друга. По мере того как рабочие в этих группах распропагандировались, из них вырабатывались хорошие пропагандисты уже среди массы; да и вообще каждый из членов этой группы пользовался всеми удобными случаями для пропаганды среди своих товарищей. Часто из членов этих рабочих кружков являлись желающие ехать в другие местности и города, где еще не было пропагандистов; и они, бросая свои места, отправлялись в Новочеркасск, Ставрополь, Кавказ, чтобы положить там начало социалистической пропаганде. Несомненно, самое трудное—было начало, т. е. умелая пропаганда среди вновь образовавшихся кружков. За это обыкновенно брались опытные члены группы партии и затем, доведя до известного момента, передавали членам подгруппы, которые уже вели кружок дальше, приобретая, таким образом, некоторый навык и умение. Из числа участвовавших в этих кружках молодых рабочих впоследствии вышли выдающиеся пропагандисты и агитаторы...

Нужно ли говорить о том, что эти-то сознательно относящиеся к своему положению рабочие и были всегда на фабриках и заводах теми элементами, которые стояли всегда во главе, как в качестве инициаторов, так и руководителей, во время стачек, столкновений с начальством из-за штрафов, злоупотреблений в отчетности кассы для рабочих, больничных денег и, наконец, они же являлись руководителями в деле обуздывания, в той или иной степени, чрезмерно зазнавшихся мастеров, а иногда и управляющих. На этот счет можно было бы привести факты. В отношении, собственно, стачек члены партии держались такого взгляда, что не должно было искусственно взывать к стачке там, где большинство, масса рабочих еще не сознала ее необходимости; но раз мысль о стачке встречалась сочувственно, рабочие агитаторы должны были ее поддерживать и руководить ею. Пропаганда и агитация, веденная таким образом, имела такой успех, особенно среди наших железнодорожных рабочих, что по требованию жандармских властей увольнялись и выселялись сотни рабочих, которые, конечно, попадая в другие местности, продолжали свое дело и там. По крайней мере, из числа всех рабочих, с которыми мне приходилось работать (около 12—20), за исключением 2—3, остальные до самого ареста, будучи увольняемы из ростовских мастерских, продолжали свое дело, кто—в Екатеринославе, кто—в Новочеркасске, Батуме, Владикавказе, Воронеже и других городах. Из их числа ни один не ушел из рабочей среды, не стал чужд рабочим интересам; напротив, чем развитее он становился, тем преданнее и горячее относился к своему делу...

С чем я и мои товарищи по делу шли к рабочим, т. е. какова была наша программа деятельности и каков был основной принцип ее? О программе в деталях нечего и говорить, ее не было и не могло быть. Я знал, что пропаганда моя среди рабочих как слоя, класса, имеющего свои определенные интересы, прежде всего экономические, должна была опираться или, лучше сказать, исходить из этих интересов, как наиболее понятных

и близких им, рабочим. Сообразно с этим я думал, что выполню более или менее полно принятую на себя задачу, если 1) выясню положение рабочих в настоящее время вообще как у нас, так и в других странах, т. е. выясню, что везде и всюду экономические интересы рабочего и капиталиста противоположны и при существующих условиях иными и быть не могут, и укажу на причины такого положения; 2) укажу, что везде и всюду, а у нас в особенности, политическая власть, т. е. правительство вообще, поддерживает интересы капиталистов и помещиков против интересов рабочих и народа вообще; 3) что, при существовании у нас полного бесправия рабочих (как, впрочем, и других слоев), изменение экономического положения рабочего класса возможно только с уничтожением этого бесправия (т. е. при борьбе за политическую свободу, за уничтожение самодержавия) и, наконец, 4) ознакомлю с программой деятельности партии Народной Воли, т. е. выясню, что ближайшие цели партии (борьба с самодержавием для осуществления более отдаленной цели—социалистического строя) совпадают с интересами рабочего класса и потому должны быть им поддерживаемы.

Конечно, нельзя думать, что я так строго систематически выполнял свою программу, пункт за пунктом. Ни мои личные силы, ни находящаяся в нашем распоряжении литература—легальная и нелегальная—не позволяли этого сделать. Да и, впрочем, ведь не профессорские лекции мы читали рабочим, а вели беседы, читали статьи, обсуждали события. Но ведя дело не систематически, все же мы не теряли из виду конечной цели. Для этого я пользовался всеми средствами: ведя устную беседу, передавая рабочим более или менее систематически, напр., мои знания по рабочему вопросу, т. е. о положении рабочего класса, причинах и средствах к изменению этого положения, я тут же попутно читал и обсуждал вместе с ними какую-нибудь подходящую статью из легальной или нелегальной литературы: Чернышевского (Примеч. к полит. экон.), соч. Лассаля (I—II т.), главным образом, «Капитал и Труд», его речи: «Что такое конституция» и др.; Флеровского: «Положение рабочего класса в России», Соколова: «Экономические вопросы», «Рабочий вопрос» Бехера, соч. Ланге, брош. Либкнехта (литографированное издание, название забыл) и затем целый ряд журнальных статей и газетных корреспонденций, выясняющих положение рабочих в различных районах России или те или другие экономические вопросы—все это служило источником, откуда мы черпали необходимый материал для пропаганды. Я уже не говорю о подпольной литературе в роде «Сытые и Голодные», «Хитрая механика», «Паровая машина—молотилка» и др., или заграничные издания («Манифест коммунистической партии» и др.). Если к этому прибавить устно передаваемые самими рабочими факты из заводской или фабричной жизни, относительно которых тоже приходилось много говорить, то станет понятным, что не стремление выработать из рабочих отдельных развитых личностей, порывающих потом всякую связь с рабочей средой, руководило нами (и, между прочим, мною), а совер-

шенно напротив: создание целого кадра сознательных пропагандистов из рабочих для пропаганды и агитации среди рабочих же,—вот что было единственной целью наших занятий.

„Русская историческая библиотека" (перепечатка заграничного „Былого"), № 5 (Ростов н/Д, 1906 г.), стр. 71 и след.

56. Морозовская стачка (1885 г.).

«Морозовская стачка 1885 года»—так называется возникшая в январе 1885 г. грандиозная стачка рабочих фабрики Саввы Морозов или, точнее, т-ва Никольской мануфактуры Саввы Морозова, Сына и К-нии (одной из крупнейших текстильных фабрик центральной России), находящейся вблизи ст. Орехово (села Зуева), Моск.-Нижегородской ж. д., в пределах Владимирской губернии.

Морозовская стачка факт большого значения. Ее не может обойти молчанием ни один историк русского рабочего движения. Одни из исследователей отмечают эту стачку как наиболее «выразительную», другие—как одну «из замечательнейших», третьи—как «историческую забастовку», по мнению четвертых—знаменитая стачка «в особенности заслуживает внимание» и т. д. И, действительно, она явила пример в высшей степени мужественной, упорной и солидарной борьбы рабочих, показав воочию внушительность силы об'единяющейся рабочей массы.

«Русские рабочие могут с гордостью оглянуться назад, вспоминая дружную и мужественную борьбу своих товарищей, сумевших добиться удовлетворения своих требований и оказавших этим великую услугу всем русским рабочим»—писал автор брошюры «Десятилетие Морозовской стачки», указывая на рабочих мануфактуры Саввы Морозова. Процессом рабочих, участников стачки, «поднимается завеса с фабричного мира России, с быта в нем рабочего, положения его труда и отношения к нему фабриканта—заявил присяжным заседателям защитник 24 рабочих прис. пов. Шубинский.—Мир этот в обычную пору жизни представляется герметически закрытым от нас высокими каменными стенами фабричных корпусов со вделанными в них железными решетками. Властители его зорко следят, чтоб ни одна подробность, происходящая в нем, не была достоянием пытливой гласности. *Ныне* стены эти раздвигаются и дают возможность изучить порядки фабричной жизни в их живом, действительном виде».

Уже одна внешняя сторона события заметно выделяет морозовскую стачку из общего ряда больших и мелких забастовок и волнений, вспыхивавших в 80-х годах прошлого века. На фоне разрозненности рабочего движения, случайного характера стачек, чисто экономической подоплеки их, неорганизованности и оторванности рабочей массы в целом от сознательной идейной борьбы, при наличии этих условий, резко отделяющих стачки

70 и 80-х годов от последующих, хотя бы даже от стачек 90-х годов, внешняя форма событий на морозовской мануфактуре в 1885 году приковывает внимание. Почти 8000 забастовщиков, измученных хроническим недоеданием; поразительная настойчивость их не только в отношении себя, т. е. большинства безусловно приемлевших забастовку с первого момента ее возникновения, но и в отношении неопределившегося меньшинства, насильно недопущенного к работам; удивительная солидарность, выразившаяся особенно ярко при попытке отбить арестованных товарищей от вооруженных казаков и солдат; смелость при переговорах с представителями правительственной власти, напр., с губернатором; необходимость привода для подавления беспорядков и ликвидации забастовки значительного отряда разного рода войск (для того времени явление редкое!),—все это, вместе взятое, несомненно выдвигает эту стачку в разряд «исторических»!

Стачка знаменательна и по своим результатам. Рабочие в конечном итоге добились своего [1]).

Вот полностью требования рабочих морозовской мануфактуры, изложенные в тетради, пред'явленной с общего их согласия владимирскому губернатору [2]).

Требование по общему согласию рабочих.

По общему нашему согласию Рабочих при фабрике Саввы Морозова и Компании и сын. Также и потребованию нашему с хозяина возвратить штраф В пользу Рабочих с паски 1884 года ткачей, также и придильщиков о в пользу хозяина оставить неболее пять процентов с Рубля Выработки. О пожеланию хозяина уволить Рабочих от Работа хозяин обязан удовлетворить По условленному Даговору нашей Расписки тоесть допаски по 23 Марта 1885 года без всякого вычета.

Также Панашему общему согласию мы Рабочие уже в продолжении несколько лет нашей Работы мы желали бы возбудить выробатки 1880-81-82 также года когда все мы Рабочия были доволь нашеми выробатками и не имели никакой притензии на хозяина, также мы все Рабочия в течении 1884 и по 1885 год осталися небезспечнами в своей Работе, что мы неможем оправдать самих себя нежели своева семества и остаемся не удовлетворительными своему обществу казенных повинностей.

Требование рабочих.

Во-первых:

1-е. По изданному Государственному закону хозяин недолжен производить чрезмерных штрафов, которыми обременяет своих рабочих. Мы рабочии требуем, и просим чтобы штрафы не привышали пяти % заработанного рубля, и чтобы рабочий был предупрежден о его плохой работе, и вызывался не более двух раз в течении месяца.

---

[1]) Ср. № 57.

[2]) Текст печатается по новой орфографии, но без всяких исправлений.

2-е. Вычет за прогул, чтобы не привышал более одного рубля, но стем чтобы и хозяин также был бы обязан уплатить рабочему запрогул происходящий по вине хозяйской, как то запростой из заоснов поломки машин и переделку оных надругии работы и пр. и пр., чтобы каждый прогулянный час записывался в тетрадь ращетную или заработную, считая повыработки нонеменее сорока копеек в день (40) или двадцати копеек в смену (20).

3-е. Полное изменение условия найма между хозяином и рабочими по изданнаму Государственному закону чтобы каждый рабочий мог получить полный ращет без всякого вычета и задержки по заявлению рабочим за 15-ть дней о нежелание продолжать работу. Также и хозяин обязан об'явить рабочему за 15-ть дней о его ращете, и все это записывалось бы в ращетные тетради. Буде же будет неисполнено с какой-либо стороны то чтобы удовлетворилось двух недельной заработной платой, как с рабочего так и с хозяина.

4-е. Доброкачественный материал соответствующий спросу о работе, и заявление осем происходили-бы с свидетелями тех рабочих, которые работают поблизости и записывались-бы в товаро-приемную книгу записи в книжку излишней меры в аршинах не привышать вес товара не учащать ращет бердов и плотность товара. До сего времени отнас не принималось никакое заявление. Вновь назначенные работы не об'явленные в расценках производились бы поденной платой до тех пор по рабочие окончательно усвоят эту работу и об'явят за сколько можно работать. Такой то товар. Без общего соглашения нарасценки выстановленные конторой учредить государственной контроль, который уравнял-бы заработную плату. Полное удовлетворение рабочих запрогул содня нашей остановки, происшедшей по вине хозяина. Прогульный день считать по прозбе рабочих неменее 40 копеек в день.

Без препятственное выдача харчей, до тех пор пока рабочие будут удовлетворены в своих требованиях, без всякой росписки. По тому что у нас за них уже вычтено и на каждом счету положено клеймо что: (деньги получены сполна). Также и набудущие время не задерживать. Потому что у нас за хозяином за декабрь месяц удержана заработка. Выдача жалованья не задерживалось бы далее 15-го или в первую субботу после 15-го.

Свободный выбор старосты в артелях, и чтобы староста не мог служить более трех месяцев, в виду того чтобы не усвоить для хищения сбыта; производить ежемесячный учет. Уволить от должностей тех служащих и мастеров, которых найдут нужным рабочие и покажут отдельной запиской.

Большинство, именно, требований, приведенных выше, были признаны законом 3 июня 1886 года.

Основными причинами стачки, как известно, были, во-первых, резкое понижение на фабрике расценок в годы 1882—1885 и, во-вторых, столь же резкое возрастание штрафов. В 1881 г. рабочий в среднем зарабатывал в день 56 коп., а к 1885 г. цифра эта была понижена до 42 коп. При этом штрафы, налагавшиеся в то время совершенно произвольно, достигали 30—50% за-

работка. Последние цифры подтвердились на суде показанием целого ряда свидетелей, вызванных обвинительной властью.

Владимирский губернатор, которого нельзя заподозрить в особой благожелательности к рабочим, определял причины стачки в следующих словах:

«Поводом к прискорбным событиям, начавшимся 7 января, послужило то крайнее угнетение, которому подвергаются рабочие, поступающие на эту фабрику. С издавна возведенные в систему, крайне строгие и высокие штрафы и вычеты за выделку тканей, признаваемую фабричной администрацией плохою; в настоящее, в особенности, время, когда и сдельная плата уменьшена, по сравнению с бывшей до Пасхи 1884 г., более чем на 20%—сокращают заработок еще от 30 до 40%; из массы рассмотренных мною расчетных книжек не встретилось ни одной, где бы не значилось вычетов. Зарабатывающий, примерно, 8 гривен при таких условиях получает только 40 коп., и когда идет, с харчевым листком, в лавку, за получением провизии, то зачастую получает отказ, с об'явлением, что за ним уж значится перебор, или получает, например, селедку, вместо фунта мяса, так как на последний денег у него не хватает. Расходуя ничтожные, до-нельзя сокращенные, заработки на свое прокормление, значительное число рабочих состоит должниками Морозова и при таких условиях, по их выражению, находится у него как бы в кабале»...

С такими до крайности тяжкими условиями рабочего быта столкнулся один из крупных представителей русских рабочих 70-х и 80-х годов—Петр Анисимович Мосеенок (кличка его «Студент», чем рабочие подчеркивали его начитанность), поступивший на морозовскую мануфактуру в ноябре 1884 года. Будучи деятельным участником, даже организатором некоторых стачек 70-х г., за что и подвергся административной высылке, одухотворенный идеей освобождения рабочих от изнурительной эксплоатации, Мосеенок, едва переступив порог фабрики, занялся подготовлением забастовки. Благодаря ему, именно, и рабочему Василию Сергеевичу Волкову («адвокату», как звали его рабочие) стачка явила «пример чрезвычайной для того времени организованности и планомерности».

7 января 1885 года на фабрике начались беспорядки. В Петербурге первое известие о них было получено от владельца фабрики — Тимофея Морозова... К концу дня поступило первое сообщение от губернатора о том, что «фабричная администрация разбежалась» и что он, губернатор, «потребовал войска. Отправляюсь с ними в сопровождении жандармского полковника и прокурора». В тот же день в Орехово-Зуево выехал и прокурор московской судебной палаты.

По полученным телеграммам была составлена краткая докладная записка, которая была доложена Александру III на следующий день м-ром внут. дел (им в то время был граф Дм. Толстой). «*Я очень боюсь, что это дело анархистов. Пожалуйста сообщите мне все подробности, которые получите от губернатора и жандармского начальства*»—размашистым почерком написал на докладе Александр III. И вследствие этого ежедневно до окончания дела стали поступать телеграфные губернаторские донесения.

8 января Судиенко (владимирский губернатор) сообщал: «Беспорядки прекратились без мероприятий. Причина, повидимому, неудовольствие на фабричное управление. Разбиты и разграблены две квартиры директора и ткацкого мастера, две фабричные лавки, попорчены некоторые машины, при взаимной драке фабричных пятеро ранены, один смертельно».

Содержание телеграммы вечером же было доложено царю. *«Гораздо успокоительнее»*—пометил он.

Одновременно от губернатора поступила очередная телеграмма: «Морозов, прибывший из Москвы, простил (!) штрафы, дает расчет, рабочие не берут, пред'являют невозможные требования. Общая забастовка, желающих работать не пускают, буйства нет, по соглашению с прокурорами потребовал полк казаков».

Впоследствии губернатор подробно осветил события этого дня.

«8-го утром—писал он—совместно с чинами прокурорского надзора мною были осмотрены разбитые квартиры, фабричные корпуса и разграбленные лавки. По окончании об'езда и осмотра местности, на коей расположена фабрика, я, имея в виду, что волнение началось в ткацком корпусе, сделал распоряжение о приводе, под конвоем одной роты, по нескольку ткачей из каждой рабочей казармы. Приведено было до 60 человек. На вопрос мой, что вызвало их неудовольствие против хозяина фабрики, окончившееся буйством, один из них, впоследствии оказавшийся серпуховским мещанином Василием Сергеевым Волковым, от имени товарищей об'яснил, что все работающие издавна терпят крайние притеснения от штрафов и взысканий, беспощадно налагаемых за малейшую ошибку и провинность, что терпеть долее они не в силах, и что этими взысканиями заработки их сокращаются до такой степени, что они не в состоянии ни платить повинностей, ни прокормить своих семейств... Все единодушно заявили, что на работу, без новых расценок, не пойдут, расчет желают получить по 24 марта, но буйствовать не будут. Отпуская их, я обещал им поговорить с имеющим прибыть из Москвы хозяином фабрики Т. С. Морозовым.

«В 4 часа по полудни прибыл в Никольское Морозов, с которым прокурор Судебной Палаты и я имели продолжительное совещание о способах прекращения забастовки, признавая, с своей стороны, необходимым сделать некоторые облегчения для рабочих, действительно, крайне теснимых фабричной администрацией. Вместе с сим я решительно потребовал удаления с фабрики Шорина, как лица, против коего выказано было общее озлобление. Это требование мое было исполнено. После возражений г. Морозова, что всякое облегчение в настоящее время было бы уступкой грубому насилию и дурным примером, поощряющим к новым беспорядкам, нам удалось, однако, убедить его на некоторые, хотя, к сожалению, весьма незначительные льготы для рабочих. Он согласился: 1) на скидку, взыскав за плохие работы с 1-го октября 1884 г. по день забастовки; 2) на расчет всех, без исключения, рабочих с условием, за сим, приема на фабрику желающих согласиться на расценки, об'явленные 1-го октября 1884 г., предоставив себе, при этом, право не принимать обратно на службу рабочих по своему усмотрению. Решено было

обнародовать это на следующий день посредством наклейки об'явлений, но, чтобы предварительно познакомить рабочих с содержанием оных, я приказал один экземпляр об'явления пред'явить в казармах ткачей и прядильщиков, причем вызвать по 10 из каждой ко мне в фабричную контору для увещания их в необходимости подчиниться и работать до пасхи, в виду заключенных ими с конторой условий. При чтении об'явлений рабочие подняли страшный шум и свист, об'явив, что на предложения Морозова не согласны, и в контору притти отказались».

В донесении от 9 января Судиенко, между прочим, писал: «Озлобление рабочих отчасти справедливо. Под охраной двух рот до 300 человек работало и работает в красильне... Ночь спокойна, сегодня утром рабочие расклеили от себя письменные об'явления о несогласии на условия Морозова, с требованием новых расценок, задельной платы, или же расчета по празднию пасхи, предупреждая, иначе будут бунтовать, работать не дадут. Наружных беспорядков нет. Толпы на улицах убеждений не слушают. Ожидаю прибытия казаков для принятия более решительных, по обстоятельствам, мер. Повидимому, без новых уступок со стороны Морозова умиротворить не удастся... Подстрекательств извне пока не обнаружено».

При докладе содержания этой телеграммы Александру III замечание губернатора, что «озлобление рабочих отчасти справедливо», было опущено.

Текст об'явления, расклеенного рабочими в ответ на первые уступки Морозова (когда он «простил» штрафы), следующий:

«Об'является Савве Морозову, что за эту сбавку ткачи и прядильщики ни (как) не соглашаются работать. А если ты нам не прибавишь расценок, то дай нам всем расчет и разочти нас по пасху, а то если не разочтешь нас по пасху, то мы будем бунтоваться до самой пасхи. Ну, будь согласен на эту табель, а то ежели не согласишься, то и фабрики вам не водить».

10 января губернатор телеграфировал, что «правление, кроме уступок, о коих сообщал вчера, решительно ничего существенного в облегчение рабочих сделать не желает. Завтра утром об этом будет обнародовано расклейкой об'явлений Правлений. Надо ожидать новых беспорядков». Александр III подчеркнул слова «решительно ничего более нет» и поставил вопрос, не то прямой, не то иронический, «*какие облегчения еще*»? Во всяком случае после этой царской резолюции министр внутренних дел Дм. Толстой меняет позу пассивного зрителя на роль усмирителя, начиная рекомендовать местным властям более конкретные меры к предотвращению надвигающихся из-за неуступчивости фабриканта новых беспорядков. «Имейте в виду — шифрованно телеграфировал он 2 января губернатору,—что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцев других губерний и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии».

«Сегодня утром, восемь часов, — сообщал губернатор 11 января, — расклеены решительные об'явления фабричного управления, с приглашением желающих встать на работы, не желающих явиться за расчетом. В девять часов указанные пункты заняты войсками; собрались толпы, я лично убеждал

согласиться на одно из двух, — шум и крики, что несогласны. На месте произведены аресты уличаемых в руководительстве. Главный кричал: нечего говорить с капиталистами, вызовите наших. Толпа бросилась за арестованными, кричали о задержании всех, удержана казаками. Кричали: ссылайте хоть всех, мы готовы, что над здешним начальством есть начальство высшее. Около одиннадцати часов, отрезана толпа, — находившаяся впереди и препровождена за конвоем, с целью высылки. Толпы разошлись, но в час дня, собравшись по звонку значительными массами, стали напирать, чтобы освободить арестованных, здесь произошла свалка между солдатами и толпой, среди которой были с кольями и железными прутьями; одно ружье сломано брошенным камнем. От меня толпа потребовала освобождения арестованного Василия Сергеева Волкова, очевидно коновода, представившего письменные требования рабочих. Часть арестованных толпою освобождена. Теперь огромные массы, прогнанные от фабричных зданий, толпятся у своих казарм, расположенных на противоположной стороне. Несоглашающихся работать предполагаю выслать партиями на родину. Волкова отправлю в тюремный замок. В виду крайне возбужденного состояния фабричных масс, ожидаемого большого скопления народа в воскресенье, крайней растянутости и пересеченности местности, требую еще две сотни казаков и баталион пехоты».

В департамент полици в тот день поступило заявление забастовавших рабочих, подписанное Я. В. Филипповым, о том, что, прекратив все до единого работы, они не возобновят таковые, пока не прибудет из Петербурга доверенное лицо для производства расследования на месте «обид», нанесенных рабочим [1]).

На докладе о событиях этого дня Александр III пометил: «*все это весьма не утешительно*».

Имея пред собою такую неутешительную резолюцию государя, убеждаясь, что упорство рабочих не так-то легко сломить, столкнувшись лицом к лицу в открытой борьбе с 8-ми тысячной армией рабочих, граф Толстой сам пишет телеграммы губернатору и командующему войсками московского военного округа:—первому «потребуйте побольше войск из Москвы», а второму—«послать на фабрику Морозова войска, сколько потребует владимирский губернатор».

А в это время, когда в центре круто повернули линию и решили принять самые решительные меры к подавлению невиданной забастовки, местные власти в лице губернатора Судиенко все больше и больше убеждаются в том, что рабочие справедливы в своих требованиях, и в донесениях какбудто подчеркивают, именно, то, что виноваты не рабочие, а администрация мануфактуры, что ее-то и следовало бы заставить пойти на уступки. «Издавне правлением т-ва практикуются крайне высокие взыски и штрафы с рабочих, с целью этим способом понизить задельную плату; вычеты эти составляют в среднем до 30%»—телеграфировал губернатор 12 января...

---

1) Как впоследствии оказалось, прошение это было написано Моисеенком.

На подмогу находившимся в Орехово-Зуево войскам в тот же день прибыли две сотни донцов и баталион солдат. Начались усиленные аресты среди рабочих, которых сотнями высылали на родину. 13 января Толстой имел уже возможность уверять царя, что фабрики скоро начнут работать.

И, действительно, с 13 января стачка идет быстро на убыль. Рецепт опытного графа Дм. Толстого возымел действие: массовые аресты и высылки изолировали наиболее активный элемент. Донесения и доклады за 14—20 января полны единственно цифрами арестуемых и высылаемых, причем преимущественное внимание обращалось на молодых рабочих, наиболее энергичных и сознательных. Большое количество войска было, по приказанию гр. Толстого, оставлено до водворения полного порядка.

Дело о январской стачке слушалось в 1886 г. в заседаниях владимирского окружного суда. Первая группа, в числе 17-ти человек, была предана суду без присяжных заседателей. Коронный суд приговорил их, за исключением двух оправданных, к аресту на разные сроки, в том числе Мосеенка, скрывшегося на третий день стачки и впоследствии арестованного, и Волкова к аресту на 3 месяца. По отбытии наказания оба они были сосланы административным порядком: первый—в Шенкурск на 5 лет, а второй—в Вологодскую губ.

Группе 33-х человек, среди которых фигурировали опять-таки Мосеенок и Волков, преданной суду с участием присяжных заседателей, присяжные в мае 1886 г. вынесли оправдательный приговор.

То был, по выражению реакционного публициста М. Н. Каткова, «салют рабочему вопросу» в России.

Из очерка Р. Кантора—Морозовская стачка 1885 года („Архив истории труда в России", кн. 2).

57. Фабрично-заводские волнения и рабочее законодательство.

Почти одновременно в различных местах Империи, в начале 80-х годов, вспыхнули волнения на фабриках и заводах, вылившиеся в форму стачек. 1882 год был особенно тревожным в этом отношении. Крупные стачки произошли в Петербурге на гвоздильном заводе, в Нарве на Кренгольмской мануфактуре, на пушечном заводе в Перми, в Жирардове (около Варшавы) на заводе Гилля и т. д. В одном месте более спокойно, в другом бурно протекали стачки, но особенно выдающеюся в тот год по своей настойчивости и упорству в преследовании цели была жирардовская стачка, положившая начало польскому стачечному движению. Стачка захватила до 10.000 рабочих, занятых на фабрике, и приняла настолько бурный характер, что дело дошло до столкновения с казаками и войском. Успех был на стороне рабочих, выдерживавших натиск военной силы, так что через несколько дней владельцы фабрики, напуганные стачечным движением, обязались сократить рабочий день на один час, повысить плату, заплатить за дни стачки, причем никого за стачку не преследовать, открыть фабричные лавки для продажи

припасов по более дешевым ценам, чем в городских, расчитать директора фабрики Франке и других членов администрации, особенно нелюбимых рабочими.

Но кроме «местной победы», как эта стачка, так и другие, в том же году последовавшие, принесли и общие выгоды для рабочих, вызвав к жизни закон, изданный в июне 1882 г., коснувшийся запрещения приема на фабрики малолетних до 12 лет и ограничения работы подростков от 12—15 лет восемью часами при полном запрещении для них ночной работы. Для надзора же за выполнением этих правил введены были фабричные инспектора.

Однако, полумерами удовлетворить рабочих было нельзя; стачки и волнения разгорались все сильнее. В конце 1884 и начале 1885 года произошли один за другим крупные беспорядки на значительнейших фабриках московского и иваново-вознесенского районов, а именно, на мануфактурах: Вознесенской, Измайловской и Никольской «Саввы Морозова С. и К°» во Владимирской губ. По этому поводу министр внутренних дел граф Толстой сообщил министру финансов Бунге (письмо от 4 февраля 1885 г. № 281), что «исследование местными властями причин означенных стачек рабочих обнаружило, что они грозили принять размеры серьезных волнений и произошли, главным образом, вследствие отсутствия в нашем законодательстве общих постановлений, на основании коих могли бы определяться взаимные отношения фабрикантов и рабочих. Такой пробел в законодательстве, обусловливая разнообразные порядки на фабриках, открыл широкий простор произвольным, клонящимся к ущербу рабочих распоряжениям фабрикантов и ставил первых в крайне тяжелое положение: несоразмерно высокие штрафы, в виду временного упадка промышленной деятельности, часто служили в руках фабрикантов способом искусственного понижения заработной платы до того, что рабочий лишался возможности уплатить лежащие на нем повинности и прокормить свою семью; высокие цены в фабричных лавках и недобросовестность приказчиков вызывали справедливый ропот и недовольство рабочих, а недостаток точности при составлении условий с малограмотными людьми порождал постоянные споры в расчетах задельной платы». Совокупность всех изложенных и многих других причин, продолжал гр. Толстой, влекла за собою, как показал опыт, возникновение беспорядков, а необходимость для прекращения их прибегать к содействию войска, по мнению графа Толстого, в достаточной степени свидетельствовала о настоятельности приступить к составлению, в развитие действовашего фабричного законодательства, таких нормальных правил, которые, ограничивая в известной степени произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем повторения «прискорбных случаев», происходивших в Московской и Владимирской губерниях.

Эти «прискорбные случаи», имевшие место в 1884 и 1885 годах во Владимирской губернии, настолько участились и приняли такой острый характер, что улучшение положения рабочих сделалось прямо необходимым. Внешнее спокойствие достигалось только при помощи военной силы. Рабочее недовольство и рабочая солидарность наиболее выразились в морозов-

ской стачке 1885 г., когда на фабрике Никольской мануфактуры Саввы Морозова в Орехове-Зуеве сразу забастовало 8000 рабочих [1])... В результате всего этого появились: закон 3 июня и правила 1 октября 1886 г. о фабричной инспекции и урегулировании отношений между фабрикантами и рабочими.

Правила эти выработаны были особою Комиссиею, учрежденною по высочайшему повелению, под председательством сенатора, затем государственного секретаря Плеве, причем Комиссия эта находила, что закон о правах и обязанностях, вытекающих из договора найма фабричных рабочих, может привести к полезным последствиям лишь тогда, когда исполнение его будет поставлено под надзор правительственных органов, т.-е. фабричных инспекторов. Государственный совет признал, с своей стороны, правильным такое заключение, причем соединенные департаменты государственной экономии, законов гражданских и духовных дел, на рассмотрение коих поступил законопроект, заявили между прочим: «Волнения в среде фабричных рабочих Московской и Владимирской губ. и произведенные ими на некоторых фабриках беспорядки с очевидностью раскрыли многие крайне неприглядные стороны фабричного быта, причем причины, вызвавшие эти беспорядки, не имели вовсе случайного характера, а обусловливались неправильными отношениями между фабрикантами и рабочими. Хозяева некоторых фабрик, пользуясь выгодами своего положения, не стесняются нарушать условий, заключаемых с нанятыми ими людьми, и прибегают к различным средствам для извлечения преувеличенных выгод. Уменьшение рабочей платы, в противность заключаемым договорам, производится или открыто, или путем сокращения числа часов и дней работы в неделю. Затем, вычеты и штрафы с рабочих, обращаемые фабрикантами в свою пользу, достигают в некоторых случаях огромных размеров, составляя, в общей сложности, до 40% с выдаваемой заработной платы. Наконец, возлагаемая на рабочих обязанность приобретать необходимые для них предметы из фабричных лавок и продажа им этих предметов по высоким ценам встречаются как заурядные явления. Такое положение вещей, естественно, влечет за собой весьма вредные последствия для успехов промышленности и прямо отражается на фабрикантах, ведущих дело добросовестно. Не имея возможности соперничать с лицами, удешевляющими выделку произведений путем притеснения рабочих, такие фабриканты должны сокращать обороты, уменьшать производство и т. д.

«Еще прискорбнее оказывается положение рабочих. Угнетенные до крайности безвыходной задолженностью хозяину, они нередко бывают поставлены в невозможность не только уплачивать повинности и содержать свои семьи, но даже зарабатывать достаточные средства на личное пропитание. Возникающее отсюда раздражение против фабрикантов, при трудности для темного люда отыскивать законным образом защиту своих прав, постоянно поддерживает в рабочих склонность искать восстановления этих прав путем стачек и беспорядков, сопровождающихся грубым проявлением

[1]) См. выше, № 56.

своеволия и насилия. Накопляющееся постепенно недовольство в среде фабричных рабочих делает эту среду доступною к восприятию преступных учений, направленных к ниспровержению государственного и общественного строя. Этим об'ясняется тот факт, что деятели противоправительственной пропаганды в последнее время сосредоточивают внимание свое на фабричном населении и нередко там скрываются»...

Законом и правилами 1886 года были как бы санкционированы все те требования, которые выставили морозовские рабочие, начиная свою стачку. Были введены расчетные книжки; запрещены самовольные штрафы, а размеры таковых должны быть утверждаемы фабричными инспекторами; запрещены выдачи платы товарами и купонами; было поставлено в обязанность выдавать заработную плату не менее двух раз в месяц; запрещено было делать вычеты на уплату долгов. Кроме того, обязанности фабричных инспекторов были значительно расширены.

Одновременно были утверждены правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и особые постановления о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности, — в лице чинов инспекции и присутствий по фабричным делам.

В те же 80-ые годы рабочими велась систематическая борьба за уничтожение ночных работ. Под влиянием сначала мелких забастовок на отдельных фабриках, а затем большой стачки осенью 1888 года на всех фабриках шуйского района — фабриканты уступили, и ночные работы были отменены, правда, сначала за счет увеличения на один час продолжительности рабочего дня, но затем рабочим удалось в 1893 году добиться сокращения рабочего времени на один час.

В. Колпенский, Фабрично-заводские волнения и рабочее законодательство („Архив истории труда в России“, кн. 2).

58. Городской пролетариат в 70—80 годах.

Со второй половины XIX века, после отмены крепостного права, крестьянские массы, хотя не особенно быстро и не в особенно больших размерах, но все-таки стали выделять из своей среды все более и более членов семей, становившихся в ряды городского пролетариата. В 1854 году число рабочих в Европейской России (за исключением горного производства) равнялось 460.000 человек, а в 1881 г.—771.000. Вместе с тем стала все более и более развиваться крупная фабричная промышленность со всеми своими последствиями социального характера. Как более доступная к сближению, среда фабричных и заводских рабочих ранее всего обратила на себя внимание пионеров русского социализма. Известно, что первые кружки из представителей рабочего класса, затронутых социалистической пропагандой, возникли, в начале 70-х годов, именно в больших городах. Но хотя городское рабочее движение, проявившееся в этих первоначальных зачатках, никогда уже не прекращалось до сих пор, главная струя развивавшегося со-

циалистического течения была направлена тогда в другую сторону. В силу общего характера этого движения, расчитывавшего, как мы уже видели, на самопроизвольную, стихийную волну крестьянских восстаний, оно не могло долго удержаться в городах. Начавшись в 1871 и 1872 г.г. в Петербурге и Одессе, оно к лету 1874 г. уже рассыпалось по деревням, вместе с некоторыми захваченными им городскими рабочими. Следующим фазисом этого движения, в 1876—78 годах, после выяснившейся невозможности ждать непосредственного взрыва массовых крестьянских волнений, была, как известно, выработка обширного организованного плана революционных колоний или «поселений». Хотя центром землевольческой организации оставался Петербург, в котором не прекращалось сближение с фабричными и заводскими рабочими, главное внимание организации было сосредоточено все-таки на деревенской работе, с целью более или менее продолжительного и систематического воздействия на крестьянскую среду, на почве ее ближайших жизненных интересов. Эта попытка также не повела ни к каким видимым результатам и снова послужила лишь задаче медленного проникновения в трудовую крестьянскую массу элементов социалистического миросозерцания и зарождения в ней единичных представителей этого миросозерцания.

Затем, уже в половине 1879 г., в силу главным образом непреодолимых внешних препятствий, не позволявших землевольческим поселениям сколько-нибудь укрепиться на местах и продержаться там сколько-нибудь продолжительное время, произошел, как известно, заметный поворот в общей постановке социалистических задач в России. Центр движения был перенесен в города; деревня была при этом на долгое время предоставлена самой себе, и вся организованная социалистическая пропаганда была направлена почти исключительно на городские рабочие массы.

Но и там она долго еще не давала видимых массовых результатов; в течение всех восьмидесятых и первой половины девяностых годов пропаганда среди городских рабочих носила исключительно кружковый характер. Хотя отдельные сознательные рабочие, уже в период «Земли и Воли» 70-х годов, играли иногда более или менее выдающуюся роль при массовых рабочих движениях, как, напр., во время стачек на Новой бумагопрядильне и на патронном заводе в Петербурге в 1878 г., но эти отдельные сознательные рабочие не являлись представителями массового рабочего движения; рабочие массы смотрели тогда на них, как на людей, чуждых себе, и называли их часто «студентами». «Теперь уже трудно встретить такую фабрику или завод, или даже сколько-нибудь значительную мастерскую,—читаем мы в передовой статье «Земли и Воли» за 1879 год [1]),—где нельзя было бы найти рабочих-социалистов. Но как ни отрадны подобные явления, они, однако, лишаются огромной доли своего значения, когда мы начинаем ближе присматриваться к положению этих спропагандированных рабочих в среде их товарищей... До последнего времени рабочие-социалисты были разбиты на

[1]) Статья эта была написана Плехановым (см. О. В. Аптекман, „Земля и Воля" 70-х годов, стр. 156).

мелкие кружки, задававшиеся почти исключительно целями самообразования, имевшие иногда кассы, библиотеки и в практической деятельности не шедшие дальше пропаганды. Рабочая масса относилась к рабочим-социалистам, как к чему-то чуждому, относилась часто насмешливо, иногда даже враждебно, и это—факт такого рода, в котором, к прискорбию, не может не сознаться всякий, знакомый с делом». «Северный Рабочий Союз», возникший в Петербурге в декабре 1878 г. под влиянием рабочих Обнорского и Халтурина, не был массовой организацией; он состоял из сотни с небольшим сознательных рабочих, рассыпанных по разным фабрикам и заводам; это была конспиративная организация...

Время для массового социалистического движения еще не прошло тогда в России как для деревенских, так и для рабочих масс. Надо заметить, что, несмотря на свою большую восприимчивость к социалистической пропаганде вследствие условий городской и фабричной жизни, городской пролетариат сам по себе далеко еще не представляет готового контингента для вступления в ряды социалистических партий; его классовое самосознание развивается лишь с большим трудом, под влиянием жизненных и идейных воздействий, и вначале очень медленно. Вот почему Маркс говорит в «Нищете философии» об «организации пролетариата в класс», как о таком процессе, когда рабочие массы, составлявшие до того лишь материал для рабочего класса, лишь рабочий класс an sich, превращаются в рабочий класс für sich.

Л. Мартов, Развитие крупной промышленности и рабочее движение (1923 г.), стр. 78—81.

59. Размещение крупной промышленности.

Кроме вопроса о концентрации производства на крупнейших заведениях для характеристики крупной машинной индустрии важен еще вопрос о концентрации производства в отдельных центрах ф.-заводской промышленности и о различных видах фабричных центров. К сожалению, наша ф.-заводская статистика не только дает неудовлетворительный и несравнимый материал, но и разрабатывает его далеко недостаточно: напр., в современных изданиях размещение промышленности показывается лишь по целым губерниям (а не по городам и уездам, как это сделано в лучших изданиях 60-х годов, которые иллюстрировали также размещение ф.-заводской промышленности картами). Но для того, чтобы дать точное представление о размещении крупной промышленности, необходимо взять данные по отдельным центрам, то есть по отдельным городам, фабричным поселкам или группам фабричных поселков, расположенных на близком расстоянии друг от друга; губернии же или уезды — слишком крупные территориальные единицы [1]). В виду этого мы сочли необходимым подсчитать из «Указа-

[1]) ...„По территории уездов (Московской губернии) фабрики и заводы распределяются далеко не равномерно: в весьма промышленных уездах на ряду с местностями, которые, по более или менее значительному скучению в них фабричных заведений,— могут быть названы настоящими фабричными центрами, встречаются целые волости,

телей» за 1879 и 1890 годы данные о концентрации нашей фабр.-заводской промышленности в важнейших центрах. В эту таблицу вошли данные о 103 фабричных центрах Европейской России, сосредоточивающих около половины всего числа ф.-заводских рабочих [2]).

Таблица показывает нам три главных типа фабричных центров в России:

Города. Они стоят на первом месте, отличаясь наибольшей концентрацией и рабочих и заведений. Особенно выдаются в этом отношении крупные города. Столицы концентрируют тысяч по 70 ф.-заводских рабочих (считая и пригороды столиц), Рига—16 тыс., Иваново-Вознесенск — 15 тыс., Богородск — 10 тыс. рабочих в 1890 г., остальные города менее 10 тысяч. Достаточно беглого взгляда на официальные числа ф.-заводских рабочих в некоторых крупных городах (Одесса—8,6 тыс. в 1890 г., Киев—6 тыс., Ростов н/Д.—5,7 тыс. и т. п.), чтобы убедиться в том, что эти цифры малы до смешного. Приведенный выше пример Спб-рга показывает, во сколько раз пришлось бы увеличить эти цифры для получения всего числа промышленных рабочих в подобных центрах. На ряду с городами необходимо указать также и пригороды. Пригороды больших городов представляют из себя нередко значительные промышленные центры, но по нашим данным мы могли выделить только один такой центр—пригороды Спб-рга, в которых насчитывается за 1890 г.—18,9 тыс. рабочих. Некоторые селения Московского уезда, вошедшие в нашу таблицу, тоже представляют из себя в сущности пригороды [3]).

почти лишенные всякой фабричной промышленности, — и наоборот, в уездах, вообще бедных фабриками и заводами, бывают районы, в которых в более или менее значительной степени развился тот или другой промысел, причем рядом с кустарными избами и светелками возникли и более крупные заведения, со всеми аттрибутами крупного производства" (Сб. ст. св. по Моск. г. Отд. санит. ст., т. IV, ч. I. М. 1890, с. 141). Это издание, лучшее в современной литературе ф.-заводской статистики, иллюстрирует размещение крупной промышленности посредством обстоятельно составленной карты. Для полной картины размещения ф.-заводской промышленности не достает только группировки центров по числу фабрик, рабочих и по сумме производства.

[2]) В таблицу вошли лишь заведения с сум. пр. не менее 2-х тыс. р., а из мельниц лишь паровые. Рабочие на стороне исключались, где имелись указания на их включение в число фабричных; такие исключения отмечены звездочкой (*). Под'ем промышленности в 1879 г. не мог не сказаться и на этих данных.

[3]) ... „Большое подмосковное село Черкизово представляет, по словам местных жителей, одну большую фабрику и является, в буквальном смысле этого слова, продолжением Москвы... Тут же рядом за Семеновской заставой... ютится опять-таки множество разнообразных фабрик... На недалеком же расстоянии отсюда мы видим село Измайлово со своими ткацкими заведениями и с огромной Измайловской мануфактурой". Это к северу от Москвы. К югу „за Серпуховской заставой мы встречаемся прежде всего с огромной Даниловской мануфактурой, которая одна представляет целый городок... Далее, на небольшом расстоянии друг от от друга находится целое кольцо крупных кирпичных заводов" и т. д. (назв. „Сб. стат. свед.", IV, I, с. 143—4). В действительности, след., концентрация ф.-заводской промышленности значительнее, чем мы могли представить в нашей таблице.

Важнейшие центры фабрично-заводской промышленности в Европейской России.

Разряды центров по числу рабочих и по роду центров.	1879.						1890.					
	Число центров.			Число фабрик и заводов.	Сумма произв. в тыс. руб.	Число рабочих.	Число центров.			Число фабрик и заводов.	Сумма произв. в тыс. руб.	Число рабочих.
	В городах.	В селениях.	Всего.				В городах.	В селениях.	Всего.			
Центры, имеющие 10.000 рабочих и более	4	1	5	1.393	279.398	158.670	6	1	7	1.644	361.371	206.862
Центры, имеющие 5—10 тыс. рабочих	6	—	6	148	65.974	49.340	10	4	14	931	151.029	90.229
Центры, имеющие 1—5 тыс. рабочих , ...	22	37	59	1.029	174.171	133.712	17	48	65	804	186.422	144.255
Итого центры с 1 тыс. раб. и более	32	38	70	2.570	519.543	341.722	33	53	86	3.379	698.822	441.346
Центры, имеющае менее 1 тыс. рабочих	8	20	28	260	17.144	14.055	6	10	16	259	8.159	9.898
Центры без рабочих	—	5	5	1	—	—	1	—	1	—	—	—
Всего . . .	40	63	103	2.831	536.687	355.777	40	63	103	3.638	706.981	451.244
Города (и пригороды)	40	—	40	2.574	421.310	257.381	40	—	40	3.327	535.085	298.651
Селения (посады и местеч.). .	—	63	63	257	115.377	98.596	—	63	63	311	171.896	152.593

Фабричные села. Второй тип центров — фабричные села, которых особенно много в Московской, Владимирской и Костромской губерниях (из всего числа 63-х важнейших сельских центров, вошедших в нашу таблицу, 42 находятся в этих губерниях). Во главе этих центров стоит местечко Орехово-Зуево (в таблице отдельно показаны Орехово и Зуево, но это один центр;) по числу рабочих оно уступает только столицам (26,8 тыс. в 1890 г.) [4]). В указанных трех губерниях, а также в Ярославской и Тверской губерниях большинство сельских фабричных центров образуют крупнейшие текстильные фабрики (бумагопрядильно-ткацкие, полотняные, шерстоткацкие и пр.). В прежнее время в таких селах были почти всегда раздаточные конторы, т.-е. центры капиталистической мануфактуры, подчинявшей себе массы окрестных ручных ткачей. В тех случаях, когда статистика не смешивает домашних и фабричных рабочих, данные о развитии таких центров рельефно показывают рост крупной машинной индустрии, стягивающей тысячи крестьян из окрестностей и превращающей этих крестьян в фабричных рабочих. Далее, значительное количество сельских фабричных центров образуют крупные горные и металлургические заводы (Коломенский в с. Боброве, Юзовский, Брянский и пр.); из них большинство относится к горной промышленности и потому не вошло в нашу таблицу. Свеклосахарные заводы, расположенные по селам и местечкам юго-западных губерний, образуют также не мало сельских фабричных центров; для примера мы взяли один из крупнейших—местечко Смелу в Киевской губернии.

Кустарные села. Третий тип фабричных центров — «кустарные» села, крупнейшие заведения в которых считаются нередко «фабриками и заводами». Образцами таких центров служат в нашей таблице сс. Павлово, Ворсма, Богородское, Дубовка. Сравнение числа фабр.-заводских рабочих в таких центрах со всем промысловым населением их было сделано для с. Богордского выше.

Выводы. Группируя вошедшие в нашу таблицу центры по числу рабочих в каждом центре и по роду центров (города и села), получаем следующие данные (см. предыд. стр.):

Из этой таблицы видно, что в 103-х центрах было сосредоточено в 1879 г. 356 тыс. рабочих (из всего числа 752 тыс.), а в 1890 г. 451 тыс. (из 876 тыс.). След., число рабочих увеличилось на 26.8%, тогда как на крупных фабриках вообще (с 100 и более рабочих) увеличение было лишь на 22,2%, а общее число ф.-заводских рабочих увеличилось за то же время лишь на 16,5%. Таким образом, происходит стягивание рабочих в крупнейших центрах. В 1879 г. только 11 центров имели свыше 5 тыс. рабочих; а в 1890 г. уже 21 центр. Особенно бросается в глаза увеличение числа

[1]) В 1879 г. здесь считали только 10,9 тыс. Очевидно, применялись различные приемы регистрации.

центров с 5—10 тыс.; происходило это по двум причинам: 1) вследствие выдающегося роста фабричной промышленности на юге (Одесса, Ростов н/Д и пр.); 2) вследствие роста фабричных сел в центральных губерниях.

Сравнение городских и сельских центров показывает, что последние охватили в 1890 г. *около трети* всего числа рабочих в важнейших центрах (152 тыс. из 451). Для всей России это отношение должно быть выше, т.-е. более трети ф.-заводских рабочих должно находиться вне городов. В самом деле, все выдающиеся городские центры вошли в нашу таблицу, тогда как сельских центров, имеющих по несколько сот рабочих, имеется, кроме упомянутых нами, очень и очень много (селения с стеклянными, кирпичными, винокуренными, свеклосахарными заводами и пр.). Горнорабочие тоже размещены главным образом вне городов. Можно думать поэтому, что из всего числа ф.-заводских и горных рабочих Евр. России не менее (а, пожалуй, и более) половины размещено вне городов. Этот вывод имеет важное значение, ибо он показывает, что *индустриальное* население в России значительно превышает своими размерами *городское население* [5]).

Обращаясь к вопросу о сравнительной быстроте развития ф.-заводской промышленности в городах и в сельских центрах, мы видим, что последние стоят безусловно впереди в этом отношении. Число городских центров с 1.000 рабочих и более увеличилось за взятый период крайне слабо (с 32 до 33), а число таких же сельских центров — очень сильно (с 38 до 53). Число рабочих в 40 городских центрах возросло лишь на 16,1% (с 257 до 299 тыс.), а в 63-х сельских центрах—на 54,7% (с 98½ до 152½ тыс.). Среднее число рабочих на один городской центр поднялось только с 6,4 тыс. до 7,5 тыс., а на один сельский центр с 1,5 тыс. до 2,4 тыс. Итак, фабричная промышленность имеет, повидимому, тенденцию с особенной быстротой распространяться вне городов; — создавать новые фабричные центры и быстрее толкать их вперед, чем городские;—забираться вглубь деревенских захолустий, оторванных, казалось бы, от мира крупных капиталистических предприятий. Это в высшей степени важное обстоятельство показывает нам, во-1-х, с какой быстротой крупная машинная индустрия преобразует общественно-экономические отношения. То, что прежде складывалось веками, осуществляется теперь в какой-нибудь десяток лет. Стоит сравнить, напр., образование таких неземледельческих центров, как указанные в предыдущей главе «кустарные села»: Богородское, Павлово, Кимры, Хотеичи, Великое и пр.,—с процессом создания новых центров современной фабрикой, которая сразу оттягивает деревенское население тысячами в индустриальные поселки [6])

[5]) Перепись населения 28 января 1897 г. вполне подтвердила этот вывод. Городское население во всей Империи определилось в 16.828.395 чел. об. п. Торгово-промышленое население, как мы показали выше, 21,7 миллионов. (Прим. ко 2-му изданию)

[6]) „В местечке Кривой Рог население возросло с 1887 по 1896 г. с 6.000 до 17.000 душ; на каменном заводе Днепровского общества с 2.000 душ до 18.000; около станции Дружковки, где еще в 1892 г. были одни станционные постройки, ныне выросло население в 6000 душ; на гданцевском заводе ок. 3.500 душ; около ст. Константиновки, где построен целый ряд заводов, образуется новый населенный пункт; в Юзовке образовался город с 29.000 н селением... в Нижнеднепровске, под Екатеринославом, на пу-

Общественное разделение труда получает громадный толчек. Необходимым условием хозяйственной жизни становится подвижность населения вместо прежней оседлости и замкнутости. Во-2-х, переселение фабрик в деревню показывает, что капитализм преодолевает те препятствия, которые ставит ему сословная замкнутость крестьянской общины, и извлекает даже для себя пользу из этой замкнутости. Если устройство фабрик в деревнях представляет не мало неудобств, зато оно обеспечивает дешевого рабочего. Мужика не пускают на фабрику,—фабрика идет к мужику [7]). Мужик не имеет полной свободы (благодаря круговой поруке и стеснениям выхода из общины) искать себе самого выгодного нанимателя, а наниматель прекрасно умеет отыскивать самого дешевого рабочего. В 3-х, значительное число сельских фабричных центров и их быстрый рост показывают, как неосновательно мнение об оторванности русской фабрики от массы крестьянства, о слабом влиянии ее на последнее. Особенность размещения нашей фабричной промышленности показывает, наоборот, что ее влияние очень широко и что оно далеко не ограничивается стенами заведений [8]). Но, с другой стороны, указанная особенность размещения нашей фабричной промышленности не может не влиять также на временную задержку того преобразующего действия, которое оказывает крупная машинная индустрия на занятое ею население. Превращая *сразу* захолустного мужика в рабочего, фабрика может на некоторое время обеспечить себя наиболее дешевыми, наименее развитыми и наименее требовательными «руками». Очевидно, однако, что подобная задержка может быть лишь недолговременной и что она покупается ценою еще большего расширения того поля, на котором сказывается влияние крупной машинной индустрии.

В. И. Ульянов-Ленин, Развитие капитализма в России („Московский Рабочий", 1923 г. перепечатано со второго дополненного издания), стр. 362—368.

стынной песчаной местности, где ныне ряд заводов, образовалось новое поселение в 6.000 душ. Завод в Мариуполе привлекает новое поселение в 10.000 душ и т. д. На каменноугольных копях образуются населенные центры". („Вестн. Фин." 1897 г., № 50). По сообщению „Рус. Вед." (1897 г. № 322 от 21 ноября), Бахмутское уездн. земск. собрание ходатайствует о преобразовании торговых поселков с 1.000 населением в местечки, а с 5.000 населением—в города... „У нас наблюдается беспримерный рост торговых и заводских поселков... Всего насчитывается уже до 30-ти поселков, возникающих и растущих с чисто американскою быстротою... В Волынцеве, где устраивается и в первых числах ноября будет пущен в ход грандиозный металлургический завод с 2 доменными печами, сталелитейной и рельсопрокатной, насчитывается до 5—6 тысяч населения, застраивающего еще недавно почти безлюдную степь. С приливом рабочего населения наблюдается и наплыв торговцев, ремесленников, вообще мелких промышленников, расчитывающих на легкий и быстрый сбыт рабочему населению всевозможных товаров".

7) „Фабрика ищет дешевого ткача, и такого она находит в родной деревне. Фабрика должна итти вслед за ткачем" (Пром. Влад. губ. III, 63).

8) Напомним приведенный выше (стр. 130, прим.) факт влияния горной промышленности в Бахмутском уезде Екатеринosл. губ. на местные земледельческие порядки.— Характерны также обычные жалобы землевладельцев на „порчу" населения фабриками.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОГО ТОМА.

Промышленное развитие России и рабочий класс.

От зарождения крупной промышленности до 80-х годов 19 века.

I. Зарождение крупной промышленности.

II. Восемнадцатый век.

IV. От падения крепостного права до образования социал-демократических организаций.

Ленинградский Гублит № 21872. Тираж 15.000.

Тип. Ред.-Издат. Отдела Ленинградского Губпрофсовета, Красная, 24. Зак. № 531.

Цена 1 руб. 75 коп.

СКЛАД и ПРОДАЖА ИЗДАНИЙ:
в книжных магазинах
Ленинградского Губ. Совета Профессион. Союзов
1) Просп. Володарского, д. № 51, телеф. 5-98-55.
2) Площадь Труда, д. № 1/39 „ 6-19-18.